

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН
ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник статей

ВЫПУСК ТРИДЦАТЬ ТРЕТИЙ

Москва
2007

Научное издание

Ближний Восток и современность.
Сборник статей (выпуск тридцать третий)
М., 2007, 452 стр.

Ответственный редактор

А.О.Филоник

Сборник посвящен широкому кругу проблем, связанных с ситуацией на Ближнем и Среднем Востоке. Предлагаемые статьи являются исследованием конкретных вопросов странового и общего порядка, имеющих актуальное научное и практическое значение и раскрывающих суть некоторых явлений и процессов локального и регионального масштабов.

Книга предназначена для специалистов-востоковедов, а также для всех тех, кто следит за динамикой событий в ближневосточном регионе.

Мнение авторов статей может не совпадать с точкой зрения Института.

ISBN 978-5-89282-342-5
ISBN 978-5-89394-190-6

ISBN 978-5-89282-342-5
ISBN 978 5-89394-190-6

© Институт Востоковедения РАН
© Институт Ближнего Востока

СОДЕРЖАНИЕ

В.М.Ахмедов АРМИЯ И ТРАДИЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ РЕФОРМ.....	5
В.М.Ахмедов АРМИЯ И ПОЛИТИКА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ.....	29
Н.А.Бакланова ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И САУДОВСКОЙ АРАВИИ).....	52
М.Н.Гусев СТРЕМЛЕНИЕ К ЛИДЕРСТВУ В ИСЛАМСКОМ МИРЕ КАК ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ ИНДОНЕЗИИ.....	90
Е.В.Дунаева, А.К.Дунаева РЕКРЕАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И РАЗВИТИЕ ИНДУСТРИИ ТУРИЗМА.....	106
А.А.Емельянов ЕГИПЕТ И ЕС: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ.....	127
А.Е.Каплан РОЛЬ СМИ В ПРАКТИКЕ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ ВО ВТОРОЙ ЛИВАНСКОЙ ВОЙНЕ.....	138
Э.О.Касаев ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НЕДРОПОЛЬЗОВАНИЯ В ИРАКЕ.....	158
А.К.Константинов ИРАН В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ «ТРЕУГОЛЬНИКЕ» РОССИЯ – ЕВРОПА – США.....	170
Г.Г.Косач САУДОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО И САУДОВСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА: МЕНЯЮЩИЙСЯ ФЕНОМЕН?.....	208
Е.А.Кудров ЭКОНОМИКА СУДАНА: НА ПУТИ К УСТОЙЧИВОМУ РОСТУ? ИТОГИ 2006 г.	245
Е.С.Мелкумян ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КУВЕЙТЕ НА РУБЕЖЕ ХХІ ВЕКА.....	259
В.И.Месамед ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ИРАН.....	278
И.М.Мохова ИММИГРАЦИЯ ИЗ МАГРИБА ВО ФРАНЦИЮ. ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ.....	292

Д.А.Нечитайло	
ИСЛАМ В ИСПАНИИ.....	306
А.Г.Рыков	
РЕГИОНАЛЬНЫЕ АМБИЦИИ НОВОЙ ИРАНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ.....	326
О.А.Скопич	
ВЫНУЖДЕННАЯ МИГРАЦИЯ НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ И ЕЕ КОНФЛИКТОГЕННОСТЬ. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ.....	335
И.И.Стародубцев	
РЕФОРМА ТУРЕЦКОГО ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СЕКТОРА: БАЗОВЫЕ ПРИНЦИПЫ И ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ.....	348
Владимир (Зеэв) Ханин	
ПАРТИЙНО-КЛАНОВЫЕ СТРУКТУРЫ ВЛАСТИ СОВРЕМЕННОГО ИЗРАИЛЯ: ОПЫТ ТИПОЛОГИИ.....	376

ПРИЛОЖЕНИЕ

А.И.Куприн	
ИНФОРМАЦИОННЫЕ И ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ТУНИССКОЕ ОБЩЕСТВО.....	392
Н.З.Мосаки	
ГИДРОПРОЕКТЫ НА ТЕРРИТОРИИ ИРАНСКОГО КУРДИСТАНА.....	414

**АРМИЯ И ТРАДИЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО
НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В УСЛОВИЯХ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ РЕФОРМ**

Процессы глобализации и связанные с ними демократизация и реформы, основной вектор которых по-прежнему определяется Западом, зачастую интерпретируются арабским общественным сознанием как попытка западных держав, прежде всего США, переписать политическую карту Ближнего Востока и утвердить там свое господство. Подобное восприятие действительности объективно подкрепляется нынешней политикой США в регионе, которая ведет к его расколу на давно забытой и чрезвычайно опасной основе.

Традиционное общество на Ближнем Востоке всегда отличалось этническим и религиозным разнообразием. Однако сегодня впервые за всю свою новейшую историю Ближний Восток находится на грани раскола по этническим и конфессиональным признакам. Подобная ситуация представляет реальную угрозу дестабилизации арабо-мусульманских государств, провоцирует возникновение новых трудноразрешимых конфликтов и ведет к размыванию светской идеологии национализма за счет религиозных идей.

В период между двумя мировыми войнами поляризация региона обуславливалась в основном острым соперничеством за господство в нем между европейскими державами. В первые десятилетия после обретения арабскими странами политической независимости Ближний Восток не стал единым. Продолжившиеся разногласия сводились главным образом к соперничеству между пришедшими к власти в ряде государств так называемыми режимами революционной демократии, ориентировавшимися в своей политике на СССР и социалистические страны и консервативными монархиями, поддерживаемыми США и другими странами Запада. Арабо-израильский конфликт стал питательной средой для различного рода расколов в араб-

ском мире. Достаточно привести в качестве примера Кэмпдэвидский мирный договор, в результате которого Египет «выпал» из арабских рядов практически на целое десятилетие. Компенсировать потери попытались иранские аятоллы, пришедшие к власти в Иране в 1979 г. Однако политика экспорта исламской революции в качестве идейной основы объединения арабо-мусульманского мира оказалась абсолютно неприемлемой для большинства арабских лидеров, что достаточно быстро осознали в Тегеране. Тем более, что начавшаяся в 1980 г. ирано-иракская война на долгие восемь лет поляризовала арабо-мусульманские страны Ближнего Востока. Война создала условия для вторжения Ирака в Кувейт и кризиса в Персидском заливе в начале 1990-х гг., который нанес еще один мощный удар по идее арабо-мусульманского единства на Ближнем Востоке. Однако какую бы остроту эти конфликты ни приобретали, они не выходили за рамки политических, экономических и идеологических разногласий.

После вторжения США в Ирак политический ландшафт в регионе изменился коренным образом. Приход к власти в Багдаде представителей шиитской общины и курдского меньшинства на фоне планов американской администрации раздела Ирака по религиозному признаку обозначили новый конфликт на Ближнем Востоке на этноконфессиональной основе, куда оказались напрямую вовлечены не только региональные соседи Ирака (Сирия, Иордания, Турция, Иран, Саудовская Аравия), но и косвенно другие страны Ближнего Востока. Война в Ливане еще больше усилила религиозную напряженность в регионе. Прежние конфликты, в основе которых лежала борьба за власть и территории, показали свой разрушительный потенциал. Но столкновения на этнической или религиозной основе могут оказаться куда губительней по своим последствиям. Во многом искусственно подогреваемые суннито-шиитские разногласия становятся неотъемлемым элементом межгосударственных отношений. Проблема быстрого разрешения подобного рода конфликтов определяется тем обстоятельством, что сегодня в региональной политике ключевых стран Ближнего Востока активную роль играет глубокий исторический контекст, что еще больше осложняет пути выхода из кризиса. Таким образом, конфликтный потенциал региона может стать еще более трудноразрешимым.

Наряду с этим существует и другая, не менее важная проблема. В основе современной политической организации большинства арабских стран лежит принцип национализма. Именно под этим знаменем проходило создание независимых государств на базе возникших после распада Османской империи европейских колоний, многоконфессиональный и полиэтничный характер обществ в которых был во многом обусловлен произвольным установлением национальных границ в колониальный период по договоренности между европейскими державами. В результате для государственной стабильности и территориальной целостности независимых арабских стран создавалась потенциальная угроза. С одной стороны, их существование базировалось на принципе национализма, под знаменем которого они боролись против колониального господства. И в этом смысле их политическая организация естественно представляла собой так называемую «нацию-государство»¹. С другой, национализм в условиях многоконфессионального и полиэтничного общества таил в себе скрытую угрозу государственной децентрализации, поскольку под воздействием ряда факторов внутреннего и внешнего характера мог быть использован крупными этническими и религиозными сообществами в их борьбе за самостоятельность. В этих условиях единственным средством преодоления дезинтеграционных тенденций становилась авторитарность власти, чья непрерываемость и авторитет базировались на силе и принципе лояльности новому руководству. Однако в долговременном плане подобные методы и средства, сохраняясь в неизменном виде, вряд ли могли оказаться эффективными. Легитимность нации-государства, как и всех других политических организаций, заключалась прежде всего в ее способности обеспечивать защиту жизни своих граждан и их цивилизационных ценностей. Однако по мере втягивания арабских стран в процессы глобализации эта способность стала подвергаться постепенной эрозии. В условиях, когда экономика большинства стран региона носит индустриализующийся характер и только стремится достигнуть постиндустриальной стадии развития, современные технологии связи, транспорта и коммуникаций, промышленного производства вооружений разрушают эту защитную функцию нации-государства. К тому же многие из вновь образованных государств на деле оказались слабы в политическом и военном отношении, несамостоятельны экономически. Они не могли

обеспечить эффективное управление, самостоятельно накормить свое население и защищать себя. Поэтому большинство стран региона было вынуждено искать спасения в поддержании определенного баланса сил и защите со стороны более сильных государств. Изменения геополитической обстановки в 1990 – начале 2000-х гг. в результате войны в Персидском заливе, распада СССР, ослабления международной роли России, войны в Ираке, роста претензий Ирана на региональное лидерство, сопровождавшегося усилением его военной мощи, разрушили сложившийся баланс сил на Ближнем Востоке. Нажимная политика США и ряда стран Запада по форсированной демократизации государств региона на фоне борьбы с «исламским» терроризмом привела к созданию «вакуума авторитаризма» на Ближнем Востоке, который стал заполняться движениями политического ислама и этноконфессионального сепаратизма. В этих условиях ничем не ограниченный национализм как основа государственного порядка, его основной легитимизирующий элемент уже не мог служить эффективным инструментом политической организации общества, принципом его действия и сохранения стабильности, а стал порождать тенденцию к анархии. Правительствам этих государств все труднее становится обеспечить внутреннюю стабильность и поддерживать сбалансированные отношения со своими более могущественными соседями. Отсутствие внутреннего порядка и усиление анархических тенденций в политике создают угрозу не только Ближнему Востоку, но и всему миру с учетом геополитической и энергетической значимости Ближневосточного региона.

Сегодня многие арабские государства стоят перед сложным выбором. Действующая в них политическая организация оказывается неспособной защитить те ценности, которые разделяет большинство населения. Возможно, прежние принципы национализма должны быть заменены новыми, демократическими, носящими наднациональный характер. Они должны лечь в основу более сильной политической системы, способной нейтрализовать анархические тенденции, защитить своих граждан, поддерживать внутренний порядок и обеспечивать справедливость между различными этническими и конфессиональными группами населения, нормализовать межгосударственные отношения в регионе. При таком устройстве меньшинства должны быть органически встроены в структуру этно-

конфессионального государства, не обладая при этом какими-то особыми привилегиями и исключительностью своего статуса. В противном случае государства региона могут окончательно расколоться по религиозным и этническим линиям и стать объектом новых империалистических захватов.

Сегодня некогда популярные идеи арабского национализма, панарабизма, персонифицированные на уровне арабских лидеров Г.А. Насера, Х. Асада, с. Хусейна, постепенно утрачивают свою привлекательность в широких слоях населения арабских стран. На протяжении нескольких последних десятилетий они служили идеологической и легитимизирующей основой (будь то в виде насеризма в Египте или баасизма в Сирии и Ираке) для правящих арабских режимов. Однако арабские правительства не смогли решить главные для своих стран и региона проблемы: преодолеть экономическую отсталость, вернуть оккупированные территории на справедливой общеарабской основе, обеспечив создание палестинского государства, защитить арабские народы от угроз внешней агрессии и междоусобных конфликтов. В этой связи на смену светским в своей основе идеям арабского национализма и движениям панарабизма приходят движения политического ислама с новой идеологией, пытающейся совместить национализм с идеями исламской демократии. Публичные выступления лидеров палестинского ХАМАС, ливанской «Хизбаллы», иракского сопротивления, их политические программы и установки значительно в меньшей степени пропагандируют догматы исламской веры. Оставаясь в своей основе исламскими движениями, они выступают с национально-патриотических общеарабских позиций и защищают идеи социальной справедливости и равенства. В последнее время все настойчивее становятся требования представителей так называемого «политического ислама» легализовать и расширить свое участие в политической жизни арабских стран. Лидеры исламских движений гораздо раньше, чем многие арабские руководители, осознали масштаб и глубину грядущих перемен. Ряд идеологов умеренного исламского движения (египетский шейх Юсеф Кардави, глава туниской исламистской партии «Ан-Нахда» Рашид Гануши) стремятся приспособить ислам к демократии, «демократизировать ислам». Это заставляет их модифицировать оригинальные воззрения исламских идеологов, в основе которых лежит идея создания исламского халифата. Они выступают за отказ от наси-

лия как средства политической борьбы, осуждают терроризм, призывают к созданию «исламского демократического государства», поддерживают принцип проведения свободных парламентских выборов, пересматривают идею божественности власти, поддерживая демократические процедуры смены власти, пересматривают роль женщины в обществе, а в ряде случаев выступают в роли активных борцов за права человека.

В то же время немало политиков и ученых как на Ближнем Востоке, так и за его пределами задаются вопросом: можно ли серьезно считать идеологов исламистских политических течений истинными поборниками демократии в арабском мире? И как быть с лозунгом «Ислам – это религия и государство» (إسلام و دين و نبيد مال سال)؟ Смогут ли представители исламских движений в случае их прихода к власти отказаться от этого лозунга и стать светскими правителями? Сможет ли демократическое исламское государство обеспечить политический плюрализм – один из основополагающих принципов демократии? И как увязать шариат с правами человека? Если умеренные исламисты считают, что мусульманину нельзя брать в жены атеистку, а мусульманке запрещается выходить замуж за христианина или бехаита, можно ли говорить в этом случае о свободе выбора? И если в Турции отменено уголовное наказание за прелюбодеяние, означает ли это, что Турция не является исламским государством? Ряд исследователей полагает, что современный исламский фундаментализм сформировался как реакция на секулярные идеологии – такие, как либерализм, марксизм и национализм. Для мусульманских фундаменталистов исламское государство является государством идеологическим, распространяющим свою власть на все стороны человеческой жизни. Оно контролирует социальные, политические, экономические, равно как и культурные отношения. Суверенитет в исламском государстве принадлежит Богу, что практически означает управление на базе шариата. Фундаменталисты говорят, что они выступают за свободные выборы не ради становления демократии или индивидуальных свобод, а во имя утверждения ислама. И когда теоретики фундаментализма затрагивают проблему демократии, речь у них идет не о совместимости или несовместимости ее с исламом, а о том, что демократия есть нечто низшее по сравнению с исламским правлением, которое может основываться только на богоданном законе ислама – шариате. Теоретики исламского фундаментализма отвергают

западную демократию, поскольку она основана на принципе суверенитета народа².

Все эти и многие другие вопросы вызывают острые дискуссии в арабском обществе и показывают, что у «исламской демократии» имеются известные пределы. Поэтому на разных полюсах арабского общества реформаторское движение в исламе и его лозунги вызывают серьезные сомнения в их искренности и подозрения в истинности дальнейших намерений исламистов и их последующих шагах в случае прихода к власти. Так, многие арабские руководители справедливо полагают, что в случае свободных демократических выборов к власти придут представители исламских движений, как это произошло в Палестине в 2005 г. Арабские традиционные правящие элиты опасаются возможного, даже временного, союза умеренных исламских политиков и лево-либеральных сил. Светские демократические силы настороженно относятся к исламским реформаторам, рассматривая их как своих конкурентов в борьбе за власть.

В последней четверти XX – начале XXI вв. армия неоднократно вмешивалась в политическую жизнь ближневосточных государств. И сегодня в общественном сознании большинства стран Ближнего Востока армия воспринимается в качестве главного гаранта суверенитета и безопасности страны. Являясь важным политическим элементом общественной системы, армия непосредственно участвует во всех социальных процессах и, в конечном счете, объективно влияет на выбор пути развития в соответствии с интересами определенного класса или определенных социальных групп. При этом внутривнутриполитическая роль армии в различных ближневосточных государствах неодинакова и определяется в первую очередь характером политического режима в той или иной стране.

Как правило, вооруженные силы арабских стран выполняют двойную функцию. Армия обеспечивает защиту территориальной целостности государства, его суверенитета от внешних угроз. Не менее важна ее роль в качестве гаранта стабильности режима и его охраны от внутренних врагов и оппозиции. В результате власть в арабских странах оказывается в двойственном положении. С одной стороны, арабским лидерам приходится заручаться поддержкой и лояльностью военных, которые как гаранты безопасности режимов приобретают значительное политическое влияние и самостоятельность. С дру-

гой, укрепление политического контроля над армией зачастую осуществляется за счет потери эффективности вооруженных сил в условиях обычных войн. За редким исключением лидерам арабских стран удавалось одновременно обеспечивать стабильность власти и внешнюю безопасность государства.

Отношения между государствами региона детерминируются в первую очередь параметрами национальной мощи государств. В условиях отсутствия эффективной системы коллективной безопасности на Ближнем Востоке данная тенденция будет сохраняться. В то же время вооруженные силы стран Арабского Востока сталкивались с серьезными проблемами в обеспечении национальной безопасности своих государств. Последний пример подобного рода – практически полное неучастие ливанской армии в войне против Израиля в июле-августе 2006 г. Национальный суверенитет и территориальную целостность Ливана защитила не регулярная армия, а исламское сопротивление в лице ливанской «Хизбаллы».

Не случайно в последние месяцы в светской Турции усилились дискуссии о роли армии, взаимоотношении гражданских и военных властей. И дело здесь не только в произошедшей в августе-сентябре 2006 г. смене верхушки военного руководства страны, которое характеризуется большей жесткостью и бескомпромиссностью по сравнению с прежними военными начальниками. Не связано исключительно с процедурой вступления Турции в ЕС и звучащими периодически со стороны некоторых европейских политиков обвинениями турецкой армии в излишнем вмешательстве в политику. В течение нескольких предыдущих десятилетий, особенно в последние годы, левые силы Турции явно проигрывают политический олимп представителям политического ислама и не видят иной возможности сохраниться во власти и укрепить там свои позиции иначе как при опоре на армию.

Что же говорить об арабских странах, где в условиях «вакуума авторитаризма» угроза стабильности военно-гражданских отношений неизмеримо велика прежде всего в результате проникновения исламистов в армию и появления фракционности в вооруженных силах. Возникновение различных группировок, особенно в ключевых подразделениях вооруженных сил, как правило, непосредственно предшествует перевороту. Зародившись в недрах тайных группировок внутри армии, идея переворота получает затем поддержку среди сторонников дан-

ной группы, связанных с ней горизонтальными и вертикальными связями. Именно по такому сценарию происходило большинство военных переворотов в арабских странах. Особую опасность фракционность приобретает тогда, когда в офицерской среде начинают усиливаться настроения воинствующего ислама. В этих условиях создается идеологическая база для действий заговорщиков и возникает мотив вооруженного выступления против власти, несмотря на высокий риск для участников заговора.

На самом деле военные, как правило, не разделяли воззрений радикального ислама. В какой-то степени это объяснялось тем, что еще в 1950–1960-х гг. революционное офицерство в арабских странах было более восприимчиво к светским теориям. По сравнению с другими слоями населения офицеры были лучше образованы, чаще выезжали за границу и поэтому имели больше возможностей познакомиться с идеями социализма и социал-демократии и их носителями. Присущие профессиональным военным прагматизм и патриотизм также способствовали постепенной трансформации идеалов традиционного арабского общества. К тому же проводившиеся в большинстве арабских армий периодические кадровые чистки существенно снижали в офицерском корпусе число приверженцев радикального ислама и заставляли их искать работу в другом месте. Все армии региона, за исключением Ирана, пытались не допустить исламистов в офицерский корпус. Ошибки в данном случае могли стоить дорого, как, например, в случае с египетским президентом А. Садатом, который был убит в 1981 г. малочисленной группой исламистов в армии в ходе военного парада. В Алжире, где долгое время сдерживающим фактором была правящая партия Фронт Национального Освобождения, появление в армейском руководстве нового поколения офицеров, получивших, в отличие от выходцев из старых армейских структур, хорошее современное образование, сделало возможным принятие в середине 1990-х годов решения о постепенной профессионализации армии. Во многом такой шаг был продиктован опасностью исламизации алжирской армии, с учетом активной пропагандистской деятельности исламистов в вооруженных силах и ненадежности состава призывников. В Турции военные защищали светскую идеологию кемализма. В Сирии армия достаточно жестко подавила восстание вооруженной исламской оппозиции в начале 1980-х гг. В то же время

не всегда армия выступала на стороне светского начала в политике. Так, в Пакистане вооруженные силы превратились в один из основных проводников «исламизации» общества во времена правления Зия уль-Хака и во многом формировались, исходя из религиозной убежденности новобранцев. Характерно, что единственной партией, которой власти разрешили создать свои ячейки в армии, была «Джамаат-и ислами». Однако такие страны, как Пакистан и Иран, представляют собой скорее исключение. В целом вооруженные силы стремились отстаивать собственную позицию и интересы и жестко реагировали на действия исламистов. В то же время по соображениям политического порядка армия нередко допускала ограниченную активность умеренных исламистов, использовала их в своих интересах, сохраняя при этом полный контроль над их деятельностью. Светский характер турецких вооруженных сил рассматривался как одно из важных завоеваний республиканского строя. В Турции армия выполняла своеобразную интеграционную роль, объединяя людей из различных районов, разного происхождения и социального уровня и превращая их в единую нацию. Турецкие военные оказались настолько решительны и непримиримы в «исламистском вопросе», что смогли заставить премьер-министра Н. Эрбакана, лидера исламистской партии, изгнать своих сторонников из армии. Турецкие военные внимательно следили за попытками Партии национального порядка (нынешней «Рефах» – А.В.) Н. Эрбакана установить в стране шариатское правление. «Рефах» трижды запрещалась военными или под их давлением (в 1971 г., 1980 г., 1998 г.), но снова возрождалась под другими именами. Одновременно армия боролась против исламистов в собственных рядах. Так, только в 1994–1996 гг. из нее были уволены как сторонники «шариатского правления» 556 офицеров³. Однако после победы на парламентских выборах в 2002 г. Партии справедливости и развития (ПСР), чья идеология во многом базируется на принципах ислама, и прихода к власти премьер-министра Р.Т. Эрдогана ситуация стала постепенно меняться. Используя действующую в стране «особую» форму демократии Р.Т. Эрдоган без каких-либо нарушений конституции и закона сумел существенно ослабить влияние военных на политику страны, что вызывает серьезную обеспокоенность турецкого генералитета.

Несколько иначе складывались отношения армии и исламистов в Йемене. Ставший президентом ЙАР в 1979 г. подпол-

ковник Али Абдалла Салех, в очередной раз переизбранный на данный пост еще на пять лет в сентябре 2006 г., значительно укрепил национальные вооруженные силы, которые постепенно превратились в основную опору власти. В своей борьбе против левых элементов он опирался также на исламистов, в основном из числа «братьев-мусульман». После победы над левыми не без поддержки исламистской организации фундаменталистского толка «Исламский фронт», многие представители которой вошли во вновь сформированные органы законодательной и исполнительной власти, военные оказались в ситуации, когда они и в дальнейшем были вынуждены предоставлять исламистам широкое поле для их политической деятельности. Кризис идей научного социализма в НДРЙ в условиях прекращения военно-политической поддержки Москвы привел в конечном итоге к объединению Южного и Северного Йемена, причем полностью на условиях последнего. К этому времени позиции исламистов в ЙАР, территория которого в 1980-е гг. использовалась для подготовки моджахедов, сражавшихся против советских войск в Афганистане, еще больше упрочились. Достаточно сказать, что формирования исламистов наряду с отрядами племен сыграли куда более значимую, чем регулярные войска, роль в победе «северян» в ходе гражданской войны 1994 г. Предпринятые президентом А. А. Салехом во второй половине 1990-х гг. меры по модернизации вооруженных сил объединенного Йемена, предполагавшие более тесное военное сотрудничество с США, вызвали недовольство как левых на юге, так и исламистов на севере Йемена. Йеменские исламисты, связанные с организацией «братьев-мусульман», создали «Йеменское единение в защиту реформ» (ЙЕР) во главе с Абдалллахом ибн Хусейном аль-Ахмаром – шейхом одной из наиболее крупных и политически влиятельных конфедераций йеменских племен.

Поддерживая в целом курс президента, ЙЕР в то же время нередко критикует действия правительства и медленные темпы реформ. Однако наибольшее опасение властей вызывают действия на собственной территории различного рода исламистов из других, прежде всего соседних арабо-мусульманских государств, которые, как они считают, могут в дальнейшем привести к превращению Йемена в одну из баз международного терроризма, что чревато международной изоляцией страны. Предпринимая определенные шаги в отношении многих исла-

мистов, президент А. Салех тем не менее не торопится ставить точку в этом вопросе, избегая конфликта с влиятельными покровителями исламистских групп из числа вождей племен. Исключением стали решительные и жесткие действия властей после атаки террористов на американский эсминец в Адене в октябре 2000 г. После этого инцидента министерство вакфов стало назначать проповедников в мечетях, стремясь ограничить агитацию радикальных исламистов⁴.

Данные меры, конечно, не способны обеспечить комплексное решение проблемы исламизма в Йемене. В условиях сохраняющихся в йеменском обществе достаточно сильных элементов племенной раздробленности и клановой анархии, препятствующих централизации государства, объединительные идеи ислама и их проводники – исламисты объективно играют роль помощников власти в их борьбе с различного рода сепаратистами и оппозицией. В этой связи наиболее активные политические силы общества – племена и армия – заинтересованы в привлечении умеренных исламистов на свою сторону как фактора, стабилизирующего политическую ситуацию и способного на определенном этапе сыграть позитивную роль в мобилизации масс на преодоление отсталости.

Проникновение в армию являлось главной задачей для исламистских группировок в Египте с 1990-х гг. Частично этому способствовал тот факт, что правительство в этот период стало проводить политику «исламизации сверху», пытаясь вывести за рамки политического процесса радикальных исламистов и одновременно взять под контроль деятельность умеренных представителей исламского движения. Существенно расширилась сфера влияния государства на деятельность министерства вакфов, мечетей, медресе. В рамках этой политики власти выстраивали свои отношения с самым влиятельным исламским движением Египта – «Братьями-мусульманами». Несмотря на то, что в Египте деятельность «братьев» была запрещена, власти фактически закрывали глаза на благотворительную, просветительскую и социальную работу членов организации. Они печатали книги и брошюры, налаживали широкую сеть социальной помощи по всей стране⁵.

В глазах правительства тактика сближения с «братьями» была оправдана стремлением властей удержать настроения египетской «улицы» в определенных рамках. Это было особенно важно в условиях растущего социального напряжения в свя-

зи с войной в Ираке и нерешенностью палестинской проблемы. В то же время все попытки лидеров организации добиться легализации наталкивались на неизменный отказ властей. В декабре 2003 г. в ходе довыборов депутатов парламента представители «Братьев-мусульман» не были допущены к выдвижению своих кандидатур в ряде округов. В январе 2004 г. к руководству организацией пришел М. Акеф. Он считался одним из наименее консервативных лидеров организации. Многие его высказывания и действия наглядно свидетельствовали о его «реформаторской ориентации»⁶. Сразу же после своего избрания М. Акеф взял курс на сближение с правительством. Новый лидер организации хорошо осознавал, что добиться поставленных задач в условиях конфронтации с властью не удастся и это неизбежно приведет к репрессиям. В организации усилились позиции молодого поколения «братьев», стоявших на позициях «либерально-реформаторского» толка.

За последние тридцать лет социальный облик египетских исламистов сильно изменился. В рядах исламистов значительно увеличилось количество молодых людей в возрасте до 29 лет. Из них почти половина имеет высшее образование. Они выступают против применения насилия, за проведение радикальных реформ внутри организации, отказ от ставки на «старшее поколение» и привлечение в организацию молодежи, усиление активности «братьев» в профсоюзном и молодежном движении, в первую очередь в университетах и мечетях, и расширение социальной сферы деятельности организации. Деятельность организации приобрела более активный и наступательный характер. «Братья-мусульмане» стремились обеспечить себе легальные условия для ведения политической борьбы. Укрепляли свои позиции в профсоюзах, государственных учреждениях, университетах, местных органах власти в качестве политического плацдарма для проникновения в парламент и правительство, силовые структуры. К концу 90-х гг. исламисты составляли большинство в руководстве ведущих профсоюзов и общественных ассоциаций Египта: адвокатов, врачей, инженеров, преподавателей университетов и т.д. Прошедшие в 2003 г. выборы в правления профсоюзов адвокатов и журналистов показали, что исламисты пользуются большим авторитетом среди рядовых членов профсоюзов. Очевидно, не без согласования с правительством в августе 2004 года организация выступила с инициативой проведения реформ в Египте. По крайней

мере, их инициатива активно рекламировалась в официальных СМИ и была поддержана различными партиями Египта. На этой основе лидеры организации выразили готовность сотрудничать с властями. В свою очередь, власти посредством организации так называемого «национального диалога» стремились расширить социальную базу режима и одновременно добиться большей подконтрольности исламской оппозиции. Х. Мубарак и его ближайшее окружение, возможно, рассчитывали, что «братья», получив места в парламенте, окажут поддержку президентскому курсу, в том числе и в вопросах преемственности власти. Тем более, что один из вероятных претендентов на пост президента АРЕ сын Х. Мубарака Гамаль уже дал недвусмысленно понять, что придерживается в этом вопросе сходных позиций. В то же время египетское руководство по-прежнему рассматривало «братьев-мусульман» как своего основного политического соперника и сдержанно относилось к перспективе трансформации организации в политическую партию. Одновременно власть опасалась, что в борьбе за власть «братья» не остановятся перед использованием насильственных методов. Поэтому в отношениях с «братьями» власть стремилась проводить политику «кнута» и «пряника»: то, делая шаги навстречу исламистам, то периодически проводя аресты. Так, в октябре-декабре 2003 года полиция и силы безопасности ликвидировали несколько группировок исламистов и арестовали активистов организации в Александрии, ряде других городов Египта.

В целом египетская армия сыграла весьма незначительную роль в борьбе с исламскими экстремистами. В 1980–90-х гг. по Египту прокатилась волна террористических акций на религиозной почве. Только с 1991 по 1996 гг. в результате этих актов насилия погибло около 1 тысячи человек. Наиболее крупным и публично известным терактом явилась попытка захвата экстремистами иностранных туристов в г. Луксоре в ноябре 1997 г. В ходе этих событий погибло 58 человек⁷. Характерно, что во время луксорских событий роль военных свелась к эвакуации 14 раненых в Каир на армейском транспорте⁸. Таким образом, борьба с террором не ставилась в качестве непосредственной задачи перед армией. Вооруженные силы Египта выполняли главным образом функцию обороны и сдерживающей силы. Осторожность, которую проявляли власти в этом вопросе, была достаточно очевидна. Вовлечение армии в борьбу с ислами-

стами могло повлечь проникновение исламских радикалов в армейские ряды. Среди организаторов убийства А. Садата были действующий полковник египетской армии, а также генерал запаса. Предпринятые Х. Мубараком попытки создать специальные силы для борьбы с исламскими экстремистами не имели большого успеха. В результате мятежа в ротах охраны порядка в феврале 1986 г. из этих подразделений было уволено 20 тысяч человек, заподозренных в связях с исламскими радикалами. Убийство во время этих событий высокопоставленного офицера этих сил, работавшего под прикрытием, стало возможно в результате заговора внутри самих этих служб⁹. Поэтому в основе создания в Египте военных поселений лежало стремление властей изолировать военных от гражданского общества и таким образом пресечь возможность инфильтрации в армейскую среду исламистов. Одновременно в армейской печати предпринимались шаги по делегитимизации исламистской идеологии и ее сторонников. Между действиями исламистов в Алжире и Египте проводилась прямая параллель¹⁰. Хотя армия непосредственно не участвовала в конфликте властей с исламистами, ряд высокопоставленных военных руководителей считал, что в случае активизации экстремистов вооруженные силы могли бы быть задействованы в контртеррористических операциях¹¹. Одновременно режим с помощью военных судов над исламистами давал понять, что готов использовать вооруженные силы в случае необходимости в борьбе с исламскими радикалами¹².

Развитие политических процессов в Египте и регионе в целом повлияет на изменение взаимоотношений в треугольнике: власть, исламисты, армия. Значительный успех представителей «братьев-мусульман» на парламентских выборах в ноябре-декабре 2005 г. открыл перед исламистами новые возможности для участия в управлении государством. В случае легализации «братьев» они смогут реально влиять на изменение законодательства и выдвигать своего кандидата на будущих президентских выборах. Это существенным образом может изменить военно-политический баланс, особенно в условиях обострения вопроса о смене и преемственности власти.

В Сирии активно действовавшее в 1950–1960–е годы движение «братьев-мусульман» и связанные с ним экстремистские исламские группировки были полностью разгромлены в период с 1976 по 1982 гг. В то же время наряду с участвовавшими в се-

редине 1990-х гг. случаями завуалированной критики властей в ходе проповедей в многочисленных сирийских мечетях (около 2500 мечетей) отмечалось создание новых экстремистских исламских организаций, ставящих задачу свержения вооруженным путем нынешнего режима. Центрами активной религиозной обработки в Сирии все больше становились исламские учебные заведения. Крупнейшим государственным центром обучения являлся шариатский факультет Дамасского университета. Во второй половине 1990-х гг. на его курсах училось около 4000 студентов¹³. Основными причинами активизации деятельности исламистов послужили ухудшающееся экономическое положение в стране, снижение жизненного уровня населения и, как следствие, рост социальной напряженности. Сыграли свою роль и начавшиеся в 1990-х годах переговоры о мире с Израилем, что привело к формированию определенного "комплекса поражения" среди широких сирийских масс. Существенное влияние оказал и внешний фактор – события в Алжире, Египте, воздействие иранских и саудовских событий. В сирийском руководстве осознавали, что рост религиозных настроений в стране невозможно было повернуть вспять, и главной задачей в этой связи становилось придание процессу исламизации контролируемого характера, не несущего в себе угрозы режиму. Одновременно сирийским спецслужбам была поставлена задача усилить работу в национальных и зарубежных исламских центрах с целью нейтрализации их усилий, контроля над их деятельностью и предотвращения провокаций. Режим в большей степени был обеспокоен не столько внутренней радикальной исламской оппозицией, которая, несмотря на ряд досадных накладок, в целом уверенно контролировалась органами безопасности, сколько ее связями с зарубежными исламскими экстремистскими организациями и активно развивающимся процессом массовой исламизации сирийского общества. Освобождение из тюрем около 2400 политзаключенных в середине 1990-х гг., большинство из которых принадлежало к группировке "братья-мусульмане" и обвинялось в причастности к незаконной деятельности, стало значимым явлением в отношениях между властями и оппозицией. Одновременно сирийское руководство стремилось окончательно закрыть досье «братьев-мусульман» за рубежом, урегулировав отношения с ними в рамках единого процесса по приобретению все большего числа союзников для решения внешнеполитиче-

ских задач, укрепления стабильности и достижения общественного согласия в стране. Активную посредническую роль между Дамаском и «братьями» за рубежом выполняли возвратившиеся в САР верховный контролер сирийских «братьев» Абу Гуда и один из лидеров организации Амин Якин, которые не раз обращались к обеим сторонам с призывом нормализовать свои взаимоотношения.

Удалось также наладить контакты с представителями "братьев" в Саудовской Аравии и их лидером Хасаном Хувейди, известным своей умеренной позицией в религиозных вопросах. Однако после ухода в 1996 г. со своего поста Х. Хувейди сирийский режим потерял важный канал воздействия на саудовских "братьев", к руководству которыми пришли экстремистски настроенные элементы в лице Али Садруддина Аль-Байнуни, которые согласны были вернуться в Сирию при условии, что им будет разрешено заниматься политической деятельностью¹⁴. В сирийском руководстве полагали, что страна не находится в таком положении, когда можно было бы рисковать, разрешив деятельность исламских радикалов. Дамаск считал, что в случае каких-то осложнений или катаклизмов в стране «братья» могли бы вновь оказаться по другую сторону баррикад. В то же время режиму при посредничестве министра культуры САР Наджах Аттар удалось договориться с ее братом М. Аттаром, возглавлявшим зарубежный филиал "братьев" в ФРГ, об отказе от враждебных режиму политических акций внутри САР и за ее пределами. Определенные подвижки намечались и в переговорах с лидером созданного в феврале 1990 г. в Париже проиракского Национального фронта спасения Сирии Аднаном Саадэددином. Серьезное внимание сирийское руководство уделяло работе по каналам внешних связей (МИД, ПАСВ, спецслужбы) с исламскими радикальными организациями в арабских странах, прежде всего в Алжире и Судане, а также в Иране и Турции. Но в то же время неудачей окончились предпринимаемые режимом попытки по созданию так называемой исламской партии, преимущественно из числа суннитов, во главе с известными представителями религиозного истеблишмента САР М. Шейхо и Р.Бути с тем, чтобы в дальнейшем интегрировать ее в существующую политическую структуру (ПНФ) и таким образом направить исламские настроения в официальные юридические каналы. Выражая полную лояльность режиму и лично президенту, верховный

муфтий САР А. Кефтару, а также М. Шейхо и Р.Бути высказались против подобной идеи, мотивируя свою позицию тем, что, во-первых, большинство членов ПНФ – мусульмане, а следовательно, выражают интересы большинства населения страны, а во-вторых, создание подобной партии при наличии в стране представителей других религий неминуемо привело бы к их стремлению создать собственные партии и, как следствие, возможному обострению конфессиональной обстановки.

Сирийскому руководству, несмотря на многочисленность конфессий и течений в них, в целом удавалось обеспечивать, в том числе и силовыми методами, межконфессиональное и межобщинное согласие. Поэтому положение на религиозном фронте и в стране в целом можно было оценивать как стабильное и контролируемое. В отношениях между правящим режимом и сирийскими "братьями" едва ли сразу могли произойти принципиальные сдвиги, в том числе в вопросе о массовом и организованном возвращении исламистов и легализации их политической деятельности. Приход к власти в САР нового президента Башара Асада внес определенные коррективы в отношении нового политического руководства САР с политическим исламом. Б. Асад отменил изданный в 1983 г. указ, запрещающий ученицам и студенткам одевать хиджаб. В 2003 г. был издан указ, согласно которому военнослужащим срочной службы разрешалось молиться в военных лагерях. Данный шаг противоречил всей прежней практике властей, которые стремились искоренить в армейской среде любые проявления религии¹⁵. Хафез Асад никогда не ассоциировался в армии с религией. Отношение к исламу в армии ограничивалось присутствием в Омеядской мечети ряда крупных сирийских военачальников вместе с президентом по праздникам¹⁶.

Сразу же вслед за кончиной Х. Асада ряд лидеров зарубежной исламской оппозиции в лице «братьев-мусульман» обратились к Б. Асаду с предложением начать диалог о примирении с властью и возвращении в Сирию¹⁷. В ноябре 2000 г. Б. Асад распорядился выпустить из сирийских тюрем около 400 членов организации. Несмотря на то, что после прихода к власти в стране Б. Асада большинство сирийских «братьев» отреклось от насилия как средства политической борьбы, власти опасались, что в случае легализации их политической деятельности в Сирии они смогут очень быстро объединиться с леволиберальным движением¹⁸.

Перспектива объединения или тесного сближения исламистских оппозиционных организаций с либерально-демократии-ческими силами представлялась весьма тревожной для власти. Поэтому, несмотря на то, что в последние год-полтора много членов «братства» было выпущено на свободу, вряд ли можно уверенно утверждать, что власти готовы легализовать их политическую деятельность. Появление исламистской партии вне рамок и контроля власти, особенно если она опирается на широкую социальную базу, было неприемлемо с точки зрения политического руководства САР. С другой стороны, процесс роста политического ислама в САР ставил перед сирийским руководством вопрос о неизбежности допуска представителей исламского движения к участию в государственных делах. Рост религиозных настроений в Сирии был виден на каждом шагу. За последние несколько лет значительно увеличилось число строящихся на частные пожертвования мечетей в крупных сирийских городах. Росло количество женщин, одевающих хиджаб. Последнее было характерно не только для бедных кварталов, но и аристократических районов Дамаска. В моду входили домашние собрания женщин, на которых говорили не только о кулинарных рецептах и последних новинках моды, но и обсуждали вопросы религии, изучали религиозные дисциплины. Одновременно многие мусульманские проповедники в ходе пятничных проповедей в сирийских мечетях обращались к властям с призывом ускорить темпы политических и демократических преобразований в стране. Таким образом, они рассчитывали оказать давление на власть и добиться большего участия в руководстве страной. Верховный муфтий САР Салах Кефтару – сын покойного сирийского муфтия Ахмеда Кефтару – каждую пятницу выступал с проповедью перед 10-тысячной толпой в дамасской мечети «Абу-Нур». Он также руководил крупнейшей в Сирии религиозной образовательной организацией, число учащихся в которой выросло с 2002 по 2005 гг. с 5 до 7 тысяч человек. По мнению С. Кефтару, «возрождение» ислама в САР имеет мало общего с событиями 11 сентября в Нью-Йорке, а является результатом полного провала политики светских властей арабских стран, что вынуждает молодежь искать альтернативу официальным властям¹⁹. Подобное заявление, сделанное еще несколько лет тому назад, неминуемо привело бы к аресту муфтия. На протяжении последних 40 лет правящая партия – ПАСВ, основанная

на светских идеях арабского национализма, вела непримиримую борьбу против любых проявлений радикального ислама.

В последнее время ряд высокопоставленных партийных функционеров стали считать, что «баасистам» необходимо сблизиться с исламским движением для того, чтобы таким образом повысить свою популярность среди широких слоев сирийского населения, прежде всего молодежи. Росту популярности политического ислама в арабских странах способствовало то, что религиозные настроения быстрее всего распространялись в среде молодежи, которая составляла от 50% до 60% населения арабских стран. Сирийский парламентарий Мухаммад Хабаш считал, что власти должны вести диалог с «умеренными» исламистами. По его оценке, около 80% «современной исламской улицы» на Арабском Востоке – это традиционалисты-консерваторы, которые не признают другой веры, кроме ислама. 20% – «реформаторы», считающие, что к вере в Бога «ведет не одна дорога». И те, и другие уважают право на жизнь приверженцев иной веры и расходятся только по философско-богословским вопросам. И только 1% – это «радикалы» и экстремисты²⁰. Расхождение во взглядах на эту проблему в рядах команды реформаторов Б. Асада вызвало некоторое брожение как среди членов ПАСВ, так и в лагере леволиберальной оппозиции. Большинство членов партии выступало за сохранение светского характера ПАСВ, против вмешательства в ее работу религии. Однако такая точка зрения не являлась общей для всего партийного и административного руководства САР. В конце 2004 г. из сирийских тюрем было освобождено около 100 заключенных, большинство из которых так или иначе были связаны с исламистами. Одновременно руководителям религиозных общин было предоставлено больше свободы для обсуждения актуальных политических вопросов политики в мечетях. Однако исламистское сообщество Сирии не было единым. Там были приверженцы жесткой линии, сторонники вооруженной борьбы с властью. Так, один из руководителей сирийских «братьев» Зухейр Салем, возглавлявший научно-исследовательский отдел организации, опубликовал на своем Интернет-сайте призыв к сирийской оппозиции объединить силы с антисирийским движением Ливана и выступить против существующей власти в САР. Некоторые в сирийских политических кругах, в том числе и в руководстве САР, были склонны рассматривать выступление небольшой вооруженной группы

в апреле 2004 г. в дамасском районе Меззе как «один из результатов фундаментализма». Другие представители политического ислама призывали к созданию «демократического исламского государства», «демократизации ислама», проведению демократических выборов, поддержке «ислама, отвечающего интересам торговли» с учетом прав и потребностей религиозных меньшинств. Они были готовы сотрудничать с властью и поддерживали демократические преобразования сирийского руководства. Об этом, в частности, говорилось в «Политическом проекте будущей Сирии» – своеобразной программе реформ, предложенной сирийскими «братьями» общественности САР. Этот 214-страничный документ, изложенный в кратком варианте на пресс-конференции сирийских «братьев» в Лондоне 16 декабря 2004 г., содержал предложения по строительству в Сирии «исламского демократического государства»²¹. С конца 1960-х гг. вплоть до событий в Хаме 1982 г. сирийские «братья» неоднократно направляли подобные сигналы властям Сирии. В последние несколько лет попытки «братьев» наладить контакт с официальным Дамаском активизировались. Еще в 2002 г. лидер сирийских «братьев» Садр Эд-Дин Аль-Байянуни вместе с союзническими организациями зарубежной сирийской оппозиции подписал так называемую «Почетную хартию», где обратился к сирийским властям с предложением о сотрудничестве, поддержал идеи демократии и политического плюрализма, свободное голосование и т.п. В начале декабря 2004 г. С. Байянуни заявил о том, что «братья» скорректировали свою прежнюю позицию в отношении полного неприятия возможности «политического решения» проблемы Голанских высот и выразил готовность сотрудничать с любыми политическими силами в САР и за рубежом в «деле перестройки САР на демократических началах»²².

По оценке ведущих сирийских экспертов, международная организация «Братья-мусульмане» и ее сирийский филиал с середины 1980-х гг. приняли решение начать работу с правящими на Арабском Востоке режимами, несмотря на существующие разногласия по вопросам о роли и функции государственной власти. Такая работа проводилась «братьями» не только в Сирии, но и в других арабских странах: Йемене, Иордании, Кувейте, Ираке. В рамках сирийской организации «братьев» действовала группа прагматиков, ограничивающих свою деятельность исключительно практической работой, не вдаваясь глубоко

в вопросы реформирования прежнего мировоззрения «братьев». Сирийские власти не верили этим посланиям «братьев», и не хотели иметь дело с «братьями» как с организацией. В то же время сирийское руководство было согласно вести диалог с отдельными представителями организации по вопросу об их возвращении в Сирию с гарантией их безопасности. Таким образом, власть в Сирии не видела необходимости сотрудничать с радикальными исламскими группировками типа «братьев».

Сирийская интеллигенция, с одной стороны, в целом позитивно относилась к растущему влиянию политического ислама на правительство в плане более энергичного проведения экономической реформы и проявления большей открытости в управлении государством. С другой, леволиберальные круги САР выражали обеспокоенность укреплением политических позиций исламистов. Вместе с представителями сирийского среднего класса они старались объединиться против этого явления. Многие из них открыто обвиняли власти в недооценке опасности роста массового исламского движения, которое, как они считали, является основным конкурентом либеральных светских сил Сирии в условиях свободных выборов. Сторонники такого мнения полагали, что если сегодня в основе сближения правящей ПАСВ и исламистов лежит общая нелюбовь к США и их военному присутствию в Ираке, то очень сложно предсказать, как будут развиваться взаимоотношения между ними, когда американские войска покинут Ирак.

Взаимоотношения с армией как важнейшим институтом государства оказывали на судьбы исламизма в странах Арабского Востока большое влияние. Наряду с партийной и государственной бюрократией военные активно противостояли исламистам в большинстве арабских стран. Провозгласив себя защитником революционных ценностей, арабские армии одновременно продемонстрировали свою приверженность принципам национализма и секуляризма. Как правило, власти старались не задействовать регулярные армейские части в борьбе с исламскими экстремистами, опасаясь инфильтрации их сторонников в вооруженные силы. Основную работу по профилактике религиозного экстремизма и борьбу с вооруженными акциями исламистов вели органы госбезопасности и специальные воинские части. Однако в условиях роста популярности в арабских странах идей политического ислама, постепенной легализации исламистских движений и организаций, превра-

щения их «умеренной» части в составной элемент властной структуры проникновение представителей политического ислама в вооруженные силы будет усиливаться.

Сегодня Арабский мир стоит перед выбором пути своей дальнейшей эволюции. Неизбежный вывод войск англо-американской коалиции из Ирака в условиях прихода во властные ближневосточные институты представителей радикального ислама (Турция, Египет, Иордания, ПНА, Ирак, в перспективе Сирия), несомненно, послужит формированию новой конфигурации военно-политических сил на Ближнем Востоке. Два-три последних десятилетия относительной стабильности государственной власти в арабских странах и запрограммированное в ходе американского вторжения в Ирак и жесткого политического давления США на Сирию ослабление светской идеологии арабского национализма в ее институциональных формах привели к тому, что сегодня на политической арене большинства арабских государств в качестве основных игроков выступают действующая система власти и оппозирующее ей движение радикального ислама. При этом сама власть зачастую черпает свою легитимность во многом из идеологии ислама. Леволиберальные движения, общественные организации и политические партии светского толка во многом носят «фасадный» характер и не набрали пока реального политического веса в обществе. Единственной реально влияющей на ход политических процессов в стране светской силе – армии – в качестве специфического института государства и общества приходится осуществлять во многом непривычную и «неуютную» для нее функцию своеобразного арбитра в отношениях власти с исламистами. В этой ситуации важным условием поддержания стабильности в регионе и сохранения достигнутого уровня военно-гражданских отношений является модернизация национальных вооруженных сил, подключение военных к программам реформ и демократизации в интересах постепенной трансформации существующих арабских режимов, их неконфронтационной адаптации к новым условиям глобализации и модернизации.

Новейшая история арабских стран изобиловала примерами борьбы и взаимовлияния религиозных (панисламизм, мусульманский модернизм) и светских (панарабизм, партикулярный национализм) идеологических течений. Эта тенденция во многом определяла эволюцию арабской общественной мысли и помогала мусульманам приспособляться к заимствован-

ным на Западе идеям и концепциям. Поэтому основной проблемой в деле продвижения реформ, с решением которой уже столкнулись многие арабские страны и их международные спонсоры, является, по-видимому, то, насколько успешными окажутся попытки совместить на национально-патриотической основе светский аутентичный проект реформ с элементами западной системы ценностей и мусульманский модернизм с представлениями и идеями традиционного общества.

¹ Подробнее о проблемах эволюции «нации-государства» см.: Morgenthau Hans J. The Restoration of American Politics. Vol. I. The University of Chicago Press. Chicago, Illinois, USA, 1962; Oskar I. Janowsky. Nationalities and National Minorities. New York: Macmillan Co., 1945.

² Journal of Asian and African studies. Leiden, 1992. Vol. 27, № 4, с. 231.

³ Ланда Р.Г. Политический ислам: предварительные итоги. М., 2005, с. 234.

⁴ Там же, с. 242–243.

⁵ Видясова М.Ф., Умеров М.Ш. Египет в последней трети XX века. М., 2002, с. 172.

⁶ Кудрявцев А.В. О новом руководителе египетских «Братьев-мусульман» // Ближний Восток и современность. М., 2004, с. 196.

⁷ Middle East Contemporary Survey, 1997, v. 22, с. 306.

⁸ Ан-Наср, № 702, декабрь 1997, с. 61.

⁹ Middle East Policy. V. 5, N. 3, September 1997, с. 131.

¹⁰ Ан-Наср, № 673, июль 1995, с. 62; № 702, февраль 1998, с. 22.

¹¹ Phillipe Droze-Vincent. Le militaire et le politique en Egypt. Monde Arabe Maghreb-Machreq, № 162, july-september, 1999, с. 24.

¹² Middle East Policy, v. 5, № 3, sept. 1997, с. 131.

¹³ Ахмедов В.М. Сирия на рубеже столетий // Власть и политика. М., 2003, с. 35.

¹⁴ Аль-Васат, 16.03.1997.

¹⁵ Эйал Зиссер. Бисмил-аб. Башар Аль-Асад Ас-санават Аль-уля Фи-ль-хукм. Аль-Кахира, 2005, с. 107.

¹⁶ Джейш Аш-ша'б. № 1854, 01.07.1999.

¹⁷ Arab News Network, 28.06.2000.

¹⁸ Аль-Хаят, 04.03.2001.

¹⁹ Washington Post, 24.01.2005.

²⁰ Аш-Шарк Аль-Аусат, 25.02.2005.

²¹ Там же.

²² Аш-Шарк Аль-Аусат, 21.12.2004.

АРМИЯ И ПОЛИТИКА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Сегодня страны Ближнего Востока стоят перед выбором своего дальнейшего пути развития. Проблемы принятия верного решения и выработки оптимального политического курса осложняются масштабностью, комплексностью и неотложностью задач, которые приходится решать руководителям этих государств в условиях весьма непростой региональной ситуации, отличающейся наличием нескольких зон нестабильности на востоке (Ирак, Афганистан) и на западе (Палестина, Израиль, Ливан) региона.

Действительно, за всю свою новейшую историю Ближний Восток не переживал столь опасного периода. В большинстве стран региона зреют внутренние конфликты, которые не только чреватны подрывом существующей системы власти, но и угрожают в перспективе суверенитету и территориальной целостности самих этих государств. Подобное развитие событий во многом определяется общей отсталостью региона, последствиями войн в Ираке и Ливане, неурегулированностью арабо-израильского конфликта.

Разгорающаяся гражданская война в Ираке на фоне подогреваемого суннитско-шиитского противостояния в регионе способна ускорить процесс дезинтеграции страны и привести к росту центробежных тенденций в других ближневосточных государствах. Превосходство исламского сопротивления над Израилем в ходе недавней войны в Ливане пока не удалось конвертировать в изменение формулы власти в стране. Поляризация политических сил только усиливается и может поставить Ливан на грань гражданской войны. Окрепшее стремление Ирана к региональному доминированию посредством упорного продвижения своей ядерной программы меняет баланс сил на Ближнем Востоке и остро ставит вопрос о пересмотре всей структуры межарабских и региональных отношений, переживающих сегодня системный кризис. Усиливающийся в регионе

раскол по конфессиональным и этническим линиям существенно ослабляет светский характер идеологии арабского национализма за счет его замещения идеями политического ислама и этноконфессионального сепаратизма, которые приобретают все более радикальный характер под воздействием происходящих в регионе процессов, что ведет к возникновению трудноразрешимых конфликтов нового поколения.

В такой обстановке нынешнее внешнее спокойствие на улицах Каира, Дамаска, Бейрута, Аммана, Эр-Рияда может оказаться обманчивым и внезапно взорваться волной массовых беспорядков и насилия. Растущая бедность, неграмотность, социальная незащищенность подавляющей части населения многих ближневосточных государств на фоне усиливающейся социальной поляризации, углубляющихся противоречий между интересами правящего класса и народных масс требуют реализации неотложных мер по социально-экономической модернизации, политической либерализации и пересмотру этики взаимоотношений элиты и других групп населения. В противном случае регион спустя полвека может вновь стать свидетелем серии социальных революций и государственных переворотов.

Набирающий темпы процесс смены правящих элит вполне закономерно ставит вопрос о способности нового поколения арабских правителей и готовности традиционных лидеров осуществлять системные социально-экономические и политические преобразования в условиях обострения борьбы за власть и внешней нестабильности в регионе. Сегодня в руководящих кругах арабских стран происходит переоценка прежнего курса приоритетности демократических преобразований перед решением задач экономической модернизации, социального развития и ближневосточного урегулирования, принятого еще несколько лет назад под воздействием внутренних проблем и в результате массивной кампании давления со стороны американской администрации, поддержанной рядом западных государств. Лидеры многих ближневосточных государств весьма скептически относятся к тому, что установление в их странах демократии по западным образцам обязательно обеспечит экономический прогресс, будет способствовать справедливому решению арабо-израильского конфликта и поможет укрепить им национальный суверенитет и территориальную целостность государства¹.

Находящийся у власти с 1978 г. президент Йемена А. Салех изменил ранее принятое решение не выдвигать свою кандидатуру на очередных президентских выборах. В сентябре 2006 г. он вновь был переизбран на 7-летний срок. Сирийский президент Б. Асад и его команда реформаторов стали меньше говорить о планах экономической модернизации и политической либерализации в САР. Куда большую озабоченность сирийского руководства вызывают ныне проблемы вывода Сирии из навязанной США политической изоляции, устранения угрозы вооруженной конфронтации с Израилем, сохранения режима у власти и поддержания стабильности в стране.

Со времени парламентских и президентских выборов в Египте в 2005 г. власти страны мало продвинулись вперед по пути демократии. Отсрочка на неопределенный срок муниципальных выборов, массовые аресты оппозиции, принятие новых законов, позволяющих властям контролировать решения судов, и тому подобные меры указывают на явный отход египетских властей от прежнего курса. Публично озвученные Х. Мубараком в ноябре 2006 г. планы изменить 76-ю статью действующей конституции, определяющую порядок смены власти в стране, пока не обрели практических контуров и подвергаются сомнениям в искренности со стороны оппозиции. В Иордании полиция арестовала в мае 2006 г. 4 членов парламента, осмелившихся выразить соболезнования семье убитого члена руководства «Аль-Каиды» Аз-Заркауи. В Марокко и Алжире власти ужесточили цензуру и ввели ограничения в отношении печатных изданий, публиковавших критические материалы о деятельности правительства. Инициированная в мае 2006 г. алжирским президентом отставка премьер-министра может рассматриваться как шаг к изменению действующей конституции, позволяющий А. Бутефлике переизбраться на новый, 3-й по счету 5-летний президентский срок. Несмотря на то, что в феврале 2005 г. впервые в истории Саудовской Аравии там были проведены муниципальные выборы, избранные городские советы так и не смогли собраться к июню 2006 г. Вызов на «ковер» в Консультационный Совет королевства в октябре 2006 г. нескольких «проштрафившихся» министров можно было расценить как шаг в сторону позитивных перемен, если бы этот институт государства обладал реальными властными полномочиями.

Действительно, как показывает практика, западные образцы демократии трудно адаптируются на арабо-мусульманской

почве. Историко-культурная и мусульманская традиции освящают различного рода авторитарные режимы правления. После I-й Мировой войны и освобождения от господства Османской империи в ряде стран Ближнего Востока колонизаторы установили политические режимы, построенные по образцу политических систем метрополий. В первые годы после II-й Мировой войны и обретения политической независимости пришедшие к власти национальные правительства не без помощи бывших колонизаторов заимствовали многие западные демократические институты. Однако поскольку социальная структура бывших колоний и полуколоний имела лишь отдаленное сходство со своими аналогами в бывших метрополиях, пересаженные на почву традиционных обществ демократические институты оказались мало похожими на свои западные прототипы. Как правило, они оказывались неэффективными и нередко служили только прикрытием для установившихся в 1950–1970-е гг. в большинстве арабских стран авторитарных по существу режимов, независимо от их идеологической и политической ориентации. В целях преодоления дезинтеграционных тенденций в условиях многоконфессионального и полиэтнического характера общественного устройства им не оставалось ничего другого, как опираться на концентрацию власти, чьи непрерываемость и авторитет базировались на силе и принципе лояльности руководству. Неоднородный состав традиционного общества, его раздробленность, отсутствие в нем социальных сил, способных повести за собой широкие массы населения, вели к этатизму и авторитаризму.

Однако именно сильное государство и авторитарные методы управления смогли мобилизовать ресурсы, необходимые для создания современных отраслей экономики и обеспечить политическую стабильность в первые десятилетия независимого развития в ряде арабских стран. Начавшиеся в 1970–1980-е гг., как правило, контролируемые «сверху» процессы экономических реформ и частичной политической либерализации в большинстве государств региона как ответ на вызов комплексных проблем общественно-экономического развития и расширяющихся международных экономических связей способствовали некоторому ослаблению авторитарных прежних методов правления. Однако нарастание кризисных явлений в экономике и политике арабских государств в последние два десятилетия XX века на фоне усиления этнических и конфес-

сиональных противоречий в них, роста межарабских разногласий, ограничения влияния идей арабского национализма и распространения идеологии политического ислама побудили власти этих стран начать пересматривать прежние политические концепции и вносить коррективы в планы развития. Лидеры большинства государств региона были вынуждены признать, что несмотря на огромные доходы от экспорта нефти и вне зависимости от декларированной модели развития, им не удалось обеспечить быстрый переход преимущественно традиционной экономики их стран к постиндустриальной стадии развития и тем самым ликвидировать отставание от ведущих промышленно развитых государств Запада. Более того, экономическая и политическая подконтрольность многих государств региона США и ведущим западноевропейским странам значительно возросла после первой войны в Персидском Заливе 1991 г. и распада СССР. В 1990-х – начале 2000-х гг. под воздействием экономических трудностей, обозначившихся подвижек в мирном процессе и демонстрационного эффекта демократизации в других регионах некоторые арабские правительства попытались укрепить свою легитимность путем выборов. Однако в главном выигрыше от этой либерализации оказались политические движения ислама, чья приверженность демократическим ценностям Запада представляется весьма спорной.

Действительно, в отдельных странах региона представители политических движений ислама уже продемонстрировали возможность прихода к власти мирным, демократическим путем. Ряд подобных движений и организаций, особенно те из них, которые выступают внутри своих стран с радикальных позиций, требуя восстановления социальной справедливости и равенства, а на региональной арене зарекомендовали себя как последовательные борцы против «сионистской угрозы и американского империализма», пользуются поддержкой значительной части «арабской улицы». Поэтому нельзя исключать, что при определенных внутренних и внешних условиях они могут взять власть в ряде арабских стран. Однако это вовсе не означает, что они обладают в настоящий момент возможностью удержать эту власть в течение достаточно долгого времени, тем более способны справиться с решением указанных выше сложных внутри- и внешнеполитических задач самостоятельно, без существенной собственной трансформации. В течение последних десятилетий организации типа «Братьев-

мусульман», «Фронта Исламского Спасения», ХАМАС, «Хизбаллы» находятся либо на положении гонимой оппозиции внутри своих стран (Алжир, Египет, Сирия), либо, как показали недавние события в Палестине и Ливане, сталкиваются с активным неприятием со стороны правящего класса ряда ведущих арабских стран и Запада. В результате эти организации пока не обладают устойчивыми политическими позициями внутри своих стран и не пользуются согласованной поддержкой различных слоев общества. У них пока нет необходимого опыта государственного управления. Программы развития, учитывающие интересы большинства многоконфессионального и полиэтнического населения этих стран, только разрабатываются. Вероятность легитимации их власти весьма сомнительна не только за рубежом, но внутри собственной страны. Как показывает опыт ХАМАСа в Палестине и «Хизбаллы» в Ливане, руководители многих подобных организаций вынуждены считаться с этими реалиями. Революционный путь прихода к власти представляется им в нынешних условиях весьма рискованным, поскольку в случае неудачи они могут не только потерять власть, но и надолго оказаться на обочине развития своих стран. Поэтому они пока склонны к диалогу с действующей властью и поддерживают идею правительств национального единства, о создании которых сегодня говорят практически все от Марокко до Афганистана. Как показали итоги выборов в ряде арабских стран, еще меньшим влиянием на процессы выработки решений располагают светские оппозиционные политические партии, будь то запрещенные или легализованные. Последние, будучи встроены властями в структуру квазиполитических объединений типа «народных фронтов» под руководством партии власти, служили внешним «демократическим» обрамлением однопартийных по сути режимов. В результате сегодня они испытывают острый кризис политической самоидентификации, а в их руководящих структурах идет ожесточенная борьба за лидерство. Правящие партии уже давно превратились в партию одного человека и не способны самостоятельно воспринимать идеи партийного плюрализма и политической конкуренции без сильной политической «инъекции» извне.

Конечно, руководителям Алжира, Ливии, арабских монархий Персидского Залива пока удастся обеспечивать социальный мир, используя высокие цены на энергоносители. Однако большинству ближневосточных правителей все труднее стано-

вится «покупать» лояльность своего населения. Успехи религиозных политических движений и партий по сравнению с их либеральными светскими соперниками на выборах в Ираке, Египте, Палестине, Ливане напугали сторонников форсированной демократизации как на Западе, так и в самих арабских странах. Явные провалы трансатлантической «цивилизаторской» миссии в Афганистане, Ираке, Ливане и Палестине породили в кругах арабской правящей элиты законные опасения за свою собственную судьбу и будущее их государств. Стремление Запада навязать арабо-мусульманским государствам Ближнего Востока свои либеральные и демократические ценности в качестве универсальной модели общественного устройства вызывает ответную реакцию, воплощающуюся в возрождении и консолидации незападных цивилизаций, стремящихся построить общество по своим, отличным от Запада образцам². К тому же ни на Западе, ни на Ближнем Востоке пока не возникло ясного и устойчивого понимания того, какими могут и должны стать арабо-мусульманские страны в результате демократизации, каким будет их новое руководство и какую политику оно станет проводить. С другой стороны, усиливающаяся взаимозависимость различных государств и регионов мира в условиях глобализации и интернационализации общественного развития, ускорения основных экономических, социальных и политических процессов, подталкивает арабские страны к поиску современных моделей развития, невозможных без модернизации экономических и политических структур. При этом сохраняется специфика, самобытность и многовариантность их моделей развития.

Сегодня большинство арабо-мусульманских стран Ближнего Востока переживает переходный, индустриализующийся характер развития. Это предполагает создание не столько демократических режимов, сколько государства, ориентированного на модернизацию экономики и социальное развитие. Действительно, могут ли верно быть восприняты универсальные демократические ценности в большинстве стран региона, где в среднем 30–40% населения живут на 2 доллара в день, а 5–7% владеют 50% национального дохода, 50% жителей неграмотны, 20 млн. человек безработные. Из 95 млн. экономически активного населения арабских стран 50% заняты в сфере услуг и неорганизованном (теневом) секторе экономики, 31% в сельском хозяйстве и только 19% в промышленности. Некоторое

увеличение темпов экономического роста к 2005 г. (в среднем 5,6%) по сравнению с 1990-ми гг. явилось не столько результатом экономических реформ, сколько было вызвано ростом потребления и увеличением государственных расходов в результате выросших цен на нефть. В то же время сохраняющиеся высокие темпы прироста населения позволяют предположить, что в ближайшие два десятилетия регион будет нуждаться в создании 100 млн. новых рабочих мест. Решение этих острых социальных вопросов невозможно без структурных реформ экономики и крупных финансовых вливаний. Однако если размер зарубежных капиталовложений в экономику арабских стран не превышал 8 млрд. долл. в 2004 г., то арабские инвестиции за рубеж составили в этот же период 1500 млрд. долл.³ Таким образом, без достижения в обществе национального согласия и единства элит в поддержке целей социально-экономической модернизации, наличия у них возможностей осуществить их справиться с указанными трудностями вряд ли удастся. А это предполагает определенную либерализацию действующей политической системы. К тому же внедрение современных технологий и новых знаний, без которых невозможно провести экономическую модернизацию, неизбежно повлечет изменение авторитарного стиля руководства и постепенный переход к демократическим принципам управления. С другой стороны, скороспелая демократия может оказаться контрпродуктивной и затруднить развитие. Это особенно заметно, когда происходит неизбежный выбор между быстрым ростом экономики и укреплением демократии. Внедрение рыночных стратегий развития может потерпеть крах из-за порождаемого ими экономического и социального неравенства и привести к эскалации политической борьбы, подрыву экономики и государственным переворотам, особенно в обществах незрелой демократии. Исторический опыт развития Европы, других регионов мира свидетельствует, что устойчивая демократическая система складывается как итог длительного социально-экономического развития. Тем более на Ближнем Востоке, где уровень политической культуры и развития общественного сознания в большинстве стран региона, дает основания предположить, что демократия должна скорее являться итогом социально ориентированных экономических преобразований, а не опережать их. Поэтому на данном переходном этапе развития арабских стран в обществе существует неотложная потреб-

ность в эффективном руководстве со стороны государства как за ходом реформ, так и процессом демократизации. Без сильного государства индустриализующиеся арабо-мусульманские страны вряд ли смогут в нынешних условиях осуществить экономический прорыв и обеспечить постепенный переход от авторитаризма к демократии, избежав при этом серьезных внутренних потрясений.

В этих условиях значение армии в политическом процессе на Ближнем Востоке как органа государства, имеющего свой особый статус, опоры власти, инструмента государственного управления, средства достижения политических целей, гаранта сохранения национального суверенитета и территориальной целостности государства в большинстве стран региона не только не сокращается, но и, наоборот, возрастает. Решить проблему перехода от авторитаризма к демократии в столь непростой военно-политической обстановке в регионе без учета мнения военных и опоры на армию арабо-мусульманским государствам Ближнего Востока вряд ли удастся без серьезного ущерба для их национального суверенитета и территориальной целостности. С одной стороны, в ситуации, когда дальнейшее ухудшение финансово-экономического положения может привести к социальному взрыву в ряде государств Ближнего Востока, армия и другие силовые институты становятся, по сути, решающим субъектом политики, главной опорой власти в стремлении сохранить режим. Избежать подобной ситуации возможно, сменив курс проводимых реформ за счет придания им социальной направленности. Необходимо также осуществить истинную демократизацию общественных отношений, сутью которых должна стать диктатура законов, отражающая интересы всех слоев общества. С другой стороны, любое общество, осуществляющее переход к демократии, неизбежно сталкивается с проблемой "согласия" военных с ходом демократических преобразований, поскольку преодоление социально-экономического кризиса и переход от авторитаризма к демократии в условиях чрезмерной милитаризации государства не может не затронуть позиции военных.

Исследование роли армии, взаимоотношений военных с властью в процессе управления государством может способствовать пониманию специфичности политических систем ближневосточных государств, основных путей и перспектив их эволюции. Сегодня отечественные и зарубежные научные и

экспертные сообщества пока не выработали единой точки зрения по вопросу о роли армии в ближневосточном обществе, о формах ее взаимоотношений с гражданскими органами государства и способах влияния на политику. В западноевропейских государствах, в основе жизни которых лежат либерально-демократические ценности, армия не является источником политической власти и находится под контролем гражданских властей. В то же время в большинстве стран Ближнего Востока, которые сегодня переживают переходный этап своего развития от авторитаризма к демократии, на практике допускают активное участие армии в процессах общественной жизни вплоть до прихода военных к политической власти.

Особенности военно-гражданских отношений на Ближнем Востоке во многом определяют специфику развития основных политических процессов в регионе. Так, исследование механизмов политического контроля над армией дает возможность глубже понять природу власти во многих странах региона и политическую логику ее развития. Изучение нынешнего этапа развития военно-гражданских отношений в регионе и оценка степени потенциальной угрозы их стабильности невозможны в отрыве от рассмотрения проблем смены власти, региональных конфликтов, борьбы с терроризмом, взаимоотношений военных и исламистов. Таким образом, изучение деятельности и роли армии и органов безопасности в ближневосточных обществах выходит за рамки чисто теоретического интереса и имеет большое практическое значение. Глубокое исследование проблем взаимоотношения армии и общества в странах Ближнего и Среднего Востока, процессов модернизации национальных вооруженных сил, их влияния на экономику и политику арабских государств может способствовать более полному и адекватному пониманию меняющейся роли вооруженных сил в современном мире, дальнейшему исследованию социально-политических процессов на Ближнем Востоке, более точному анализу и прогнозированию развития политической ситуации в странах этого региона. Проблематика, связанная с ролью вооруженных сил в политической жизни ближневосточных государств, остается актуальной и сегодня, особенно в условиях активизировавшегося поиска основных направлений эволюции системы международных отношений на Ближнем Востоке, прежде всего с целью выработки долговременного внешнеполитического курса России в ближневосточном регионе.

Действительно, в регионе Ближнего Востока, где ситуация постоянно находится на грани военного конфликта, роль армии очень высока по сравнению с другими частями мира. Опыт новейшей истории этих стран показывает, что наиболее существенные изменения в содержании и структуре политической власти в них происходили в большинстве случаев при прямом использовании или активном участии национальных вооруженных сил. И сегодня ни один из ближневосточных лидеров не может не считаться с мнением генералитета и корпоративными интересами вооруженных сил своей страны. Во многих арабских странах военные играют весьма значительную роль во внутривластной жизни и оказывают большое влияние на деятельность гражданских властей, особенно в вопросах формирования бюджета и поддержания внутреннего порядка и безопасности⁴.

Роль армии в политике стран Арабского Востока и место военных в общественно-политической системе арабских стран всегда имели ряд особенностей, которые с течением времени превратились в своеобразные традиции. С этой точки зрения в истории становления и развития современных национальных вооруженных сил арабских стран прослеживаются несколько важных этапов.

Первые десятилетия после II-й Мировой войны на Арабском Востоке ознаменовали собой активное вмешательство армии в политику молодых национальных государств⁵. На фоне подъема национально-освободительной борьбы за независимость значительно усилилась роль военных в арабском обществе. Практически все арабские государства завоевали свою политическую независимость в сложной многолетней борьбе. Успех был во многом обеспечен переходом на сторону националистов армии (Египет, Сирия) или формированием устойчивых и достаточно мощных вооруженных отрядов национально-освободительного движения (Алжир). Армия была сильно политизирована. Гражданские власти не могли ее эффективно контролировать. Период 1950–1970-х гг. стал временем бесконечных военных переворотов. Военные не ограничивались чисто инструментальной ролью. Власть над армией сосредотачивалась практически в одной точке – руках лидера. Это создавало благоприятные условия для захвата власти вооруженным путем и насильственной смены одного властителя другим. С другой стороны, в этот период армия превратилась в

один из наиболее эффективных государственных институтов. А в ряде стран являлась единственным дееспособным органом государственного управления. С известной долей справедливости необходимо признать, что, опираясь на военных, арабские государства добились немалых успехов в укреплении базовых отраслей экономики и создании современных производств.

В 1970–1980-х гг. продолжая играть первостепенную роль в политике, армия все реже стремилась брать власть путем военных переворотов. Поэтому начавшийся в 1970-е годы новый этап развития арабских государств отличался большей стабильностью и прочностью государственной власти при сохранении определяющей роли армии в общественно-политической жизни стран региона. В большинстве арабских стран армия прочно утвердилась в системе государственной власти и могла проводить свою линию через лидера, который, как правило, сам был военным и окружал себя в первую очередь генералитетом. Гражданские элиты были отстранены от управления армией. Силовые министры, если они являлись членами партийного руководства (Сирия, Ирак), по политическому рангу были по существу равны председателю правительства. Общественные организации, трудовые коллективы, творческие союзы и другие элементы политической системы не имели никаких прав в области контроля над армией. Вместе с тем они были наделены широким кругом обязанностей по ее обслуживанию. Решение о применении армии за рубежом (ввод сирийских войск в Ливан 1976 г., ирано-иракская война 1980–1988 гг.) принимались несколькими наиболее влиятельными членами руководства. Особое положение армии в политической системе арабских стран определялось тем, что она сосредотачивала в своих руках всю полноту гражданской и военной власти. На протяжении нескольких десятилетий вооруженные силы оставались одним из центров власти наряду с правящей партией и органами безопасности. Их требования были непреложны для всех. Во время правления таких арабских лидеров, как Х. Асад, С. Хусейн, Х. Мубарак, М. Каддафи, военные вообще стали ведущей силой, поскольку фактически оказались в подчинении одного лица. С другой стороны, арабские лидеры смогли создать такие вооруженные силы, которые были способны более эффективно обеспечивать внутреннюю безопасность государства и поддерживать стабильность власти.

Однако под влиянием начавшихся в этот период в большинстве арабских стран процессов социально-экономической либерализации группы гражданских политиков во власти научились не только выживать в условиях военных режимов, но и удерживать военных от совершения новых военных переворотов. Началась постепенная, в ряде случаев непоследовательная, зависящая от суммы внешних факторов эволюция характера военно-гражданских отношений в обществе в сторону от режимов абсолютной власти военных к системе военно-гражданских коалиций⁶. Медленными темпами росло влияние гражданских элит на процесс управления. Данное явление было особенно заметным в тех странах, где гражданским лицам принадлежало большинство министерских портфелей (Египет после Г.А. Насера), либо там, где военные в своей деятельности опирались на массовую партию, мобилизуя население на решение поставленных задач (Сирия, Ирак, Южный Йемен). Что же касалось арабских монархий, где армия была традиционно слабо политизирована, указанный процесс происходил на основе патронатно-клиентских отношений и являлся результатом соперничества нескольких военно-гражданских группировок, опиравшихся на финансовую силу и кланово-земляческие связи.

Важным результатом подобных трансформаций стало то, что армия на Арабском Востоке обрела новую социально-политическую роль – защитника власти, а не основного ее соперника, как это было прежде.

Активизировавшаяся со второй половины 1990-х гг. вовлеченность арабских стран в общемировые процессы глобализации и модернизации происходила на фоне изменения геополитической ситуации на Арабском Востоке. Значительно выросла роль внешних сил в определении направлений развития и судеб отдельных стран и региона в целом. События 11 сентября 2001 г. привели к усилению военно-политического вмешательства США в дела Ближнего Востока под флагом борьбы с терроризмом, развития демократии и осуществления реформ по западным образцам. Одновременно в арабских странах ускорились процессы смены власти и активизировались попытки изменить характер действующих политических систем. В то же время многие шаги арабских руководителей в этом направлении отличались крайней противоречивостью, случайностью, и по многим параметрам оказывались несостоятельны. Процесс

формирования новых контуров политических систем арабo-мусульманских стран Ближнего Востока проходил в острой борьбе крупных социально-политических сил региона, преследующих различные цели, и до сих пор не завершился. Одни, «консерваторы», хотят закрепить авторитарный характер режима вне зависимости от типа государственного устройства (республика, монархия), предполагающий безграничную и бесконтрольную власть одного лица (президента, премьер-министра, короля, султана) и второстепенный характер прочих элементов политической системы в вопросах управления страной. Другие – «косметологи-традиционалисты», выступая за сохранение статус-кво, считают необходимым придать более демократический вид действующей политической конструкции. Есть и те, кого можно условно назвать «реформаторами». Они подразделяются на «эволюционистов», «революционеров» и «умеренных исламистов» в зависимости от характера реформ, их глубины и темпов, природы их социальной опоры. Первые, признавая многочисленные недостатки действующей политической системы, полагают, что их можно устранить путем постепенных реформ. Вторые отвергают в принципе существующий порядок вещей и выступают за полный слом старой системы.

Исламские реформаторы, пользующиеся все большей поддержкой народных масс, стремятся построить политическую систему, основанную на принципах сочетания базовых принципов демократии (народовластия, парламентской демократии, партийного плюрализма, широких прав и свобод человека, коллективности самоуправления) и исламских ценностей. Тем более, что в последнее время активизировались попытки со стороны представителей политических движений ислама проникнуть во властные институты государства, в том числе и в армию. При этом и те, и другие признают, что ныне действующая в арабских странах политическая система не пользуется среди населения ни авторитетом, ни тем более доверием, ибо продемонстрировала свою неспособность эффективно управлять общественными делами практически во всех сферах. Естественно, военные и армия в целом не могут долгое время оставаться в стороне от этой политической борьбы. Тем более, что армия пользуется достаточно высоким доверием среди всех элементов политической системы, так как вооруженные силы являются наиболее стабильным институтом, выполняющим функции обеспечения безопасности, свободы и независи-

мости народов. Несмотря на то, что авторитет военных тщательно оберегается властью, он может оказаться подорванным в случае возникновения движений массовых протестов, сопровождающихся волной насилия. Тогда правители могут не выдержать испытания соблазном использовать армию в политических спорах, возложив на нее карательно-полицейские функции и вынуждая к жестким действиям при решении внутренних проблем. В этих условиях существенно возрастает реальная опасность нарушения сложившегося баланса военно-гражданских отношений и, как следствие, подрыва существующего статус-кво в регионе, особенно с учетом отсутствия региональной системы безопасности на Ближнем Востоке⁷.

Действительно, сегодня в условиях «вакуума авторитаризма» создается реальная опасность подрыва существующего военно-политического баланса в регионе. В первую очередь это связано с обострением борьбы за смену власти, эскалацией напряженности в регионе в связи с неурегулированностью палестино-израильского конфликта, нерешенностью иракской проблемы, попытками исламистов проникнуть в армию, вмешательством США в региональные процессы под предлогом ускоренной демократизации региона. Тем более, что в общественном сознании большинства стран Ближнего Востока армия до сих пор воспринимается в качестве главного гаранта суверенитета и безопасности страны. Являясь важным политическим элементом общественной системы, армия непосредственно участвует во всех социальных процессах и, в конечном счете, объективно влияет на выбор пути развития в соответствии с интересами определенного класса или определенных социальных групп. При этом внутривнутриполитическая роль армии в различных ближневосточных государствах неодинакова и определяется в первую очередь характером политического режима в той или иной стране. Как правило, вооруженные силы арабских стран выполняют двойную функцию. Армия обеспечивает защиту территориальной целостности государства, его суверенитета от внешних угроз. Не менее важна ее роль в качестве гаранта стабильности режима и его охраны от внутренних врагов и оппозиции. Эта функция еще более усиливается в условиях расширяющегося использования (Алжир, Ирак, Йемен, Сирия) вооруженных сил для противостояния террористическим и экстремистским элементам. В условиях роста исламского экстремизма в регионе ближневосточные армии призваны играть бо-

лее весомую роль в обеспечении внутренней безопасности. Армия по-прежнему служит одной из основных опор светской политической системы ближневосточных государств (за исключением Ирана и Пакистана) и находится в авангарде борьбы с терроризмом.

В результате власть в арабских странах оказывается в двойственном положении. С одной стороны, арабским лидерам приходится заручаться поддержкой и лояльностью военных, которые, как гаранты безопасности режимов, приобретают значительное политическое влияние и самостоятельность. С другой, укрепление политического контроля над армией зачастую осуществляется за счет потери эффективности вооруженных сил в условиях обычных войн. За редким исключением лидерам арабских стран удавалось одновременно обеспечивать стабильность власти и внешнюю безопасность государства. Однако, война в Ираке и изменение военно-политической обстановки в регионе лишь укрепили распространенное прежде в правящих элитах большинства арабских стран мнение, что несмотря на все изменения в мире, в основе безопасного существования их государств по-прежнему лежит сила сдерживания. В этой связи можно предположить, что в предстоящие годы страны региона будут придерживаться линии на укрепление своих армий, совершенствование вооружений. В этой связи будет расти роль армии как важного инструмента в обеспечении национальной обороны и проведении внешней политики государства.

Таким образом, стремление арабских государств к модернизации своих армий, улучшению их качественных показателей сохранится и в будущем. В первую очередь это относится к странам, имеющим более основательную финансовую базу для широкомасштабных закупок вооружений (Египет и монархии Персидского залива) или находящимся в политической и региональной изоляции (Сирия, Иран). В целом удельный вес затрат на оборонные нужды в общем объеме бюджетных ассигнований в ближневосточных странах превышает среднемировой уровень, что отражает ориентацию государств региона на дальнейшее наращивание своего военного потенциала. В большинстве стран говорят о необходимости осуществить в обозримом будущем модернизацию вооруженных сил. Существенный импульс движению в этом направлении дал кризис в Персидском заливе 1990–1991 гг. К 1998 году общая числен-

ность вооруженных сил ближневосточных государств достигала 3 млн. человек, а мобилизационные ресурсы – 68 млн. человек. В результате массированного импорта оружия и военной техники на Ближнем и Среднем Востоке к 1998 году сосредоточилось до 150 пусковых установок оперативно-тактических ракет «земля-земля», около 3 тыс. боевых самолетов и вертолетов, свыше 20 тыс. артиллерийских орудий и минометов, более 450 боевых кораблей. Помимо указанного вооружения, регион располагал ядерным и химическим оружием⁸. После начала войны в Ираке ближневосточные государства увеличили расходы на приобретение вооружений и военной техники (ВВТ) на 10%. В период с 1996 по 2003 гг. сумма сделок по ВВТ равнялась 58,7 млрд. долларов⁹.

За последние четыре года Египет вышел на 3-е место в мире (после Индии и Китая) среди крупнейших потребителей вооружений, экспортируемых индустриально развитыми странами. С 2001 по 2004 гг. Египет приобрел вооружений и военной техники на сумму 6,5 млрд. долл. США. Некоторые военные эксперты связывают столь высокие показатели с масштабной программой модернизации ВС АРЕ. За тот же период аналогичный показатель для Израиля составил 4,4 млрд. долл. США, а для Саудовской Аравии – 3,8 млрд. долл. США. При этом значительная часть закупаемого Саудовской Аравией оружия шла в этот период в основном на укрепление сил внутренней безопасности, призванных бороться с терроризмом. В 2004 г. по объемам закупленных вооружений на первое место в мире вышел Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР). Несмотря на это, общее количество вооружений и военной техники, проданное на Ближний Восток, составило в денежном эквиваленте в 2004 г. 37 млрд. долл. и имело тенденцию к росту за последние 10 лет¹⁰.

Несмотря на значительные усилия арабских стран по повышению боеспособности своих вооруженных сил, регулярные арабские армии, как правило, оказывались неэффективными в выполнении своей основной функции – защиты государства от внешних угроз. Вся история арабо-израильских войн (за исключением октябрьской войны 1973 г.), ирако-иранская война, кризис в Персидском заливе начала 1990-х гг., война в Ираке, война в Ливане летом 2006 г. служат подтверждением этого положения. В условиях изменения баланса сил в регионе появляется опасность того, что все большее число ближнево-

сточных лидеров, видя неэффективность национальных армий в обеспечении защиты государства, а также принимая во внимание большие затраты на поддержание обороноспособности традиционными средствами, могут активизировать закупки компонентов для создания и производства неконвенционных видов оружия, поддержку деятельности региональных экстремистских организаций, использование противоречий в политике индустриально развитых государств на Ближнем Востоке в своих интересах. Нестабильная региональная ситуация и эскалация напряженности в регионе могут также вынудить арабских лидеров использовать армию для нейтрализации движений массового протеста. Отказ армии применить оружие против своих граждан окончательно подорвет баланс власти между гражданскими и военными лидерами.

Поэтому, рассматривая развитие вооруженных сил на Ближнем Востоке, вряд ли было бы правомерным говорить о наметившейся в последние десятилетия тенденции к снижению риска захвата государственной власти военными как об устойчивом явлении. Действительно, в последней четверти XX – начале XXI вв. армия неоднократно вмешивалась в политическую жизнь ближневосточных государств. В конце 1980-х годов йеменская армия установила контроль над югом страны и фактически способствовала ее объединению с севером. В Турции военные неоднократно брали на некоторое время бразды правления в свои руки, пытаясь таким образом сохранить территориальную целостность страны и светский характер власти. Похожая ситуация сложилась и в Алжире, где военные в начале 1990-х годов отменили выборы в представительные органы власти, чтобы снять возможную угрозу прихода к власти исламских радикалов. Военный переворот 1999 г. в Пакистане был во многом продиктован неспособностью прежних властей решить сложные социально-экономические проблемы страны. В 2005 г. в Мавритании военные, недовольные политическим курсом руководства страны и его экономической политикой, также совершили военный переворот.

В то же время, в отличие от периода 1950–1960-х гг., военные перевороты последних лет заметно отличаются от прежних времен. Прежде всего это касается степени вовлеченности армии в политику, объема власти, находящейся в руках военных, характера и глубины ставящихся ими целей и решаемых задач. В первые десятилетия после II мировой вой-

ны для многих арабских стран типичными были перевороты, во главе которых стояли революционно настроенные офицеры, ориентированные на слом существующей политической системы, на радикальные социально-экономические реформы и, соответственно, длительное пребывание у власти, – так называемые «военные-автократы»¹¹. С течением времени политические амбиции и социально-экономические цели руководителей военных переворотов стали более умеренными. Соответственно размер их властных полномочий сократился, а сами перевороты приобрели более «адресную» функцию. Все чаще во главе переворота становятся типы лидеров, которых условно можно назвать как «правильщики» или «попечители»¹². Как правило, они не столько стремятся к захвату политической власти и длительному единоличному управлению государством, сколько к наведению порядка в нем. Их целями обычно являются сохранение баланса сил между соперничающими политическими группировками в стране, укрепление конституционных основ власти, предотвращение серьезных изменений в системе распределения экономических благ. В ряде случаев военные ставят перед собой цель изменить политический курс предыдущего правительства, повысить эффективность управления государством, перераспределить часть властных полномочий и общественных богатств между различными группами населения, дабы избежать возникновения серьезных политических потрясений в стране. Однако ни те, ни другие не стремятся к коренным преобразованиям экономической и политической системы общества. Более того, в ряде случаев военные предпочитают действовать руками гражданских политиков. Если же таким образом им не удается достигнуть намеченных целей, то военные берут бразды правления в свои руки, но, как правило, достаточно быстро возвращаются в казармы.

Действительно, процесс политической модернизации на Арабском Востоке может объективно способствовать снижению риска осуществления новых военных переворотов. По мере укрепления арабских политических систем, их демократизации и либерализации эта тенденция, вероятно, будет усиливаться в качестве определяющего фактора развития арабских государств. Сегодня от позиции военных, их поведения во многом зависят и дальнейший ход процессов модернизации, и судьбы самих арабских режимов. Это особенно заметно в непростой для арабских стран момент смены правящих элит и перехода

общества от «авторитарного режима» правления, для которого было характерно практически абсолютное доминирование армии, к развитию процессов либерализации и демократизации.

Таким образом, Арабский мир стоит сегодня перед выбором пути своей дальнейшей эволюции. Неизбежный вывод войск англо-американской коалиции из Ирака в условиях прихода во властные ближневосточные институты представителей радикального ислама (Турция, Египет, Иордания, ПНА, Ирак, в перспективе Сирия), несомненно, послужит формированию новой конфигурации военно-политических сил на Ближнем Востоке. Этот процесс совпадает с реорганизацией подходов мирового сообщества в сторону большей согласованности действий по формированию новой системы международных отношений, основанной на принципах многополярности, в том числе и на Ближнем Востоке. На фоне усиливающейся динамики глобализации и формирования новых региональных центров, одним из которых становится Ближний Восток, уже сегодня необходим поиск устойчивых «стабилизаторов» безопасности ближневосточных государств в ее национальном, региональном и международном измерениях. Два-три последних десятилетия относительной стабильности государственной власти в арабских странах и запрограммированное в ходе американской агрессии в Ираке и жесткого политического давления США на Сирию ослабление светской идеологии арабского национализма в ее институциональных формах привели к тому, что сегодня на политической арене большинства арабских государств в качестве основных игроков выступают действующая система власти и оппонирующее ей движение радикального ислама. При этом сама власть зачастую черпает свою легитимность во многом из идеологии ислама. Леволлиберальные движения, общественные организации и политические партии светского толка во многом носят «фасадный» характер и не набрали пока реального политического веса в обществе. Единственной реально влияющей на ход политических процессов в стране светской силе – армии – в качестве специфического института государства и общества приходится осуществлять во многом непривычную и «неуютную» для нее функцию своеобразного арбитра в отношениях власти с исламистами. В этой ситуации важным условием поддержания стабильности в регионе и сохранения достигнутого уровня военно-гражданских отношений является модернизация национальных вооруженных сил, под-

ключение военных к программам реформ и демократизации в интересах постепенной трансформации существующих арабских режимов, их неконфронтационной адаптации к новым условиям глобализации и модернизации.

Действительно, без политической модернизации нельзя добиться уменьшения влияния военных на политику и поставить армию под полный контроль гражданского общества в соответствии с общепринятыми стандартами европейской демократии. С другой стороны, в представлении военных на Ближнем Востоке модернизация связана прежде всего с укреплением единства общества, сохранением территориальной целостности государства, проведением экономических реформ и строительством мощных вооруженных сил. Вопросы политической либерализации, особенно в условиях региональной нестабильности, возросшей угрозы раскола общества по религиозному и этническому признакам, роста идей и политической активности исламистов рассматриваются ими в лучшем случае как отдаленная перспектива проводимых преобразований. С другой стороны, непропорциональное влияние на власть военных во многом обусловлено слабостью самих ближневосточных политиков. Во главе многих политических партий на Ближнем Востоке стоят лидеры, которые слабо прислушиваются к идущим снизу общества призывам демократических обновлений. Подобная политическая атрофия не дает им возможности адекватно реагировать на возникающие в мире и регионе изменения и таким образом попытаться легитимизироваться на основе новой идеологии и политической практики. Прежняя конфигурация власти блокирует новые инициативы и консервирует традиционную систему выдвижения руководящих кадров. В результате для многих в обществе влияние военных в политике остается неизменным, потому что гражданские политики не способны обеспечить долговременную политическую стабильность и эффективное управление страной в условиях переживаемого регионом кризисного этапа развития.

С другой стороны, постоянное стремление военных находиться рядом с властью, внутри нее сыграло основную роль в ослаблении способности гражданских властей эффективно контролировать свое политическое пространство, попытаться изменить симметрию практического воплощения понятия «военно-гражданские отношения» и начать самим эффективно руководить политическим процессом. Как подчеркивалось выше,

слабость и неуверенность гражданских властей во многом детерминировалась особым статусом военных, утвердившимся в национальном сознании и исторической памяти народа. Политический класс смотрел на многие процессы в стране глазами военных, опасаясь бросить вызов армии. Одновременно, вопросы, которые в обычных демократических странах решались бы в сфере политики, социологии, культуры и экономики, в ближневосточных государствах становились предметом национальной безопасности и автоматически включались в компетенцию военных. При таких условиях политическое пространство, где бы гражданские власти могли действовать политическими средствами, оставалось весьма ограниченным, а действия политиков становились неэффективными, вызвали недоверие значительных групп населения, низкий уровень народной поддержки и доверия политике гражданских властей.

На этом фоне доверие военным в обществе было чрезвычайно высоким. Поэтому армия до сих пор служит единственной наиболее влиятельной политической силой в государствах Ближнего и Среднего Востока, а уровень гражданского контроля над вооруженными силами остается весьма незначительным. В то же время это не означает, что несмотря на слабость своей социальной базы и нестабильность многопартийной системы, гражданские власти в ряде государств Ближнего и Среднего Востока (Турция, Египет, Сирия) не способствовали вводу в политическую практику элементов плюрализма и большего динамизма. Способность гражданской системы управления справляться с кризисными ситуациями в последнее время достаточно окрепла. Во многих государствах Ближнего Востока военные, продолжая пользоваться большим влиянием и доминируя в разрешении ряда специфических проблем, уже не могут полностью и безраздельно контролировать власть и страну.

С другой стороны, проблема встраивания программ модернизации арабских армий в общий процесс реформ и демократизации на Арабском Востоке должна рассматриваться не только с региональной точки зрения, а в более широком плане – как обеспечение безопасности и стабильности во всем мире. Это тем более верно, поскольку данный регион обладает ядерным оружием и является зоной опасных международных конфликтов. Перспектива их скорейшего и всеобъемлющего урегулирования остается достаточно проблематичной. А про-

исходящие там события непосредственным образом затрагивают государственные интересы России с точки зрения определения практического участия Москвы в формировании новой системы отношений в регионе в XXI в. и должного учета российских государственных интересов. Сохраняется и значение Ближневосточного региона для России в качестве одного из основных источников энергоресурсов, важнейшего узла пересечения мировых коммуникаций, емкого рынка сбыта валютно-доходных товаров, в том числе военно-технического характера.

¹ О проблеме соотношения демократии и развития на Востоке подробнее см. Leftwich A. Governance, democracy and development in the third world. *Third world quarterly*. – L., 1993. Vol. 14, № 3, с. 613–620.

² Huntington S.P. If not civilization, what? *Paradigms of the post-cold war period*. *Foreign affairs*. N.Y., 1993, Vol. 72, № 3, с. 191, 194.

³ Аль-Ахрам, 08.03. 2005; *Mena Report*, 21.04.2005.

⁴ Barry Rubin. *The Military in Contemporary Middle East Politics. Armed Forces in the Middle East. Politics and Strategy*. L., 2002, с. 1–5.

⁵ Подробнее об этом периоде истории см.: Мирский Г.И. *Третий мир // Общество, власть, армия*. М., 1976.

⁶ Подробнее об этих процессах на примере стран юго-восточной Азии см.: Федоров В.А. *Армия и модернизация в странах Востока*. М., 1999.

⁷ Ахмедов В. Армия и власть на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху глобализации и модернизации // *Аналитический доклад*. Выпуск 5 (10). М.: НКСМИ; МГИМО (У) МИД России, июнь 2006, с. 3–4.

⁸ Армия и власть на Ближнем Востоке. М., 2002, с. 5.

⁹ *MENL*, 06.11.2004; *Daily Star*, 08.09.2004.

¹⁰ *The Jerusalem Post*, 04.04.2005; *MENL*, 06.11.2004.

¹¹ Подробнее о роли армии в арабских странах в этот период см.: Ve'ery Eliezer. *Army Officers in Arab Politics and Society*. N.Y., 1970.

¹² Этимологию этих терминов см.: Даль В. *Толковый словарь живого великорусского языка*. М., 1953, т. III, с. 298, 379.

**ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА
В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И САУДОВСКОЙ АРАВИИ)**

В настоящее время энергетическая политика становится одним из приоритетных направлений внешнеполитической деятельности целого ряда государств, в том числе, ведущих держав мира. Такой феномен может быть объяснен рядом факторов, в частности, заинтересованностью субъектов мирового энергетического рынка в обеспечении своей энергетической безопасности, прибыльностью ведения бизнеса в энергетической сфере, растущей интернационализацией добычи, переработки, транспортировки и реализации продукции нефтегазовой промышленности¹.

В связи с этим проблемы, связанные с энергетическим сектором, широко обсуждаются в деловых, научных и политологических кругах. В условиях высокого уровня зависимости практически всех государств мир от положения дел в нефтегазовом комплексе ведущие игроки на мировом энергорынке выработывают правила «ведения игры», которые, с одной стороны, должны соответствовать их национальным интересам, а с другой, позиционировать их в качестве надежных партнеров, открытых для диалога.

Первые концепции в области энергетической политики были выработаны странами-экспортерами нефти, которые не хотели мириться с ролью «ведомых», а стремились выступать самостоятельно в качестве полноправных участников мирового рынка энергоносителей.

Созданная в 1960 г. Организация стран-экспортеров нефти (ОПЕК) стала первым центром координации энергетической политики целой группы стран. ОПЕК также первой продемонстрировала возможность проведения достаточно эффективной совместной линии ряда государств в энергетической сфере в масштабах всей системы международных экономических отношений.

В качестве ответного шага в 1974 г., т.е. в период резкого скачка цен на нефть, основные потребители энергоносителей создали Международное энергетическое агентство (МЭА), целью которого стала координация их политики в области нефти и газа на глобальном уровне².

В начале XXI века в условиях глобализации и интернационализации появились признаки отхода от существовавшего в течение многих лет стереотипа строго конкурентных отношений между основными энергетическими «блоками» в сторону поиска возможностей совместного взаимодействия и конструктивного сотрудничества. Стало очевидно, что формирование оптимальных схем производства, транспортировки и потребления энергоресурсов ведет к появлению взаимоприемлемых схем многостороннего и двустороннего регионального и международного энергетического сотрудничества.

В целом необходимо отметить, что в современном мире энергетика выдвинулась в качестве одной из ключевых, динамично развивающихся отраслей мировой экономики, что выражается в ее воздействии на всю систему современных международных отношений. С учетом этого проблематика эффективного энергетического диалога между различными группами стран, обеспечение энергетической безопасности стало одним из приоритетов в деятельности России в период ее председательства в «Большой восьмерке» в 2006 г.

Для выработки предложений по определению оптимальной линии России в энергетической сфере целесообразно провести анализ энергетических концепций других стран, играющих важную роль на мировом рынке энергоносителей. Их опыт решения основных энергетических проблем представляется весьма ценным для российской политики и дипломатии. При этом, естественно, следует учитывать, что наша страна является одновременно и экспортером нефти и газа, и крупным потребителем энергоресурсов, и транзитным государством. По этой причине формирование «симбиоза» отдельных моделей было бы наиболее логичным ответом на «вызовы» времени.

В качестве одной из стран, опыт которой имеет практическое значение для России, является Саудовская Аравия. КСА – государство, не только входящее в число ведущих производителей и экспортеров нефти в мире, но и играющее существенную, во многом новаторскую роль в налаживании энергодиалога, в том числе, путем использования возможностей вновь

сформированного органа – Постоянного секретариата Международного энергетического форума (штаб-квартира этой организации находится в столице Королевства – Эр-Рияде).

Проблемы энергетики в современном политологическом дискурсе

В последние годы США не раз озвучивали опасения в отношении того, что «в мире имеются силы», которые намереваются использовать нефть в качестве мощного стратегического оружия для того, чтобы нанести удар по американским интересам³. В связи с этим звучат призывы к уменьшению зависимости от поставок нефти в пользу альтернативных источников энергии или «спасательного круга»⁴ для США – сжиженного природного газа (СПГ). При этом подчеркивается, что любая стратегия США по продвижению демократии в регионах с богатой ресурсной базой не будет иметь практического значения, если в ней не будут предусмотрены меры по снижению мировых цен на «черное золото»⁵.

В США и в странах Евросоюза были приняты программы, предусматривающие постепенное увеличение доли возобновляемых источников энергии в своих энергетических балансах. На фоне продолжающейся дискуссии об экологии, политологии и экономисты все активнее говорят и о «ядерном ренессансе» в развитых и развивающихся странах.

«Ядерный ренессанс»⁶ – это мировой технологический тренд, в который «вписывается» и Россия в рамках выдвинутой ею в начале 2006 г. концепции развития атомной отрасли, преобразования ее в эффективно функционирующую вертикально интегрированную структуру. Однако, по мнению специалистов, для практического осуществления данной идеи необходимо придать законченный вид технологической политике в этой сфере, что, в свою очередь, предполагает умение правильно оценить тенденции развития энергетики. В выработке такого рода линии должны участвовать и государственные органы, и бизнес, и гражданское общество.

Следует отметить, что в ряде западных стран уже принимаются практические меры в контексте формирования единой энергетической стратегии этих государств. На саммите НАТО в Риге в декабре 2006 г. председатель сенатского комитета по иностранным делам Р.Лугар призвал государства Альянса «ответить на энергетический удар России и Ирана». Выдвинув ло-

зунг: приравнять «энергетическое нападение к военному», Лугар предложил НАТО целый ряд новых программ в области энергетической безопасности: улучшение охраны проливов и терминалов, меры по отражению вероятных террористических атак на энергетические объекты, разработка стратегии помощи жертвам «энергетической» агрессии, и, параллельно с этим – ведение регулярных консультаций с Россией на высоком уровне по тематике энергетической безопасности. Значение рижского форума заключается в попытке США сформировать концепцию «наступательной» энергетической политики, призванной «противостоять» тому, что на Западе получило название «российский энергетический империализм».

Широкому обсуждению в научных кругах Запада подверглась книга одного из американских политологов Томаса Л.Фридмана «Петрополитика». Основным тезисом автора является мысль о том, что «уровень цен на нефть и уровень свободы в богатых нефтью государствах неизменно связаны обратно пропорциональной зависимостью»⁷. Согласно «первому закону петрополитики», выведенному Л.Фридманом, чем больше растёт средняя мировая цена на сырую нефть, тем сильнее в этих странах «размываются» институты свободы слова и печати, верховенства закона, независимости судов и политических партий⁸. Эта негативная тенденция усугубляется еще одним фактором: чем выше нефтяные цены, тем меньше лидеров нефтегосударств волнует то, что о них думает и говорит мировое сообщество». К таким государствам Фридман относит и Россию. Автор признает, что предложенная им схема не является «безупречной с научной точки зрения, поскольку взлеты или спады экономической и политической свободы в обществе не поддаются точному количественному измерению и не имеют четкой цикличности»⁹. Вместе с тем, он придерживается мысли о том, что страны, имеющие большие природные ресурсы, имеют ряд схожих, весьма сложных проблем в экономической и политической сферах¹⁰.

Аналогичных позиций придерживается и политолог Майкл Л.Росс. По его мнению, «упор на экспорт нефти или минералов, как правило, препятствует демократизации государства». Росс составил список конкретных направлений («механизмов») негативного влияния чрезмерных нефтяных доходов на процесс демократизации. Во-первых, он выделяет «налоговый эффект»: правительства богатых нефтью стран зачастую

используют поступления в казну для «разрядки социальной напряженности».

Второй механизм – «эффект госрасходов». Нефтяные доходы позволяют государству увеличить «попечительские» социальные расходы, используемые для оказания влияния на различные слои населения.

Третий механизм – «социально-групповой эффект». Авторитарный режим с помощью нефтедолларов способен эффективно препятствовать формированию независимых социальных групп.

И последний механизм – «антимодернизаторский эффект». Поток нефтяных поступлений способен снизить стимулы к профессиональной специализации, урбанизации, повышению образовательного уровня – то есть тенденций, сопровождающих экономический прогресс¹¹.

Вышеуказанные концепции дают представление о направлении американской политической мысли по энергетическому вопросу.

Что касается российских политологов, то позиция многих из них состоит в обосновании целесообразности обретения Россией «ответственного международного лидерства» в вопросах развития глобальной ситуации в энергетической сфере. Императивы глобальной энергетической политики диктуют, в частности, необходимость умеренного и уважительного подхода к проблемам Ближнего Востока, включая его социально-экономическую и политическую модернизацию. По большому счету, надо выбирать между стабильностью в мировой энергетике и политикой «преобразования»¹².

Широкое обсуждение в научных кругах получила проблема постепенной замены нефти на газ в топливно-энергетическом балансе (ТЭБ). Основная причина привлекательности газа кроется в том, что газ, а, точнее, сжиженный природный газ – СПГ – в отличие от нефти – экологически сравнительно чистый конечный продукт. О возрастающей роли газа в мировом ТЭБ говорят и появляющиеся в СМИ сообщения о возможности создания «газового» ОПЕК¹³. Так, в редакцию авторитетной газеты «Financial Times» попал доклад специалистов НАТО, в котором говорилось об «угрозе» формирования Россией такого газового картеля с участием стран-экспортеров газа¹⁴. Между тем, российские официальные представители отрицают существование каких-либо конкретных предложений в отноше-

нии участия нашей страны в подобного рода структуре, подчеркивая, тем не менее, то, что России сама по себе идея создания органа взаимодействия стран-экспортеров газа кажется «интересной» и она «приветствует новые возможности для энергетического диалога, считает создание таких площадок делом разумным и оправданным»¹⁵.

В России энергетическая проблематика – одна из доминирующих тем, которые обсуждают политики, ученые, специалисты – практики. Как известно, топливно-энергетический комплекс России обеспечивает около 30% ВВП, порядка ¼ налоговых и таможенных поступлений и 1\3 валютной выручки. Благодаря усилиям ТЭК Россия досрочно погасила задолженность перед Парижским клубом¹⁶, нарастила свои золотовалютные резервы¹⁷. Вследствие притока нефтедолларов у РФ сформировался значительный Стабилизационный фонд¹⁸. Более того, Россия занимает первое место в мире по добыче газа и вполне может уже в ближайшем будущем выйти на первое место в мире по добыче нефти¹⁹. Доказанные запасы газа в России составляют 27%²⁰ мировых запасов, прогнозируемые – 40% мировых запасов. Доля России в мировом экспорте газа – 35%²¹. По уровню самообеспечения Россия входит в пятерку стран-лидеров. Она также располагает самой протяженной газотранспортной системой, от которой зависит надежность и стабильность поставок газа (прежде всего в Европу).

Вместе с тем, следует учитывать, что наша страна не принимала активного участия в формировании инфраструктуры международных энергетических рынков. Такое положение сложилось в силу того, что в период существования СССР торговля энергоресурсами осуществлялась в рамках СЭВ на «клиринговой» основе, а на мировых рынках (в основном в Западной Европе) – в значительной мере через посредников.

Тем не менее, большинство аналитиков сходятся во мнении, что Россия, несмотря на набор «осложняющих» факторов²², является и будет в дальнейшем ведущим игроком на нефтегазовом рынке²³. Как представляется, благодаря конкурентным преимуществам²⁴ имеются реальные возможности для совмещения энергетической стратегии России с концепциями формирования «нового энергетического шелкового пути»²⁵. Так, по словам В.В.Путина, примерно через 10 лет Россия будет поставлять в страны АТР до 30% от своего совокупного экспорта нефти и до 25% газа. Большая доля этих ресурсов

пойдет в Китай. По мнению аналитиков, перспективные рынки АТР и, прежде всего, Китая и Индии проще открывать именно «энергетическим ключом»²⁶. При грамотном использовании своих энергетических козырей и развитии передовых технологий Россия сможет активно участвовать в управлении мировым энергетическим рынком.

В последнее время слышны упреки в «закрытости» энергорынка России для иностранных компаний²⁷. Эта критика не учитывает ряд факторов. Во-первых, РФ, как и любая другая страна, имеет право на защиту своих национальных интересов. Во-вторых, наша страна будет стремиться к обеспечению своей безопасности при том понимании, что полная открытость энергорынка будет означать иностранное засилье²⁸. Следует учитывать, что возрастающая роль энергетики в международных отношениях ведет к увеличению количества «игроков» на энергорынке и переделу сфер влияния. При этом большое внимание уделяется обеспечению доступа к месторождениям и транспортировке энергоресурсов, расширению старых и открытию новых рынков сбыта, привлечению инвестиций в отрасль.

Развитие энергетики способствовало появлению энергетической дипломатии в качестве особого направления международной деятельности государств. Одним из наиболее важных участников переговоров по энергетическим проблемам является РФ.

Согласно докладу Национального разведывательного совета США «Контурь мирового будущего – 2020» «Россия, как самый крупный за пределами ОПЕК поставщик энергии, будет находиться в чрезвычайно выгодной позиции, оперируя своими нефтяными и газовыми ресурсами для достижения своих целей во внешней и внутренней политике»²⁹. Такое положение вещей должно способствовать осуществлению задач энергетической политики, то есть защите национальных интересов и обеспечению энергетической безопасности³⁰. В целом, «энергетическая безопасность» определяется как 1) состояние защищенности страны и общества от внутренних и внешних угроз, с том числе в отношении энергетических объектов³¹; 2) надежное и бесперебойное топливо- и энергоснабжение на основе равноправного, экономически приемлемого доступа к энергетическим ресурсам без невосполнимого ущерба окружающей среде и без ущемления интересов будущих поколений³².

Энергетическая безопасность представляет собой важнейший элемент национальной безопасности. Если раньше ос-

новой угрозой для развития экономики конкретной страны в рамках международной энергетической политики и дипломатии считались энергетические кризисы, вызванные колебаниями цен из-за резкого сокращения поставок нефти, то теперь к этой проблеме добавилась новая – «энергетический» терроризм, таящий в себе непосредственную угрозу для самого существования нефтегазовой отрасли.

Проблема заключается еще и в том, что понятие «энергетической безопасности» концептуально интерпретируется различными группами стран по-разному, в зависимости от их интересов. Так, государства-импортеры энергоресурсов заинтересованы в бесперебойных долгосрочных и, главное, безопасных поставках ресурсов по разумно низким ценам³³. Для стран-экспортеров энергобезопасность означает сохранение поступлений от экспорта энергоресурсов, продаваемых по разумно высоким ценам, а также поддержание эффективности нефтегазового сектора экономики и использование финансово-экономического потенциала добычи углеводородного сырья для создания современной экономики³⁴. Особняком стоит вопрос транзита ресурсов и нарастающая борьба вокруг него.

Согласно российской концепции, задача нашей страны видится в «инвентаризации» значимых предыдущих инициатив в данном направлении с последующей организацией системной работы по всему спектру ключевых вопросов глобальной энергетической безопасности³⁵. Для России энергетическая безопасность имеет, как минимум, два аспекта. Во-первых, равноправное взаимодействие с «Большой восьмеркой» с целью обеспечения приемлемого для нас понимания коллективной энергетической безопасности. Во-вторых, обеспечение бесперебойности валютных поступлений в страну от экспорта энергоносителей. Такая структура интересов предполагает, в частности, тесное взаимодействие со странами – экспортерами нефти и газа. Сотрудничество с ОПЕК как с группой, а также с отдельными нефтедобывающими странами (в том числе государствами Персидского залива) помогает решать вопросы, связанные с установлением баланса добычи, экспорта и транспортировки нефти, недопущения резких скачков цен на энергоносители. Следует отметить, что России для преодоления целого ряда проблем (снижение себестоимости добычи нефти и газа, обеспечение энергоэффективности и энергосбережения, установление высоких экологических стандартов в

сфере энергетики, сокращение технического отставания в сфере добычи нефти, увеличение уровня инвестиций в добывающие и перерабатывающие отрасли) необходимо взвешенно взаимодействовать с обеими группами стран на рынке энергоносителей. При этом российская энергетическая дипломатия должна иметь своего рода «шкалу» региональных и глобальных приоритетов³⁶. Наша страна должна стать связующим звеном – переговорным форумом участников обсуждения проблем энергетики и инициатором идей, имеющих целью достижение глобальной энергобезопасности.

Энергетические стратегии России и Саудовской Аравии

Концептуальное понятие «энергетическая политика» в России начало складываться только в первой половине 1990-х годов. До этого энергетический фактор в дипломатии СССР имел, прежде всего, политическое, а не экономическое содержание. Международное энергетическое сотрудничество советского государства сформировалось под влиянием факторов идеологического характера.

До конца 90-х гг., несмотря на децентрализацию нефтегазовой отрасли и частичную приватизацию, сохранялись методы планово-командной системы (распределение поставок, ограничения и др.). Возникла острая необходимость отразить новые тенденции в линии России в энергетической сфере. В 2000 году был подготовлен и в 2003 году принят документ – «Основные положения Энергетической стратегии России до 2020 г.». В качестве главных направлений энергетической политики России были названы следующие: интеграция нашей страны в мировую систему оборота топливно-энергетических ресурсов, сотрудничество с иностранными инвесторами в сфере освоения и разработки месторождений, более эффективное использование традиционных энергетических рынков и освоение новых рынков. При этом энергетическая политика страны должна быть направлена на преодоление сложившегося стереотипа России как преимущественно поставщика сырьевых ресурсов, обретение РФ статуса влиятельного участника всего «цикла» мирового оборота энергетических товаров. Эта задача диктуется как тенденциями интеграции в энергетической сфере, так и потенциальными выгодами от качественного изменения роли России в мировой торговле энергоресурсами.

В ходе выступления перед представителями российского бизнеса президент В.В.Путин отмечал, что сегодня перед нами встает задача «сделать качественный шаг – от простой эксплуатации природных ресурсов перейти к их глубокой переработке»³⁷. Он призвал бизнес развивать мощности обрабатывающей промышленности с тем, чтобы Россия получала больше выгод от своих природных ресурсов, так как сырьевая направленность промышленности усиливает зависимость страны от внешних рынков, от колебаний мировых цен.

Российская концепция исходит из следующих целей энергетической политики: укрепление внешнеэкономических и геополитических позиций страны за счет эффективной реализации экспортного потенциала, модернизация ТЭК, рост конкурентоспособности его продукции и услуг на мировом рынке; обеспечение недискриминационного доступа российских энергетических компаний на рынки зарубежных стран, а также содействие привлечению иностранных инвестиций в российский энергетический сектор. Реализация этих целей будет способствовать устойчивому и надежному обеспечению населения и экономики энергоресурсами по приемлемым для потребителей ценам, а также уменьшению вредной нагрузки на окружающую среду.

Очевидно, что решение таких задач потребует структурных изменений во всех секторах ТЭК и активного использования рыночных механизмов. Эти меры будут способствовать притоку инвестиций как внутренних, так и внешних, направляемых, прежде всего, на освоение и разведку новых (менее «легких» с точки зрения добычи) месторождений, а также на модернизацию³⁸. Государственное регулирование при решении этих вопросов будет осуществляться с помощью мер ценовой, налоговой, таможенной, антимонопольной и конкурентной политики.

Стремление России решить в сжатые сроки все эти проблемы было подтверждено в ходе мероприятий с участием наших представителей по линии «Большой восьмерки». Россия выдвинула ряд инициатив в газовой сфере. В частности, российская сторона заявила о своей готовности создать равные условия для доступа российских производителей газа и нефти к экспортным трубопроводам³⁹.

Внешнеэкономическим обеспечением Энергетической стратегии России, а также государственной поддержкой интересов отечественных топливно-энергетических компаний за ру-

бежом занимается ряд правительственных структур, министерств, ведомств, включая Министерство иностранных дел России. Также взаимодействие с нефтегазовыми компаниями в вопросах разработки механизмов защиты их интересов, оказания содействия в их отношениях с иностранными и российскими ТНК, правительственными и деловыми кругами осуществляют отраслевые организации⁴⁰. На регулярной основе проводятся бизнес-форумы, такие, как например, Всероссийская неделя нефти и газа, «круглые» столы и семинары по основным направлениям энергетической политики и дипломатии.

Комплексное взаимодействие всех указанных структур призвано помочь формированию российской энергетической политики. В качестве одного из приоритетных направлений выступают энергетические взаимоотношения ЕС – основного потребителя⁴¹ российской нефти – и нашей страны. При этом большая дискуссия разворачивается по вопросам отношений, складывающихся между ведущей российской монополией «Газпром» и европейскими странами, их компаниями.

Все более очевидным становится факт выдвижения Россией жестких требований к своим иностранным партнерам. Такое развитие событий во многом обусловлено тем, что в ходе экологических проверок, коснувшихся нефтегазовых компаний, главным образом, иностранных, были обнаружены серьезные нарушения, которые могли привести к отзыву лицензии.

Важным фактором становится также столкновение подходов «европейских бюрократов» и интересов «Газпрома». Европейские структуры зачастую пытаются убедить общественность в существовании высоких рисков, связанных с «монополизацией Россией европейского рынка» и «навязывании цен» со стороны российского газового концерна. Между тем, представляется, что страны ЕС в наибольшей степени заинтересованы в решении проблемы поставки энергетических ресурсов на долгосрочной и стабильной основе. Европейцы готовят о необходимости построения будущего взаимодействия на базе «симметрии и взаимности»⁴², включающей принцип равного доступа на рынки и формирование единого мнения по всем важнейшим вопросам. Однако на практике ситуация весьма отличается от этих декларируемых заверений. Это, в частности, относится к вопросу о присоединении России к принятой в 1991 г. Энергетической хартии⁴³ – основополагающего документа сотрудничества нефтеэкспортеров, нефтеимпортеров и

«транзитных» стран. Здесь сохраняются принципиальные разногласия⁴⁴ между сторонами. Так, Евросоюз желает добиться ратификации Россией ДЭХ на условиях, которые, в частности, позволят производителям нефти и газа из стран СНГ через российскую транспортную систему выйти на европейский рынок. Россия, в свою очередь, считает, что российским нефтяным компаниям необходимо обеспечить свободный доступ к западным финансовым ресурсам, поскольку в настоящее время россияне получают западные кредиты по значительно более высоким ставкам, нежели европейские фирмы. Основным противником ратификации договора выступает «Газпром», который считает, что в случае ратификации этого документа, предусматривающего свободный выход на европейский рынок центральноазиатского газа, компания может потерять около трети рынка сбыта в Европе с ущербом в 7–8 млрд. ам. долл. В год. Определенным преимуществом от участия в ДЭХ станет использование общей законодательной базы для транзита энергоносителей, что приведет к формированию предсказуемой и прозрачной политики транзитного бизнеса. Вместе с тем, новый режим транзита энергоресурсов, включающий принцип «не прерывать и не сокращать существующие транзитные потоки энергоносителей в случае возникновения спора по транзиту до завершения процедур разрешения спора») лишит Россию при возникновении конфликтных ситуаций традиционных преимуществ «руки, держащей вентиль газовой трубы». Россия должна будет также предоставить свободный доступ к своей трубопроводной системе иностранным компаниям, т.е. допустить мощных конкурентов в важнейшую сферу экономики.

Россия в соответствии со своей концепцией предприняла меры по существенному расширению экспортных потоков на восточном и южном направлениях (сотрудничество с АТР в рамках форума организации Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), а также в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), особенно с Китаем, Южной Кореей, Японией, Индонезией, Вьетнамом и Малайзией⁴⁵).

Российские интересы в районе Персидского залива связаны, в первую очередь с тем, что страны этого региона сами обладают огромными запасами нефти и являются основными ее поставщиками на мировой рынок. Перспективное стратегическое партнерство в энергетической сфере формируется с КСА, Катаром, Ираном и Ираком.

2006 г. вошел в историю как начало «энергетического наступления» России на постсоветском пространстве в качестве своего рода энергетической «сверхдержавы». Необходимо отметить, что такой термин⁴⁶ в отношении России был впервые употреблен в 2002 году Ф.Хиллом, научным сотрудником института Брукинга в ее статье «Россия – энергетическая сверхдержава XXI в.?». При этом автор проводила мысль о том, что основой для того, чтобы считать РФ энергетической супердержавой является наличие и России не столько нефтяных, сколько газовых ресурсов.

В 2003 г. США в лице заместителя госсекретаря экономике А.Ларсона также назвали Россию «энергетической сверхдержавой»⁴⁷. В 2004 г. Ф. Хилл высказала мнение о том, что природные ресурсы обеспечат доминирование Москвы на постсоветском пространстве. К концу 2005 г. У многих стран возникло ощущение, что Россия воспринимает и позиционирует себя именно как «энергетическая сверхдержава», и эта идея стала доминирующей в российской внутренней и внешней политике. Так, о фактическом лидерстве России в мировой энергетике говорилось в ряде заявлений Путина, которые были сделаны в этот период. При этом российские политические деятели отмечали, что довольно жесткая линия России в энергетической сфере являлась не отражением каких-либо геополитических или имперских амбиций, а диктовалась рыночной конъюнктурой, а также необходимостью «использовать нефть, энергию для модернизации и диверсификации российской экономики»⁴⁸.

В конце 2006 г. появилась новая концепция энергетического сотрудничества в рамках «Энергетического Клуба» ШОС. В контексте этой концепции выделяют четыре геополитического измерения: глобальный, регионально-евразийский (пространство России, Китая и четырех стран Центральной Азии), субрегиональный (Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Киргизия) и национальный (развитие шести национальных энергетических моделей членов ШОС). Как представляется, реализация этой концепции позволит выстроить самодостаточную энергетическую структуру: производитель – поставщик – потребитель на евразийском пространстве, а также существенно обновить общую стратегию развития ШОС, внести новые ресурсы влияния в традиционные направления по безопасности, экономической и гуманитарному сотрудничеству. Существует и другой

подход – структурировать проект на основе «клубного» принципа, предполагающего достаточно широкое и прозрачное сотрудничество не только членов ШОС (государств и соответствующих министерств), но и широкого круга негосударственных субъектов (частных энергетических компаний и т.д.). Такой вариант предполагает вовлечение и не ШОС-овских субъектов без жесткой политической привязки, что позволит сделать Энергетический Клуб более гибким с подключением к энергетическому сотрудничеству таких стран как Туркмения (газовый бизнес), Азербайджан (нефть, газ) и др. В рамках этого подхода теоретически возможны и переговоры по взаимодействию с ГУАМ⁴⁹ и другими организациями. При этом следует подчеркнуть, что деятельность «Клуба» не должна дублировать профильные министерства и ведомства шести стран, имея свою специфику использования возможностей самой организации ШОС и ее структур, привлекая на той или иной основе бизнес-сообщество, экспертные ресурсы⁵⁰.

Другой российской концепцией стала идея создания союза лоббистских организаций на пространстве СНГ в газовой отрасли – Международного альянса национальных неправительственных газовых организаций стран, производящих и транспортирующих газ (МАННГО), проводником которой является председатель комитета Госдумы по энергетике, транспорту и связи В.Язев. Согласно этой концепции, после того как переговоры федерального канцлера ФРГ А.Меркель⁵¹ с президентом Франции Ж.Шираком привели к созданию атлантического альянса, который выдвинул в отношении России требование подписать Энергохартию и транзитный протокол, расстановка сил на газовом рынке изменилась и для восстановления баланса сил представляется необходимым претворить идею МАННГО в жизнь. Альянс должен стать общественной организацией, опирающейся на оргструктуру ЕврАзЭС⁵². При этом главным «интегратором» альянса должна стать Россия как «владелец трети мировых запасов газа и самой разветвленной сети газопроводов». МАННГО должна занять решающую роль в вопросах гармонизации законодательств стран-участниц⁵³.

Разработка данных концепций представляется весьма полезной для формирования новой Энергетической стратегии России на постсоветском пространстве, где в последнее время особенно обострился вопрос взаимоотношений бывших советских республик с РФ.

Однако современная Энергетическая стратегия не стала документом, который реально определял бы перспективы развития ТЭК страны, равно как не она стала эталоном, с которым сверялись бы все практические действия государственных и частных субъектов в энергетическом секторе страны⁵⁴.

В целом, и в рамках Энергетической стратегии 2003 г. трудно определить и оценить целостную концепцию внешней энергетической политики. Основные решения и шаги, предпринимаемые как руководством страны, так и нефтяными компаниями в этом направлении скорее зависят от конкретной ситуации: когда буксует европейское направление – обращаются к азиатскому и тихоокеанскому, что вызывает излишнюю озабоченность⁵⁵ и настороженность партнеров с обеих сторон. Так, до последнего времени энергетический диалог, в основном, развивался с США и ЕС. Однако за последние 5-6 лет наблюдается процесс диверсификации энергетической политики. Как отмечалось, увеличение мировых потребностей в энергоресурсах (по прогнозам, в период до 2030 г. они вырастут почти на 60%)⁵⁶, а главное, быстрые темпы развития экономики в ряде азиатских стран (в основном, Китае), истощение запасов, перезревшие проблемы транзита, ужесточение экологической законодательной базы, усиление конкуренции со стороны соседних с Россией среднеазиатских стран, а также Норвегии привели к изменениям во внешней политике нашей страны.

Как представляется, Стратегия должна содержать четкое обозначение позиции государства в отношении нефтяного сектора – то есть, будет ли государство преимущественно только регулятором или же станет полноценным игроком-предпринимателем в этой сфере. По-видимому, следует также определить «систему целей» для основных этапов развития отрасли и ТЭЖК в целом и приоритеты государственной политики. Важно было бы, исходя из интересов государства, зафиксировать в Энергетической стратегии направления частного-государственного партнерства и основные его механизмы и инструменты⁵⁷. Указанные цели должны базироваться на роли российской нефтяной отрасли в глобальной системе энергетических отношений.

В последнее время руководством РФ предпринимался целый ряд мер по решению основных задач, стоящих перед российским ТЭК. Так, администрация президента РФ инициировала разработку новой стратегии топливного обеспечения рос-

сийской экономики. Основная ставка в ней будет сделана на рост поставок газа, дефицит которого, по оценкам экспертов, уже сейчас составляет около 30%, а также на уголь, что позволит сэкономить до 27 млрд.кубометров газа в год⁵⁸.

В октябре 2006 г. была разработана концепция создания в России нефтяной биржи, которая могла бы разместиться в Санкт-Петербурге, где нефть будет продаваться за рубли⁵⁹.

Как представляется, энергетическая стратегия в дальнейшем будет, скорее всего, неизбежно состоять из двух взаимодополняющих компонентов – непосредственного документа, отражающего основные проблемы и перспективы, статистические данные о ТЭК России; и тех политических мероприятий, которые будут предприниматься в соответствии с ситуацией на рынке. С учетом непредсказуемости рисков извне, на данном этапе развития России этой вариант осуществления энергетической политики и дипломатии вполне вписывается в общемировой процесс, так как в его рамках можно адекватно реагировать на изменения и при этом отстаивать национальные интересы.

В отношении стратегии Саудовской Аравии необходимо отметить, что прямая зависимость благосостояния королевства от нефтегазового экспорта предопределило приоритетное место нефтяного фактора во внешней политике этой страны⁶⁰.

Усилия Саудовской Аравии, главным образом, сконцентрированы на расширении своей экспортной ниши на мировом рынке, оптимизации цен на нефтегазовое сырье и их производные продукты, на сохранении ведущей роли углеводородных ресурсов в мировом топливном балансе⁶¹.

Изучение подходов руководства КСА к развитию нефтегазовой отрасли имеет большое практическое значение с учетом следующих факторов.

Являясь крупнейшим в мире производителем нефти, одним из лидеров ОПЕК и ОАПЕК, КСА имеет возможность существенно влиять на ситуацию, складывающуюся на рынке углеводородного сырья.

Нефть была и остается двигателем современной экономики, природным продуктом, пользующимся широким и устойчивым спросом. Положение лидеров в нефтедобыче закрепляет за нефтяными монархиями Аравии завоеванные ими места в системе международного разделения труда, а также дает гарантии в получении твердых доходов на предстоящее столетие. В то же время, к концу XX в. стало очевидным заметное

падение роли аравийской нефти по сравнению с периодом "нефтяного бума" в 70-е годы. Структурная перестройка мировой экономики и постепенный переход ее центра из Атлантики в Тихий океан ведут к закреплению субрегиона Персидского залива на довольно скромной роли в мировом капиталистическом хозяйстве. Вместе с тем, КСА расширяет свой потенциал в сфере добычи и экспорта газа, а также продуктов нефтепереработки, нефтехимической промышленности.

Понимание роли аравийской нефти имеет большое практическое значение для комплексного изучения «правил игры» на мировом энергорынке.

Нефтяной фактор в своей совокупности (поставки нефти и нефтепродуктов арабским странам, лишенным этого сырья, финансовая помощь за счет "нефтедолларов", инвестиции нефтяных монархий в арабском мире и пр.) позволил занять КСА и другим странам Залива особое место в арабском и исламском мире, хотя оно оспаривается, поскольку в арабском мире раздаются голоса о "принадлежности нефти всей арабской нации".

В связи с этим основной задачей энергетической политики саудовского государства является установление сбалансированных отношений с арабами с тем, чтобы не допустить раскола внутри арабского мира, чреватого усилением напряженности в регионе и еще более широким распространением фундаменталистских настроений.

Важным аспектом саудовской нефтяной политики является курс на создание собственных перерабатывающих мощностей и уменьшение зависимости от нефтяной составляющей за счет диверсификации экономики⁶².

В целом, можно выделить следующие тенденции, которые отмечаются в работах ведущих специалистов и политологов в области нефтяной политики саудовского королевства:

- преимущественная ориентация аравийских монархий на перспективный азиатский рынок (китайский, главным образом);
- стремление КСА играть ведущую роль в разработке стратегии международного энергетического сотрудничества благодаря самым крупным разведанным запасам и объемам добычи нефти в мире;
- нефть в качестве «оружия» проявила себя как действенный инструмент. Вместе с тем, по мнению саудовцев, использование этого оружия в энергетической политике может вести

к обратному эффекту (вследствие взаимосвязи экономик различных стран);

– понимание значения фактора стабильности на нефтяном рынке способствует проведению КСА более взвешенной ценовой политики. Однако диапазон «оптимальных» цен не является одинаковым для всех нефтеэкспортеров. В этом смысле саудовское королевство, в котором себестоимость добычи барреля нефти является одной из самых низких в мире, находится в более благоприятных условиях, чем другие производители, что делает ее позиции на нефтяном рынке более устойчивыми.

Энергетическая концепция КСА исходит из необходимости поддержания баланса на мировом нефтяном рынке, «равномерного распределения энергетических ресурсов между странами, нуждающимися в этом»⁶³, а также накопления резервных мощностей⁶⁴.

В последнее время усилилось внимание саудовцев к вопросам расширения газодобывающего и газоперерабатывающего комплекса. По словам президента компании Сауди АРАМКО А. Джума, «газ является ключевым элементом развития экономики в будущем в силу постоянного роста спроса на этот вид энергоресурсов»⁶⁵.

В 2000 г. Наследный принц Саудовской Аравии (ныне – король) Абделла выдвинул так называемую «газовую инициативу»⁶⁶, суть которой заключалась в формировании на газonosных месторождениях КСЯА международных консорциумов с участием иностранных компаний. Такой шаг саудовского руководства объясняется несколькими причинами. В Эр-Рияде учли имеющийся, весьма впечатляющий опыт соседей (Катар). Кроме того, руководство КСА стремится вернуть на родину хотя бы часть из 800 млрд. долл., которые вкладывались саудовцами в иностранные банки Запада. В контексте растущего интереса Эр-Рияда к проблематике добычи и переработки газа складываются дополнительные возможности для налаживания взаимодействия КСА с Россией, которую руководство Королевства считает страной, имеющей уникальный опыт развития газового хозяйства.

Взаимодействие России и Саудовской Аравии в области энергетики

Необходимо отметить, что отношения между КСА и РФ складывались крайне неровно. Только в последние пять –

шесть лет российско – саудовские связи вошли в полосу быстрого и разностороннего развития. Отражением этого является налаживание на основе активного энергетического сотрудничества политического диалога между нашими странами⁶⁷.

В рамках возобновления российско-саудовских отношений в научных и политических кругах России и саудовского королевства активизировалось обсуждение их перспектив в контексте выработки новых подходов к двустороннему взаимодействию в различных областях. Основным лейтмотив такой дискуссии сводился к тому, что в основу отношений современного этапа должна быть положена новая стратегия, суть которой заключается в достижении договоренности по тем вопросам, где налицо совпадение интересов с последующим расширением диапазона сотрудничества. Так, были найдены точки взаимодействия по ряду актуальных проблем, таких как энергетический терроризм⁶⁸. Актуальность приобретает сотрудничество КСА и России в рамках международных энергетических форумов⁶⁹.

Визиты глав государств⁷⁰, а также руководителей различных министерств и ведомств способствуют укреплению понимания перспективности развития отношений, что, в свою очередь, дает дополнительный толчок к активизации совместного бизнеса в других сферах. В подтверждение сказанного целесообразно отметить межправительственное Соглашение о сотрудничестве в области нефти и газа 2003 г.⁷¹, благодаря которому, несмотря на жесткую конкуренцию, стало возможным продвижение российских энергетических компаний на саудовском рынке.

Таким образом, на государственном уровне в рамках проведения энергетической дипломатии двух государств возможно установление и поддержание контактов представителей и правительственных, и корпоративных, а также общественных кругов.

Роль государственных нефтегазовых компаний в формировании энергетической политики

В последние годы заметно усиление роли крупнейших мировых нефтегазовых компаний⁷² в формировании энергетической политики как отдельных государств, так и международных организаций. Это меняет само понятие международных отношений как отношений между национальными государствами. Возникают контуры «постмеждународной политики» – глобальной системы, в которой контакты между различными структу-

рами и действующими лицами осуществляются принципиально по-новому⁷³.

В то же время необходимо отметить, что нефтяные компании выступают не только в виде особой структуры, связывающие власти и элиты различных стран, но также выполняют важную «регионособирающую»⁷⁴ функцию, что подразумевает расширение рынков и постоянный поиск новых партнеров.

Вопрос о функциях государства и государственных компаний также широко обсуждается в кругах политологов и экономистов. Появился ряд концепций, посвященных данной тематике. Некоторые исследователи выступают за сохранение объектов энергетики под жестким контролем государства. При этом признается целесообразность таких мер как создание специальных экономических зон, защита государственных границ и интересов, накопление валютных резервов и т.п.⁷⁵ Правда, большинство западных политологов высказываются негативно в отношении повышения роли государства и энергетических госкомпаний. Так, по мнению К.Хойоса, госкомпания, берущие в свои руки процесс добычи, как правило, в конце-концов оказываются технологически несостоятельными и не справляются с задачей динамичного увеличения объемов поставок энергоресурсов⁷⁶.

В связи с этой дискуссией важно отметить, что методы управления госкомпаниями различны, соответственно, различается и степень эффективности деятельности такого рода компаний. Так, если для сравнения взять долю саудовской госкомпания АРАМКО⁷⁷ в ВВП КСА (40%) и российской «Роснефть» (3%), то цифры показывают, что АРАМКО представляет собой своеобразный «энергетический орган» государства, призванный адекватно и своевременно реагировать на изменения на энергорынке.

Контакты саудовской государственной компании АРАМКО, являющейся монопольным владельцем нефтяных ресурсов КСА, с ЛУКОЙЛом⁷⁸ осуществлялись с использованием государственных структур⁷⁹, оказывающих важное стимулирующее влияние на подходы саудовского политического и бизнес-сообщества к развитию связей с российскими специалистами, фирмами и объединениями, в том числе, нефтегазового профиля⁸⁰. Такое взаимодействие является новым видом сотрудничества представителей российского бизнеса с саудовским руководством, при котором российская сторона, официально представленная государством, является в определенной мере

гарантом взаимодействия частных нефтяных компаний России с саудовцами.

Характерно, что решение Саудовской стороны в отношении заключения крупного газового контракта с «ЛУКОЙЛ» (разведка и добыча газа в пустыне Руб эль-Хали) было принято в результате скоординированных действий политических структур двух стран, а также успешной презентации «ЛУКОЙЛ» своих технических возможностей. По мнению российского посла в КСА А.Г. Бакланова, «решение саудовской стороны о привлечении российской компании к осуществлению масштабного проекта в энергетической сфере отражает создание в отношениях между Россией и КСА нового климата доверия и готовности к взаимодействию на различных направлениях. Это результат большой политической работы, которая проводилась нами в последние два – три года. Это еще и признание высоких качественных характеристик, конкурентоспособности российского нефтегазового комплекса и конкретно ЛУКОЙЛа»⁸¹.

Политический характер этой сделки заставил мировое общество говорить о формировании так называемой саудовско-российской «энергетической оси». Более того, подписание крупного газового саудовско-российского контракта подтверждает серьезность намерений обеих сторон и их готовность к формированию в весьма динамичном ключе тесных партнерских связей между заинтересованными структурами двух государств – важнейших мировых производителей и экспортеров углеводородного сырья. К тому же, главной целью обеих стран является обеспечение стабильности на мировом нефтяном рынке.

Что касается сегодняшней ситуации в сфере взаимодействия саудовской АРАМКО с энергетическими компаниями России, то здесь наблюдается две тенденции. Первая, более благоприятная, заключается в продолжении различных работ в рамках совместных проектов⁸². Вторая тенденция заключается в сдержанном подходе Эр-Рияда к определению масштабов сотрудничества с РФ. Для укрепления положительных тенденций, характерных для периода 2001 – 2005 гг. требуется наличие постоянного интереса и активности со стороны российских представителей внешнеполитических государственных органов и конкретных энергетических компаний. Только каждодневные контакты с саудовским руководством, представителями бизне-

са и деловых кругов могут обеспечить продолжение процесса укрепления позиций российских компаний в КСА.

Подходы к энергетическому сотрудничеству на региональном и международном уровнях

Растущая энергетическая взаимозависимость различных стран подтверждает тезис о практической невозможности для отдельно взятой страны самостоятельно обеспечить свою национальную энергетическую безопасность. Вследствие этого международное энергетическое сотрудничество приобретает новое качество – эффективного форума для компромиссных решений по наиболее острым вопросам, а также дает старт развитию двустороннего сотрудничества между отдельными ее членами и странами, не входящими по ряду субъективных и объективных причин в их состав.

В российской энергетической политике можно выделить не только страновые, но и глобальные и региональные приоритеты. На глобальном уровне Россия развивает сотрудничество со всеми центрами мировой энергетической политики: Международным энергетическим агентством (МЭА), ОПЕК, «Большой восьмеркой», Международным энергетическим форумом (МЭФ), институтами ООН и др. Сотрудничество в рамках этих и других организаций должно обеспечивать стабильность и предсказуемость ценовой ситуации на мировых рынках нефти только в том случае, если будут выполняться основные условия: во-первых, согласованность действий, во-вторых, учет стратегических национальных интересов сторон, в-третьих, взаимоуважение.

В рамках отношений с Саудовской Аравией и с ближневосточным регионом в целом особую роль играют региональные и международные организации (ОПЕК, ССАГПЗ, МЭФ), взаимодействие с которыми позволило РФ и КСА выйти на совершенно иной уровень сотрудничества в нефтяной сфере. Этому способствовал качественно новый климат в отношениях между двумя странами.

Сотрудничество России с региональными организациями в советское время развивалось под влиянием идеологического фактора. Отношения строились на тезисе, что их члены борются за «справедливые цены с международным империализмом во главе с США»⁸³. В начале 90-х гг. из-за кардинальной смены российских внешнеполитических приоритетов контакты между сторонами были фактически заморожены. Новый им-

пульс в сотрудничестве был дан только в 1998 г., когда Россия, осознав необходимость сотрудничества и с Западом (нефтеимпортерами), и с Востоком (нефтеэкспортерами), стала наблюдателем на министерских конференциях ОПЕК в целях обмена информацией по актуальным вопросам. Через ОПЕК Россия могла лоббировать свои интересы на рынках стран – членов организации, а также использовать преимущественно «арабский» характер состава ОПЕК в качестве инструмента воздействия в рамках своего конспонсорства по ближневосточному урегулированию.

С учетом общей заинтересованности РФ и стран ОПЕК в поддержании стабильных цен на углеводородное сырье такого рода взаимодействие выгодно для сторон. Вместе с тем, следует учитывать, что вступление нашей страны в эту организацию в качестве члена ОПЕК, который будет обязан выполнять коллективно вырабатываемые решения, не отвечает на сегодняшний день интересам России. Ей выгоднее занимать более сбалансированную позицию, играть роль координатора взаимодействия основных нефтеэкспортеров и нефтеимпортеров.

Характерной чертой взаимодействия России с ОПЕК является постоянный совместный мониторинг изменений на мировом нефтяном рынке. При этом следует учитывать следующее обстоятельство. По мнению некоторых аналитиков, в ближайшее время картель, подошедший к пределу своих производственных возможностей, вряд ли сможет достаточно радикально влиять на баланс спроса и предложения. В связи с этим в интересах России иметь дополнительные рычаги и каналы взаимодействия со странами, оказывающими воздействие на положение на рынке энергоносителей.

В этом контексте важным представляется укрепление связей и взаимодействия РФ с учрежденным в 2003 году в Эр-Рияде Постоянным секретариатом Международного энергетического форума (МЭФ). Такое взаимодействие предоставляет возможность на регулярной основе анализировать тенденции нефтяного рынка и давать рекомендации по объемам и квотам продажи нефти, а также обсуждать актуальные проблемы мировой энергетики и безопасности, устойчивого развития энергосектора.

Сотрудничество между КСА и РФ в рамках Международного энергетического экономического форума имеет широкие перспективы. Форум – наиболее универсальная организация. В отличие от ОПЕК, в нее входят не только нефтедобываю-

щие, но и нефтеимпортирующие страны. МЭФ – это новый вид многостороннего взаимодействия в нефтяной политике.

Заключительные замечания

Тезис «нефть и политика – в сущности одно целое», выдвинутый египетским президентом А.Садатом еще в начале 1970-х гг., по-прежнему остается актуальным.

И сейчас, несмотря на активное вовлечение в энергобаланс все новых источников энергии, на протяжении, по крайней мере, первого десятилетия XXI в., ископаемое органическое топливо останется основой мировой энергетики. Следовательно, консолидация усилий в целях гармонизации и предсказуемого развития мирового энергорынка остается крайне актуальной и важной темой.

Исследования по энергетической проблематике позволяют говорить о том, что разработанные в последние годы концептуальные основы энергетической политики основных стран-экспортеров и импортеров углеводородов могут претендовать на то, чтобы составлять стабильную основу для развития межгосударственных отношений в этой сфере.

Взаимодействие Саудовской Аравии и Российской Федерации – крупнейших нефтяных держав мира – служат в этом плане хорошим примером.

Учитывая нынешнюю нестандартную ситуацию на рынке энергоносителей саудовские экономисты и эксперты-нефтяники все чаще высказывают мысль о целесообразности расширения взаимодействия с российскими коллегами для совместного поиска оптимального варианта ценообразования на нефть. Они говорят о разработке гибкой шкалы реагирования всех основных производителей нефти (как членов ОПЕК, так и независимых производителей) на значительные по своим финансово-экономическим последствиям колебания цен на энергоносители. В качестве одного из инструментов гармонизации цен на нефть и согласования политики крупных экспортеров и импортеров нефти саудовцы указывают на такую вновь созданную международную организацию, как Постоянный секретариат Международного энергетического форума в Эр-Рияде.

Рассматривая основные направления взаимодействия двух стран в нефтегазовой сфере, необходимо отметить, что отношения между КСА и РФ в этом направлении строятся, прежде всего, на основе активного сотрудничества между крупнейшими нефтегазовыми компаниями. В условиях

обострения конкурентной борьбы на мировых энергетических рынках преимущества получают компании, которые имеют крепкие финансово-экономические и ресурсные «тылы», располагают богатым опытом корпоративной дипломатии и пользуются государственной поддержкой. При этом только эффективное и конструктивное сотрудничество между отечественными компаниями с органами государственной власти поможет России в полной мере использовать огромные потенциальные возможности для укрепления наших позиций в мировой энергетике, а также для роста авторитета РФ в мировой политике.

Другим направлением возможного саудовско-российского «интеллектуального» взаимодействия в сфере энергетической дипломатии является совместное подключение возможностей международных и региональных организаций (ОПЕК, ССАГПЗ, МЭФ), а также активное участие в конференциях и встречах на самых разных уровнях по проблематике энергетики и обеспечения безопасности в этой области, в частности.

Что касается энергетической безопасности, то эту категорию можно рассматривать в «широком» и «узком» плане. Широкое толкование заключается в обеспечении бесперебойной добычи, транспортировки и маркетинге энергоносителей. Более узкое толкование – определение мер, способных создать систему защиты конкретных объектов нефтегазовой инфраструктуры. Без сомнения, объединение усилий специалистов ряда стран, в том числе, РФ и КСА, могло бы предупредить появление угроз и вызовов в этой сфере, способных опасно destabilизировать ситуацию на нефтяных рынках. Реальность российско-саудовского взаимодействия в этой области обусловлено, в частности, тем обстоятельством, что в соответствии с договоренностью, достигнутой между В.В.Путиным и Наследным принцем Абделлой в 2003 году, сторонами была создана рабочая группа по проблематике антитеррора.

Второе, на что следует обратить внимание – важность выработки комплекса мер по «упреждающему» регулированию ситуации на рынке в интересах эффективного функционирования всего мирохозяйственного механизма. И здесь также важную роль здесь может сыграть взаимодействие РФ и КСА.

1 Источники:

1. Визит в Москву Наследного принца Саудовской Аравии Абдаллы, Arab news, 2–4 сентября 2003 г.

2. Визит в Саудовскую Аравию президента Чеченской Республики А. Кадырова, www.rian.ru, 14–18 января 2004 г.

3. Визит министра нефти и минеральных ресурсов Саудовской Аравии Али ан-Нуэйми в Москву, ИТАР-ТАСС, 13–14 марта 2003 г.

4. Встреча Президента ТПП РФ Евгения Примакова с Генеральным секретарем Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива Абдурахманом Атыйей, ИТАР-ТАСС.

5. Вступительное слово Министра энергетики Российской Федерации В.Б.Христенко к заседанию министров энергетики «Группы восьми», <http://www.g8russia.ru>, 16.03.2006.

6. Выступление на 4-й Всероссийской неделе нефти и газа Министра иностранных дел Российской Федерации Лаврова С.В., – М., 26.10.2004.

7. Газовая инициатива Наследного принца Абдаллы, The Investment Climate, – Riyadh, 2002.

8. Доктрина энергетической безопасности России, – М.: Минтопэнерго России, 1998, февраль.

9. Документы внешней политики СССР, т. X, – М., 1965.

10. Интервью Посла РФ в КСА А.Г. Бакланова РИА «Новости» по российско-саудовским отношениям, www.rian.ru, 25.12.2003.

11. Концессионное соглашение 2004 г. между компанией ЛУКОЙЛ и министром нефти и минеральных ресурсов КСА Али Аль-Наими/ www.lukoil-overseas.ru.

12. Межправительственное соглашение о сотрудничестве в области нефти и газа 2003 г., www.rian.ru.

13. О приветственном послании Президента России В.В. Путина наследному принцу Саудовской Аравии Абдалле бен Абдель Азизу, <http://www.in.mid.ru>. 20.01.2004.

14. Программа стратегического развития Группы ЛУКОЙЛ на 2004–2013 годы, www.lukoil.ru.

15. Энергетическая стратегия России до 2020 г., – М.: Минэнерго России, 2003 г., www.oilru.com.

16. The Statute of the Organization of Petroleum Exporting Countries. Art. 2. -Vienna, 1971.

17. Выступление В.В.Путина на встрече с ведущими представителями российского бизнеса, 7.02.2007, www.newsru.com.

18. Выступление В.В.Путина на пресс-конференции по итогам саммита «Большой восьмерки», 18.07.2006, www.rian.ru.

19. Письмо П.Э.Келли и Ф.Смита на имя Президента США Дж.Буша, www.rian.ru, 14.12.2006.

20. Выступление В.В. Путина на встрече с ведущими представителями российского бизнеса, 07.02.2007, www.newsru.com

21. Выступление еврокомиссара по энергетике А. Пиебалгса на неформальном саммите Россия-ЕС в финском г. Лахти, www.vremya.ru, 31.10.2006

22. Выступление В.В. Путина на пресс-конференции в Ново-Огарева, www.expert.ru, 09.11.2006

23. Выступление президента Российского союза промышленников и предпринимателей А.Н.Шохина на IV Международном форуме «Нефть России: настоящее и будущее», www.warandpeace.ru

2. Справочный материал:

24. Ислам. Энциклопедический словарь, – М, 1991.

25. Современная Саудовская Аравия. Справочник, – М, 1998.

26. Страны и регионы мира 2003: Экономико-политический справочник // Под ред. А. С. Булатова, – М, 2003.

27. BP Statistical Review of World Energy 2005, -London: BP, 2005.

28. Russian Commerce News, The Russian-American Chamber of Commerce, winter 2006.

29. Saudi Arabian Monetary Agency, Fortieth Annual Report, – Riyadh, 2005.

30. Saudi Budget – 2005. Review and analysis, Abdulaziz M. Al-Dukheil, January 2005, – Riyadh, 2005.

31. Saudi Commerce and Economic review, January 2005, № 129, – Riyadh, 2005.

32. The Investment Climate, – Riyadh, 2002.

33. The Saudi Economy 2004 Performance, 2005 Forecast, February 2005, – Riyadh, 2005.

3. Литература:

34. Александров И.А. Монархии Персидского залива, – М., 2000.

35. Бакланов А.Г. Россия и Саудовская Аравия, два нефтяных гиганта. // Международная жизнь, № 7, – М, 2003.

36. Бакланов А.Г. Саудовский разворот? // Международная жизнь, № 9, – М, 2004 г.

37. Бакланова Н.А. Совет Сотрудничества арабских стран Персидского Залива (ССАГПЗ) и его отношения с Россией //

Ближний Восток: отношения с Россией и актуальные проблемы современности, – М, 2006.

38. Ваганов А., С точностью до мегаджоуля, НГ-энергия, 12.07.2006.

39. Василенко А., Нефтяной фактор в российской внешней политике // Русский журнал, 11.02.1998.

40. Василенко А.Б., Российские нефтяные компании в политических процессах переходного периода, Автореферат, – М, 1997 г.

41. Васильев А.Н. История Саудовской Аравии, – М., 1999.

42. Венин М. СССР – Саудовская Аравия: из истории отношений // Азия и Африка сегодня, № 4, – М., 1986.

43. Данилин И., России в энергетической осаде, www.klio.lv

44. Дмитриев М., Стратегия «энергетического ключа», Коммерсант, 31.07.2006

45. Ершов Ю.А., Энергетическая стратегия России на период до 2020 года: плюсы и минусы новой энергетической политики Российской Федерации//Внешнеэкономический бюллетень, № 3, 4, – М, 2004.

46. Жизнин С.З, Энергетическая дипломатия, – М., 1999.

47. Жизнин С.З., Нефтяная дипломатия России // Нефть России, № 8, август 2004, www.oilru.com

48. Жизнин С.З., Энергетическая дипломатия России, – М., 2005.

49. Злобин А., Романова Л., Происхождение мифа, www.smonew.ru

50. Клейман А., Концепция энергетической политики. Энергетическая стратегия России, www.policity.ru

51. Косач Г.Г., Мелкумян Е.С. Внешняя политика Саудовской Аравии, – М., 2003.

52. Лузянин С.Г., Энергетическое пространство ШОС. К вопросу о разработке концепции создания «Энергетического Клуба», www.mgimo.ru

53. Маджед Ат-Турки. Очерк российско-саудовских отношений, – эр-Рияд, 2003.

54. Македонов С., «Энергетическая сверхдержава»: наступление в никуда, www.apn.kz, 12/04/2007

55. Мамаев Ш., Миры в столкновении, www.politjournal.ru

56. Мансуров Т.А. Полпред Назир Тюрякулов. Дипломат, политик, гражданин, – М, 2003.

57. Мастерпанов А.М., Шафраник Ю.К., Нефть России и глобализация: выбор парадигмы развития // Энергия 2006, № 9.

58. Путин В.В. Энергетический эгоизм – дорога в никуда (Energy egoism is a road to nowhere), The Wall Street Journal, www.strana.ru.

59. Роланд Гетц. Российская энергетическая политика. // International Politik, № 1 январь-февраль, – М, 2006.

60. Салех Мухаммад Аль – Хаслян. Российско – саудовские отношения к стратегическому партнерству, (лекция).

61. Фридман Т.Л., Закон петрополитики. Рост цен на энергоносители приводит к регрессу демократии (перевод статьи «The New York Times», США), www.centrasia.ru

62. Фридман Т.Л., Первый закон петрополитики//Правое дело, № 21 (542), 12.05.2006.

63. Хасянов А. Проблемы нефтегазового комплекса КСА и попытки диверсификации ее экономики в 90-е годы XX века. // Король – реформатор. Видение российской интеллигенции, – М, – 2002.

64. Яковлев А. И. Саудовская Аравия: пути эволюции, – М, 1999.

65. M.A.Adelman, The Real Oil Problem, www.oil-resources.ru, 30.01.2007.

66. Bjorn Moller, Oil and Water. Cooperative security in the Persian gulf, New York, 2001.

67. Naif B. Al-Sudairy, Riyadh – Moscow. The unnecessary struggle, -Riyadh, 1989.

68. Nicolas Barre, La Diplomatie energetique, Le Figaro, - Paris, 25.01.2006.

69. Абдалла ибн Мухаммед ибн Хусейн Абдель Мухассен. Аль алякат ар-русия аль арабия 1926–1938, – Эр-Рияд, 1999. (Арабо-российские отношения. 1926–1938 гг.)

70. Ас – Суэйг А.Х. Аль-Ислям фи ас-силса аль-хариджийя са-саудийя (Аль-ислам Фис сиясати аль-хариджияти ас-саудия), Эр-Рияд, 1992. (Ислам во внешней политики Саудовской Аравии).

71. Аль-Шихри Али. Аль алякат ат-тиджария аль-иктисадия бейна аль-иттихад ас-суфятий (Русия) Валь мамлякати арабияти ас-саудия, – М, 1999. (Торгово-экономические отношения с Советским Союзом (Россией)).

72. Зияд Ибн Абдалла Аддарис, Перестройка. Аль алякая ар-русия ас-саудия, – М., 2004. (Перестройка. Саудовско-российские отношения).

73. Наумкин. В., Фейсал фи Русия. 1932, – Рияд, 2004. («Фейсал в России в 1932 году»).

74. Rosenau J., Turbulence in world politics: A theory of charge and continuity. – Princeton, 1990.

75. Фахд Ибн Абдельазиз Ассамари, Аль алякат ар-русия ас-саудия. 1902–1938, – М., 2004. (Саудовско-российские отношения. 1902–1938 гг.).

4. Периодические издания:

76. Время новостей.

77. Известия, 13.09.1927.

78. Известия, 3.04.1930.

79. Известия, 10.03.2004.

80. Коммерсантъ.

81. Коммерсантъ-деньги, 18.09.2006.

82. Коммерсантъ Business Guide, 20.06.2006.

83. Нефтяные ведомости, №5 (22), 09.03.2004.

84. Росбалт, 07.04.2004.

85. Советская Россия.

86. Страна.

87. Финансовые известия.

88. Экономика и жизнь, 14.02.2004.

89. The New York Times.

90. Arab News, -Riyadh, 27.01.2004.

91. Gulf Business, September 2004.

92. Meed, 24 – 30 September 2004, -Riyadh, 2004.

93. Meed, 3-9 December 2004, -Riyadh, 2004.

94. The Saudi Gazette, 20.12.2004, -Riyadh, 2004.

5. Ресурсы интернет:

95. www.in.mid.ru (официальный сайт МИД России).

96. www.lukoil.ru (официальный сайт компании ЛУКОЙЛ).

97. www.lukoil-overseas.ru (официальный сайт компании ЛУКОЙЛ).

98. www.neftevedomosti.ru (новостной сайт).

99. www.oilru.com (информационный сайт).

100. www.prime-tass.ru (новостной сайт).

101. www.rian.ru (новостной сайт).

102. www.oilcapital.ru (информационный сайт).

103. www.vedomosti.ru (новостной сайт).

104. <http://www.g8russia.ru> (информационно-аналитический сайт).
105. www.inosti.ru (новостной сайт).
106. www.neftegaz.ru (информационно-аналитический сайт).
107. www.izvestia.ru (новостной сайт).
108. www.ngv.ru (информационный сайт).
109. www.bbc.com (новостной сайт).
110. www.itar-tass.ru (новостной сайт).
111. www.rbc.ru (новостной сайт).
112. www.reuters.ru. (сайт информационного агентства).
113. www.MIGnews.com. (новостной сайт).
114. www.lenta.ru. (новостной сайт).
115. www.news.xinhuanet.com (новостной сайт).
116. www.opec.org (информационный сайт).
117. www.oil-resources.ru (информационно-аналитический сайт).
118. www.vesti.ru (новостной сайт).
119. www.newsru.com (новостной сайт).
120. www.vz.ru (новостной сайт).
121. www.ideologia.ru (информационно-аналитический сайт).
122. www.radiomauak.ru (новостной сайт).
123. www.oil-resources.ru (информационно-аналитический сайт).

6. Информация ИТАР-ТАСС, ИНТЕРФАКС:

124. ИТАР-ТАСС, 04.09.2003.
125. Интерфакс, 30.09.2004.

¹ См. Василенко А., Нефтяной фактор в российской внешней политике // Русский журнал, 11.02.1998, www.russ.ru.

² Для обеспечения своей энергетической безопасности развитые страны Запада стали создавать резервы энергоресурсов на случай резкой дестабилизации международных нефтяных поставок.

³ Письмо П.Э.Келли и Ф.Смита на имя Президента США Дж.Буша, www.gian.ru, 14.12.2006.

⁴ Права на нефть и газ: оружие новой «холодной войны» (The Observer, Великобритания), www.oilru.com, 27.02.2007.

⁵ Фридман Т.Л., Закон петрополитики. Рост цен на энергоносители приводит к регрессу демократии (перевод статьи «The New York Times», США), www.centrasia.ru.

⁶ www.ideologiya.ru

⁷ Фридман Т.Л., Первый закон петрополитики // Правое дело, № 21 (542), 12.05.2006.

⁸ Фридман Т.Л., Первый закон петрополитики // Правое дело, № 21 (542), 12.05.2006.

⁹ Фридман Т.Л., Первый закон петрополитики // Правое дело, № 21 (542), 12.05.2006.

¹⁰ Этот феномен называют «голландской болезнью» – процессе деиндустриализации, который может стать следствием внезапно обрушившихся на страну доходов от экспорта сырья. Зависимость от сырьевых ресурсов влияет на политическую жизнь страны, ее инвестиционные и образовательные приоритеты таким образом, что главным становится вопрос о том, кто контролирует нефтяной «кран», кому и сколько достается от финансового пирога – а не вопросы обеспечения эффективной конкуренции, внедрения инноваций, увеличения производства продукции для реального потребления.

¹¹ Фридман Т.Л., Первый закон петрополитики // Правое дело, № 21 (542), 12.05.2006.

¹² Мамаев Ш., Миры в столкновении, www.politjournal.ru.

¹³ При этом учредителями Форума стран-экспортеров газа – газового ОПЕК – объявлены Россия, Иран, Катар, Венесуэла и Алжир. Вместе с тем реакция на создание возможного союза ЕС и США была самой негативной.

¹⁴ Данилин И., Россия в энергетической осаде, www.klio.lv.

¹⁵ www.radiomauak.ru

¹⁶ 22,5 млрд. ам. долл.

¹⁷ На конец 2006 г. они составляли 278,9 млрд. ам. долл.

¹⁸ 100 млрд. ам. долл. По прогнозу Всемирного банка, к 2030 г. он достигнет 2,3 трлн. ам. долл. Источник: www.izvestia.ru, 17.04.2006.

¹⁹ www.newsru.com, 7.02.2007.

²⁰ Russian Commerce News, The Russian-American Chamber of Commerce, Winter 2006, С. 6.

²¹ Во время саммита «Большой восьмерки» российской стороне был передан доклад, подготовленный МЭА о состоянии газовой отрасли в РФ – «Потенциал российского газа». Главные выводы – «Газпром», вместо того, чтобы инвестировать в разработку новых месторождений и модернизировать существующие трубы и газораспределительные сети, скупает нефтяные активы и строит новые трубопроводы. Из доклада следует, что добыча в России падает на 20 млрд. куб. м в год, около 70 млрд. куб. м теряется в трубах либо просто сжигается в факелах на нефтяных месторождениях. По мне-

нию авторов документа, «выигрышной стратегией» для обеспечения устойчивых поставок стало бы замедление роста внутреннего спроса на газ благодаря энергосбережению. («Ведомости», 20.07.2006).

²² Для нефтяной и газовой отраслей характерен ряд проблем: темпы добычи опережают развитие новых месторождений (явление «проедания» ресурсов); необходимость модернизации и повышения энергоэффективности; истощение нефтяных и газовых месторождений из-за существенного свертывания геологоразведочных работ; потребность в инвестициях (около 300 млрд. долл. США).

²³ Gulf Business, September 2004, С. 61–62.

²⁴ Основными являются следующие: значительные доказанные и потенциальные ресурсно-сырьевые запасы, традиционные рынки для российских ресурсов в ближнем и дальнем зарубежье. Очевидна заинтересованность стран из прилегающих регионов в поставках энергетических ресурсов из России с использованием сформировавшейся или планируемой транспортной инфраструктуры, а также большие потенциальные возможности российской строительной и машиностроительной индустрии для модернизации и развития ТЭК в ряде стран.

²⁵ Идея формирования такого пути подразумевает строительство сети нефтегазопроводов на восточном, азиатском направлении.

²⁶ Дмитриев М., Стратегия «энергетического ключа», Коммерсант, 31.07.2006.

²⁷ Роланд Гетц, Российская энергетическая политика // International Politik, №1 январь-февраль, – М, 2006, С. 9.

²⁸ Такая ситуация сложится по причине того, что российские нефтегазовые компании будут нелегко выдержать конкуренцию со стороны мощных и влиятельных финансовых гигантов, которыми являются нефтекомпании Запада.

²⁹ Ваганов А., С точностью до мегаджоуля, НГ-энергия, 12.07.2006.

³⁰ Именно вопрос энергобезопасности был центральным на время председательства России в «Большой восьмерке». Согласно итоговому документу саммита «Большой восьмерки» «Глобальная энергетическая безопасность», энергобезопасность включает в себя добычу, транспортировку и продажу на рынках энергоносителей. Все звенья этой цепочки связаны между собой. Источник: Выступление В.В. Путина на пресс-конференции по итогам саммита «Б8», 18.07.2006.

³¹ Жизнин С.З., Энергетическая дипломатия России, – М, 2005 г., С. 31.

³² Доктрина энергетической безопасности России, – М, Минтопэнерго России, 1998, февраль.

³³ В докладе Всемирного Экономического форума (ВЭФ) «Новая парадигма экономической безопасности», выдвигается идея создания так называемой организации стран-импортеров нефти (ОРИС) в составе США, ЕС, Японии, Китая и Индии – ведущих мировых потребителей нефти, которые займутся регулированием потребления, а не производства нефти. Главными задачами ставятся: финансирование развития технологий производства альтернативных видов топлива, инвестирование в производственные мощности, координация энергетической политики, создание и внедрения программы купли-продажи энергоносителей из существующих резервов с целью оказать влияние на мировые цены – Коммерсантъ Business Guide, 20.06.2006.

³⁴ Жизнин С.З., Энергетическая дипломатия России, – М, 2005, СС. 42, 44, 47, 48.

³⁵ Выступление Министра энергетики Российской Федерации В.Б.Христенко на заседании министров энергетики «Группы восьми», 16.03.2006, <http://www.g8russia.ru>.

³⁶ Лавров С.В., Выступление на 4-й Всероссийской неделе нефти и газа, – М, 26 октября 2004 г.

³⁷ Выступление В.В.Путина на встрече с ведущими представителями российского бизнеса, 7.02.2007, www.newsru.com.

³⁸ Жизнин С.З., Энергетическая дипломатия России, – М, 2005.

³⁹ www.ngv.ru, 13.02.2006.

⁴⁰ Основными такими организациями выступают: Союз нефтеэкспортеров (СОНЭК), Международная топливно-энергетическая ассоциация (МТЭА), Центр энергетической политики и др.

⁴¹ Он импортирует до половины необходимых ему энергоресурсов, в том числе по нефти – 73%, газу – 44% от спроса.

⁴² Выступление еврокомиссара по энергетике А.Пиебалгс на неформальном саммите Россия – ЕС в финском Лахти, www.vremya.ru, 31.10.2006.

⁴³ Хартия подписана в Гааге 17 декабря 1991 г. К 2003 г. к ней присоединилось 51 государство Европы и Азии, 17 стран и 10 международных организаций имеют статус наблюдателя. Россия подписала, но не ратифицировала договор. Саудовская Аравия имеет статус наблюдателя. Положения договора сосредоточены на пяти основных направлениях: защите и поощрении иностранных инвестиций в энергетику, свободной торговле энергетическими материалами, свободе энергетического транзита по трубопроводам и сетям, сокращении неблагоприятного воздействия энергетического цикла на окружающую среду, ме-

ханизмах разрешения споров между государствами или между инвестором и государством.

⁴⁴ Источник: www.lukoil.ru.

⁴⁵ Жизнин С.З., Нефтяная дипломатия России // Нефть России, № 8, август 2004, www.oilru.com.

⁴⁶ Термины «нефтяная сверхдержава» и «энергетическая сверхдержава» (oil superpower и energy superpower), по всей видимости, берут свое начало от термина «нефтяная империя» (oil empire), которое закрепилось за корпорацией Standard Oil Джона Рокфеллера. «Нефтяной сверхдержавой» журнал Forbes называл в 1980 г. Ирак режима С. Хусейна.

⁴⁷ Злобин А., Романова Л., Происхождение мифа, www.smonew.ru

⁴⁸ Выступление В.Путина на пресс-конференции в Ново-Огарево, www.expert.ru, 09.11.2006.

⁴⁹ Организация за демократию и экономическое развитие – ГУАМ является международной региональной организацией, в состав которой входят Азербайджанская Республика, Грузия, Республика Молдова и Украина. Создана 23 мая 2006 г. Основными целями ГУАМ являются: – утверждение демократических ценностей, обеспечение верховенства права и уважения прав человека; – обеспечение устойчивого развития; – укрепление международной и региональной безопасности и стабильности; – углубление европейской интеграции для создания общего пространства безопасности, а также расширение экономического и гуманитарного сотрудничества; – развитие социально-экономического, транспортного, энергетического, научно-технического и гуманитарного потенциала; – активизация политического взаимодействия и практического сотрудничества в сферах, представляющих взаимный интерес. В ГУАМ существует статус наблюдателя и партнера.

⁵⁰ Лузянин С.Г., Энергетическое пространство ШОС. К вопросу о разработке концепции создания «Энергетического Клуба», www.mgimo.ru.

⁵¹ Германия не приняла предложение В.Путина об энергоальянсе, сделанное на фоне декларации главы «Газпрома» А.Миллера о самостоятельной разработке Штокмановского месторождения.

⁵² В составе России, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана с присоединением к ним газовых обществ из Туркмении, Украины и Молдавии. В дальнейшем предполагается включить в альянс и Иран, что обеспечит МАННГО идеологический контроль над половиной мировых запасов газа.

⁵³ Коммерсант, 31.10.2006.

⁵⁴ Мастерпанов А.М., Шафраник Ю.К., Нефть России и глобализация: выбор парадигмы развития // Энергия 2006, № 9, С. 4.

⁵⁵ Так, в западной прессе (итальянской газете «El Mundo», итальянской газете «Corriere della Sera») появлялись сообщения о том, что Россия формирует новый картель, и Европа рискует получить новую ОПЕК. Источник: www.Inosti.ru.

⁵⁶ Жизнин С.З., Энергетическая дипломатия России, – М, 2005, С. 25.

⁵⁷ Выступление президента Российского союза промышленников и предпринимателей А.Н.Шохина на IV Международном форуме «Нефть России: настоящее и будущее», www.warandpeace.ru.

⁵⁸ Коммерсантъ, 19.09.2006.

⁵⁹ Тем не менее, если обратиться к мировому опыту, то ни Саудовская Аравия, ни Норвегия, ни Венесуэла – страны, составляющие вместе с Россией пятерку крупнейших производителей нефти, собственных нефтяных бирж не создают. В то же время Иран планирует открыть такую биржу, где сырье будет продаваться за евро, а не за доллары – что скорее рассматривается как политический, нежели экономический шаг.

Если подобная «рублевая» биржа будет создана, то Европа будет вынуждена закупать большие объемы сырья на этой бирже. Вопрос, насколько это будет отвечать интересам самой России, остается открытым – европейским покупателям придется закупать большой объем рублем, что приведет к тому, что оборот средств внутри страны будет сильно ограничен.

⁶⁰ КСА обладает самыми большими в мире запасами сырой нефти – четверть общемировых разведанных ресурсов, 33% доказанных запасов ОПЕК. 13% мировой добычи нефти осуществляется в Королевстве. Газовая отрасль дает 15% ВВП. В недрах страны содержится 6% мировых газовых запасов. КСА находится на четвертом месте в мировой газовой таблице о рангах после России, Ирана и Катара. Для нефтеносных районов Персидского залива характерно сочетание геологических факторов, способствующих быстрому развертыванию добычи нефти при минимальных капиталовложениях: большая площадь продуктивных пластов с колоссальными ресурсами нефти, сравнительно неглубокое их залегание, высокое разовое давление и хорошее качество нефти – низкий удельный вес и малосернистость. Это обуславливает низкие издержки при добычи (по некоторым данным – порядка 2-3 ам.долл. за баррель). Треть поставляемой странами ОПЕК на мировой рынок нефти имеет саудовское происхождение, десятая часть всей мировой добычи нефти приходится на королевство. Основные торговые партнеры Саудовской Аравии – США, Великобритания, Япония. Сейчас

нефтегазовый комплекс Королевства – один из наиболее развитых в мире.

⁶¹ Александров И.А., *Монархии Персидского залива. Этап модернизации*, – М., 2000, С.333.

⁶² Хасянов А., *Проблемы нефтегазового комплекса Саудовской Аравии и попытки диверсификации ее экономики в 90-е годы 20 века*, – М, 2002, С. 142.

⁶³ *The Saudi gazette*, 29.09.2004, -Riyadh, С. 37.

⁶⁴ *Saudi Commerce and Economic review*, January 2005, № 129, – Riyadh, С. 11–12.

⁶⁵ *Meed*, 24–30 September 2004, – Riyadh, С. 5.

⁶⁶ Привлечение по «инициативе» инвестиций в отрасль (реализация 24 проектов) за период с 2006 – 2010 гг. составило около 30 млрд. ам. долл. Источник: *The Saudi Economy 2004 Performance, 2005 Forecast*, February 2005, -Riyadh, С. 14.

⁶⁷ Для России было бы весьма полезным учитывать саудовский опыт в решении вопросов эффективного распределения нефтедолларов. Распыление огромных средств на дорогостоящие и зачастую носящие показательный характер проекты доказало свою несостоятельность. Более эффективной явилась поддержка «нефтяного» сектора экономики.

⁶⁸ Подтверждая свою позицию осуждения террора в любых его проявлениях руководство КСА провело в феврале 2005 г. в Эр-Рияде первый в регионе Ближнего и Среднего Востока международный форум по проблематике антитеррора с участием 51 страны и 9 международных и региональных организаций.

⁶⁹ Во время заседания российско-саудовского делового форума 13 февраля 2007 г. в Эр-Рияде арабская сторона выразила заинтересованность в создании совместной российско-арабской нефтесервисной компании, которая бы работала на российских месторождениях. Однако, как отмечают эксперты, предложение арабов может быть интересно российским компаниям только в случае предоставления им контроля в этом предприятии.

⁷⁰ В сентябре 2003 г. – официальный визит в Москву Наследного принца Саудовской Аравии Абдаллы; в феврале 2007 г. – официальный визит Президента РФ в Саудовскую Аравию.

⁷¹ Взаимодействие стран по ключевым направлениям в нефтегазовой сфере, таким как координация поставок нефтепродуктов на внешний рынок, сотрудничество компаний в реализации совместных нефтехимических проектов как в КСА, так и в РФ, привлечение саудовского капитала в российскую экономику.

⁷² Самостоятельную роль в международной сфере ведущим нефтегазовым корпорациям обеспечивает ряд элементов: прочные финансово-экономические позиции, позволяющие постоянно развивать свои системы связи и транспорта, коммерческую и производственную инфраструктуру, активно внедрять новые технологии; политическое и экономическое влияние в странах их происхождения и странах пребывания благодаря господству на важнейшем – энергетическом – направлении; возможность более оперативного принятия решений при возникновении неожиданностей на энергорынке, что обеспечивается за счет более гибкой стратегии развития компании. Более того, сами правительства большинства «энергетических» стран установили тесные связи со своими компаниями, признавая их, таким образом, в качестве равных участников в осуществлении эффективной и скоординированной внешнеполитической энергетической линии.

⁷³ Rosenau J. Turbulence in world politics: A theory of change and continuity. –Princeton, 1990.

⁷⁴ Василенко А.Б., Российские нефтяные компании в политических процессах переходного периода, Автореферат, – М, 1997 г., С. 27–28.

⁷⁵ Коммерсант, 01.09.2006.

⁷⁶ Хойос К.б Financial Times, 06.05.2006.

⁷⁷ Проводя свою политику в рамках сотрудничества с зарубежными нефтяными компаниями, АРАМКО, находится под полным контролем Министерства нефти и минеральных ресурсов КСА. Нефтяная компания заключает лишь такие договора и соглашения, которые не ставят под сомнение собственность саудовцев на нефть.

⁷⁸ В январе 2004 г. ЛУКОЙЛ выиграл тендер на разработку нефтегазового месторождения в пустыне Руб аль-Хали с запасами свыше 370 млрд. куб. м. Концессионное соглашение сроком на 40 лет было подписано в марте 2004 г.

⁷⁹ Первым результативным контактам и конкретным проектам бизнеса двух стран в нефтяной сфере предшествовало первое заседания Межправительственной комиссии по торговому и экономическому и научно-техническому сотрудничеству, состоявшемуся в Москве в октябре 2002 г., а также переговоры между руководителями государственных структур, курирующих ТЭК.

⁸⁰ В связи с успехами энергетической политики и дипломатии ЛУКОЙЛа, активизировались попытки других российских компаний получить доступ на саудовский рынок (ОАО «Стройтрансгаз», Союзнефтегаз, Зарубежнефть и Татнефть).

⁸¹ www.neftevedomosti.ru, 03.10.2004.

⁸² В феврале 2007 г. по результатам полевых сейсморазведочных работ совместной российско-саудовской компании ЛУКСАР было открыто крупное месторождение.

⁸³ Цит. по: Жизнин С., Энергетическая дипломатия России, – М, 2005, С. 168.

СТРЕМЛЕНИЕ К ЛИДЕРСТВУ В ИСЛАМСКОМ МИРЕ КАК ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ ИНДОНЕЗИИ

Распад СССР и исчезнувшая вместе с ним система биполярности в международных отношениях резко изменили ход исторических событий на международной арене. Созданный в результате крушения марксизма идеологический вакуум был очень быстро в ряде стран заполнен приверженцами радикального ислама, подхватившими оставшиеся бесхозными идеи всемирной борьбы за социальную справедливость. И хотя при этом произошло явно некорректное их отождествление с исламскими понятиями всемирного братства и социальной справедливости, вырванными из контекста общих норм поведения верующих, ислам начинает, не испытывая конкуренции, претендовать на роль идеологической доминанты на мировой политической арене. Это, в свою очередь, резко повышает тягу к религии в мусульманских странах Юго-Восточной Азии. В результате, религия становится главенствующей идеей в политической жизни, играет важную роль в расстановке сил и борьбе за власть.

Вместе с тем, меняется и ослабевает роль США. В отсутствие пресловутой коммунистической угрозы, исходящих из этого тревог за обеспечение безопасности, заинтересованность в альянсе с Соединенными Штатами у лидеров асеановских стран хотя и сохраняется, но ослабевает. К тому же в мусульманском мире в результате так называемой контртеррористической деятельности США формируется устойчивое мнение о них как о враге ислама. Это вносит серьезные коррективы в подходы руководства мусульманских стран ЮВА к построению системы международных отношений. Фактор Америки вступает в явное противоречие с исламскими интересами. Напрашивается вопрос, что перевесит. Ответ неоднозначен. Высказывается много мнений. Автор склонен считать, что будущее – за усилением роли ислама в ЮВА, что особенно характерно для

Индонезии. Представляется, что события, изложенные ниже, дают тому подтверждение.

Становится все более очевидным, что та доминанта, о которой говорилось выше при рассмотрении роли религии в политической жизни страны и которая способствовала выходу нынешнего руководства на вершины власти, имеет вполне определенную «обратную связь». Мусульмане здесь считают вправе ожидать от своих избранников реализации идеалов ислама на международной арене и шагов по преодолению тех проблем, с которыми он столкнулся в качестве мировой религии. В силу этого, чтобы избежать упреков в пассивности и бездействии, элита буквально обречена стремиться к лидерству в исламском мире вне зависимости от своих желаний и склонностей. В то же время, нельзя не отметить, что в новых условиях внешнеполитический аспект борьбы за власть в Индонезии стал значительно более продуктивным. Это побуждает лидеров не упускать такой шанс. Не надо, конечно, сбрасывать со счетов и амбициозность их устремлений, толкающих в борьбу за лидерство во всемирной умме. Не исключено, что Сусило Бамбанг Юдхойоно посредством игры на националистических настроениях обнаружил в своем арсенале политической борьбы почти беспроигрышный билет на длительный период пребывания у власти. Статус первого в истории Индонезии всенародно избранного президента дает ему шанс не только претендовать на роль глашатая чаяний общества, улавливающего его настроения, но и подсказывать и направлять их последующее развитие в желательном для себя направлении. Вполне вероятно, что это еще не является гарантией окончательного и полного успеха, и требуется тонкий и осторожный подход к использованию имеющихся возможностей.

В таком контексте, очевидно, надо понимать слова Юдхойоно относительно того, что на международной арене он видит Индонезию в роли «миротворца, создателя атмосферы доверия, способствующей решению проблем и наведению мостов»¹. В мае 2005 г., когда эти слова произносились в первом выступлении президента, посвященном внешнеполитическому курсу страны, многое еще было завуалировано, лишено конкретики, находилось на грани предположений. Последующее развитие событий подтвердило выводы о том, что именно движимая отмеченными выше обстоятельствами Индонезия активизировала деятельность на международной арене. В обста-

новке все чаще проявляющейся неспособности арабских стран выступать в качестве лидера и объединителя мусульманского мира, она пытается укрепиться в этой роли. Интересы верхов и низов индонезийского общества в определенной степени совпадают, их усилия в этом направлении реализуются в своем развитии часто в унисон, что, в свою очередь, наводит на мысль о постепенном превращении стремления руководства Индонезии к лидерству в исламском мире в общенациональную идею.

Такая постановка вопроса не вызывает особой критики. Исламский мир в самом деле нуждается в консолидирующей силе, способной преодолеть имеющиеся в нем неурядицы и распри. И для Индонезии следование общенациональной идее подобного рода способствовало бы решению многих проблем. Охваченная сепаратистскими настроениями, раздираемая социальным неравенством, различными толкованиями ислама многочисленных мусульманских группировок и порождаемых этим противоречиями, страна нуждается в идеологическом стержне, способном направить ее развитие в созидательное русло. Другой вопрос, способна ли она ответить на вызов судьбы и времени, использовать столь непростой шанс и возложить на себя такую ответственную миссию. События последнего времени свидетельствовали о стремлении к тому и руководства страны, и общества в целом, действия которых в определенной степени дополняли друг друга.

В пользу этого говорят и меры президента страны Юдхой-оно по привлечению высшего духовенства страны к решению тех общемусульманских проблем, которые способствуют улучшению имиджа Индонезии в исламском мире. Есть основания полагать, что этот курс, в значительной степени инициированный руководством страны, поддержан двумя основными извечно соперничающими друг с другом объединениями мусульман – «Нахдатул Улама» и «Мухаммадия», число приверженцев которых в общей сложности приближается к 100 миллионам. Пока их реакцию (не разделенную вполне вероятными новыми мотивами для противоборства, связанными с открывающимися перспективами) на происходящие события можно рассматривать как единодушную.

С точки зрения рациональности, такие действия полностью оправданы. Они дают возможность руководству страны заручиться поддержкой широких слоев населения в своем често-

любивом устремлении к лидерству в исламском мире. При этом, в принципе, решаются и внутренние проблемы. Укрепляется положение властных структур, страна может таким образом получить весомый стимул к объединению на идеологической основе.

Следуя курсом отмеченных тенденций общество развивается в поиске своего пути и места во всемирной умме, стараясь при этом, не нарушая принципов международной исламской солидарности, утвердиться в собственном понимании религиозной самоидентификации, независимой о какого-либо внешнего воздействия. Проявляется все более заметное намерение вырваться за пределы традиционно укоренившегося за страной статуса периферийной исламской державы, чьи дела и политика, связанные с религией, а также образ мысли и понимание ислама в качестве образа жизни, находятся под непосредственным воздействием изначального носителя религии, т.е. арабских стран.

В Индонезии пока подспудно проводится мысль о том, что обладание святынями ислама – местами поклонения в Мекке и Медине – и тот факт, что Аравия является местом ниспослания исламского Откровения, а арабский язык – языком Корана, уже не являются абсолютной гарантией верховенства в исламском мире. По всей вероятности, мы становимся свидетелями и современниками переломных событий в исламском мире в целом. Обладание символами религии перестает сочетаться с незыблемостью представлений о том, что те, кто ее персонафицируют, естественным и закономерным образом и должны стоять во главе всемирной уммы.

Связанная с этим политическая борьба и пропагандистская деятельность размывают сложившиеся понятия и представления. В стране происходит явное смещение приоритетов тех ценностей, которые оставались незыблемыми практически на протяжении всей истории ислама. Имидж арабских государств в качестве носителей изначального ислама подвергается ревизии. Прослеживается явное желание понизить значимость арабских стран, в том числе и в собственных глазах, самоутвердиться и в этом черпать силы для последующего наступления на позиции арабов.

В Индонезии заявляет о себе движение, направленное на отказ от восприятия действительности, касающейся религии, через призму арабского мира. Становится все более отторгае-

мым положение, в силу которого мусульманский мир нередко сводят к арабскому миру – пусть даже при этом допускается существование «периферийного» ислама, находящегося в подчиненном положении по отношению к арабскому. И это при том, что на рубеже веков арабы не составляли и пятой части более, чем миллиардного мусульманского населения планеты, демографические центры которого находятся на Индийском субконтиненте и в Юго-Восточной Азии.

Налицо возрастающее число пока что «крамольных» примеров ведения службы в мечетях не традиционно на арабском, а на индонезийском языке. Получивший негативный оттенок введенный в оборот термин «арабизация» начинает рассматриваться как нежелательное явление, с точки зрения проявления индонезийской самоидентификации. В прессе дискутируется неправомерность, казалось бы, незначительного факта вытеснения индонезийских приветствий «selamat pagi» и «selamat sore» на арабское «assalamualaikum». Муссируются события недавнего прошлого, связанные с предложением бывшего президента страны и исламского богослова Абдурахмана Вахида отказаться от арабской формы приветствия в пользу индонезийской и с жестким сопротивлением в связи с этим исламских радикалов.

Отмечается также, что ислам, являясь для мусульман не только религией, но и образом жизни, определяет в первую очередь необходимость следования учению Пророка Мухаммада, а не подражания чужому жизненному укладу. Указывается, что, хотя Пророк Мухаммад был арабом, этот факт не может служить оправданием «арабизации». Это, по мнению авторов высказывания, не дает основания копировать образ жизни арабов, поскольку не связано с исламской идентификацией. «Не вся арабская культура означает ислам и не вся арабская идеология всегда исламская» – указывается в комментариях. Арабские страны подвергаются критике за их неспособность установить мир на Ближнем Востоке, где события, по мнению обозревателей, развиваются вопреки заповедям Пророка. «Мусульмане поклоняются Мухаммаду не как арабу, а как божеству». Тем самым делается попытка обосновать отсутствие у арабов каких-либо преференций на религиозном поприще. Подчеркивается, что аналогичное положение характеризует и другие религии – христианство и индуизм². Известны высказывания негативного характера относительно «арабского импе-

риализма» и «арабского вторжения». При этом акцент делается на приверженность ряда представителей проживающих в Индонезии арабов радикальным формам ислама³.

Совершенно очевидно, что такой подкоп под авторитет арабов в мусульманстве, осуществляемый внутри страны, имеет явный выход на международную арену и рассчитан на широкий резонанс.

При всей обоснованности отмеченных выше укоров все же нужно отметить, что их появление неотделимо от времени и ситуации в исламском мире, связанных с явным ослаблением в нем позиций арабских стран, выходом на орбиту борьбы за лидерство новых претендентов, в том числе и Индонезии. Практически уже определились основные участники борьбы за передел сфер влияния в исламском мире. На наш взгляд, ими являются Индонезия, Малайзия, Пакистан и Иран. Их в ряде случаев совместные действия по расшатыванию нынешней иерархии власти и системы взаимоотношений во всемирной умме, если они и увенчаются успехом, вовсе не исключают, а скорее предполагают новые схватки за лидерство уже между ними на последующих этапах. Но, очевидно, еще рано полностью списывать со счетов Саудовскую Аравию. Едва ли можно рассчитывать на то, что она захочет отказаться от своего «особого статуса» даже при утрате на то оснований. На ее стороне внушительный вне-религиозный фактор, каковым является мало с кем сравнимая экономическая мощь. Современная история знает немало примеров его использования Эр-Риадом для поддержания своего исключительного статуса в исламском мире. В современных условиях его значение приобретает особую роль. По существу, на повестке борьбы за власть во всемирной умме может оказаться цена вопроса в прямом его понимании. Но это не снимает накала борьбы, а, вполне возможно, усиливает его.

Для Индонезии желание не упустить момент проявляется по многим направлениям, главное из которых заключается в активном вмешательстве в международную ситуацию во всемирной умме. Эта работа ведется по государственным и религиозным каналам. Борьба за сферы влияния разрастается, она уже не ограничивается ареалом мусульманских государств. Примером такого подхода стала позиция второго по численности объединения мусульман Индонезии «Мухаммадия». Оно, в частности, заявило, что заслуживает того, чтобы стать моделью и образцом международной исламской организации в За-

падной Европе, и явно претендует на лидерство в европейском мусульманском движении. Просматривается откровенное желание оттеснить вполне вероятных конкурентов из других стран и ослабить влияние на европейских мусульман со стороны арабских государств. В качестве доказательства и обоснованности своих претензий лидеры «Мухаммадии» приводят такие достоинства своей организации, как умеренность, сдержанность, способность к взаимопониманию. Заявлению «Мухаммадии» предшествовала обширная пропагандистская деятельность. Так, в Лондоне в начале 2008 г. прошла конференция индонезийских и британских мусульман на тему «Ислам – религия мира, милосердия и терпимости». По мнению руководства объединения, таким образом оно может ослабить вполне вероятное негативное отношение к себе со стороны, окружающей их, развеять подозрительность, существующую в Европе в отношении мусульман.

В комментариях самого объединения отмечается, что «Мухаммадия» снискала себе сторонников и добилась успеха в политике, не ведя политическую борьбу в прямом ее понимании, а лишь проводя курс на человеколюбие и терпимость⁴. Ясно, что за строкой такого заявления содержится намек на то, что отмеченная подозрительность основана на влиянии реакционных сил Арабского Востока на мусульман, проживающих в Западной Европе. Одновременно делается вполне откровенная заявка на передел сфер влияния в такой все более значимой части всемирной уммы, каковой является находящаяся в этом регионе исламская диаспора.

Тем временем, крупнейшее мусульманское объединение страны «Нахдатул Улама» заявило о своем намерении посредничать в переговорах по урегулированию конфликта шиитов и суннитов Ирака, также свидетельствующее о его амбициях, переступающих национальные границы⁵.

При всей уже ставшей вполне очевидной бескомпромиссности и жесткости борьбы за перераспределение сфер влияния нельзя не отметить ее демонстративно «закрытый» характер, не допускающий участия в ней внешних, немусульманских сил или же возможность какого-либо потворства внешним силам, покушающимся на интересы мусульман и их религию. Незыблемая приверженность этим принципам неоднократно звучала в выступлениях президента страны Юджойно и министра иностранных дел Хасана Вирауды. На этом фоне неужи-

данно и непредсказуемо предстала перед исламским сообществом позиция Индонезии в отношении другой мусульманской страны. Индонезия оказалась в числе 15 членов Совета Безопасности ООН, проголосовавших в конце марта с.г. за ужесточение санкций по отношению к Ирану. Незадолго до этого страна в лице ее руководства занимала практически противоположную позицию, заверяя собственное население, Иран и, по существу, весь исламский мир в том, что в своей деятельности в качестве непостоянного члена Совбеза ООН Индонезия с его трибуны будет настойчиво проводить в международном сообществе «исламскую повестку дня» и «бороться с проявлениями исламофобии». Об этом прямо заявил президент Индонезии⁶.

Всего за несколько дней до принятия Совбезом резолюции по данному вопросу президент Индонезии заявил, что жесткие санкции против Ирана в отношении его ядерной программы могут привести к нарушению стабильности на Ближнем Востоке⁷. Кроме того, сообщения джакартской прессы, основанные на анонимных правительственных источниках, свидетельствовали о намерениях Индонезии быть в оппозиции любым репрессивным мерам Совбеза в отношении Ирана⁸. Но произошло обратное. Индонезия проголосовала за санкции. Единственное, на что была способна Индонезия при голосовании в Совете Безопасности, это совместно с Катаром внести вместо санкций предложение о создании на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия. Вашингтон это предложение отклонил, как утверждает Джакарта, предположительно из-за того, что ядерным оружием владеет Израиль⁹.

Обосновывая свою новую позицию, министр иностранных дел Индонезии Вираюда высказался в том плане, что поддержка резолюции Совбеза ООН представляет собой единственный путь к дальнейшим переговорам с целью мирного решения проблемы. Он отверг предположения относительно того, что Индонезия приняла решение под давлением Соединенных Штатов. Вираюда напомнил, что Индонезия постоянно убеждала Иран в необходимости более плодотворного сотрудничества с Международным агентством по атомной энергии, а также заявил, что воспринимает участие его страны в Совбезе ООН прежде всего как акт исполнения устава, а не как функцию представительства исламских государств¹⁰, что напроць

отрицало сделанное ранее заявление президента страны о намерении проводить в Совбезе «исламскую повестку дня».

Определенные опасения относительно того, что под давлением Америки Индонезия может оказать поддержку жестким санкциям в отношении Ирана, все же присутствовали. Как отмечала влиятельная газета «Jakarta Post», цитируя местных обозревателей, такая поддержка (тогда еще гипотетическая) не сможет найти понимания, обернется потерей престижа среди стран третьего мира и значительно снизит возможности Индонезии как активного участника переговорного процесса при решении ближневосточных проблем. Многочисленность таких выступлений, их широкий резонанс давали основания для суждения о том, что стремление Индонезии к лидирующим позициям в исламском мире идет в русле превращения своих амбиций в общенациональную идею. Известный индонезийский публицист по вопросам ислама Азумарди Азра высказался в том плане, что решение в пользу санкций может привести к снижению статуса его страны в мусульманском мире и среди развивающихся стран и разрушить планы Индонезии быть в роли миротворца в конфликте между ХАМАС и ФАТХ, а также между суннитами и шиитами. Другой политический обозреватель, Пермади, высказался с еще большей откровенностью, заявив, что, не оказывая поддержки исламским странам, Индонезии незачем находиться в Совбезе ООН, поскольку в таком варианте ей отводится всего лишь роль игрушки в руках американского кукловода¹¹.

Но казалось бы невозможное свершилось. Главное то, что Индонезия практически или, во всяком случае, в глазах значительного числа индонезийцев оказалась на стороне США. Помимо этого, получило дальнейшее развитие бытующее в исламском мире представления о том, что Совет Безопасности стал органом, обеспечивающим интересы западных держав, в первую очередь Соединенных Штатов¹², на сей раз при участии Индонезии.

Реакция на события оказалась беспрецедентной. Ряд членов Палаты народных представителей, высшего законодательного органа страны, выступил с резкой критикой правительства. Их высказывания сводились к тому, что правительство «не обладает достаточным мужеством для проявления самостоятельного курса перед лицом США», «какой смысл членства в ООН при таком участии в ней?». Имели место не-

однократные высказывания относительно того, что неспособность Индонезии проводить активную самостоятельную политику дает своим результатом вычеркивание ее из числа стран, являющихся полноправными участниками мусульманского сообщества и Движения неприсоединения, и что правительство потерпело поражение во внутренней и внешней политике¹³. Глава «Мухаммадии» Дин Самсуддин заявил о том, что решение правительства играет на руку Западу и Израилю¹⁴. В прессе при освещении этого вопроса говорилось о предательстве руководства страны по отношению к другому мусульманскому государству¹⁵. В статье «Гнев нарастает по поводу санкций в отношении Ирана» указывалось на то, что более сотни законодателей планируют привлечь Юджойно к ответу за решение правительства поддержать санкции. Законодатели от различных партий заявили, что шаг правительства не выражает мнения Индонезии и наносит вред отношениям Индонезии с Ираном. Уже по прошествии двух дней после введения санкций 132 (позже их число достигло 170) законодателя от различных партий подписали документ, требующий решения пленарного заседания относительно законности принятого решения. По внутреннему регламенту для этого достаточно подписей 13 законодателей.

В соответствии с конституцией страны, постановлением Ассамблеи народных представителей от 2003 г., принципами разделения полномочий между центральной властью и местными органами управления, законодатели наделяются полномочиями запрашивать президента относительно его политических решений в тех случаях, когда они противоречат закону или же не отвечают интересам страны. Спикер национального собрания Агунг Луксоно, один из подписавших документ, сообщил, что пленарное заседание одобрило запрос, и президент или же представляющий его кабинет министров должны будут дать пояснения относительно участия Индонезии в введения санкций по Ирану.

Глава комиссии палаты представителей по безопасности и международным делам Тэо Самбада, представляющий наиболее влиятельную политическую партию «Голкар», победившую на последних выборах, отметил полную обоснованность требований законодателей рассмотреть мотивировку позиции руководства страны в Совбезе, поскольку она ни в коей мере не отражает внутренних устремлений людей¹⁶. Прави-

тельство обвинялось в игнорировании интересов мусульманского сообщества и следовании диктату США.

Пресса подсчитала, что перед принятием резолюции произошли, по крайней мере, три контакта индонезийского руководства с американской администрацией по вопросу о санкции в отношении Ирана. Был телефонный звонок Буша Юджойно, разговор по телефону между Райс и Вираюда и их встреча по этому же вопросу в Вашингтоне 20 марта, т.е. за несколько дней до принятия Совбезом ООН пресловутой резолюции¹⁷. Эти контакты и рассматриваются в качестве главной причины резкой перемены позиции руководства страны. Они же явились и основным поводом для всплеска недовольства. Так, в частности, от лица весьма влиятельной и популярной в стране Партии национального мандата выступил ее представитель Тристанти Митайяни: «Многие из нас разочарованы и удивлены решением правительства.... Они должны объяснить нам, почему мы как мусульманская страна не поддержали Иран»¹⁸.

Если ответ президента признается неудовлетворительным, законодательная власть вправе поднять вопрос об импичменте. Слово «импичмент» витало в воздухе и в прессе, не заостряя, тем не менее, на себе внимания. Произошло также другое беспрецедентное событие. Инициативу палаты представителей поддержал кабинет министров. Член кабинета Сурьядарма Али заявил, что понять решение руководства страны не представляется возможным и что он сожалеет о прекращении переговоров по данному вопросу в Совете Безопасности ООН. Он также выразил полное согласие с решением членов палаты представителей, отметив, что тем самым президент дается шанс объяснить обществу причину одобрения резолюции Совбеза. Вместе с тем на вопрос, собирается ли он бросить открытый вызов президенту, Сурьядарма, который является также председателем Объединенной партии развития, ответил, что не собирается заходить так далеко. Но он сказал, что все партии, за исключением Партии демократов, на которую опирается президент, также отказываются понимать решение правительства по резолюции Совбеза¹⁹. Но Партии демократов в парламенте принадлежит не более 10% голосов.

Инициативу законодателей поддержали и в среде священнослужителей и общественных деятелей. Помимо «Мухаммадии», насчитывающей десятки миллионов сторонников, с осуждением резолюции выступили и другие мусульманские ор-

ганизации, в частности, Ассоциация индонезийских мусульманских интеллектуалов и Национальный совет исламских студентов. Председатель совета студентов Асри Харахап выразил резкое несогласие с резолюцией Совбеза, заявив, что его организация собирается направить правительству петицию протеста. Он также высказал мнение, что Иран и Индонезия единодушны в борьбе против американского гегемонизма и что для молодых мусульман Иран стал символом сопротивления международным силам зла²⁰.

Но этим злоключения президента и его команды не ограничились. Другим аспектом возникшей проблемы оказалась ее внешнеполитическая сторона. Стремление к лидерству во всемирной умме, едва обозначившись в качестве общенациональной идеи, оказалось под угрозой ее неприятия со стороны единоверцев из других стран. В непосредственной временной близости от упомянутого решения Совбеза ООН с десятидневным интервалом в прилегающем к Джакарте Богоре в президентском дворце состоялась международная конференция по вопросам преодоления трудностей и противоречий во всемирной умме при акцентировании основного внимания на сложных отношениях между суннитами и шиитами в Ираке. Конференция, запланированная до решения Совбеза по Ирану, представлялась руководству Индонезии одним из этапов продвижения по пути лидерства во всемирной умме. Но ход событий, отмеченный в целом непредсказуемым поступком президента и его команды, развивался в весьма нежелательном для них направлении. Негативная реакция не заставила себя ждать. Как отметил перед началом конференции лидер крупнейшего в стране объединения мусульман «Нахдатул Улама» Хасим Музади, из 21 высокопоставленного священнослужителя, предварительно давшего согласие, только 12 подтвердили свое участие. Среди отказавшихся были шиитские и суннитские лидеры из Сирии, Египта и Ирана. Причина отказа, по их словам, – «несостоятельность Индонезии», проявившаяся в ее позиции при голосовании в Совбезе ООН по иранской ядерной программе. Перед началом конференции Музади, учитывая общий настрой собравшихся, не предрекал ее успешного проведения. Делегаты вынуждены были признать, что встреча утратила свой престиж из-за отсутствия влиятельных шиитских и суннитских лидеров Ирана и Ирака, т.е. тех стран, где шииты представляют большинство населения. Ирак вместо священнослужителей

представляли на конференции старшие дипломаты посольства в Джакарте²¹.

По существу, под вопросом оказались позиции Индонезии в исламском мире, завоеванные ею ранее посредством сложной политической деятельности. С большим трудом руководству страны все же удалось спасти ситуацию и конференцию провести. В ее работе принимали непосредственное участие президент, вице-президент и министр иностранных дел. Не исключено, что и в столь усеченном виде она все же состоялась лишь благодаря их усилиям по сохранению собственного престижа. В сообщении указывалось, что шииты и сунниты согласились отодвинуть противоречия и расхождения во мнениях в поисках пути примирения и консолидации сил для выдворения войск коалиции из Ирака. Как отмечалось в декларации конференции, «вывод войск должен осуществляться своевременно, упорядоченно и мирным путем»²². Для президента и его команды исключительно важным оказалось то, что резолюция конференции, включающая требование о выводе войск коалиции из Ирака и заменой их мусульманскими миротворческими силами, была одобрена Организацией Исламская Конференция (ОИК). Участвовавшая в работе конференции делегация секретариата ОИК во главе с генсеком Экмеледдином Ихсаноглы поддержала богорскую декларацию, включая предложение Джакарты отправить в Ирак мусульманских миротворцев. Вираюда заявил на конференции: «Мы не должны допустить «вакуум власти» в Ираке после неминуемого вывода войск коалиционных сил во главе с США»²³. Инициатива по замене вооруженных сил незадолго до этого была выдвинута непосредственно Индонезией. Такой поворот событий снижал напряженность внутри Индонезии и вокруг нее. Она снова оказалась, хотя и с издержками, в числе претендующих на лидерство в исламском мире.

Страсти внутри страны утихли не сразу. Сторонники президента, в свою очередь, утверждали, что инициаторы привлечения президента к ответу за участие в решении Совбеза по Ирану из числа парламентариев всего лишь демонстрировали свою ревностную приверженность исламу в преддверии очередных парламентских выборов²⁴. Произошли серьезные кадровые перемены в Кабинете министров. Была провозглашена программа борьбы с бедностью²⁵. Президент обратился к «Мухаммадии», «имеющей мощный экономический и интеллекту-

альный потенциал» возглавить эту деятельность²⁶. Эти слова прозвучали на съезде руководства «Мухаммадии» в Джокьякарте и были восприняты с пониманием, хотя и здесь не обошлось без шероховатостей. В итоговом документе съезда нашло место обращение к правительству «более активно защищать интересы исламского мира». «Мы призываем правительство активно проявлять стратегические инициативы в целях защиты исламского мира» – прозвучало также в выступлении члена исполнительного комитета съезда Хаедара Нашира²⁷. В довершение событий президент принял участие в массовом молебне за процветание нации в кафедральной мечете «Истигляль». Сообщение об этом широко пропагандировалось, и инцидент, вроде бы, был исчерпан. Но успех был достигнут не просто.

Невольно возникает вопрос, какова цена столь сомнительного успеха. События продемонстрировали пределы возможного, показали насколько опасна игра на чувствах религиозной самоидентификации, особенно в тех случаях, когда правила игры нарушаются. Что побудило президента страны пойти на непростые испытания, наверняка, угадываемые. Очевидно, один из ответов лежит в последовавшем вскоре сообщении о намерении американцев восстановить с Джакартой военнотехническое сотрудничество, в чем Индонезия крайне заинтересована²⁸. Сотрудничество было прервано в 1999 г. в результате грубейших нарушений индонезийскими военными прав человека в Восточном Тиморе. Именно вокруг восстановления этого сотрудничества, судя по всему, и шел торг перед принятием Совбезом резолюции по Ирану. К первым шагам такого возобновления связи, вероятно, можно отнести то, что США предложили Индонезии несколько бывших в эксплуатации военнотранспортных самолетов в качестве безвозмездной военной помощи²⁹.

Правомерно полагать, что членство в Совбезе ООН оказалось для Индонезии тем пробным камнем, который определял меру ее самостоятельности на международной арене и даже в исламском мире в тех случаях, когда вопрос касается интересов Соединенных Штатов. Это в полной мере отвечало бы установившейся до недавнего времени практике, апробированной внешнеполитическим курсом США. Но ситуация меняется. Ныне не менее мощное давление на президентскую ко-

манду исходит не только извне, но и изнутри, что в полной мере подтвердилось в истории с санкциями по Ирану.

Становится совершенно очевидным просчет, допущенный руководством Индонезии. Играя на подъеме исламского самосознания, президент и его окружение относительно успешно проводили курс на консолидацию во многих случаях разрозненных сил, используя при этом весьма характерный для Индонезии исламский национализм. Одним из его направлений было стремление к преодолению периферийного положения страны и выход на более высокий уровень в иерархии мусульманских государств. До самого последнего времени этот курс проводился весьма успешно и если не находил активной поддержки среди широких слоев общества, то, во всяком случае, не было ни малейших намеков на противодействие ему. Но состояние спокойствия в стране весьма зыбко.

Решение об участии в санкциях по Ирану, которое в глазах общественного мнения было принято под давлением американцев, привело к опасным последствиям. Мощь присущего Индонезии исламского национализма, разогретого в целом инициированной руководством страны идеей стремления к лидерству во всемирной умме, оказалась на грани ее обращения против того, кто способствовал его активизации, т.е. против действующего президента и его команды. Уже по первым признакам развития ситуации можно было констатировать широкое недовольство наиболее политически активных слоев общества, делающих из этого организационные выводы, соответствующие их собственным интересам. Отмеченные события продемонстрировали опасность игры на националистических настроениях, особенно, в тех случаях, когда она зиждется на религии. Здесь любой просчет власти чреват, способен вывести ситуацию из-под контроля, учитывая политизированность преимущественно мусульманского населения страны. Стремление к лидерству в исламском мире, утверждаясь в своем развитии и все более обретая черты общенациональной идеи, вносит немалую лепту в выработку внутренней политики и внешнеполитической стратегии Индонезии.

¹ atimes.com, Southeast Asia, March 30, 2006.

² Jakarta Post, 14.04.2007.

³ Wall Street Journal, 17.04.2007.

⁴ Antara, 08.04.2007.

- ⁵ TempoInteractive, March 13, 2007, 14:52.
- ⁶ ИТАР-ТАСС, Пульс планеты, АТР, 15.01.07.
- ⁷ Jakarta Reuters mar 23, 2007. 3:12 IST.
- ⁸ atimes.com, 15.03.07.
- ⁹ Jakarta post, 31.03.2007.
- ¹⁰ Jakarta Post, 27.03.2007.
- ¹¹ Jakarta Post, 26.04.2007.
- ¹² iimes.ru, 08.04.2007.
- ¹³ Jakarta post, 30.03.2007.
- ¹⁴ Tempo Interactive, Jakarta Tuesday, 27 March, 2007.
- ¹⁵ Jakarta Post, 27.03.2007.
- ¹⁶ Topica Email List Directori, 30.03.2007.
- ¹⁷ Indonesia news net, Search Yayhoo News March 23, 4:23 AM.
- ¹⁸ Topica Email List Directori, 30.03.2007.
- ¹⁹ Jakarta post 31.03.2007.
- ²⁰ Topica Email List Directori, 30.03.2007.
- ²¹ Jakarta Post, 02.04.2007.
- ²² Jakarta Post, 05.04.2007.
- ²³ ИТАР-ТАСС, Пульс планеты, 06.04.2007.
- ²⁴ Jakarta Post, 05.04.2007.
- ²⁵ Jakarta Post, 29.04.2007.
- ²⁶ Jakarta Post, 27.04.2007.
- ²⁷ Jakarta Post, 01.05.2007.
- ²⁸ Antara, 20.04.2007.
- ²⁹ ИТАР-ТАСС, Пульс планеты, АТР, 18.04.2007.

**РЕКРЕАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА*
И РАЗВИТИЕ ИНДУСТРИИ ТУРИЗМА**

Основу рекреационных ресурсов Ближнего Востока составляют прибрежные районы Средиземного моря с протяженной пляжной полосой, большей частью песчаной, и мягким субтропическим климатом. Мертвое море, представляющее собой самую глубокую впадину на земле и богатейший источник минеральных солей, может рассматриваться как спа-курорт мирового значения. Растущей популярностью, особенно у жителей Европы, пользуются побережья Персидского залива Объединенных Арабских Эмиратов, где благодаря климатическим условиям «бархатный сезон» приходится именно на зимние месяцы, когда господствует умеренно теплая погода с комфортными температурами, что и привлекает многочисленных туристов из северных стран, заинтересованных в пляжном туризме.

Красивый и разнообразный подводный мир этого региона создает благоприятные возможности для занятия морскими видами спорта, что высоко ценится многочисленными любителями. Исключительна роль и других природных факторов. Здесь существуют обширные экологически чистые зоны, пригодные для создания первоклассных курортов, для производства экологически чистых продуктов с целью их поставки в туристические центры, широкий спектр экзотических и в лечебном отношении полезных видов фруктов, овощей, морепродуктов.

Ближний Восток – один из древнейших очагов цивилизации. На территории государств этого региона и по сей день сохранилось большое количество культурно-исторических комплексов, таких как Петра, Пальмира, Вавилон, Баальбек и дру-

* Турция и Израиль, согласно региональному делению, используемому во Всемирной организации по туризму ООН (ВОТ), относятся к региону Европа, поэтому в данной работе эти государства не рассматриваются.

гие. Только на территории Сирии расположены около 10 тыс. хорошо сохранившихся памятников древности. Наличие многочисленных исторических достопримечательностей и музеев создает благоприятные возможности для развития культурного и познавательного туризма.

Ближний Восток – это центр религиозного паломничества. В монастырях и храмах Иордании, Египта, Сирии находятся священные реликвии, которые привлекают иудеев и христиан всего мира. Здесь расположена и священная для мусульман мечеть Аль-Акса. На территории Саудовской Аравии находится главная мусульманская святыня – Кааба. Ближний Восток обладает большим потенциалом для развития экотуризма, чрезвычайно модного в последние годы. В государствах Персидского залива существуют большие возможности для охоты в пустыне.

Арабские государства Ближнего Востока обладают широкими возможностями и для развития шоппинга и бизнес-туризма.

Согласно данным ВОТ, в последние два десятилетия Ближний Восток был одним из динамично развивающихся туристских центров мира и занимал прочные позиции среди регионов-реципиентов главных туристских потоков. Основными мерами измерения мирового туризма традиционно являются международные туристские прибытия и поступления (доходы). Число туристов, прибывающих в регион, постоянно возрастает, соответственно растет и доля региона в общемировых показателях, что видно из нижеприведенной таблицы.

Таблица 1

**Динамика числа туристов, прибывающих
на Ближний Восток, и поступлений от них в 1990–2005 гг.**

Год	Число туристов, млн. чел.	Доля от общемирового уровня, %	Поступления, млрд. долл.	Доля от общемирового уровня, %
1990	7,444	1,46	5,127	1,99
1995	13,705	2,42	10,905	2,65
2000	24,183	3,50	17,567	3,65
2005	39,023	4,80	27,557	4

Источник: The Middle East and North Africa. L., 2003, с. 1183; World Tourism Organization. Yearbook of Tourism Statistics.

В 1985 г. Ближний Восток посетили 6,2 млн. чел., что составляло 1,9% общемирового уровня. Через двадцать лет численность прибывающих в регион достигла 39 млн. чел., что приблизилось к 4,8% общемирового показателя прибытий. Соответственно увеличивались и доходы от туристической отрасли в экономику региона. За указанный период объем поступлений возрос с 4,8 млрд. долл. до 27,6 млрд. долл.

Говоря в целом о динамичном развитии международного туризма в регионе, нельзя не отметить некоторую нестабильность роста показателей по странам, что связано с изменениями в политической ситуации. Тем не менее за последние годы опережающими темпами развиваются новые региональные туристские центры. Так, если в начале 70-х годов основной страной-реципиентом международного туризма на Ближнем Востоке был Ливан, в 80-х годах – Иордания, Ирак, Кувейт, то с конца 80-х – начала 90-х годов началось развитие туристической индустрии государств Персидского залива, в первую очередь ОАЭ, а также Египта. С конца 90-х годов наблюдается рост прибытий в Сирию, Оман и на Бахрейн. За десятилетие 1990–2000 гг. опережающими темпами возрастало количество прибывающих туристов в Саудовскую Аравию (большая их часть – паломники), ОАЭ, Кувейт, Оман, Сирию и Иорданию. Среднегодовые темпы прироста числа прибытий в этих странах за десятилетие превышали средние по региону, составлявшие 9,6%. Прочные позиции одного из основных туристских центров региона по-прежнему занимает Египет. На его долю приходится 21% всех прибытий и почти 25% всех доходов от туризма.

Ближний Восток по основным показателям еще значительно отстает от основных мировых регионов-реципиентов, таких как Европа, Америка и ВАТ (Восточная Азия и Тихоокеанский бассейн). Однако если за последнее десятилетие XX в. их доля в общемировом числе прибытий несколько снизилась, то на Ближнем Востоке наблюдался постоянный рост этого показателя¹. В 2000 г. Международной туристической организацией был составлен проект «Перспективы развития международного туризма до 2020 г.». Согласно этим прогнозам, в первые два десятилетия XXI в. туризм на Ближнем Востоке будет развиваться опережающими темпами. За период 1995–2020 гг. среднегодовой прирост составит 7%. За это же время доля региона в числе прибытий увеличится в два раза, что следует из данных таблицы.

Таблица 2
Международные туристские прибытия (прогноз), млн. чел.

Регион	Год	Прогноз		Среднегодовой прирост, %	Доля от общемирового уровня, %	
		1995	2010		2020	1995–2020
Весь мир	565,4	1006,4	1561,1	4,1	100,0	100,0
Африка	20,2	47,0	77,3	5,5	3,6	5,5
Америка	108,9	190,4	282,3	3,9	19,3	18,8
ВАТ	81,4	195,2	397,2	6,5	14,4	25,5
Европа	338,4	527,3	717,0	3,0	59,8	45,5
Ближний Восток	12,4	35,9	68,5	7,1	2,2	4,1
Южная Африка	4,2	10,6	18,8	6,2	0,7	1,1
Внутрирегиональный	464,1	790,9	1183,3	3,8	82,1	75,5
Из других регионов	101,3	215,5	377,9	5,4	17,9	24,5

Источник: Tourism Highlights. 2006 Edition.

Первое пятилетие XXI в. подтверждает сделанные прогнозы: в ОАЭ наблюдалось увеличение туристских прибытий на 32%, в Ливане на 14%, на Бахрейне – 14% и в Саудовской Аравии – 12%². Однако, несмотря на бурное развитие туризма в регионе, на сегодня он вступил в фазу «умеренного роста». Значительное замедление его темпов наблюдалось в 2003 г. По сравнению с 2005 г. в 2006 г. число прибытий в этот регион составило всего 8%³. Основная причина некоторого замедления заключается в ухудшении внутренней обстановки на Арабском Востоке, связанной с введением сил коалиции в Ирак в 2003 г. и дестабилизацией ситуации в этой стране, обострением отношений между Израилем и арабскими странами, что проявилось в военных действиях Израиля в Ливане летом 2006 г., увеличением количества террористических актов в Египте, обострением ирано-американских и американо-сирийских отношений и наращиванием военно-морской группировки США в Персидском заливе. Статистика четко выявляет связь между очередным обострением ситуации в регионе и численностью иностранных туристов, уровнем финансовых поступлений от туристических услуг. Так, война в Заливе, вызванная событиями вокруг Кувейта в 1990 г., привела к тому, что численность туристов в Египте в феврале 1991 г. упала до 57 тыс. по сравнению с 208 тыс. в феврале 1990 г., т.е. до событий, потряс-

ших регион. И лишь к 1992 г. поток иностранных туристов вновь достиг своего пика⁴.

Показательна ситуация с Египтом в том, что касается зависимости его туристического сектора от боевых действий, протекающих даже не на его собственной территории, а на дальних подступах к ней, в данном случае на территории Ирака. Перед оккупацией Ирака в Египте были сделаны расчеты, которые показали возможность того, что не только туристская отрасль, но и вся экономика может «соскользнуть» в сторону кризиса, и если война будет продолжительной, то правительству Египта придется «распечатывать» резерв в размере 14 млрд. долл. и прибегать к помощи доноров. Ведь национальная экономика лишится существенных доходов по причине падения спроса на отдых в Египте со стороны потребителей их самых разных стран из-за угрозы не столько собственно войны, сколько возможных террористических акций, которые могут быть обращены на туристов, как это было, например, в Луксоре, когда в 1997 г. были убиты 58 иностранных туристов.

Отток туристов означает огромные финансовые потери почти для любой страны, тем более для Египта. Доля туристского сектора в ВВП составляет здесь, как известно, 4,1% официально, а неофициально достигает 10%, и в нем занято 7% совокупного населения страны, достигающего 68 млн. чел.⁵

В 2002 г. в абсолютных цифрах доход Египта от туризма достиг 3,4 млрд. долл., «похудев» на 900 млн. долл. в предшествовавшем году из-за событий 11 сентября в Америке. Тогда количество прибывших сократилось до 4,3 млн. человек по сравнению с 5,3 млн. в 2000/01 году⁶. В Египте же одно только муссирование слухов о готовящемся нападении на Ирак войск коалиции отразилось на численности желающих посетить пределы этой страны. Более точные данные отсутствуют, но, по некоторым подсчетам египетских менеджеров по туризму, заказы на гостиницы снизились в тот период на 70%, при этом предполагается, что на 40% это произошло из-за опасений иракской войны, а 30% могут быть отнесены к страхам испытать на себе каким-нибудь образом последствия палестино-израильского конфликта. Другими словами, иностранное сообщество воспринимает поездки в Египет как потенциальную угрозу жизни и здоровью своих граждан, которые не стремятся подвергать себя реальной опасности. Синдром опасности может сработать при любых обстоятельствах. Повторение упомя-

нутых событий, а тем более возникновение войны и масштабных ее последствий, связанных с терроризмом и экстремизмом в отношении иностранных граждан, может создать негативный психологический эффект, который будет только усиливаться при умножении числа отрицательных примеров из арабской политической действительности.

По некоторым предварительным подсчетам, которые делались до вторжения в Ирак и до дестабилизации обстановки, Египет должен был потерять минимум 40% приезжих в течение года после острой фазы боевых действий. А это составило бы 1,5–2% поступлений в ВВП⁷.

Как кажется, предсказанные последствия для Египта не имели в действительности столь серьезных последствий. Однако напряженность в отношении к ситуации на Ближнем Востоке всегда присутствует в расчетах людей, намеревающихся посетить эту или другую страну региона. Другими словами, нестабильность обстановки создает реальную возможность воздействия на количественные показатели туристического бизнеса как в «людском», так и в финансовом исчислении и способна принести весьма серьезные убытки государственной казне, несмотря на то, что шок от экстремальных ситуаций проходит довольно быстро, имея в основном лишь последствия тактического плана для отрасли.

Несомненно, что подобные события отпугивают многих желающих посетить регион. Поэтому дальнейшие перспективы развития туризма на Ближнем Востоке в первую очередь зависят от стабилизации положения в регионе в целом и от усиления мер безопасности в каждом из его государств.

Исторически туристические потоки в страны Ближнего Востока и Северной Африки формировались из промышленно развитых стран мира, прежде всего из соседней с регионом Европы. С последней Арабский Восток исторически связывали колониальные «узы». Кроме того, европейцы с их относительно высоким уровнем жизни могли себе позволить совершать путешествия за рубеж с целью отдыха и т.п. Наряду с «европейским» потоком туристов издавна на Ближний Восток совершали ежегодно паломничество тысячи, а в конце XX в. – миллионы мусульман⁸. Согласно данным за 2005 г., Саудовскую Аравию посетили 3 млн. паломников⁹, совершающих хадж.

За последние годы самое большое количество прибывших в ОАЭ было зарегистрировано из Великобритании и Ирландии,

Индии, США, России, а также стран Балтии и СНГ. Иордания в значительной степени пострадала от обострившихся отношений между США и Ираком. Увеличение туристских прибытий на 9,8% в эту страну в значительной степени произошло за счет внутрирегиональных поездок, а не международных из Европы и Америки. Египет, несмотря на «11 сентября» и обострение палестино-израильского конфликта, сумел добиться увеличения туристских прибытий на 13%. На туристов из Германии, Италии, Великобритании и Франции (четыре основных туристских донора Египта) в 2002 г. приходились 40% международных прибытий. Значительный спад туристских прибытий из США, стран Бенилюкса и Скандинавии в арабские государства компенсировался увеличением прибытий из РФ и Восточной Европы, которые возросли с 8 до 13% всех международных прибытий в регион в начале XXI в. Сирия показала неплохие результаты, хотя нельзя указать точный прирост туристских прибытий в эту страну, так как до 2002 г. в Сирии учитывались только те туристы, которые проживали в отелях, и не принимались во внимание альтернативные средства размещения. Благодаря продуманной маркетинговой кампании, направленной на туристические рынки Юго-Восточной Азии и ближневосточного региона, увеличение туристских прибытий в Оман составило 7%, а в Йемен – 18%. Единственными странами, не показавшими значительных изменений в структуре туристских потоков, остаются Кувейт и Палестина¹⁰.

В ряде ближневосточных государств большинство прибытий приходится на внутрирегиональные или из соседних с регионом государств, таких как Пакистан, Индия, Иран, Турция. Так, по данным 2001 г., из 837 тыс. туристов, посетивших Ливан, 382 тыс. прибыли из государств региона, в основном Саудовской Аравии. Среди туристов, посетивших в 2003 г. Иорданию, 2/3 составляли прибывшие из арабских государств и Турции. Значителен процент прибывающих из Израиля. Тенденция к росту внутрирегионального туризма в этом регионе проявилась после 11 сентября, так как многие арабы, традиционно проводившие летние месяцы в Европе, стали воздерживаться от таких поездок¹¹.

С начала 90-х годов для Ближнего Востока был характерен рост турпотоков из России, что было связано с либерализацией политической и экономической жизни в нашей стране. Так, в 1990 г. арабские страны посетили 530 тыс. туристов из России,

причем большая часть (331 тыс.) прибывала в ОАЭ. Эта страна привлекала россиян не только возможностями пляжного отдыха в зимний период, но и шопинг-турами. «В немалой степени сказались и уровень сервиса в арабских странах. Обилие фруктов и овощей, относительная дешевизна отдыха ... также в большой мере определили значительный поток россиян, выезжающих на Арабский Восток»¹². Увеличение туристского потока из России происходило на фоне падения прибытия туристов из развитых государств, прежде всего Европы, вследствие потрясений в регионе. Российские туристы оказались менее подверженными угрозе роста политической напряженности в регионе.

За прошедшее десятилетие произошли некоторые изменения в направлениях туристских потоков из России внутри региона. В первой половине 90-х годов наибольшей популярностью у российских туристов пользовались ОАЭ и Египет. Со второй половины 90-х годов ситуация несколько изменилась. Показатель прибытия российских туристов в ОАЭ снизился, хотя в целом абсолютная численность россиян в ОАЭ характеризуется высоким уровнем.

С начала XXI в. наблюдалось увеличение турпотока из России в Иорданию, Ливан и Сирию, в государства Персидского залива. С каждым годом увеличивается количество мусульманских паломников из России, направляющихся в Саудовскую Аравию. В 2007 г. Мекку посетили 18 тыс. российских паломников, что на 5 тыс. больше, чем в предыдущем году¹³. По-прежнему не теряет своей привлекательности для россиян Египет. Таким образом, можно говорить о том, что российское направление в последние десятилетия стало одним из определяющих в формировании туристских потоков. Его характеризуют масштабность, стабильность, «относительная снисходительность к качеству сервиса, что позволяет развиваться «нижним этажам» отрасли»¹⁴. Учитывая сложившиеся связи между арабскими и российскими партнерами и тенденцию в развитии международного туризма на Ближнем Востоке, можно предположить, что этот регион будет пользоваться и в дальнейшем постоянным спросом у российских туристов.

Международные туристские поездки совершаются с целью отдыха (62%), вызваны деловой активностью (18%), обусловлены посещением родственников и знакомых, диктуются необходимостью религиозных отправок (паломничество), лечения, на прочие виды приходятся оставшиеся 20%.

Современная индустрия туризма на Ближнем Востоке к XXI в. достигла в своем развитии такого уровня, что она в состоянии предоставлять практически все основные виды туристических услуг. Несомненно, что основной формой туризма остается пляжный туризм в сочетании с культурным и познавательным. Такие виды туризма наиболее широко развиты в Египте, Сирии, Иордании, Ливане, где в программу туров обязательно включается посещение исторических и культурных памятников.

В последнее десятилетие все большей популярностью пользуется экотуризм. По этой причине 2002 г. был даже объявлен ВОТ годом экотуризма. Принимающие компании стран Ближнего Востока быстро учли новую тенденцию и, откликнувшись на нее, включили в туристические пакеты новые программы. Это прежде всего знакомство с традициями и обычаями народов Арабского Востока. С этой целью организуются туры в пустыню – поездки в районы традиционного проживания коренного населения – бедуинов, знакомство с их сохраняющимися веками обычаями и традициями, укладом жизни.

Спортивный туризм, сочетающий отдых с занятиями спортом, главным образом его летними видами, постепенно становится также распространенной формой туризма. Все большее развитие, в основном среди элитарной части иностранных туристов из северных стран, получают такие пока экзотические виды спорта, как путешествие по пустыне на вездеходах различных типов, охота в пустыне, в том числе соколиная и т.д.

Особенно динамично в последние десятилетия развивается деловой или бизнес-туризм. Эта форма находит активную поддержку со стороны деловых кругов арабских стран. В Иордании часто проводится Всемирный Экономический Форум, участники которого размещаются, как правило, в отелях на Мертвом море. В 2005 г. прошел первый ближневосточный тур Гран-При Формулы-1 – его принял Бахрейн. Возможно, следующая Формула-1 пройдет в Иордании.

Семейный туризм, т.е. посещение родственников также занимает значительное место в индустрии туризма на Ближнем Востоке.

По сути, регион Ближнего Востока к началу XXI в. стал одним из основных мировых центров международного туризма. В последнее десятилетие XX в. он лидировал по темпам прироста доходов и числа прибывающих среди основных регионов-реципиентов туристических потоков, что объясняется зна-

чительными успехами туристской индустрии, хотя в развитии туризма этого региона по странам наблюдались значительные спады, указывавшие на то, что обеспечение безопасности туристов – одна из важнейших проблем для принимающих стран этого региона.

Арабский мир в начале третьего тысячелетия является сложной общественной структурой с присущей ему специфической экономической, социальной, политической, экологической культурой. Это потенциально мощное сообщество родственных стран. Но их слабой стороной является серьезная дифференциация по множеству критериев, в том числе по таким важнейшим, как различия в уровнях развития, наличие ценных полезных ископаемых, обеспеченность материальными благами, доступ на мировые рынки и по ряду других, не менее весомых параметров, определяющих позиционирование арабских стран в системе международного разделения труда.

Развитие базы международного туризма для большинства капиталододефицитных арабских стран представляет большую проблему в связи с малыми возможностями в области мобилизации как внутренних, так и внешних источников накопления. Проблема в таких странах решается, однако с большими трудностями, крайне медленно, временами переходя в застойную фазу. Процесс формирования туристской инфраструктуры, а в равной степени и иных видов социальной и производственной инфраструктуры не может быть волюнтаристски ускорен, поскольку предпочтительнее равномерное развитие всей сферы, обеспечивающей комфортность пребывания в стране иностранных граждан на широком фронте. Но выгоды от сервисизации экономики, в том числе и в туристском секторе, велики. Поэтому такие арабские страны, чтобы активизировать возможности приема зарубежных гостей, избрали тактику очагового развития туристской сферы и идут ныне по пути формирования своего рода анклавов в виде заповедных зон и национальных парков, расположенных поблизости от исторических памятников или природных объектов, обладающих повышенной привлекательностью для посетителей.

Естественно, такой подход является вынужденным по сравнению с более богатыми государствами Арабского Востока, где туристское строительство ведется опережающими темпами. Но он также достигает цели, хотя обеспечение ускоренного социально-экономического прогресса в арабских странах

как предпосылки динамизации туризма в настоящих материальных условиях невозможно.

Тем не менее международный туризм, являющийся сегодня важной частью экономики большинства стран мира, занимает значительное место в хозяйственной жизни целого ряда ближневосточных государств. По прогнозам Международного союза по туризму (World Travel & Tourism Council – WTTC), доля туризма в ВВП стран Ближнего Востока достигнет в 2007 г. в Египте 8,7%, в Иордании – 8,6%, в Сирии – 5,9% в Омане – 2,2%¹⁵. Эти расчеты основываются на изучении динамики поступлений от международного туризма, которые за период 2000–2005 гг. достигли в Египте 6,85 млрд. долл., в Иордании за этот период выросли вдвое и составляли 1,44 млрд. долл., в Сирии также удвоились, а в Катаре возросли почти в 6 раз – с 128 млн. долл. в 2000 г. до 723 млн. долл. в 2005 г.

Развитие иностранного туризма как самостоятельной отрасли национальных экономик в странах Ближнего Востока началось с периода вступления большинства государств на путь независимого развития (50–70-е годы XX в.), когда перед ними встала проблема поиска внутренних ресурсов, необходимых для экономического развития. Особенно резко она обозначилась в тех странах региона, которые обладали ограниченными природными ресурсами, включая полезные ископаемые, фонд сельскохозяйственных земель, пригодных для возделывания и т.п. Например, в Египте уже в 50-е годы обратили внимание на значительные возможности туристической отрасли. Это стало одним из важнейших факторов последующего роста индустрии иностранного туризма, значение которого не уменьшилось и в наши дни.

Для государств Персидского залива, активно добывающих и экспортирующих нефть, весьма актуальна проблема диверсификации национальной экономики. В этой связи, учитывая бурный рост международного туризма в мире, оценив природные возможности и приняв во внимание историко-культурные ценности региона, ряд монархий сделал ставку на становление разветвленной современной системы туристических видов отдыха и адекватной ей диверсифицированной системы туристических услуг самого разнообразного уровня с целью получения доходов от этого сектора экономики.

Можно говорить о том, что в последние 15–20 лет туристическая индустрия, особенно в ОАЭ и Египте, превратилась

в одну из ведущих отраслей национальной экономики. С ее развитием связаны также далеко идущие планы подъема хозяйственной жизни, формирования современной, устойчиво развивающейся за счет относительно стабильных внутренних ресурсов экономики в Сирии. Диверсификация национальных экономик в планах экономического и социального развития и других арабских государств во многом связана с перспективами туристической индустрии. Ей обоснованно придается большое значение и как сфере приложения труда, ликвидации или смягчения такой острой социальной проблемы, как безработица.

Туризм – достаточно трудоемкая отрасль хозяйства, и его развитие требует привлечения большого количества как квалифицированных, так и малоквалифицированных кадров. В большинстве арабских государств, для которых характерны высокие темпы прироста населения и где в демографическом смысле преобладает молодое население, потребность обеспечения занятости людских ресурсов становится мощным фактором развития туристической отрасли. Арабский менталитет считает сферу услуг традиционно приемлемым, достойным делом. Государства Персидского залива из-за дефицита трудовых ресурсов решают кадровую проблему туристического сектора за счет приглашения работающих по найму из других стран, в первую очередь Индии, Пакистана, Юго-Восточной Азии. Доля экономически активного населения, занятого в этом секторе экономики, составляет в 2007 г. в Иордании 19,1%, Сирии – 14,2%, Омане – 10,1%, Саудовской Аравии – 8,6%. А по прогнозам на 2017 г. этот показатель достигнет соответственно 19,8%; 16,6%; 12,2%; 10,8%¹⁶.

Поставив задачу создания современной индустрии туризма и увеличения доли этого сектора экономики в бюджете, в последние десятилетия правительства целого ряда ближневосточных государств разработали полномасштабные программы мер для привлечения иностранного капитала в эту отрасль хозяйства и активизации национального частного сектора.

Сирия, как уже отмечалось, имеет колоссальный потенциал для организации международного туризма и рекреации. Несколько лет тому назад премьер-министр страны и он же председатель Высшего совета по туризму издал постановление о выделении под использование для целей туризма обширных территорий, расположенных в наиболее привлекательных районах Сирии с точки зрения использования их для отдыха, заня-

тий спортом или лечения. В частности, в список территорий попали земли в районах средиземноморского побережья, особенно в горных зонах, у лечебных источников, на побережье внутренних водоемов, а также в районе пустынь и степей, поблизости от исторических городов и памятников и т.п.

Подобная широкая программа действий может рассматриваться как абсолютно новое начинание для Сирии, которая в течение длительного времени, имея огромное количество памятников старины на своей территории, не занималась их туристической разработкой и не пыталась использовать их в целях пополнения государственного бюджета. Это имело под собой вполне объективные причины, связанные с состоянием войны с Израилем и необходимостью поддерживать с ним военный паритет, который оценивался в размере 50% бюджета развития на каждый год. При таких расходах туристский бизнес в стране был крайне ограничен и не имел возможностей для развития. В современных условиях, хотя мир с Израилем не достигнут, потенциал для развития этой отрасли существенно вырос. Ныне страна может позволить направлять бюджетные отчисления на обустройство туристических объектов. Однако основной упор в этом делается на привлечение иностранных инвестиций, без которых весь процесс окажется растянутым на длительное время и едва ли обретет те черты, которые авторы его рассчитывают увидеть по прошествии относительно небольшого времени.

Для привлечения капиталов в строительство отелей и культурно-развлекательных комплексов, для поощрения развития ряда отраслей промышленности, непосредственно связанных с индустрией туризма, были введены определенные налоговые льготы. Так, в начале 90-х годов в Сирии была создана близкая к международной стандартной юридическая база для привлечения иностранных инвестиций. В соответствии с законом об иностранных инвестициях владельцы гостиниц и туристических объектов первого и второго классов и функционирующих в их рамках предприятий общественного питания освобождались от налогов, пошлин и сборов, но при условии, что совокупная стоимость их импорта не превышала бы 30% совокупной величины инвестиций. Кроме того, все предприятия освобождаются от уплаты 50% годового подоходного налога на чистую прибыль, образовавшуюся в процессе эксплуатации туристического объекта»¹⁷. Особые льготы на покупку недви-

жимости были введены в Сирии для граждан других арабских стран.

Кроме того, государство издало целый ряд постановлений, регулирующих порядок финансирования и выполнения работ по проектам. Это стало большим шагом вперед, поскольку доходы от туризма на Ближнем Востоке имеют тенденцию к росту, несмотря на все сложности обстановки в конкретных странах, и в связи с этим у правящих режимов появилась надежда на приток средств заинтересованных инвесторов. Во всяком случае, имеются некоторые основания для того, чтобы полагать, что Сирия уже в недалеком будущем может стать страной, которая по привлекательности международного туризма и обустройству отдыха в ее пределах не будет уступать своим соседям, которые не имеют таких культурно-исторических ресурсов для отдыха, какими располагает Сирия.

В Иордании для обеспечения более равномерного территориального развития правительство разделило страну на три инвестиционные зоны. Регулирование иностранных инвестиций было направлено на их поощрение прежде всего в отсталых районах: зонах В и С. (Зона А включает экономически наиболее развитые районы). Строительство гостиниц согласно законодательству было разрешено только в зонах В и С, где предоставлялись дополнительные льготы¹⁸.

В результате в большинстве ближневосточных государств с каждым годом возрастает объем инвестиций в туризм. Так, в 2007 г., согласно расчетам WTTC, доля капиталовложений в этот сектор экономики составит в ОАЭ 30,6%, Иордании – 17,9%, Египте – 16,3%, Кувейте – 8,7%, Сирии – 7,4% от всех капиталовложений в экономику страны¹⁹.

В ряде государств были приняты меры по либерализации валютно-финансовой системы. Например, в Сирии был отменен запрет на свободный обмен иностранной валюты и был введен единый курс доллара США к сирийскому фунту. Кроме того, Сирия отказалась от долларového паритета и перевела свой валютный запас в евро (что необходимо учитывать при рассмотрении перспектив сотрудничества в сфере туризма с этой страной).

С 1995 г. национальная денежная единица Иордании стала свободно конвертируемой валютой в международных экономических операциях без какого-либо изменения номинала. Это решение, принятое Иорданием, было утверждено МВФ.

Помимо экономических рычагов и стимулов, используемых в целях развития туристической индустрии, для увеличения международных туристических потоков государствами региона предпринимаются меры для упрощения визового режима.

Российским гражданам для въезда в любую страну Ближнего Востока, кроме Египта, необходимо получить визу. Однако за последние годы большинство стран ближневосточного региона перешло на упрощенный режим выдачи, предполагающий получение визы при пересечении границы. Так можно въехать в такие страны, как Иордания, Йемен, Катар, Оман, ОАЭ. Возможен облегченный режим получения визы в Ливан. Для получения визы во все остальные страны Ближнего Востока необходимо лично подавать документы в консульство.

Несколько сложнее обстоит ситуация в Саудовской Аравии. Однако в течение последних лет и в этой стране все больше внимания уделяется развитию туристического сектора. Долгое время Саудовская Аравия была закрытой страной, особенно для немусульман. Теперь ситуация изменилась. Недавно появилось официальное сообщение о том, что эта крупнейшая страна Аравийского полуострова начинает выдачу групповых туристических виз сроком на 60 дней. Женщинам, путешествующим без близких родственников, виза выдается только с 30-летнего возраста²⁰.

Вообще, начиная с 2000 г. имели место значительные изменения в отношении руководства отдельных государств Ближнего Востока к туризму как таковому.

В рамках развития туристической отрасли в большинстве ближневосточных государств были разработаны специальные программы, в которых основное внимание сосредоточено на совершенствовании туристского продукта, улучшении его качества, а также на подготовке квалифицированных кадров. Во многих странах стратегия диверсификации туристского продукта включает следующие сегменты: деловой и инсентив-туризм, экотуризм, оздоровительный туризм (спа и талассотерапия), спортивный туризм, где предусматривается повышение качества услуг как самого продукта, так и кадров, занятых в этой сфере экономики.

В целях реализации таких программ усилия были направлены на рост числа койко-мест, строительство причалов для яхт, конференц-центров и спа-центров, а также на модернизацию инфраструктуры аэропортов, включая расширение их про-

пускной способности, введение дополнительных внутренних и международных рейсов, улучшение транспортного обслуживания внутри страны. Одним из направлений деятельности в этой сфере стала реконструкция исторических памятников. Почти повсеместно вырабатывается тенденция к усилению деятельности национальных туристских администраций.

Следует отметить, что в большинстве стран индустрия туризма начиналась со строительства транспортной инфраструктуры – морских портов, аэропортов, терминалов, сооружения новых дорог.

В Египте, на который в 90-е годы приходилась четверть всех туристов, посетивших Ближний Восток, но где в начале XXI в. стало наблюдаться сокращение темпов прироста прибывающих, для выправления положения был принят ряд мер, в частности, обеспечивающих управление туризмом. В 2000 г., согласно президентскому декрету, деятельность Высшего совета по туризму была подчинена премьер-министру. Был принят план увеличения количества аэропортов с 17 до 30. Начались масштабные работы по освоению новых территорий, например, уже строится новый курорт Порт Галеб. С 2002 г. Египет стал активно развивать спортивный и событийный туризм. Появление многочисленных полей для гольфа, пристаней для яхт, дайвинг-клубов привлекло в страну новую категорию туристов-спортсменов. Эта страна выступила с инициативой создания Межарабской туристической компании в целях развития межарабского туризма²¹.

За последние годы министерство туризма Сирии содействовало увеличению вместимости отелей. Основными направлениями развития туризма в стране являются: курортно-развлекательный, экотуризм, оздоровительный, приключенческий, деловой, инсентив и спортивный туризм. Министерство также готовит специальные программы по религиозному туризму, а также создает специальные программы для сирийских экспатриантов, особенно во втором и третьем поколении, включающие изучение арабского языка и туры по основным достопримечательностям по сниженным ценам.

Рынок гостиничного бизнеса в Сирии – растущая сфера деловой активности. За последнее время в столице и других крупных сирийских городах в частном и смешанном секторах построено большое количество мелких и средних гостиниц трехзвездочного уровня. Одновременно возводятся и крупные

отели Le Meridien, Sheraton, Hilton и т.п. Министр туризма недавно сообщил, что, учитывая 15%-й прирост количества туристов в страну за последние годы, достигнуто соглашение с инвесторами из арабских государств Персидского залива о строительстве отелей в крупных городах Сирии стоимостью в 3,4 млрд. долл. К 2010 г. это позволит добавить 30 тыс. койко-мест к уже существующим 45 тыс. Согласно расчетам, к этому году доля индустрии туризма в ВВП страны сможет достичь 9%²².

В 2004 г. в Иордании была принята программа развития туризма, рассчитанная на шесть лет. Ее цель – привлечь в страну за период до 2010 г. до 12 млн. туристов и создать около 51 тыс. новых рабочих мест; повысить квалификацию занятых в туристической отрасли кадров, реформировать законодательство, регулирующее туристическую деятельность в стране. Ежегодный бюджет Иорданского Комитета по активизации туризма был увеличен с 5 млн. (в 2003 г.) до 8 млн. динаров²³.

По данным на 2006 г., в Иордании насчитывается ныне 475 отелей, семь из которых высококлассные пятизвездочные гостиницы. Открылся ряд отелей, принадлежащих международным цепочкам, таким как Sheraton, Four Seasons, появились отели Le Royale и Le Meridien в Аммане и Marriott и Movenpick на Мертвом море.

В стране начала работу первая частная авиакомпания Jordan aviation, специально созданная для перевозки туристов к курортам Красного моря. В последние годы в районе Акабы началось осуществление нескольких крупных проектов с целью превращения красноморского побережья к 2010 г. в «Иорданскую Ривьеру», на что предусматривается ассигновать 450 млн. долл. В этом же районе уже началось осуществление проекта Tala Beu Resort, предусматривающего строительство более дешевых отелей и отелей эконом-класса. Совместно с саудовской компанией Arab Supply & Trading Corporation предполагается строительство аквапарка²⁴.

Основная задача Ливана состоит в восстановлении утраченных в ходе войны возможностей в сфере туризма. Основной упор сделан на реконструкцию отелей и пляжных зон. В 2000 г. в Бейруте после восстановительных работ был открыт крупнейший отель Phoenicia Intercontinental. Был значительно расширен аэропорт Бейрута и морской порт. В строительных работах принимали участие немецкие и греческие компании.

В апреле 2003 г. Мировой Банк санкционировал выдачу займа в размере 31,5 млн. долл. правительству Ливана на осуществление проекта «Культурное наследие и городское развитие», целью которого является реконструкция исторических памятников в Баальбеке, Библосе, Сайде, Триполи и Тире.

Национальный совет по туризму Ливана не только ведет организационную деятельность внутри страны, но и имеет девять представительств в Европе, США и на Ближнем Востоке для практической работы с турагентствами. Однако за последний год, ввиду политической нестабильности и военных действий в стране, туристической отрасли, только начавшей процесс возрождения, вновь был нанесен существенный урон.

В планах государств Персидского залива развитию индустрии туризма уделяется самое пристальное внимание. Например, правительство Омана, поставившего целью превратить туризм в один из основных источников доходов государства при поддержке частного сектора, спонсировало увеличение вместимости отелей на 23%. В Маскате реставрируются исторические районы города, восстанавливаются древние крепости в Назвахе, Аль-Хазме, Джабрине. Оман располагает семью международными гостиницами, большинство из которых расположено в Маскате. «AZD Enterprises» – компания, принадлежащая одному из членов семьи султана, планирует создание крупного туристического центра в Баур аль-Джисса (участок северного побережья Омана), где на площади более 500 тыс. кв. м будут построены несколько высококлассных отелей, частные виллы, культурный центр, поля для гольфа, собственная электростанция и завод для опреснения воды. Предусматривается строительство дороги, соединяющей Баур аль-Джисса с Маскатом. В феврале 2002 г. оманская компания Zubaif Enterprises объявила о намерении вложить 200 млн. долл. в туристический комплекс на берегу Оманского залива.

В феврале 2004 г. правительство Омана запустило самый большой проект в сфере туризма – “The Wave”. Новый курорт, оцененный в 805 млн. долл., должен протянуться на 7,3 км вдоль побережья к западу от Маската. Для начала будет выделено 82 млн. долл. для освоения участка земли, развития инфраструктуры и постройки полей для гольфа, причалов для яхт и яхт-клубов²⁵.

В июне 2004 г. Оман принял решение о создании нового министерства туризма, а в июле того же года стал членом ВОТ.

В Бахрейне недавно открылся новый курорт Ад-Дана с развитой инфраструктурой, включающей 180 шале, спа-салонов, ресторанов, бассейнов и пляжей, дайвинг-клубов. Была проведена реконструкция основных исторических и археологических достопримечательностей.

В последние годы правительство Саудовской Аравии также стало уделять внимание развитию рекреационного туризма, видя в нем значительный источник иностранной валюты и возможность создания новых рабочих мест. Недавно был построен новый туристический город в Аль-Бухейрате (стоимость проекта 48 млн. риалов), расположенный всего в 15 км от международного аэропорта Джидда. Он предлагает различные возможности для отдыха на Красном море. Другой туристический курорт Дуррат аль-Арус на Красном море, включает ипподром, поле для гольфа, пристань для яхт, а также тематический и аква-парки. В Эр-Рияде открылся новый отель международной сети Four Seasons.

В других странах региона в большей или меньшей степени прилагаются усилия для создания индустрии туризма. Значительное место в планах ближневосточных государств уделяется пропаганде и рекламе национальных туристических возможностей. В ряде европейских и азиатских государств открыты представительства национальных департаментов туризма, издается специальная литература. Почти все государства Ближнего Востока активно участвуют в международных туристических выставках, созданы специальные сайты, способствующие продвижению турпродукта. Используются различные возможности для проведения маркетинговых кампаний.

Краткий анализ основных показателей развития туризма на Ближнем Востоке за последние десятилетия показывает, что успехи, которые ныне наблюдаются в этой области, были достигнуты благодаря целенаправленной деятельности государств этого региона. Именно в результате продуманной политики, поддержанной системой льгот и преференций, в регионе создается серьезный туристический потенциал в специально выделенных районах. Развитие индустрии туризма способствует и общему подъему стран, так как расширяется и совершенствуется транспортная инфраструктура, осваиваются новые территории, восстанавливаются и облагораживаются многочисленные исторические памятники, разбросанные почти повсеместно. Сегодня туризм играет важную роль для Ближнего

Востока как источник притока иностранной валюты, генератор занятости, средство диверсификации экономики.

Что касается будущих перспектив, то кажется бесспорным, что туризм на Ближнем Востоке будет и далее динамично развиваться. Это подтверждают национальная практика и прогнозы международных туристических организаций. Однако темпы роста показателей этой отрасли экономики во многом будут зависеть как от общей политической ситуации в регионе, сегодня переживающем очередной пик напряженности, так и от дальнейших усилий государств, направленных на создание благоприятных условий для развития туризма и на обеспечение безопасности иностранных туристов.

¹ Согласно статистике ВОТ, доля Европы в общем количестве прибытий за 1990–2000 гг. сократилась с 60% до 57%, а американского региона с 22% до 18%.

² Tourism Market Trends, 2003 Edition – Middle East – www.world-tourism.com

³ Tourism Highlights, 2006 Edition – www.world-tourism.com

⁴ Халаф М. Индустрия туризма в арабских странах // Ближний Восток и современность. Вып. 21. – М., 2004, с. 353.

⁵ Халидж Таймс, 10.11.2002

⁶ Там же.

⁷ Халидж Таймс, 10.11.2002.

⁸ Халаф М. Индустрия туризма в арабских странах // Ближний Восток и современность. Вып. 21. – М., 2004, с. 354.

⁹ <http://wikitravel.org>

¹⁰ Tourism Market Trends, 2003 Edition – Middle East – www.world-tourism.com

¹¹ The Middle East & North Africa. 2005, с. 678, 776.

¹² Халаф М. Российский туристический бизнес в арабских странах: состояние и перспективы // Востоковедный сборник. Вып. 6. – М., 2004, с. 102–103.

¹³ Российская газета, 10.03.2007.

¹⁴ Халаф М. Указ. соч., с. 105.

¹⁵ www.wttc.org

¹⁶ www.wttc.org Доля туризма в ВВП Саудовской Аравии (учитывая паломничество) составляет 6% или 14,6 млрд. долларов (95,5 млрд. С.Р.) // Iran Daily, 13.06.2007.

¹⁷ Филоник А.О., Ахмедов В.М. Сирийская Арабская Республика // Рынки Ближнего Востока (условия внешнеэкономической деятельности). – М., 1997, с. 79.

¹⁸ Руденко Л.Н. Иорданское Хашимитское Королевство // Рынки Ближнего Востока (условия внешнеэкономической деятельности). – М., 1997, с. 161.

¹⁹ www.wttc.org

²⁰ Iran Daily, 13.06.2007.

²¹ Гашев Б.Н. Туризм как фактор роста египетской экономики // Ближний Восток и современность. Вып. 14. – М., 2002, с. 38–44.

²² Iran Daily, 30.05.2007.

²³ Руденко Л.Н. Иорданское Хашимитское Королевство // Рынки Ближнего Востока (условия внешнеэкономической деятельности). – М., 1997, с. 163.

²⁴ The Middle East & North Africa. 2005, с. 677.

²⁵ The Middle East & North Africa. 2005, с. 915.

ЕГИПЕТ И ЕС: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

На протяжении всей новой и новейшей истории Египет был тесно связан с Европой. Особенно ярко эта связь выражалась в отношениях Египта с Великобританией и Францией. Так, после оккупации британскими войсками в 1882 г. хедив Египта был вынужден следовать рекомендациям британского генерального консула, в руках которого фактически находилась вся власть. В этот период египетская армия находилась под контролем англичан, к тому же на территории Египта на постоянной основе находились крупные гарнизоны британских войск. Для надзора за действиями египетского правительства и обеспечения выплат по внешнему долгу Великобритания подчинила себе финансовое управление Египтом.

18 декабря 1914 г. Египту был придан статус британского протектората под управлением верховного комиссара. Это еще больше упрочило позиции Великобритании в стране. С этого момента вплоть до обретения его независимости в 1922 г. политическое и экономическое управление здесь фактически осуществлял британский комиссар. И в дальнейшем, вплоть до революции 1952 г., роль Великобритании в принятии решений по политическим и экономическим вопросам была определяющей.

Вторым по значимости партнером Египта на тот момент являлась Франция. В некоторые области египетской экономики Франция вкладывала значительные средства, даже опережая по их объему Великобританию.

Не последнее место в интересах Великобритании и Франции занимал построенный в 1869 г. Суэцкий канал. Будучи одной из основных транспортных артерий того времени, он являлся важным экономическим, а следовательно, и политическим рычагом не только в масштабе Египта или Ближнего Востока, но и всего мира. Как известно, впоследствии именно национализация Суэцкого канала стала событием, объединившим усилия Великобритании и Франции в борьбе за сохранение своего по-

литико-экономического влияния в Египте. Но революция в Египте 1952 г. и национализация Суэцкого канала открыли путь на египетскую арену новым игрокам – СССР и США. Именно Суэцкий кризис стал тем поворотным моментом, приведшим Великобританию и Францию к окончательному осознанию потери ими влияния в Египте и на Ближнем Востоке. Отныне стране предстояло вести долгую борьбу за свое присутствие в этой стратегически важной части развивающегося мира.

25 марта 1957 г. в Риме Бельгия, ФРГ, Франция, Италия Люксембург и Нидерланды подписали Договор об учреждении Европейского экономического сообщества (Римский договор)¹. В рамках его предусматривалась «сотрудничество с заморскими странами и территориями с целью увеличения торговли и совместного содействия экономическому и социальному развитию»². Особое внимание было уделено таким темам как определение режима торговли, характер капиталовложений, предоставление вида на жительство и права на экономическую деятельность, устанавливался порядок подготовки последующих соглашений, наличие «условий, необходимых для сотрудничества между странами, территориями и ЕЭС»³.

Римский договор можно считать фундаментом, в рамках которого были сформированы основные принципы, цели и задачи ЕЭС касающиеся в том числе и Средиземноморского региона.

В настоящее время в своей политике относительно южного и восточного Средиземноморья ЕС руководствуется соображениями установления растущих взаимосвязей со странами этого региона и в рамках такого подхода стремится увязать внутреннюю обстановку в этих странах не только со своими экономическими интересами, но и с проблемой безопасности в Европе, в частности, и в регионе, в целом.

ЕС намерен проводить более четкую политику поддержки экономического роста в странах восточного и южного Средиземноморья. Иначе это может привести к тому, что разрыв в доходах между этими странами и Европой, составлявший в 1998 г. 1:12, к 2010 г. может стать 1:20⁴. Такое расслоение масс может привести к росту иммиграционных потоков в страны Европы и обострению уже здесь социально-экономической и демографической ситуации. Ведь общая численность населения стран южного и восточного Средиземноморья по некоторым оценкам достигнет к 2010 г. более 300 млн. человек (в 1995 г. – 220 млн. человек)⁵.

Не последним фактором заинтересованности ЕС в развитии экономики региона является и то, что страны восточного и южного Средиземноморья обеспечивают более 20% энергетических потребностей стран ЕС, поставляют в Европу половину своей экспортной продукции (с учетом доли североафриканских государств эта цифра порой доходит до 2/3) и закупают у нее половину своего импорта⁶.

Идея укрепления евро-средиземноморского сотрудничества впервые была высказана на встрече глав государств и правительств стран ЕС в Лиссабоне в 1992 г., получив развитие на встречах в Корфу в июне 1994 г. и в Эссене в декабре того же года. Уже в июне 1995 г. в Каннах были одобрены предложения Еврокомиссии о создании механизма партнерства между странами ЕС и Средиземноморья.

В конечном итоге, в ноябре 1995 г. был запущен так называемый Барселонский процесс. На конференции в Барселоне министры иностранных дел 15 государств ЕС и 12 государств Средиземноморья, среди которых были министр иностранных дел Египта, а также министры иностранных дел Алжира, Израиля, Иордании, Кипра, Ливана, Мальты, Марокко, Палестинской автономии, Сирии, Туниса и Турции, представители Совета ЕС и Европейской комиссии одобрили декларацию, определившую основные направления развития сотрудничества, и утвердили Рабочую программу реализации евро-средиземноморского сотрудничества. Впоследствии, в мае 2004 г., ввиду расширения Европейского союза, состав участников процесса был расширен. Теперь в него входили 35 стран: 25 стран членов ЕС (включая Кипр и Мальту) и 10 стран Средиземноморья.

На этой конференции были разработаны два дополняющих друг друга механизма взаимодействия: на двустороннем уровне – соглашение о партнерстве между ЕС и каждой из средиземноморских стран; и на региональном уровне – постоянный многосторонний диалог в области политики, безопасности, экологии, экономики и культуры, включая обсуждение совместных проектов.

Барселонская декларация содержит следующие основные принципы:

– образование единого евро-средиземноморского пространства мира и стабильности основанного на принципах уважения прав человека и демократии (сотрудничество в политической сфере и сфере безопасности);

– общее процветание путем последовательного создания свободного экономического пространства между ЕС и его партнерами и между средиземноморскими странами участниками процесса (экономическое и финансовое сотрудничество);

– развитие человеческих ресурсов, активизация межкультурного диалога, возобновление дружеских отношений в Евро-средиземноморском регионе, а также развитие свобод и процветающего гражданского общества (социальное, культурное и общественное сотрудничество)⁷.

Египет занимает в «Барселонском процессе» одно из важных мест. С населением в 64 млн. человек АРЕ является самой большой страной в арабском мире и одной из самых больших стран в Средиземноморском регионе. Ежегодный прирост населения этой страны в период с 1996 по 1999 гг. составлял 1,8%. В 2000 г. душевой доход составил 1490 долл., что ниже среднего регионального показателя (1512 долл.). Реальный рост ВВП в период с 1990 по 1999 гг. составил 4,4%, что превышает аналогичные показатели в 80-е годы и лучше показателей других развивающихся стран этого региона⁸. Не стоит также забывать, что Египет является одним из центров сил в регионе Ближнего Востока.

Имея развитую, по меркам региона, постоянно растущую экономику, сильную современную армию и большой политический вес, Египет проводит все более активную внешнюю политику, направленную на урегулирование конфликтов в регионе, стремится выступать третейским судьей и активным посредником. Страны Средиземноморья не могут не считаться с позицией АРЕ. Египет вступил в XXI век, не только полностью вернув себе политический вес в регионе после подписанного в Кэмп-Девиде в 1978 г. соглашения с Израилем, но и ощутимо укрепил свой авторитет и влияние во всем арабо-мусульманском мире.

В период с середины 70-х до конца 90-х годов отношения между Египтом и ЕС строились на основе Соглашения о сотрудничестве от 18 января 1977 г., которое вступило в силу в ноябре 1978 г. Это Соглашение со стороны ЕЭС подписали Бельгия, Дания, Германия, Франция, Ирландия, Италия, Люксембург, Нидерланды и Великобритания.

Соглашение 1977 г. отменяло действие предыдущего Соглашения. В его преамбуле говорилось, что стороны «хотят продемонстрировать общее желание поддерживать и укреп-

лять дружеские связи в соответствии с принципами Устава ООН»⁹, намерены «твердо устанавливать широкомасштабное сотрудничество, которое поможет египетской экономике и социальному развитию Египта, а также укрепит связи между Сообществом и Египтом»¹⁰. Соглашение было призвано сконструировать «новую модель отношений между развитыми и развивающимися странами»¹¹, помочь «увидеть и достичь новых соответствующих уровней развития экономических и торговых отношений между Сообществом и Египтом»¹².

Документ состоит из трех глав. В первой главе речь идет о сотрудничестве в экономической, технической и финансовой областях, во второй главе говорится о сотрудничестве в области торговли, в третьей заключены общие положения. Основную часть соглашения составляет вторая глава, посвященная торговле.

Четыре протокола к Соглашению предусматривали оказание финансовой помощи Египту в реализации программ в экономической, социальной, сельскохозяйственной областях на сумму 425 млн. экю¹³. В рамках соглашения были реализованы следующие проекты: строительство системы очистных сооружений в Хелуане (35 млн. экю), создание кредитной линии для сельского хозяйства (45 млн. экю), программа развития продовольственного сектора (55 млн. экю), сооружение новой сельскохозяйственной зоны Бустан в районе Западной дельты (15 млн. экю), программа приватизации предприятий (43 млн. экю), реформирование банковского сектора (11,7 млн. экю), развитие ветеринарной службы (20 млн. экю), программа развития частного сектора (25 млн. экю), программа развития аграрного сектора (75 млн. экю)¹⁴.

В начале XXI века представители ЕС и АРЕ решили обновить законодательную базу своих отношений. Был разработан новый Договор о сотрудничестве между ЕС и Египтом. Он был подписан в Люксембурге 25 июня 2001 г. и вступил в силу 1 января 2004 г. заменив собой Договор 1977 г.

В Договоре 2001 г. говорится, что он заключен, принимая во внимание «желание Сообщества, его членов и Египта укреплять связи и устанавливать длительные отношения, основанные на принципах партнерства и паритета»¹⁵, «стремление устанавливать и развивать постоянный политический диалог на двустороннем и международном уровнях на основе взаимных интересов»¹⁶. В Договоре также говорится, что стороны

понимают «различия в экономическом и социальном развитии, сложившиеся между Египтом и Сообществом, и, в случае необходимости, Сообщество готово предложить помощь в укреплении процесса социально-экономического развития в Египте»¹⁷.

Договор 2001 г. открывает новую страницу сотрудничества Египта и Европы. Если в предыдущих случаях Египет выступал на правах младшего партнера, то в Договоре 2001 г. он получает права равного партнера Европейского союза и его членов. Конечно, можно отметить декларативность нового статуса, но факт изменений очевиден. Как представляется, этим Европейский союз демонстрирует свою заинтересованность в Египте, готовность к диалогу с ним на равных, признает возросший политический и экономический вес страны в Средиземноморском регионе.

Договор состоит из 8 разделов. В первом обсуждаются возможности и цели политического диалога, второй посвящен зоне свободной торговли, третий раздел касается поддержки частного сектора и сферы услуг, четвертый раздел регулирует движение капиталов и различные экономические вопросы, в пятом оговариваются рамки экономического сотрудничества, в шестом рассматриваются возможности сотрудничества в рамках социокультурного диалога, седьмой посвящен сотрудничеству в финансовой области, восьмой – общим вопросам.

Новый Договор является частью механизма евро-средиземноморского взаимодействия на двусторонней основе. Он определяет экономические, политические и культурные ориентиры сотрудничества между Египтом и Европейским союзом. Главная цель – создать в течении 12 лет зону свободной торговли между ЕС и Египтом, а также помочь в наращивании экономического роста.

Несмотря на то, что главные цели Договора 2001 г. – экономические, в нем значительная часть отводится политическому сотрудничеству, социокультурному диалогу. Так, отмечено, что «политический диалог между участниками Договора должен включать в себя общие интересы и особенно вопросы мира, безопасности, демократии и регионального развития»¹⁸.

Стороны отмечают, что в рамках глобализации происходит усиление миграционных процессов, в том числе и перемеще-

ние рабочей силы. Поэтому стороны обязуются подчинить свое социальное законодательство общим критериям, обеспечить социальную защиту рабочим мигрантам. Стороны также намерены «развивать культурное сотрудничество в рамках общих интересов и в духе уважения к культуре партнеров»¹⁹.

В 2004 г. после расширения ЕС к Договору 2001 г. был добавлен протокол, в котором стороны договорились о проведении регулярных встреч для координации работы на министерском, высшем и парламентском уровне. Первая такая встреча в рамках Совета сотрудничества ЕС-Египет прошла в Люксембурге 14 июня 2004 г.

В рамках этого договора для ряда европейских товаров возможно получение режима беспошлинного ввоза (отмена пошлин началась с 1 января 2004 г.). По мнению аналитиков Европейского союза, в скором времени до 50% промышленного экспорта будет подпадать под этот режим. Стоит отметить, что даже без этого режима торговые отношения между Египтом и Европейским союзом находятся на подъеме. Начиная с 2001 г. доля ЕС в египетском импорте и экспорте растет, что следует из приведенных ниже данных:

Таблица 1

Доля ЕС в египетском импорте и экспорте

Год	Импорт (млн. евро)	Годовой прирост (%)	Доля ЕС в импор- те (%)	Экспорт (млн. евро)	Годовой прирост (%)	Доля ЕС в экспор- те (%)	Импорт +Экспорт (млн. евро)
2000	8 978		37,93	3 293		48,13	12 271
2001	4 412	-50,9	31,38	1 495	-54,6	32,40	5 907
2002	7 290	65,2	35,14	3 023	102,2	40,59	10 313
2003	6 840	-6,2	36,49	3 053	1,0	41,92	9 893
2004	7 989	16,8	38,78	3 748	22,8	42,99	11 737

Источник: «Egypte – EU Bilateral Trade and Trade with the World», с. 2, DG Trade, 17-juin-05.

В 2004 г. объем египетского импорта из стран ЕС достиг 7 989 млн. евро²⁰. В настоящее время Евросоюз является первым торговым партнером Египта. Так, европейская доля в импорте Египта составляет 38,8%, тогда как у США она не выше 13,3%, а у Китая – 5,6% (второе и третье место соответственно)²¹.

Такая же картина наблюдается и в структуре египетского экспорта. И по этому показателю с колоссальным отрывом лидирует ЕС (43,5%), тогда как у США, занимающих второе место, всего лишь 11,6%, что видно из таблицы:

Таблица 2

Основные торговые партнеры Египта

Импортные партнеры			Экспортные партнеры			Торговые партнеры		
Страна	Млн. евро	%	Страна	Млн. евро	%	Страна	Млн. евро	%
ЕС	7 989	38,8	ЕС	3 748	43,5	ЕС	11 737	40,0
США	2 733	13,3	США	1 015	11,6	США	3 748	12,8
Китай	1 149	5,6	Иордания	220	2,5	Китай	1 306	4,5
Саудовская Аравия	920	4,5	Турция	187	2,1	Саудовская Аравия	1 076	3,7
Япония	675	3,3	Сингапур	185	2,1	Япония	717	2,4
Бразилия	434	2,1	Корея	179	2,0	Турция	605	2,1
Австралия	422	2,0	Судан	162	1,9	Корея	579	2,0
Аргентина	420	2,0	Китай	157	1,8	Бразилия	469	1,6
Турция	418	2,0	Саудовская Аравия	156	1,8	Индия	447	1,5
Корея	377	1,8	Канада	123	1,4	Австралия	443	1,5

Источник: Cooperation Agreement between the European Economic Community and the Arab Republic of Egypt, 2001, с. 2. // http://trade-info.cec.eu.int/doclib/docs/2004/june/tradoc_117680.pdf

Несмотря на все успехи в рамках двусторонних отношений, между партнерами остается ряд нерешенных вопросов. Один из таких вопросов – доступ на рынки ЕС товаров египетских сельхозпроизводителей. За последнее время барьеры на этом рынке не сказались, а даже выросли.

В рамках нового Договора ЕС продолжает наращивать поток прямых инвестиций. На протяжении последних нескольких лет в Египет ежегодно инвестировались около 400 млн. евро, при этом 20% этих инвестиций были инвестициями из ЕС²². Максимального объема прямые иностранные инвестиции достигли в период с конца 2004 г. по конец 2005 г., когда в результате приватизации и новой экономической политики египетского правительства объем ПИИ составил около 2 млрд. евро (около 1 млрд. евро – доля инвестиций из ЕС²³).

Помимо этого, Египет, начиная с 1995 г. по 2007 г. получил более 1,2 млрд. евро²⁴ в рамках программы МЕДА*, которую проводит Европейский Союз. Программа создана для поддержки целей двусторонних договор между ЕС и странами Средиземноморья, а также хозяйственных проектов в области социально-экономического развития. Египет – один из основных получателей средств по данной программе. В рамках программы МЕДА I (1996–1999 гг.) Египет получил в общей сложности 686 млн. евро²⁵ для перехода к рыночной экономики, интеграции в евро-средиземноморское экономическое пространство, развития частного сектора.

Таблица 3
Стратегические приоритеты и программы на 2002–2004 гг. и 2005–2006 гг.

Стратегические приоритеты/ Программы	2002– 2004	2005– 2006	Подтвержденные действия
Приоритет № 1. Ратификация Договора 2001 г./ Поддержка подготовки программы по поддержке «Соседской политики»	140 млн. евро	40 млн. евро	Поддержка Договора 2001 г.; Создание благоприятных условий для реформ; Усиление торговой программы; Реструктуризация легкой промышленности
Приоритет № 2: Поддержка процесса экономического развития	96 млн. евро	103 млн. евро	Поддержка реформ в водном секторе; Поддержка в области исследований и инноваций; участие в программе ТЕМПУС**; Сотрудничество в

* МЕДА – «Помощь для развития Ближнего Востока» (Middle East Development Aid). Эта программа – основной финансовый инструмент Евро-Средиземноморского сотрудничества. В ее рамках ЕС ведет финансирование наиболее важных для развития стран-участниц и региона в целом программ по трем направлениям: политика и безопасность, экономика и финансы; социокультурное направление.

** ТЕМПУС (TEMPUS) – одна из многочисленных программ ЕС для помощи развивающимся странам-партнерам в проведении социальных и экономических реформ. Основной упор делается на развитие системы образования путем сотрудничества с Высшими учебными заведениям стран-членов Евросоюза.

			секторе финансов и инвестиций; Технические реформы и реформы в области проф-тех. образования.
--	--	--	---

...окончание таблицы 3

Стратегические приоритеты/ Программы	2002– 2004	2005– 2006	Подтвержденные действия
Приоритет № 3: Поддержка постоянного социально-экономического развития	84 млн. евро	100 млн. евро	Поддержка общественного сектора и сектора здравоохранения; Программы развития локальной интеграции (Нижний Египет и Южный Синай); Поддержка социального развития и программ «Гражданское общество»
Итого:	351 млн. евро	243 млн. евро	= 594 млн. евро

Источник: http://ec.europa.eu/external_relations/egypt/intro/index.htm

В соответствии с МЕДА II (2000–2006 гг.) Египту в период с 2000 по 2002 гг. были предоставлены 193,7 млн. евро, в период с 2002 по 2004 гг. – 351 млн. евро, и в период с 2005 по 2006 гг. – 243 млн. евро²⁶. Все средства были инвестированы под жестким контролем ЕС в поддержку политических, экономически и социальных программ, направленных на включение страны в единое евро-средиземноморское сотрудничество.

Как представляется, в настоящее время отношения между Египтом и Европейским союзом вышли на качественно новый уровень. Раньше отношения развевались по схеме сильный – слабый. Европейские страны не рассматривали Египет как полноправного партнера, а воспринимали его как страну, неспособную проводить самостоятельную экономическую и политическую линию. Сейчас Египет имеет статус страны-партнера Евросоюза. Такой статус – подтверждение понимания ЕС того, что Египет представляет

собой страну с последовательно развивающейся экономикой, четко экономически ориентированную на Европу, имеющую экономический и политический вес в Средиземноморском регионе.

¹ Treaty establishment a European economic Community. // <http://www.hri.org/docs/Rome57/>

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Официальный сайт Европейской комиссии: www.ec.europa.eu

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ «Barcelona Declaration adopted at the Euro-Mediterranean conference (27 and 28 november 1995)», с. 2 //

www.delegy.ec.europa.eu/en/eu_and_country/4.pdf

⁸ «EURO-MED PARTNERSHIP. Egypte. Country Strategy Paper 2002–2006 & National Indicative Programme 2002–2004» //

http://ec.europa.eu/external_relations/egypt/csp/index.htm

⁹ Cooperation Agreement between the European Economic Community and the Arab Republic of Egypt, 1977. // [http://eur-lex.europa.eu/smartapi/cgi/sga_doc?smartapi!celexapi!prod!CELEXnumdoc&lg=EN&numdoc=21977A0118\(01\)&model=guichett](http://eur-lex.europa.eu/smartapi/cgi/sga_doc?smartapi!celexapi!prod!CELEXnumdoc&lg=EN&numdoc=21977A0118(01)&model=guichett)

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid.

¹³ www.otd.ru/geo/data/afrika/egypte/9.htm

¹⁴ Там же.

¹⁵ Cooperation Agreement between the European Economic Community and the Arab Republic of Egypt, 2001. // http://trade-info.cec.eu.int/doclib/docs/2004/june/tradoc_117680.pdf

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Op. cit., с. 2.

²¹ Op. cit., с. 2.

²² Официальный сайт Европейской комиссии: www.ec.europa.eu

²³ Там же.

²⁴ http://ec.europa.eu/external_relations/egypt/intro/index.htm#2.2

²⁵ Официальный сайт Европейской комиссии: www.ec.europa.eu

²⁶ Официальный сайт Европейской комиссии: www.ec.europa.eu

РОЛЬ СМИ В ПРАКТИКЕ
ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ
ВО ВТОРОЙ ЛИВАНСКОЙ ВОЙНЕ

Информационное оружие стало мощнейшим оружием современности. В наше время боевые фронты конфликтов характеризует война информационная, так как каждое реальное вооруженное столкновение сопровождается и нередко даже заслоняется кампанией СМИ.

Человеческое общество – это сложная информационная система. Войны – неотъемлемая часть истории этого общества. Они неизбежны в силу различий интересов и ценностных ориентаций сторон. Однако информационные баталии, вызванные реальными войнами, – это сравнительно новое явление нашей современности, поскольку «... ранее информационное оружие по критерию эффективность/стоимость значительно уступало другим средствам вооружения»¹. Причин тому масса: природно-климатические условия, развитие науки, промышленности, технологий. В наши дни сложились условия для того, чтобы поток информации мог быть поставлен на конвейер, а сама информация стала мощным средством широкого применения. Более того, эти условия «позволили говорить об информационном оружии, как о наиболее значимом оружии современной эпохи»².

Схема передачи информации «человек–человек» преобразовалась в схему «человек–техническое средство–человек»³. Информация, как правило, проста и дешева в производстве, распространении и восприятии. Она легко передаваема и быстро применима вне зависимости от расстояний, обладает способностью наносить колоссальный ущерб государствам. Не случайно понятие информационной безопасности стало составляющим понятия национальная безопасность.

Один из результатов информационной войны – «иррациональное поведение поверженных систем; это их единственный

путь «встать на ноги». Иррациональное поведение – это хаос, это стихийная смута, это **терроризм**»⁴. А терроризм поражает мирное население, которое, не умея защищаться, и несет основные потери.

Кроме того, «...развивающейся тенденцией современного терроризма является попытка переноса соответствующих акций на телеэкраны, мониторы компьютеров, страницы газет и журналов»⁵. Террористы демонстрируют миру свои операции, а также пропагандируют цели и требования своих организаций. Ради достижения преимуществ на информационном поле боя они порой не брезгают даже убийством своих сограждан, дабы приписать злодеяние врагам, а также охотно выставляют на всеобщее обозрение страшные кадры, запечатлевшие изуродованных жертв.

По сути, в ряде случаев подобными операциями из арсенала психологической войны террористы вынудили некоторые страны в той или иной мере менять свою политику, или, по меньшей мере, учитывать их информационное воздействие на собственное население.

Удары в информационных войнах наносят как правительства или руководства противоборствующих сторон, так и военные пресс-центры, как СМИ, так и блоггеры, воюющие на виртуальных фронтах в пространстве Интернета. Целью их борьбы является подрыв убежденности оппонентов и внушение им заданных взглядов на происходящее. И это возможно, поскольку при глобальности информации субъективные знания обретают объективность. Вместе с тем разная история государств, представляемых оппонентами, заставляет их по-своему воспринимать одну и ту же информацию. Поэтому для эффективного применения информационного оружия требуется знание истории, культуры, полиэтнической среды и тонкостей системы управления в лагере противника.

Одна из основных причин информационных споров – менталитет одного из субъектов конфликта, отказ делиться актуальной и общественно значимой информацией. Нередко это происходит постольку, поскольку источники опасаются обнаружить свою некомпетентность вследствие обнародования и анализа выданных ими сведений. Такого рода преграды вынуждают журналистов прибегать к рискованным, иногда незаконным способам получения информации. Полученные таким образом данные не всегда верны и это ведет к обострению

споров оппонентов. Не меньший вес при этом имеют ошибки журналистов и редакций в освещении сложных событий. Основные причины, как правило, – очевидная некомпетентность в данной теме и скоропалительность в выводах.

В целом журналистский интерес к вооруженным конфликтам объективен. Для СМИ они источник горячей востребованной информации, стимулирующей их рейтинги. Вместе с тем следует заметить, что зачастую именно военные корреспонденты способствовали как разрешению, так и обострению подобных конфликтов. Здесь важна гражданская и профессиональная позиция журналиста.

Разрешение ситуации возможно при распространении объективной, правдивой и толерантной информации об очагах напряженности, о ее сути и развитии, о субъектах противостояния и их целях, о реальных человеческих и материальных потерях, о действиях властей и иных «игроков», о перспективах мирного урегулирования и вероятных последствиях. Так СМИ формируют представления о происходящем и нередко также диагностируют, прогнозируют и предлагают варианты разрешения ситуации. Важно, чтобы журналисты на войне были самостоятельным субъектом, – тогда становится возможным их влияние на развитие событий.

Способствование журналиста возникновению и (или) обострению конфронтаций происходит, когда он становится на одну из сторон и, как следствие, теряет адекватность оценки, становится носителем ее конфликтности, языка вражды и стереотипов. «На мотивационном уровне стереотипное восприятие вызывает стремление к простой для усвоения информации, схематизм при оценке фактов, их фильтрацию в соответствии с установкой, продиктованной стереотипом»⁶. В результате предвзятый журналист навязывает аудитории определенный односторонний взгляд, оспариваемую идеологию. Он становится «поджигателем мира» и «сеятелем паники» – причиной дефицита информации или источником целенаправленного дезинформирования, что особенно опасно в плане обострения конфликта на его ранней стадии. Не менее вредно акцентирование этнических и религиозных факторов, «прислонение к авторитету» (драматизация с помощью «экспертного» мнения, «надежных» статистических данных), а также навешивание ярлыков, поскольку «от навешивания ярлыков до создания образа врага – один шаг»⁷. Кроме того, «просто сообщая факты», вовсе «не-

обязательно сознательно дезинформировать читателя или зрителя. Можно «просто» недобросовестно отнестись к проверке подлинности сообщения, умолчать о «неприятном» факте (...), перефразировать оппонента (...), опровергать чужое мнение посредством дискредитации высказавшего его человека (...), выдвигать ложные альтернативы (...), проводить некорректные обобщения (...), применять «двойной стандарт» в освещении «своих» и «чужих» (...), использовать ссылки на неопределенные источники (...), задавать в интервью предопределяющие ответ вопросы (...), вырывать высказывания из контекста (...), провозглашать безапелляционным тоном неочевидные и спорные утверждения (...) и т. п.»⁸. Такой подход лишает аудиторию «...возможности нравственно оценивать происходящее, формулировать к нему свое личное моральное отношение, вырабатывать безоговорочное неприятие несправедливости, жестокости, предательства – чем бы они ни оправдывались»⁹.

Многое зависит от приоритета в выборе темы, от частоты упоминания определенных фактов, от четкости формулировок. Кроме того, существует небезызвестный «эффект Си-эн-эн» – «прямые трансляции, организуемые этой компанией из зоны боевых действий, оказывают воздействие на политиков, на тех, кто принимает решения»¹⁰, сокращая, таким образом, их время на реакцию и влияя на ее адекватность.

Суть другой стороны медали в том, что в результате получается нигде не оговоренное столкновение двух противоположных начал – принципа свободы выражений мнений (получение, передача и распространение информации) и права на ограничение этих свобод в интересах безопасности государства и общества¹¹. Бенджамин Франклин четко выразил свои предпочтения: «Те, кто приносят свободу в жертву безопасности, не получают ни свободы, ни безопасности»¹². Однако в наши дни сложно представить себе освещение войн без вмешательства военной цензуры. В сложных случаях все зависит от личной профессиональной способности журналиста найти компромиссное решение и выдать сбалансированную информацию и картинку.

Вторая Ливанская война июля-августа 2006 г. стала ярким примером превалирующего значения исхода информационных столкновений над военными.

Непопулярный в Израиле премьер Эхуд Ольмерт пошел вразрез с политикой своего неожиданно сошедшего с политической арены предшественника – Ариэля Шарона и отреагировал

широкомасштабными военными действиями на захват в плен израильских военнослужащих. Этот конфликт вырос в одну из самых длительных войн из всех, которые когда-либо вел Израиль со своими соседями, – в войну, стоившую беспрецедентного количества жертв со стороны израильского гражданского населения и ставшую во многом знаковой с точки зрения влияния информационно-пропагандистских батальонов на ее исход.

Парадоксально, что Израиль, для которого столь важно благожелательное отношение мирового сообщества, лишь недавно начал всерьез ценить силу информационного оружия. Ведь в своем традиционном информационном противостоянии с палестинцами он неизменно проигрывал. В данном конфликте все было иначе, и первые удары в информационной борьбе нанес именно Израиль. Его основными пропагандистскими константами были требования освободить Эльдада Регева и Эхуда Гольдвасера и утвердить «победоносность Израиля». Результатом, как известно, стало информационное фиаско. В чем же ошибся Израиль, столь долго державшийся на пьедестале обладателя самой мощной и непобедимой армии в регионе, и каковы последствия этих ошибок для него, для его противника и для региона в целом?

Особенность данного конфликта состоит в том, что сопровождавшая его информационная война была еще более жесткой, чем реальная, и ее исход нанес мощнейший и непоправимый удар по устоявшейся репутации самого сильного государства в регионе. Беспрецедентный урон ей был нанесен не только в восприятии «победившего» противника и его сторонников, но только в мировом общественном мнении, но и во мнениях многих граждан самого еврейского государства.

Причина в том, что была нарушена традиционная сдержанность Израиля в ведении информационных войн.

С территории Израиля транслировали немало представителей арабских СМИ (Аль-Джазира, Аль Хура и проч.), а израильские журналисты проводили интервью по телефону с жителями Ливана. В принципе это было единственное средство, позволявшее им «заглянуть на ту сторону», поскольку за исключением единиц, обладавших двойным гражданством, и тех, кому удалось проникнуть на территорию Ливана с силами ЦАХАЛа, они не имели такой возможности.

В день начала военных действий израильскими ВВС была предпринята неудачная попытка уничтожения главной антенны

телестанции противника «Аль-Манар». Всемирная федерация журналистов осудила Израиль, в ответ на что представители израильских СМИ покинули эту организацию¹³. Неблагоприятный информационный фон вынудил Израиль прекратить попытки уничтожения телестанции, но не помешал старанию внести помехи в новостные трансляции телеканала.

Кроме того, израильская армия координировала ведение пропаганды среди арабов посредством телефонных звонков и SMS с целью оказать психологическое давление и возложить вину за беды населения на «Хизбаллу». Со временем телефонным оружием овладел и противник Израиля.

В начале Израиль лидировал в информационных баталиях, однако вскоре перевес явно качнулся в пользу «Хизбаллы». Отчасти причиной тому стала жесткая израильская военная цензура, которой были вынуждены подчиняться все СМИ, в том числе и иностранные, независимо от способа передачи информации. Ужесточение цензуры последовало из-за поведения некоторых телеканалов, превращавших свои трансляции из приграничной зоны в своеобразное шоу, нередко с недопустимой, по мнению военных, наводкой на конкретную местность. К примеру, в немалой степени именно телевизионные репортажи, которые транслировали многие телеканалы, привели к тридцати прицельным ударам ракет по поселению Ирон.

Запрету цензуры подлежали сведения о последствиях ракетных ударов, время выхода граждан из бомбоубежищ, информирование в реальном времени о присутствии представителей власти на линии фронта, о месте падения ракет «Хизбаллы», о потерях вблизи стратегического объекта, о количестве жертв. К тому же по негласному соглашению не обнародовались имена и фотографии погибших до передачи сведений их родственникам. В первое время после инцидентов по тем же соображениям в израильских СМИ вообще не упоминали убитых, а только сообщали о наличии пострадавших.

Несмотря на то, что эту войну освещали журналисты из разных, порой полярных израильских СМИ, взгляды журналистов на происходящее были в основном схожи. Основной поток информации поступал от армии и от правительства. Единственным способом выявить что-либо дополнительно было обнаружение несоответствий между сведениями этих двух источников.

Самым успешным ударом в этой информационной войне стало раскрытие террористической угрозы взрывов самолетов

в Великобритании 10 августа. Широкое освещение этой темы и связанных с ней проблем вытеснили неблагоприятное на тот момент для Израиля освещение конфликта с «Хизбаллой» (жертвы бомбардировки жилых кварталов в Ливане и потери ЦАХАЛа) и напоминало о позитивной антитеррористической направленности его действий. Игнорирование темы ближневосточных проблем в СМИ США привело к маршу-протесту против данной тенденции.

«Хизбалла», со своей стороны, по ее же официальным утверждениям в СМИ, не ожидала военной реакции со стороны Израиля. Однако она оказалась отлично подготовленной в плане информационном и гораздо более сильной в военном плане, чем кто-либо мог ожидать.

Для начала ливанская шиитская организация сумела наладить мощную технологическую базу, благодаря которой велся перехват и мониторинг телефонных разговоров в Израиле. Ответом Израиля стала организация помех связи в «горячем» регионе.

В отношении свободы потока информации «Хизбалла», а также власти Ливана и поддерживающего его Ирана и других арабских государств внешне почти не ограничивали представителей СМИ. Однако при этом «Хизбалла» умело превратила как собственных, так и иностранных журналистов в послушное орудие в своих руках, прицельно наводя их на нужные «Хизбалле» объекты, неизменно сопровождая корреспондентов и, в сущности, не оставляя им любого иного выбора.

В результате вразрез с воздействием пропаганды Израиля вместо раскола между шиитской «Хизбаллой» и суннитами Ливана было достигнуто их идеологическое сближение в борьбе против общего врага. Кроме того, пропаганда, показывающая желанную победу «Хизбаллы» в противостоянии с Израилем как свершившийся факт, принесла успешные плоды в восприятии как в арабском мире, так и в немалой степени в мировом общественном мнении: был положен конец многолетнему мифу о непобедимости ЦАХАЛа.

Президент Ирана Махмуд Ахмадинежад открыл собственный Интернет-сайт, на котором на фарси, арабском, английском и французском языках наряду с собственной биографией и изложением общественно-политического кредо пригласил на теледебаты американского президента Джорджа Буша. Благодаря этому сайту и действиям иранских СМИ, способствовавших

облегченному доступу международных экспертных и аналитических центров к определенным Интернет-ресурсам, была также осуществлена благоприятная подвижка в мировом общественном мнении в отношении образа ислама. Вопреки активной пропаганде США и Израиля против Ирана, представители последнего предстали не как подстрекаемая террористами толпа, а как организованно борющееся общество, способное к использованию передовых технологий. Попытки Израиля взломать сайт увенчались лишь временным успехом.

Другим преимуществом «Хизбаллы» и ее союзников была неблагоприятная для Израиля ассоциация его действий с акцией США в Ираке, которая в глазах мирового сообщества обрела устойчиво негативную окраску.

Кроме того, восприятие этой войны во многом наложилось на еще свежую память о предыдущем конфликте, завершившемся выводом израильских войск с территории Ливана в 2000 г. Это не было военным поражением Израиля, и, следовательно, принятое решение не являлось следствием признания слабости. Однако в арабском мире этот шаг расценивался иначе, и это была первая трещина в имидже военной непобедимости еврейского государства.

Наряду с этим благодаря успешной пропаганде со стороны «Хизбаллы» и ее сторонников на улицах Европы проходило множество митингов и демонстраций, организованных в поддержку Ливана. Мировые СМИ были наводнены репортажами о «зверствах израильской военщины» и откровенными документальными кадрами, запечатлевшими ливанских гражданских лиц на фоне дымящихся развалин.

Перевес в соотношении этих кадров против изображений руин на израильской стороне и рядами пластиковых мешков с погибшими израильскими солдатами явно зашкаливал не в пользу Израиля. Такой же результат давало сопоставление официальных цифр пострадавших среди ливанского и израильского гражданского населения¹⁴. Информация о страданиях израильского населения Севера, как и об общей израильской позиции и реалиях, была гораздо слабее представлена в мировых СМИ¹⁵.

Кроме того, не оправдал израильские ожидания ни факт предварительного разброса израильскими ВВС листовок, призывавших мирное население покинуть зону обстрела, ни то, что «Хизбалла» размещала свои боевые позиции поближе к постам ООН и прятала бункеры в населенных пунктах, при-

крываясь гражданскими, как живым щитом, а затем демонстрировала миру результат «неадекватного применения силы» Израилем в виде откровенных кадров с изображением изувеченных жертв. Мировое общественное мнение осталось глухо и к очевидной асимметрии между четкой направленностью ракет «Хизбаллы» против израильского гражданского населения и стараниями Израиля поражать боевые силы противника.

Самые мощные удары сторон в этой информационной войне были нанесены в Интернете. По инициативе израильского МИДа тысячи израильских студентов, а вскоре и их единомышленники во многих странах мира включились в круглосуточный мониторинг различных форумов Сети¹⁶. Их задачей было размещать и положительно реагировать на благоприятные для Израиля сообщения в блогах, разъяснять свою позицию и в результате менять знания и внушать своим оппонентам иные взгляды на происходящее. Более того, Международным союзом еврейских студентов была разработана специальная программа, связывавшая единой сетью членов союза и позволявшая им одновременно получать информацию о всех запросах, голосованиях и статьях, касающихся Израиля, и оперативно на них реагировать¹⁷.

Стоит отметить, что в этой войне иные картинки действительно стоили тысяч слов, а сила воздействия была на стороне тех, что «хорошо смотрелись». Примечателен тот факт, что одни из наиболее ярких кадров, засвидетельствовавших ливанские бедствия, опубликованных в СМИ, оказались попросту бутафорскими. Англоязычные блоггеры, разоблачили подделки фотографов-стрингеров Рейтер, АП, АФП, снимавших поисково-спасательные операции в Кане¹⁸. Этим они нанесли беспрецедентный для представителей Сети удар по репутации представителей СМИ, положили конец безуспешным попыткам пресс-секретарей израильского правительства и ЦАХАЛа «опровергнуть новый «кровавый навет» Кфар-Каны»¹⁹, заслонивший лозунги и цели, во имя которых Израиль пошел на военные действия, а также дали основной толчок к информационным баталиям в Интернете. Однако это не сильно изменило уже сложившееся впечатление о происходящем – кто первый опубликовал, тому и верят.

По заявлению ливанских властей, в Кане в результате израильского удара погибло 56 человек, в основном дети. Однако «на десятках снимков с места событий демонстрируются

одни и те же два детских тела, в разных ракурсах, наиболее выигрышных с точки зрения эмоционального воздействия кадра на зрителя. Так должно было создаться впечатление множества детских трупов. Сопоставив тайм-код снимков нескольких фотографов, блогеры убедились, что в течение часа (!) ливанский спасатель носил тело погибшего мальчика с места на место, «подставляясь» под телевизионные и фотокамеры»²⁰. Режиссуру картинок подтверждали также их композиция и позы жертв. Те же выводы были сделаны и насчет трупа девочки. Потом стало ясно, что оба трупа перемещал один и тот же спасатель, прозванный в Сети «Зеленый шлем». Далее выяснилось, что жертв вдвое меньше, и что авторы подделок прибыли в сопровождении боевиков «Хизбаллы», которые потом направляли их съемки. Спасатель был опознан, как экспедитор районного морга из Тира – мальчик выглядел умершим, а не погибшим от бомбежки, поскольку его туда привезли.

Не менее показателен пример грубо отретушированных при помощи компьютерной программы «Фотошоп» фотографий очередных израильских бомбардировок Бейрута – на одной картинка «приукрашена» «клонированными» зданием и дополнительным дымом, на другой с помощью наложения слоев размножены израильские снаряды, падающие на город, на третьей к израильскому истребителю, выпустившему одну ракету, были пририсованы еще четыре²¹. Кроме того, было две фотографии с одной и той же женщиной на фоне одного и того же разрушенного при бомбежке здания, но одна была датирована 24 июля, а другая – 6 августа.

Последний «шедевр» – ракета «Хизбаллы», якобы летящая в направлении израильского корабля. Автор, либо позволил себе подтасовку, либо получил сведения от боевиков, а такая информация, как правило, является военной тайной. Протесты «просочились» и в газеты, и Рейтер сдало автора, Аднана Хаджа.

Дополнительный подробный анализ видеоряда медийных мифов об израильских бомбардировках и «гуманитарной катастрофе» в Ливане сделал Антон Носик в статье «Утка по-ливански»²²:

– Использование архивной съемки за 14 февраля 2005 г. под видом «свежей». (Кадры, сделанные в центре Бейрута, на месте, где никогда не падал израильский снаряд, а был взорван сирийцами ливанский премьер-министр Рафик Харири и еще 16 человек).

– Снимки разрушенных домов с подписями об израильских бомбежках, подклеенными в далеких от места событий редакциях. На самом деле – это наследие затяжной гражданской войны. Их давняя история хранит гораздо более реалистичные для таких взрывов цифры потерь.

– «...Руины четырехэтажного здания, при подрыве которого террористом-самоубийцей в октябре 1983 г. в одночасье погибло 299 человек».

– Отсутствие картинки, иллюстрирующей называвшиеся гигантские цифры беженцев в Ливане (от 300 тыс. до миллиона) – «видеоряд, мимо которого не мог бы пройти ни один фотограф...». По соответствующим запросам в агентствах встречались страшные снимки, «...но никакой массовки крупней 20–30 человек в кадре не заметно». Исторический видеоряд потоков беженцев на Ближнем Востоке накоплен немалый, и как выглядит хотя бы десятитысячная толпа хорошо известно. Безусловно, были тысячи беженцев, но речь идет о подтасовке их численности, в частности, и об обвинениях шейха Насраллы в «чрезмерности» израильской реакции в целом.

Инцидент нанес мощный удар по репутации пишущих и снимающих журналистов. Кроме того, пострадало доверие аудитории к иллюстрациям и поколебалось общественное мнение.

Итак, в плане информационном победа, безусловно, была за «Хизбаллой». Фальсифицированные кадры и утрированная информация о жертвах среди мирных жителей в Ливане не повлияли на преимущественно антиизраильское общественное мнение, которое в существенной мере базировалось именно на этой дезинформации.

Кроме того, несмотря на частичный успех в решении поставленных тактических задач, Израиль столкнулся с неожиданно хорошо подготовленным в военном плане противником, который также освоил новейшие информационно-психологические технологии и научился умело манипулировать общественным мнением в отношении промахов соперника и своих собственных успехов.

И, наконец, главное: Израиль выполнил ряд поставленных перед собой тактических задач, но не реализовал ни одной из тех целей, под лозунгом которых он вступил в эту войну.

– Пленные израильские солдаты не были освобождены;

– Несмотря на серьезный урон, нанесенный инфраструктуре «Хизбаллы», она отнюдь не была сломлена в военном плане, а Насралла остался на своем посту.

Боевики террористической организации смогли устоять против мощнейшей армии государства-противника, внеся тем самым беспрецедентные коррективы в сложившийся баланс сил. Они не просто устояли, а продержались и вели боевые действия до конца войны. Более того, условия, сложившиеся в Ливане после выхода ЦАХАЛа, были благоприятны для «Хизбаллы» в плане восстановления, а также совершенствования и расширения боевых сил.

Во-первых, поскольку после войны ливанское правительство не могло не стать еще более беспомощным против обосновавшейся на территории его государства второй, инородной армии.

Во-вторых, ввиду того, что в силу своей сдерживающей и наблюдательной функции, а также вследствие отсутствия «кровной», жизненной заинтересованности в уничтожении «Хизбаллы» представители международных сил ООН не являются серьезной помехой для данной организации в ее дальнейшей деятельности.

В-третьих, поскольку исход войны не только укрепил, но и увеличил размеры финансовой поддержки «Хизбаллы» со стороны ее спонсоров.

И последнее: Израиль проиграл не только в глазах «Хизбаллы» и ее сторонников, не только в мировом общественном мнении, которое больше поверило доводам его противника, но и во мнении подавляющего большинства своих граждан. Об этом свидетельствует волна митингов, прокатившаяся по Израилю после войны и прходящих до сих пор. Израильяне требовали отставки провального руководства (премьер Эхуд Ольмерт, начальник генштаба Дан Халуц и министр обороны Амир Перец), втянувшего их в войну, стоившую стране необратимых человеческих и имиджевых потерь. Халуц уволился сам, вместо Перца Ольмерт назначил Эхуда Барака, а сам Ольмерт до сих пор отказывается признать, то, что очевидно израильтянам, и продолжает упорно держаться за свой пост.

Было проведено расследование специально созданной «Комиссией Винограда», итоги которого до сих пор полностью не обнародованы²³. Предварительный отчет комиссии свидетельствует о несостоятельности неопытного в военных делах

Ольмерта в принятии ответственных решений, о торопливости Переца и его невнимании к мнениям несогласных с намеченным планом специалистов, об импульсивности и непрофессиональности Халуца, который действовал, не информируя правительство о разногласиях в армии, о недостаточной информированности всех последних правительств по проблемам безопасности страны, о слабой работе генштаба. Более скрупулезное изучение ливанского фронта (который по вине предыдущих правительств был покинут ЦАХАЛом и заменен силами «Хизбаллы», а не ливанской армии) должно было ясно выявить ограниченные возможности военной операции, которая также была чревата серьезным ударом по тылу, который (опять же по вине предыдущих правительств) не был должным образом подготовлен. Основная стратегическая ошибка, по мнению судьи Винограда, состояла в том, что «не был взвешен полный спектр вариантов..., чтобы сохранить в руках Израиля все возможности реагирования»²⁴.

Многочисленные опросы и голосования в форумах свидетельствуют о чувстве горечи израильтян по поводу результатов и последствий этой войны. Ключевые слова большинства статей и комментариев к ним, касающихся войны и руководства: провал, поражение, неудачник, никчемность, увольнение, «Ольмерт, иди домой», досрочные выборы. Многим также непонятны усилия израильского правительства заверить Сирию в том, что Израиль не собирается с ней воевать, – и это притом, что Сирия в сотрудничестве с Ираном превратила руководство Ливана в свою марионетку, и при том, что именно она поставляла вооружение «Хизбалле». Другие считают, что у Израиля изначально не было шансов в этой информационной войне, учитывая огромное количество мусульман, живущих на Западе и активно поддерживающих «Хизбаллу».

Волна критики после войны обрушилась также на СМИ. Патриотичные израильтяне терпеливо молчали всю войну, веря обещаниям, лившимся на них с экранов телевизоров и со страниц газет. Да, вначале журналисты во многом поддерживали высокий морально-патриотический уровень армии и граждан. Однако они работали недостаточно профессионально и не утруждали себя выявлением более глубоких деталей и выводов. Лишь после войны израильтяне возмутились нелепо проведенной и столь дорогостоящей во всех отношениях кампанией и линией ее освещения в СМИ. Посыпались обвинения

в ангажированности властям и нарушении этических принципов многими ведущими израильскими журналистами, а также в том, что в телестудии приглашались на интервью исключительно псевдоинформированные персоны, способные лишь поднять рейтинг телекомпаний, но не дать обществу нужную информацию. Кроме того, СМИ обвиняли в том, что во время войны все критические мнения намеренно приглушались, и даже в том, что СМИ, перейдя к разбору ситуации, превратились в рупор Насраллы и так и не смогли понять, что армия не может подстраиваться под «дэд лайн» прямого эфира²⁵.

6 сентября 2006 г. израильский Союз журналистов создал комиссию по проверке соблюдения этических принципов во время войны, которая посчитала большинство обвинений, предъявленных журналистам, необоснованными. При этом мнения аналитиков о выводах комиссии достаточно полярны, и некоторые видят ситуацию в ином свете²⁶. Но главное налицо: комиссия признала поверхностность, односторонность, избирательность и непроверенность львиной доли информации, исходившей от журналистов. После войны пришло осознание опасностей, которые может нести в себе информационная война, что отразилось в шквале статей на эту тему²⁷.

Ничего подобного не происходило в рядах «Хизбаллы». «Хизбалла» оценивает исход войны как свою безусловную победу, как военную, так и информационную. Вспомним первое открытое выступление Насраллы после войны: «Сегодня мы празднуем историческую, стратегическую и божественную победу»²⁸. По его словам, «Хизбалла» стала сильной как никогда, и в ее распоряжении, несмотря на резолюцию ООН № 1701, осталось более 20 тысяч ракет. Насралла уверен в том, что 300 млн. арабов смогут завершить то, с чем успешно справились несколько тысяч. «Мы вошли в эпоху, в которой мы диктуем условия врагу; в мае 2000 года (время выхода ЦАХАЛа из Ливана) настала эра побед, и закончились времена поражений»²⁹.

Однако не все так просто и это пока лишь информационная, имиджевая победа, поскольку иначе Насралла мог бы спокойно гулять по улицам городов Ливана, а не скрываться в секретных бункерах.

Арабский мир в целом убежден в победе «Хизбаллы» и поддерживает ее, хотя и среди его представителей встречаются «белые вороны», активно критикующие «Партию Аллаха» в частности, и радикальный ислам в целом³⁰. По словам Амазии

Бирама, главы Центра Эзри по исследованиям Ирана и Залива в Хайфском Университете, среди населения Южного Ливана есть много недовольных действиями «Хизбаллы»³¹. Однако открыто о негативном отношении мирного ливанского населения к «Хизбалле», говорят в основном лишь те, кто эмигрировал на Запад³².

А Запад, как и многие в мировом сообществе, также, по большому счету, убежден в победе «Хизбаллы», что неудивительно, поскольку «Хизбалла» режиссировала и управляла всеми потоками информации из Ливана³³. Особо отличилась компания Би-Би-Си, которая не только предвзято освещала Вторую Ливанскую войну, но и накаляла ситуацию непрерывными поисками доказательств «преступлений Израиля против человечества». Непрерывно повторяющийся видеоряд ливанских бедствий укреплял впечатление разрухи, схожей с памятными картинами трагедий Второй Мировой войны. И это при том, что фотографии Бейрута, сделанные с воздуха, показывают точечность израильских ударов и опровергают созданное СМИ убеждение, что большую часть города ЦАХАЛ сровнял с землей.

Вдобавок к односторонним репортажам Би-Би-Си подробно информировала свою аудиторию обо всех антиизраильских акциях в Лондоне и умолчала о манифестации в поддержку Израиля. Кроме того, репортажи телекомпании не вдавались в подробности жизни тысяч израильтян в бомбоубежищах и тех из них (в том числе и детей), кто стал жертвой ракетных обстрелов. Зритель мог четко представить себя на месте мирного ливанца, но не на месте мирного израильтянина, так же страдающего от ужасов войны; он знал об ударе, нанесенном только турбизнесу Ливана, но не Израиля, о туманном будущем ливанских школьников, но не израильских. Наряду с этим он вряд ли мог уяснить, кто направляет и спонсирует действия «Хизбаллы» и какую угрозу она может представлять для всех стран, противостоящих террору и радикальному исламу.

Более того, в результате дезинформирования со стороны СМИ на страницах печатных изданий стали появляться антисемитские высказывания и карикатуры (к примеру, британские газеты «Гардиан» и «Дейли Телеграф», норвежская «Дагбладэт», мексиканская «Эль Экономиста», южноафриканская «Санди Таймс», австралийская «Дзэ Эйдж», а также новозеландская карикатура Тома Скотта и другие)³⁴.

Опровержения прозвучали слишком слабо и поздно. К примеру, Ник Робертсон, международный спецкорреспондент Си-Эн-Эн признался, что его антиизраильский репортаж из Бейрута от 8 июля о жертвах среди гражданского населения в Ливане полностью управлялся «офицером прессы» «Хизбаллы»: «Они указывали нам, куда идти, и у нас, конечно, не было времени заходить в дома, поднимать обломки и смотреть, что под ними есть»³⁵. Об этих подробностях узнала лишь американская аудитория телекомпании.

Подобных примеров давления на журналистов масса: Ричард Энжель из Эн-Би-Си, Элизабэт Палмэр из Си-Би-Эс и многие другие представители европейских телекомпаний показывали своей аудитории в сущности то, что хотела «Хизбалла». Репортер журнала «Тайм» Кристофер Олбриттон написал в своем блоге, что «Хизбалла» собрала загранпаспорта журналистов и что из-за ее угроз он не писал в своих репортажах о ракетах, ежедневно летящих в сторону Израиля³⁶.

Искажения реалий Второй Ливанской войны способствовали как новым всплескам антисемитизма (нападения и убийства евреев в Сиэтле, осквернение урны с пеплом из Аушвица в Брюсселе), так и высказываниям подобного толка со стороны европейских политиков (член Британского Парламента сэр Питэр Тапсэл, премьер министр Испании Хосе Луис Родригес Сапатеро). Безусловно, было несколько европейских политиков, журналов и аналитиков, выразивших свою поддержку Израилю, однако они были в явном меньшинстве.

Российские СМИ в подавляющем большинстве приняли традиционно антиизраильскую позицию. Термин «террор» почти не фигурировал в комментариях действий «Хизбаллы». Кроме того, «россияне активно транслировали пропагандистские заявления «Хизбаллы» (253 упоминания), в то время как израильская сторона выступила на отечественном ТВ лишь 36 раз»³⁷. Соответствующее мнение о результатах Второй Ливанской войны превалирует в российском общественном мнении и поныне.

Израиль проиграл информационную войну, и его поражение стало поворотным как для каждого участника конфликта, так и для всего Ближнего Востока. Анализируемые в этой статье информационные баталии, а также методы манипулирования мировым общественным мнением стали объектом серьезных исследований во всем мире. Израиль подвергся серьезной

внешней и внутренней критике и дал новую оценку влиянию информации на ход реальных войн. Сделанные выводы послужили толчком для серьезной реорганизации каналов информирования правительства, а также для других перемен как в системе безопасности, так и в поведении израильских СМИ.

«Хизбалла» получила подтверждение эффективности многих своих методов, однако надо полагать, что многочисленные разоблачения практики использования запрещенных приемов в данной информационной войне привели к тому, что она уже не сможет столь широко ими пользоваться, по крайней мере, в работе с представителями западных СМИ.

Есть также надежда на то, что время и беспристрастный анализ *post-factum* методов, обстоятельств, причин и следствий приведут к более глубоким оценкам Второй Ливанской войны.

¹ Расторгуев С. П. Информационная война. Проблемы и модели. Экзистенциальная математика: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям в области информационной безопасности. М.: Гелиос АРВ, 2006, с. 17.

² Там же.

³ Там же, с. 26.

⁴ Там же, с. 198.

⁵ Прикладная конфликтология для журналистов. Сост. М. Мельников. М.: Права человека, 2006, с. 110.

⁶ Там же, с. 21.

⁷ Там же, с. 23.

⁸ Законодательство и практика СМИ. Выпуск 7, март 1995. Источник: Интернет-сайт Право и СМИ <http://www.medialaw.ru/publications/zip/007.html>.

⁹ Там же.

¹⁰ Князев А. А. Указ. соч. Глава «Журналисты и Международное Гуманитарное Право».

¹¹ См. Европейская конвенция о защите прав и свобод человека. Ст. 10, 2 абзац.

¹² Ажгихина Н. Римские встречи. Журналистика под прицелом: об опыте сопротивления // Журналист, июль 2005. Источник: <http://www.journalist-virt.ru/2005/7/65.php>

¹³ См. пример распространенного в Израиле мнения по этому поводу в: Авади Йоси. Идем голыми. 13.06.2007. Интернет-сайт статей:

<http://www.articles.co.il/article/8919/%D7%94%D7%95%D7%9C%D7%9B%D7%99%D7%9D%20%D7%A2%D7%99%D7%A8%D7%95%D7%9E%D7%99%D7%9D>

¹⁴ См., например, Мор Галь. Почему израильская пропаганда терпит фиаско в Сети? // Едиот Ахронот, 28.07.2006. Интернет-сайт «УайНет» Едиот Ахронот:

<http://www.ynet.co.il/articles/0,7340,L-3282686,00.html>

¹⁵ См., к примеру, соотношение кадров и слов в пользу и против Израиля на сайтах, представляющих видеозаписи, касающиеся данного конфликта, а также несколько израильских блогов:

http://www.youtube.com/results?search_query=Israel%2C%20Hezbollah&search=Search

<http://israelibunker.blogspot.com/>

<http://israelnorthblog.livejournal.com/>

<http://sid75.livejournal.com/44788.html>

¹⁶ Интернет-сайт израильского МИДа:

<http://www.mfa.gov.il/MFA>

¹⁷ Интернет-сайт «Гиус. Орг» (призыв): <http://www.giyus.org/>

¹⁸ См. подробнее в блоге Интернет-сайта «Референдум Евросоюза»: Норт Р. Накололи? 31 июля 2006.

<http://eureferendum.blogspot.com/2006/07/milking-it.html> А также более поздний итоговый рапорт «Медиа-коррупция»

<http://eureferendum.blogspot.com/2006/08/corruption-of-media.html>

¹⁹ Замир К. Война Со. // Вести-2. Общественно политическое приложение газеты «Вести» в Израиле. 10.08.2006, с. 8–9.

²⁰ Там же. – С. 9.

²¹ См. подробнее: Белкин И. Репортаж с фотожабой. Блоггеры разоблачили фальсификацию с трупом и фотошопом. Источник: Интернет-сайт «Лента ру». <http://lenta.ru/articles/2006/08/08/blogs/>

Джонсон Ч. Рейтер правит фото из Бейрута? 05.08.2006. Источник: Интернет-сайт «Маленькие зеленые футбольные мячи» http://littlegreenfootballs.com/weblog/?entry=21956_Reuters_Doctoring_Photos_from_Beirut&only

Кобрин Кирилл. Журналисты заставили «Рейтер» извиниться.

08.08.2006. Источник: Интернет-сайт Радио Свобода

<http://www.svobodanews.ru/article/2006/08/08/20060808172215167.html>
8.08.06.

Шэклфилд Р. Другие поддельные фото от Рейтэр из Ливана. 06.08.2006. Источник: Интернет-сайт «Май Пэт Джава»

<http://mynetjawa.mu.nu/archives/184206.php>

²² Носик А. Утка по-ливански // Глобус, № 720, 31.07–06.08.2006. Основной источник: Живой Журнал Антона Носика, основателя новостного Интернет-сайта «Лента ру» <http://dolboeb.livejournal.com/2006/07/24/>.

²³ См. предварительный отчет комиссии Винограда на ее официальном сайте: <http://www.vaadatwino.org.il/reports.html#null>.

Дополнительная информация о расправах в правительстве Израиля в связи с комиссией Винограда:

Отчет Винограда. Война и поражение. Новостной Интернет-сайт «МСН»:

<http://news.msn.co.il/news/general/newsSpecial/Vinograd/VinogradPage.htm>.

²⁴ Острая критика Ольмерта, Переца и Халуца в отчете Винограда. 30.04.2007. Интернет сайт газеты «Хаарэц»:

<http://www.haaretz.co.il/hasite/spages/853927.html>.

²⁵ См. подробнее: Ицхак Йоав. Кто будет судить репортеров и аналитиков двора? 26.06.2007. Интернет-сайт исследований Израиля: <http://www.nfc.co.il/Archive/003-D-21745-00.html?tag=15-24-41>

Доктор Сэла Йохай. Функционирование СМИ – между неуравновешенностью и давлением на эмоции. 30.08.2006. Интернет-сайт «Омедиа»:

http://www.amedia.co.il/Show_Article.asp?DynamicContentID=1868&MenuID=681&ThreadID=1014003.

Кац Гилад. СМИ как система акцентирования. 25.09.2006. Интернет-сайт «Омедиа»:

http://www.amedia.co.il/Show_Article.asp?DynamicContentID=1986&MenuID=682&ThreadID=1014003.

Паз Ури. Домашняя проверка СМИ. 08.09.2006. Интернет-сайт «Омедиа»:

http://www.amedia.co.il/Show_Article.asp?DynamicContentID=1910&MenuID=681&ThreadID=1014003.

Пархи Р. Отношение репортеров к освещению войны. 12.09.2006. Интернет-сайт «Омедиа»:

http://www.amedia.co.il/Show_Article.asp?DynamicContentID=1936&MenuID=681&ThreadID=1014003.

Подполковник (в резерве) Ландсберг Итай. Дайте аналитикам победить. 27.07.2006. Интернет-сайт «УайНет» Едиот Ахронот: <http://www.ynet.co.il/articles/0,7340,L-3281891,00.html>.

Создать общественное учреждение, которое будет следить за журналистами в Израиле. Интернет-сайт Хайфского Университета: http://media.haifa.ac.il/index.php?option=com_content&task=view&id=1418&Itemid=2.

Другие статьи на эту тему на Интернет-сайте «Омедиа»:
http://www.amedia.co.il/Special_ShowArticles.asp?ProjectID=766.

²⁶ Доктор Розенберг Чило. Комиссия Винограда: 8 мая 2007 года. ПРЩИКИ ВОЙНЫ. Интернет-сайт «Омедиа»
http://www.amedia.co.il/Show_Article.asp?DynamicContentID=2991&MenuID=682.

Кристалль Мирав. Оценка, данная СМИ: 7.5. 18 апреля 2007 года. Интернет-сайт «УайНет» Едиот Ахронот:
<http://www.ynet.co.il/articles/0,7340,L-3389533,00.html>.

СМИ не виноваты. 20.04.2007. Интернет-сайт газеты «Хаарэц»:
<http://www.haaretz.co.il/hasite/spages/850765.html>.

²⁷ Пайпс Даниэль В современных войнах публицисты и политические обозреватели имеют большее значение, чем пули // Нью-Йорк Сан. 17.10.2006. <http://ru.danielpipes.org/article/4068>.

²⁸ Штэрн Йохав. Насралла произносит публичную речь впервые после войны: это божественная, историческая и стратегическая победа. 24.09.2006. Интернет-сайт газеты «Хаарэц»:
<http://www.haaretz.co.il/hasite/spages/766312.html>.

²⁹ Там же.

³⁰ См. интервью Вафы Султан Аль-Джазире:
<http://aannaakk.blogspot.com/2006/07/wafa-sultans-interview-strong-words.html>.

³¹ См Интернет-сайт Хайфского Университета:
http://media.haifa.ac.il/index.php?option=com_content&task=view&id=968&Itemid=2.

³² См. интервью Б. Габриэл CNN
<http://www.youtube.com/watch?v=YTcMBdVeySk&NR=1>.

³³ См. подробнее в статье бывшего корреспондента «Сандэй Телеграф» в Иерусалиме, Тома Гросса «Голоса мировой пропаганды Насраллы», 03.08.2006:

<http://www.nrg.co.il/online/1/ART1/458/484.html>.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Сведения по данным исследования, проведенного информационно-аналитической компанией «Медиаалогия» по заказу «Ведомостей»: <http://lenta.ru/news/2006/08/18/channels/>.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НЕДРОПОЛЬЗОВАНИЯ В ИРАКЕ

Законопроект о недропользовании – попытка регулирования правоотношений в этой сфере

Для того, чтобы понять значимость и необходимость специального законодательства, которое должно регулировать формирующийся в Ираке новый порядок недропользования, необходимо кратко охарактеризовать конституционный строй государства. 15 октября 2005 г. в стране прошел референдум, на котором был одобрен текст новой Конституции Республики Ирак, ст.1 которой закрепляет за ней статус независимого суверенного государства, системой которого является демократическая, федеративная, парламентская республика.

Вскоре после принятия Конституции в Ираке состоялись общенациональные парламентские выборы, по итогам которых Объединенная иракская коалиция (ОИК) шиитов-исламистов получила 128 из 275 мест в будущем парламенте, а Объединенный иракский фронт (сунниты) – соответственно 44 и 11 депутатских мандата¹. Несмотря на активные действия американо-британских сил по обеспечению в Ираке в первую очередь собственных интересов, в стране все же были сформированы легитимные власти (правительство), получившие признание мирового сообщества. Однако США продолжает вмешиваться во внутренние дела Ирака, надеясь установить контроль над его богатейшими нефтяными запасами (на Ирак приходится 5% мирового нефтяного экспорта²).

Стоит заметить, что на сегодняшний день в законодательстве Ирака отсутствует какой-либо единый закон, который бы полно, четко и детально регулировал правоотношения, касающиеся недр и пользования ими. В связи с этим в стране началась работа по подготовке текста соответствующего законопроекта. 15 февраля 2007 г. Федеральный комитет по нефти и энергетике Совета министров Республики Ирак завершил ра-

боту над законопроектом о недропользовании (Draft Iraq Oil and Gas Law), который вскоре был передан на рассмотрение парламента.

Принимая во внимание особую значимость, остроту и сложность «нефтяного вопроса» в Ираке, можно с уверенностью сказать о том, что обсуждение правительственного законопроекта в парламенте будет проходить весьма трудно и займет много времени.

Для того чтобы по праву оценить необходимость и важность для современного Ирака принятия такого закона, следует обратиться к подробному анализу некоторых наиболее значимых положений его проекта.

Говоря о структуре законопроекта, следует отметить, что он состоит из преамбулы, 8 разделов, которые включают в себя 43 статьи, и приложений. Его положения применимы ко всем операциям и действиям, проводимым в отношении недр на всей территории государства, за исключением операций по перегонке, использованию в промышленных целях, хранению и распространению нефтяных ресурсов. Целью этого законопроекта, по мнению составителей, является налаживание действенного сотрудничества между министерствами Ирака, а также оказание помощи при обсуждении вопросов между федеральной властью и властями производящих районов и провинций. Дублируя одно из положений новой Конституции Ирака, ст. 1 проекта закона закрепляет право собственности иракского народа на энергоресурсы.

В последующих статьях документа подробно прописывается компетенция органов государственной власти при регулировании отношений в области недропользования. Так, в ст. 5 говорится о том, что создание законодательства о недропользовании находится в ведении Совета представителей (The Council of Representatives), который должен одобрять все международные договоры в нефтегазовой сфере, заключенные Ираком с другими государствами. Рекомендации к предложенным Советом представителей законопроектам по вопросам развития нефтегазовых ресурсов страны будет разрабатывать Совет министров. Это компетентный орган государственной власти, который, согласно тексту анализируемого законопроекта, должен определять нефтегазовую политику Ирака и вести наблюдение за ее реализацией. Более того, Совет министров должен отвечать за все проводимые в нефтегазовой отрасли

операции, включая внесение предложений в нефтяное законодательство страны.

В помощь Совету министров по выработке нефтяной политики и связанного с ней планирования предлагается создать Федеральный совет по нефти и газу, в котором будут представлены все провинции и регионы³. Этот орган государственной власти должен включать в себя следующих должностных лиц:

- федеральных министров нефти, финансов, планирования;
- директора ЦБ Ирака;
- министров региональных правительств (от каждого региона);
- представителя от каждой производящей области, не включенной в состав региона;
- главных управляющих нефтегазовых компаний, включая Иракскую национальную нефтяную компанию и Нефтяную маркетинговую компанию;
- экспертов в нефтяной, финансовой и экономической областях (по представлению Совета министров в составе, не превышающем 3 человек, сроком не более 5 лет).

Федеральный совет по нефти и газу наделяется определенными полномочиями:

- выработка направлений нефтяной политики;
- планирование дислокации основных нефтепроводов на территории государства;
- разработка нефтяных месторождений.

Следует особо отметить, что Федеральный совет по нефти и газу имеет право значительно корректировать данные направления своей деятельности, влияя тем самым непосредственно на политику в сфере ТЭК.

Помимо перечисленных функций, новый орган может пересматривать и изменять договоры в области разведки и добычи, дающие сторонам право на проведение нефтяных операций в соответствии с положениями данного законопроекта. Кроме того, Федеральный совет должен одобрить или изменить форму договора на разведку или добычу, принимая во внимание природу месторождения или исследуемой области, с целью обеспечения максимальной выгоды для граждан Ирака. Важными функциями этого государственного органа также являются установление квалификационных критериев для нефтегазовых компаний и передача им прав на исследование месторождения и последующую добычу нефти с условием, что

эти действия не повлекут за собой негативных последствий для государства.

Следует добавить, что Федеральный совет планирует обращаться за помощью к Группе независимых консультантов, состоящей из экспертов в нефтегазовой сфере, граждан Ирака и иностранцев (численность этой группы определяет Федеральный совет по нефти и газу). Специалисты должны иметь высокую квалификацию, обладать безупречной репутацией и, что очень важно, иметь большой опыт по проведению операций по разведке и добыче нефти, а также заключения договоров в этой сфере. Группа независимых консультантов дает по требованию Федерального совета по нефти и газу рекомендации по ряду вопросов, связанных с разведкой, добычей и планированием разработки нефтяных месторождений.

Важно подчеркнуть, что Федеральный совет по нефти и газу и Министерство нефти Ирака несут ответственность за то, чтобы ресурсы добывались в оптимально выгодной для населения страны форме и в соответствии с законодательством, договорами и признанными международными критериями.

Согласно законопроекту о недропользовании, Министерство нефти представляет собой орган государственной власти, который создает законодательную базу для осуществления федеральной политики в нефтяной области путем внесения инициатив по совершенствованию действующего законодательства, регулирующего правоотношения в подотчетной Министерству области. Кроме этого, Министерство наделяется правом подписывать от имени Республики Ирак двусторонние и многосторонние договоры в нефтегазовой сфере с другими государствами, соблюдая при этом положения Конституции.

Министерство нефти в соответствии с законопроектом осуществляет мониторинг нефтяных операций с целью обеспечения сторонами, вступившими в нефтяные правоотношения, надлежащего исполнения законов, министерских распоряжений и договорных условий. Помимо выполнения своих административных и мониторинговых функций Министерство осуществляет контроль издержек и расходов, понесенных лицами, наделенными соответствующим правом. Это делается для того, чтобы обеспечить должное и справедливое возмещение затрат.

Стоит заметить, что законопроект о недропользовании детально регулирует не только компетенцию федеральных органов государственной власти в нефтегазовой сфере, но и орга-

нов региональной власти. Согласно документу, региональные власти предпринимают необходимые действия по подготовке и внесению предложений относительно деятельности федеральных властей с целью включения своего региона в программу федерального планирования нефтяных операций. В ведении региональных властей находятся также вопросы лицензирования видов деятельности, связанных с разведкой и добычей нефти на открытых, но неразработанных месторождениях, в соответствии с распоряжениями и заявлениями Федерального совета по нефти и газу совместно с квалифицированными международными нефтяными компаниями. Представители региональных органов государственной власти могут принимать участие в обсуждениях, проводимых Федеральным советом по нефти и газу, и сотрудничать с Министерством нефти по вопросам осуществления мониторинга и надзора за соблюдением в процессе проведения нефтяных операций законодательства, норм, предписаний, основных направлений и отдельных договорных положений, относящихся к исследованию месторождений и добыче нефти.

Помимо полномочий центральных и региональных органов государственной власти в области недропользования, законопроект регулирует распределение доходов от продажи энергоресурсов. Документ предполагает, что финансовые поступления от экспорта нефти станут направляться на единый счет (the Oil Revenue Fund), после чего их будут распределять между всеми 18 провинциями страны в зависимости от численности населения в каждой из них (ст. 11). В то же время проект нового закона предполагает передачу крупнейших иракских нефтяных месторождений в «полное и эксклюзивное управление» ведущим западным нефтяным компаниям сроком на 32 года (ст. 13F). Это положение позволяет иностранным компаниям вести свою деятельность в Ираке на партнерской, а не на собственности основе, поскольку, согласно Конституции Ирака и ст. 1 анализируемого законопроекта, все недра принадлежат народу Ирака.

Проанализировав основные положения законопроекта о недропользовании, можно прийти к выводу о том, что необходимость принятия нового закона, который бы четко и детально регулировал нефтегазовые отношения, сегодня крайне велика. Связано это прежде всего с тем, что Ирак практически полностью зависит от доходов от продажи нефти.

**Правовые основы деятельности и функции
Иракской национальной нефтяной компании
(по законопроекту о недропользовании)**

В 1964 г. в Ираке была создана Иракская национальная нефтяная компания (ИННК), которая к 1975 г. полностью установила контроль над добычей нефти в стране после вытеснения зарубежных компаний, среди которых ведущее место занимала «Бритиш Петролеум»⁴. В 1987 г. ИННК полностью перешла под контроль Министерства нефти страны и превратилась в государственную компанию, в рамках которой были созданы Северная и Южная нефтяные компании.

В связи с тем, что ИННК продолжает сегодня играть основную роль в нефтегазовой промышленности страны, в проекте нового закона о недропользовании содержатся положения, регулирующие статус и функции этой компании. Согласно ст. 5Е законопроекта, ИННК представляет собой холдинг, полностью находящийся в собственности Правительства Ирака. В административных и финансовых вопросах ИННК является независимой компанией, управление которой ведется на коммерческой основе (ст. 6).

В соответствии с проектом нового закона ИННК:

- принимает непосредственное участие в операциях по исследованию месторождений и добыче нефти на территории страны от имени Правительства Ирака;
- осуществляет управление существующими производящими месторождениями;
- участвует в добыче нефти на открытых, но еще не разработанных месторождениях;
- осуществляет исследования и добычу на новых территориях (ст. 6).

Стоит заметить, что производимые ИННК операции включают в себя разработку, добычу, хранение нефти в соответствии с объемом прав и обязанностей, предусмотренным законом и некоторыми договорами.

С целью обеспечения и развития сотрудничества с производящими регионами и областями страны ИННК может учреждать дочерние компании на выбранных территориях Республики Ирак, основываясь на географическом положении месторождений, объемах нефтяных запасов и добычи, а также анализе возможной ценовой прибыли (ст. 5Е). Совместно с другими компаниями-филиалами ИННК имеет право с согласия Со-

вета министров скупать акции компаний, осуществляющих деятельность на территории Ирака или за его пределами (ст. 5Е). Кроме того, ИННК наделяется правом выступать в качестве коммерческого партнера в международных проектах, связанных с куплей-продажей нефти и газа (ст. 5Е). Также возможно с согласия Совета министров участие компании в договорах об исследованиях месторождений и добыче нефти за пределами Республики Ирак.

Таким образом, проект нового закона о недропользовании вполне четко и структурировано закрепляет положения относительно правового статуса, выполняемых функций и задач важнейшей государственной компании, которой по праву является Иракская национальная нефтяная компания.

Законодательное регулирование недропользования в Иракском Курдистане

Вопрос Курдистана всегда довольно остро стоял в Ираке. Прежде всего это связано с тем, что курды называют себя крупнейшим этносом мира, не имеющим собственного государства. Долгое время они требовали автономии (с марта 1974 г. Иракский Курдистан получил статус автономии).

Необходимо особо подчеркнуть, что Иракский Курдистан обладает большими запасами нефти (в курдском месторождении Киркук залегают до 40% всех запасов нефти Ирака⁵). Именно споры различных конфессиональных групп Ирака по поводу киркукской нефти явились одним из факторов, который до сих пор не позволил принять в Ираке закон о недропользовании, проект которого был проанализирован выше. Притязания на это богатейшее месторождение имеют помимо курдов еще и сунниты, на территории которых в настоящее время отсутствуют действующие нефтяные месторождения.

Согласно ст. 113 новой Конституции Ирака, Курдистан получил статус федерального района и очень широкие полномочия даже для субъекта федеративного государства: право на собственное законодательство (при условии непротиворечия федеральной Конституции), собственную систему законодательной, исполнительной и судебной власти; собственные силы безопасности, собственные представительства при иракских посольствах за рубежом. К исключительной сфере полномочий федерации относятся только такие основные вопросы, как внешние сношения, оборона, финансовая и фискальная

политика, торговля между регионами Ирака и управление водными ресурсами, поступающими из-за пределов страны. Все остальное относится к сфере совместной компетенции или к исключительной компетенции регионов. При этом даже в вопросах, относящихся к совместной компетенции, законы регионов имеют приоритет перед федеральными.

Положения Конституции Ирака, касающиеся эксплуатации богатейших нефтяных ресурсов страны, намеренно сделаны предельно расплывчатыми. Нефть и газ признаются собственностью всего иракского народа (ст. 108 Конституции Ирака), а управление добычей нефти из существующих на данный момент месторождений будет осуществляться федеральным правительством совместно с добывающими регионами и провинциями. Доходы будут справедливо распределяться между частями страны в соответствии с демографическим распределением населения (ст.109 Конституции Ирака)⁶. На данный момент доля Курдистана в доходах от экспорта нефти составляет 17%⁷.

Следует особо подчеркнуть, что согласно Конституции Ирака, федеральное правительство и правительства производящих районов и провинций вместе разрабатывают необходимую стратегическую политику по развитию нефтяного и газового богатства с целью получения максимальной выгоды для иракского народа, используя самую современную технологию и поощрение инвестиций.

Важно заметить, что в законодательстве Ирака отсутствует четкое определение порядка разработки вновь открытых месторождений. Он, по всей видимости, должен быть определен законом на федеральном уровне. Однако уже сейчас в Курдистане создается Министерство природных ресурсов, и заключаются контракты с многочисленными зарубежными фирмами о разведке и добыче нефти⁸.

Широкие полномочия курдского региона вызывают понятную озабоченность других иракских групп. Многие видят в них подготовку к созданию независимого курдского государства. Шииты сначала выступали против излишнего усиления Курдистана за счет центрального правительства, однако теперь они, видимо, все в большей степени склоняются к идее создания собственного самоуправляемого региона на юге Ирака. Однако такой сценарий вызывает недовольство суннитов, живущих в центральной и восточной частях страны. В особенности это

связано с «нефтяным фактором» (суннитская часть практически лишена нефтяных ресурсов).

Стоит предположить, что споры вокруг нефти могут резко обостриться в случае включения в состав курдского региона района Киркука.

Таким образом, Конституция Ирака предоставляет Курдистану широкие возможности по решению нефтяных вопросов, что вызывает недовольство у других районов Ирака.

Нужен ли закон о недропользовании самим иракцам?

Восприятие законопроекта в Ираке, России, США

Открытым остается вопрос о степени полезности для Ирака и его граждан нового закона, регулирующего отношения в области недр и пользования ими.

Целью законопроекта, который активно лоббируют США, является умиротворение воюющих провинций Ирака и открытие нефтяной промышленности страны для иностранных инвестиций. Премьер-министр Ирака Нури аль-Малики заявил, что Законопроект (о недропользовании – Э.К.) является ключевым пунктом на пути к воссоединению «разорванной войной страны». Задачей документа является открытие нефтяного сектора страны для иностранных инвесторов, а также «справедливое» распределение государственных доходов от экспорта сырой нефти среди всех провинций Ирака⁹.

До сих пор распределение нефтяных доходов было самым острым вопросом внутренней политики Ирака. Законопроект о недропользовании стал компромиссом между курдами и шиитами, с одной стороны, и суннитами – с другой. Шииты населяют богатые нефтью южные провинции Басра, Миссан и Дхигар (на их долю приходится 80% разведанных запасов нефти в Ираке), курды контролируют месторождения нефти в северной провинции Киркук. Сунниты, опасаясь, что все нефтяные доходы достанутся курдам и шиитам, не раз заявляли, что все договоры с иностранными компаниями должны заключаться только через Министерство нефти Ирака. Предусмотренное законом распределение нефтяных доходов пропорционально численности населения провинций стало уступкой суннитам – в обмен регионы, населенные курдами и шиитами, получили право напрямую заключать договоры с иностранными инвесторами.

Багдад, в свою очередь, оставил за собой право вмешиваться и приостанавливать контракты лишь в том случае, если

параметры сделки не отвечают утвержденным регламентам. По словам министра нефти Ирака Хусейна аль-Шахристани, иностранным компаниям предложат 60 из 85 нефтяных полей Ирака. По оценкам министерства энергетики США, Ирак обладает вторыми после Саудовской Аравии разведанными запасами нефти в мире – более 112 млрд. баррелей. В Вашингтоне выразили глубокое удовлетворение решением иракского кабинета. «Мы рады поздравить иракские власти с компромиссом, которого удалось достичь по нефтяному закону»¹⁰, – заявил представитель государственного департамента США Шон Маккормик.

Проект нового закона о недропользовании в Ираке российская сторона воспринимает скептически. По мнению аналитиков, новый закон призван закрыть Ирак для нефтяных компаний России. Аналитик Rus-Energy М.Крутихин полагает, что с точки зрения Ирака и США, это очень хороший закон, но его принятие означает, что российским компаниям в Ираке делать нечего. Это связано прежде всего с тем, что законопроект предполагает отказ от проведения открытых тендеров при заключении инвестконтрактов и позволит американским компаниям заключать договора напрямую с провинциями.

Российская компания «Лукойл», крупнейший инвестор в нефтедобычу Ирака при С.Хусейне, тем не менее строит весьма амбициозные планы по развитию своей деятельности в нефтяном секторе экономики уже постсаддамовского Ирака.

Говоря о перспективах российского бизнеса в ТЭК Ирака, можно отметить следующее. До восстановления спокойной и устойчивой обстановки в Ираке осуществление российскими компаниями практической деятельности в этой стране крайне затруднено. Даже после принятия на референдуме новой Конституции Ирака, проведения выборов и, как следствие, появления в стране международнопризнанной администрации возобновление действия российско-иракских контрактов на разработку месторождений и строительство трубопроводов представляется возможным, но все же проблематичным. Вместе с тем определенные перспективы у российских компаний остаются. Эта надежда связана прежде всего с опытом работы наших специалистов в Ираке, с наличием значительного количества российского оборудования в стране, а также с получившим образование в России и лояльно относящимися к нам местными кадрами.

* * *

В итоге можно прийти к следующим выводам.

Во-первых, необходимость принятия нового закона, который бы четко и детально регулировал нефтегазовые отношения в Ираке, крайне велика.

Во-вторых, законопроект о недропользовании и основах деятельности в нефтяной отрасли вводит определенные новации. В случае его принятия доходы от продажи нефти станут направляться на единый счет, после чего их будут распределять между всеми 18 провинциями страны в зависимости от численности населения в каждой из них. Кроме того, планируется создание Федерального совета по нефти и газу, который станет разрабатывать политику в сфере ТЭК. Также предполагается передача крупнейших иракских нефтяных месторождений в «полное и эксклюзивное управление» ведущим западным нефтяным компаниям сроком на 32 года.

В-третьих, проект нового закона закрепляет, помимо прочего, положения относительно правового статуса выполняемых функций и задач Иракской национальной нефтяной компании.

В-четвертых, статус Курдистана, закрепленный в Конституции Ирака, позволяет этому региону самостоятельно заключать контракты с многочисленными зарубежными фирмами о разведке и добыче нефти.

В-пятых, иракскому парламенту вряд ли в короткие сроки удастся обсудить и принять новый законопроект о недропользовании. Процесс тормозят серьезные разногласия, сложившиеся внутри разношерстного депутатского корпуса. Межконфессиональные, а также этнические проблемы осложняются противоречиями внутри отдельных групп, сформированных по этим признакам.

¹ Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина 20 – начало 21 века). М.:ИИК «Российская Газета», 2006, с. 356.

² Жданов С.В. Арабские страны в мировой экономике. М.: Изд. Дом «Панорама», 2006, с. 105.

³ Юрченко В. Военно-политическая обстановка в Ираке. www.iimes.ru/rus/stat/2007

⁴ Жизнин С. Энергетическая дипломатия России: экономика, политика, практика. М.: ООО «Ист Брук», 2005, с. 402

⁵ www.institutkurde.org

⁶ Сапронова М. Иракская Конституция в прошлом и настоящем (из истории конституционного развития Ирака. М., 2006, с. 163

⁷ Economist, 22.01.2005.

⁸ Irish Times, 20.04.2006.

⁹ Законопроект, как уже отмечалось, предусматривает, с одной стороны, централизацию нефтедобычи в рамках ИННК, а с другой, позволяет региональным властям и местным нефтяным компаниям напрямую заключать договоры с иностранными компаниями на разведку и разработку месторождений нефти. Кроме того, закон регламентирует условия контрактов с инвесторами и закрепляет за Федеральным советом нефти и газа функции надзора.

¹⁰ Гудков А. Иракцы поделили нефть по-братски // Коммерсантъ, № 31, 28.02.2007.

**ИРАН В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ «ТРЕУГОЛЬНИКЕ»
РОССИЯ – ЕВРОПА – США**

**Геополитические и региональные интересы
держав «треугольника»**

Иран традиционно входит в сферу геополитических интересов как ведущих мировых держав – России и США, так и государств Европы. Это прежде всего обуславливается геостратегическим расположением Ирана и его выходом к Персидскому заливу и Каспийскому морю, сложившимися исторически политико-экономическими и культурными связями, прохождением через иранскую территорию крупных транспортных маршрутов (к которым в последние годы при активном участии России добавился коридор «Север-Юг»), наличием долгосрочных экономических и торговых интересов, масштабных инвестиций в объекты промышленности и инфраструктуры. Важным фактором является политико-экономическое и духовное влияние Ирана в регионах Персидского залива, Закавказья, Центральной Азии, что требует тщательного учета при планировании и реализации как политической линии, так и серьезных экономических проектов.

Заслуживает внимания взгляд как на совпадение или схожесть интересов государств «треугольника», что позволяет предполагать проведение, разумеется, в рамках своих интересов если не согласованной, то схожей линии, так и на основные разногласия и, более того, противоречия между ними.

Что касается взаимоотношений России с США в преломлении к Ирану, то здесь объективно расхождений было и есть гораздо больше, нежели областей совпадения интересов. Предпосылки для этого кроются в первую очередь в диаметрально противоположных стратегических целях в отношении Ирана. Подход американской стороны, в конечном счете, преследует целью – и американцы не делают из этого секрета – смену нынешнего политико-теологического режима в Тегеране

и содействие приходу к власти прозападно настроенных, лояльных США руководителей.

Интересам же России отвечает укрепление политических и торгово-экономических отношений с Исламской Республикой Иран, развитие диалога по всему комплексу двусторонних связей и региональных проблем. Москва и Тегеран исходят из концепции многополярного мира, подчеркивая неприемлемость в современных условиях глобализации каких-либо односторонних действий, тем более в обход авторитетных международных организаций, прежде всего ООН и ее Совета Безопасности. В статье Министра иностранных дел России С.В. Лаврова от 23 марта 2007 г. отмечалось, что в основе российского видения сегодня – здравый смысл и трезвая оценка тенденций, определяющих современное мировое развитие. Во многом благодаря России впервые за последние полтора десятка лет создается реальная конкурентная среда на рынке идей мироустройства, адекватного современному этапу мирового развития. Становление новых глобальных центров влияния и роста, более равномерное распределение ресурсов развития и контроля за природными богатствами закладывают основу для многополярного мира. По существу – и это признают американские политологи – в мире воцаряется «полиархия» – международная система с участием многочисленных и разнообразных игроков¹.

Не вызывает сомнения тезис о том, что военно-политическое проникновение США в центральноазиатский и закавказский регионы идет вразрез как с российскими, так и иранскими геополитическими интересами. Поддержка США вступлению стран этих регионов в НАТО объективно способствует усилению напряженности в их отношениях с Россией и Ираном. Создание американских военных баз под предлогом антитеррористической кампании в Афганистане и налаживание военно-технического сотрудничества со странами Центральной Азии и Закавказья существенным образом усиливают фактор напряженности на постсоветском пространстве, рассматриваемом нами как чувствительная сфера национальных, жизненно важных интересов Российской Федерации. Для Ирана же очевидно, что в случае резкого обострения отношений с США эти базы могут быть использованы в качестве плацдармов и пунктов обеспечения боевых действий против ИРИ. Присутствие американских войск в Афганистане, Ираке, мощной военно-мор-

ской группировки в Персидском заливе является не только средством давления на Иран, но и дополнительным источником напряженности, значительно повышающим фактор непредсказуемой «коллизии». Так, практически в ходе каждого учения в Заливе как иранских, так и американских сил приходят сообщения об условных, к примеру «радарных» атаках друг друга, которые, в контексте нынешней напряженной ситуации, вполне могут перерасти в локальный конфликт.

Немаловажный фактор расхождения интересов России и США в отношении Ирана – обеспечение выгодных торгово-экономических интересов. Для США до сих пор памятли практически монопольные позиции американского бизнеса в Иране в 1950–1970-х гг., когда американские компании могли диктовать условия как в сфере добычи и реализации иранской нефти (а это – около 7 млн. барр. в сутки в 1975 г.), так и в таких ведущих и «масштабных» областях, как поставки вооружений и гражданской авиатехники.

Так, в интервью российскому обозревателю бывший высокопоставленный сотрудник разведсообщества США (в 1992–1995 гг. занимал пост начальника Управления по России и Евразии Национального совета по разведке) Дж.Кольт отметил, что нынешняя ситуация, с точки зрения отсутствия американо-иранских отношений, является ненормальной. И высказал мнение о том, что рано или поздно диалог между США и Ираном вновь наладится. «А значит, закончится российская монополия в Иране»². По его прогнозам, в этом случае российским компаниям придется активно бороться за место на иранском рынке. Наилучшие шансы, по мнению Дж.Кольта, имеются у российских нефтяных компаний, которые участвуют в разработке каспийской нефти и работают в Иране, а также компаний по поставке вооружения, но лишь в случае, если они продолжают модернизацию своих мощностей. Одновременно с этим американец высказал обеспокоенность продажами Россией оружия Ирану, что, по его словам, являлось темой переговоров с Россией еще со времени администрации Б.Клинтона³. В этих сентенциях наряду с политическими мотивами отчетливо просматривается и стремление американских деловых кругов вытеснить в перспективе с этого емкого рынка серьезного конкурента.

В политическом плане Россия неоднократно отмечала позитивную роль и взвешенный сбалансированный поход Тегерана в региональных делах, в частности, к урегулированию ситуации

в Таджикистане, Афганистане, в то время как США рассматривали Иран прежде всего как недружественного соперника, стремящегося ограничить влияние американской администрации.

И, разумеется, нельзя не принимать во внимание разносторонние торгово-экономические связи Российской Федерации с Исламской Республикой Иран. По данным Федеральной таможенной службы за 2004 г., объем экспорта России в Иран составил 1,910 млрд. долл. США, импорт – 102,2 млн. долл., и эти цифры имеют тенденцию к увеличению. В одобренной в 2002 г. правительством России «Долгосрочной программе развития торговли, экономического, промышленного и научно-технического сотрудничества между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран до 2012 года» предусматривается конкретный перечень проектов совместного сотрудничества в таких отраслях, как нефтегазовая промышленность, электроэнергетика, атомная энергетика, черная и цветная металлургия, нефтехимия, авиационная промышленность, банковская сфера, транспорт и связь, включая запуск спутников и дистанционное зондирование Земли⁴. В настоящее время в стадии проработки находится обновленный вариант Программы с перечнем основных направлений и объектов сотрудничества на перспективу на общую сумму свыше 8 млрд. долл. США. Приведенные выше цифры дают основания полагать, что Россия имеет все шансы выйти в число основных внешнеэкономических партнеров Ирана.

Позиция Европейского сообщества и таких его ведущих государств, как Германия, Франция, Италия, по отношению к Ирану имеет больше «точек сближения» и сходства с позицией России. Европейцы стремятся проводить самостоятельную, независимую от США (и это всячески подчеркивается ими в контактах с иранцами) внешнеполитическую и внешнеэкономическую линию. Подходы европейцев (без дифференциации по интересам конкретных стран Евросоюза) основываются в целом на следующих приоритетах:

- исторически сложившихся политических и культурных связей с Исламской Республикой Иран;
- учете роли Ирана в международных и региональных делах;
- влиянии ИРИ в мусульманском мире и, соответственно, возможности продвижения своих интересов в исламских государствах;
- взаимовыгодных торгово-экономических отношениях;
- зависимости европейских государств от поставок энергоносителей из Ирана.

Экономические интересы европейских государств

Последние два фактора играют весьма существенную роль при выработке внешнеполитической стратегии ЕС. К примеру, в общем объеме импорта Ирана за 2005 г. (на сумму 42,5 млрд. долл. США) ведущие места принадлежат именно европейцам – Германии (13%), Франции (8,9%), Италии (8%). В структуре экспорта этих государств преобладает промышленное сырье, потребительские товары, продовольствие, технические услуги, а также военные поставки⁵.

Крупнейшие проекты в ведущей нефтегазовой индустрии Ирана также разрабатываются с участием европейских концернов. Это, в частности, офшорное газовое месторождение Доруд стоимостью 1 млрд. долл. (французская Total и итальянская Eni), месторождение Соруш-Науруз (британская Shell), проект Анаран (норвежская Norsk Hydro), Чешм-е Хош (продолжающиеся переговоры об участии испанской Cepsa и австрийской OMV), участие практически всех крупнейших европейских нефтегазовых игроков в освоении гигантского газового месторождения «Южный Парс»⁶.

Кроме того, Иран с учетом ввода в разработку новых фаз своего крупнейшего газового месторождения «Южный Парс» вынашивает планы по активной экспансии поставок газа на европейский рынок. Здесь, без сомнения, Тегеран попытается в перспективе составить серьезную конкуренцию России, что вряд ли отвечало бы нашим интересам. В равной степени идет вразрез с планами России строительство газопровода «Nabucco» стоимостью 5 млрд. долл. из региона Каспия до Австрии (в проекте на данное время принимают участие болгарская Bulgargas, румынская Transgas, турецкая Botas, венгерская MOL и австрийская OMV). Сформирована и рабочая группа по разработке этого проекта⁷.

Очевидно, что обширный иранский рынок, несмотря на всю сложность работы на нем, представляет привлекательность для компаний европейских государств, стремящихся сохранить и упрочить свои позиции.

Разумеется, Евросоюз вынужден учитывать критерии основополагающих демократических свобод, соблюдения прав религиозных и национальных меньшинств в Иране, однако, как показывает практика, эти факторы не доминируют в диалоге с Тегераном.

Основные «раздражители» в отношениях с Ираном

Более серьезную роль играют периодически вбрасываемые, не без участия США, материалы о «причастности» Ирана к поддержке терроризма в различных ее проявлениях – поставках оружия боевикам ливанской шиитской организации «Хизбалла» и палестинского ХАМАСа и, соответственно, противодействию мирному процессу на Ближнем Востоке, предоставлении убежища бежавшим из Афганистана боевикам «Аль-Каиды», финансирования и вооружения экстремистских шиитских группировок в Ираке. По-прежнему подогревается интерес к делу о причастности высокопоставленных иранских чиновников к теракту в еврейском культурном центре в Аргентине в 1994 г. Заявлено о намерении Интерпола объявить в этой связи в международный розыск шестерых человек, включая бывшего руководителя министерства информации (безопасности) ИРИ А.Фаллахияна. Примечательно, что аргентинская прокуратура до сих пор не сняла обвинений в причастности (санкционировании) к этому теракту высших должностных лиц ИРИ того времени, включая бывшего президента А.А.Хашеми-Рафсанджани, экс-министра иностранных дел А.А.Велаяти⁸. Подобные обвинения – в контексте глобальной войны с терроризмом и принятых международным сообществом соответствующих документов – наносят серьезный ущерб имиджу ИРИ и затрудняют его взаимоотношения с европейцами.

Развитие ситуации с ядерной программой Ирана и ее возможные сценарии

Видимо, правомерным будет тезис о том, что своего рода консолидирующим фактором в столь различающихся между собой подходах России, США и Европейского сообщества к Ирану стала проблематика ядерного нераспространения или ядерная программа ИРИ.

Очевидно, что столь чувствительная проблематика, затрагивающая интересы безопасности многих государств, в качестве рычага воздействия на Иран была выбрана администрацией США. При выборе данного сценария, как представляется, были учтены следующие факторы и обстоятельства:

– опыт применения санкций против Ирака – сценарий ослабления экономической и военной мощи страны путем эмбарго на поставки ряда товаров гражданского и двойного (военного) назначения;

– отсутствие прогресса на переговорах (закрытых) или в рамках международных форумов с иранцами;

– тактика «мелких шажков» администрации Б.Клинтонa, не давшая желаемых результатов;

– реализация концепции «Большого Ближнего Востока», которая без вовлеченности в нее Ирана была бы незавершенной. При этом неудачи по реализации данной концепции весьма удобно оправдывать «иранским» фактором;

– опыт проведения силовых акций против Афганистана и Ирака, наличие в зоне Персидского залива усиленной группировки военно-морских сил США, способной выполнить задачи как по нанесению точечных («хирургических») ударов, так и проведению ограниченной военной операции.

Вынесение «ядерной» проблематики на первый план к тому же не противоречит «последовательности» в политике властей США, выразивших еще в 80–90-х гг. обеспокоенность планами Тегерана по созданию ядерного оружия.

Хотелось бы отметить, что данная тема хорошо освещена в работах видных российских исследователей, в частности С.М.Задонского., В.И.Сажина⁹.

Как известно, иранская программа в этой области берет отсчет с 1960 г. – с момента создания при физическом факультете Тегеранского университета научной лаборатории, занимавшейся фундаментальными исследованиями в области атомной физики, в частности, расщепления атомного ядра. Спустя десятилетие по распоряжению шаха Иран приступил к имплементации перспективной программы создания атомной энергетики в стране. Активное содействие в реализации данной программы Ирану в 70-х гг. оказывали Франция и ФРГ. Франция заключила соглашение с Ираном о сотрудничестве в области очистки и обогащения урановых руд, а также образовала в этих целях совместную французско-иранскую компанию «Евродиф». При участии Германии (концерн «Сименс») и Франции было запланировано строительство в г.Бушире первой из десяти атомных станций.

Весьма показательно, что в период правления шаха Мохаммеда Реза Пехлеви США были одними из первых, кто предложил Ирану содействие в создании собственной ядерной программы.

В частности, в августе 1977 г. в условиях строгой секретности в Вашингтоне завершились переговоры о поставках в Иран 8 ядерных реакторов для АЭС на сумму 10 млрд. долл.¹⁰

После победы исламской революции в Иране в 1979 г. большинство работ в атомной области было свернуто, а строительство АЭС в Бушире по существу заморожено (к тому времени монтажные работы по строительству реактора были выполнены компанией «Сименс» на 60%). В ходе ирано-иракской войны 1980–88 гг. сооружения для АЭС в Бушире подверглись воздушным атакам иракских ВВС, в ходе которых несколько ракет поразили купол реактора.

Практически на десятилетие планы Ирана по развитию атомной энергетики были отброшены назад и возобновились лишь в начале 80-гг., когда была создана Организация по атомной энергетике Ирана (ОАЭИ). В ходе выработки пятилетних планов социально-экономического развития страны данное направление было признано одним из перспективных, получило приоритетное финансирование и государственную поддержку. Свидетельством значения, придаваемого иранскими властями фундаментальным исследованиям и практическим разработкам в этой области, стало назначение в 1997 г. на пост руководителя ОАЭИ в ранге вице-президента Ирана такого политического «тяжеловеса», как бывший министр нефти ИРИ Г.Агазаде.

Вместе с тем предпринятые попытки Тегерана возобновить сотрудничество с прежними партнерами – Францией и Германией по завершении строительства АЭС в Бушире в силу политических причин, прежде всего противодействия США, окончились безрезультатно. Таким образом, Ирану пришлось пересмотреть список потенциальных партнеров в пользу России, Индии, Пакистана, КНДР. В частности, в одобренной в конце июля 2002 г. Долгосрочной программе развития торговли, экономического, промышленного и научно-технического сотрудничества между Российской Федерацией и Ираном на период до 2012 г. предусматривалось создание в течение десяти лет на иранской территории шести блоков ядерных реакторов на сумму 8,5 млрд. долл.¹¹ Речь шла о проектах «Бушер-1» и «Бушер-2», строительстве на этой же площадке еще двух блоков по 1000 МВт, а также сооружении еще двух блоков такой же мощностью на площадке в Ахвазе¹². С учетом создания инфраструктуры и оснащения площадок необходимым оборудованием указанная сумма могла превысить 10 млрд. долл.¹³ Таким

образом, участие в подобных масштабных проектах несомненно влияет на стратегические интересы развития российской атомной промышленности.

Выбор «ядерного» фактора в качестве инструмента воздействия на Иран, по всей видимости, продиктован следующими соображениями администрации Дж.Буша:

- возможность Ирана в обозримом будущем (несколько лет) вплотную подойти к промышленному обогащению, достаточному для создания ядерного оружия и таким образом пройти «точку невозвращения»;

- «непредсказуемость» политических шагов нынешнего руководства ИРИ, прежде всего резкими выпадами и заявлениями в адрес стратегического союзника США в регионе – Израиля;

- отчетливо прослеживаемая тенденция в администрации США возложить свои провалы в Ираке и ближневосточном урегулировании на Тегеран;

- обеспокоенность тем, что иранская программа может подорвать режим ядерного нераспространения;

- возможность использовать озабоченность ядерной программой ИРИ в качестве фактора, способного в определенной степени объединить позиции мирового сообщества и его ключевых игроков в регионе – США, Россию и страны Европы¹⁴.

Однако ряд этих постулатов явно несостоятелен. Прежде всего Иран за годы, прошедшие после исламской революции, зарекомендовал себя как рациональный и прагматичный участник международных отношений. Руководство ИРИ не может не просчитывать все возможные последствия планируемых шагов.

Вместе с тем в определенной степени можно считать справедливым утверждение о том, что обладание Ираном ядерным оружием способно нанести серьезный удар режиму нераспространения. Примеру Ирана вполне могут последовать Египет и Саудовская Аравия, которым приходится считаться с тем, что на вооружении у Израиля находятся порядка 170–200 ядерных боеголовок.

Кроме того, Иран является одним из государств-подписантов Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), в то время как Израиль по-прежнему не стремится присоединиться к нему.

Если рассматривать возможность в перспективе создания Ираном ядерного оружия и средств его доставки, то это в

первую очередь может представлять предмет озабоченности для России, географически приближенной к ИРИ, а не США. Секретарь Совета Безопасности России И.С.Иванов подчеркнул, что появление у Тегерана ядерного оружия «и прямо, и косвенно будет представлять угрозу интересам России»¹⁵.

Что относится к использованию «ядерного фактора» в качестве основы для сближения позиций упомянутых ключевых игроков, то здесь расчет администрации США оказался верным.

Американская сторона по максимуму использовала в своих пропагандистских целях жесткую позицию Тегерана, отстаивавшего право на развитие своей ядерной энергетики, подавая сохраняющиеся пробелы в информации МАГАТЭ, в частности, относительно отсутствия в Иране незаявленных ядерных материалов или деятельности, как серьезную угрозу для мирового сообщества. Итогом после длительных согласований и изменений стал внесенный Германией, Великобританией и Францией проект резолюции Совета Безопасности ООН по Ирану. Резолюция 1737 была единогласно принята Советом Безопасности ООН 23 декабря 2006 года¹⁶. В этом документе отмечается серьезная озабоченность по поводу многочисленных докладов Генерального директора МАГАТЭ и резолюций Совета управляющих МАГАТЭ по вопросу о ядерной программе Ирана, прежде всего аспектов, связанных с обогащением и переработкой, отсутствием шагов со стороны Ирана, существенно необходимых для укрепления доверия. В резолютивной части документа подтверждается, что Ирану следует без дальнейшего промедления предпринять шаги, которые были предписаны Советом управляющих МАГАТЭ документом GOV/2006/14, содержится перечень материалов и товаров, в отношении которых все государства примут необходимые меры для предотвращения прямой или косвенной поставки, продажи или передачи со своей территории, или своими гражданами, или с использованием морских или воздушных судов под их флагом Ирану для использования в Иране или в его интересах – независимо от страны происхождения – всех предметов, материалов, оборудования, товаров и технологий, которые могли бы способствовать деятельности Ирана, связанной с обогащением, переработкой или тяжелой водой, или разработке систем доставки ядерного оружия¹⁷.

В приложении к резолюции 1737 был составлен перечень 22 иранских организаций и физических лиц, принимающих уча-

стие в ядерной программе и разработках баллистических ракет и подпадающих под действие санкций¹⁸. Весьма важными можно считать внесенные по инициативе или при активном участии России пункты о том, что приостановка Ираном обогащения и переработки и выполнение Ираном требований (проверенное МАГАТЭ) способствовали бы дипломатическому решению на основе переговоров, которое гарантировало бы, что ядерная программа Ирана осуществляется исключительно в мирных целях, а также о том, что в случае приостановки Ираном будет приостановлено и действие санкционных мер. Принципиальное значение при принятии резолюции имело выступление Постоянного представителя Российской Федерации при ООН В.И.Чуркина, акцентировавшего ряд важных моментов. В их числе – сотрудничество с иранской стороной в сферах и за счет средств, которые не ограничиваются резолюцией, под ее действие не подпадают. Далее – убежденность в том, что пути эффективного разрешения иранской ядерной проблемы могут быть найдены исключительно в политико-дипломатической и правовой плоскости. В этом контексте важно, что предусматриваемые резолюцией меры принимаются в соответствии со статьей 41 Устава ООН и не предусматривают никаких силовых действий. Кроме того, возможность приостановки санкций и запуска переговорного процесса с Тегераном¹⁹.

Очевидно, что негативные моменты (кроме самого факта санкционной резолюции) – необходимость рассмотрения выполнения ее положений через 60 дней и, в случае невыполнения предусмотренных требований, возможность дальнейшего ужесточения санкций, вплоть до эмбарго.

Таким образом, стремление администрации США к наращиванию давления на Иран вкупе с бескомпромиссной позицией Тегерана создали предпосылки для «объединяющей платформы» государств, подходы которых к Исламской Республике Иран по другим проблемам имеют различия, иногда весьма существенные. Примечательно, что, создав такую основу в наиболее авторитетном международном органе – СБ ООН, в дальнейшем становится легче выходить на скоординированные позиции.

Примером может служить ситуация с 15 военнослужащими корабля «Корнуэлл» ВМС Великобритании, задержанными иранской стороной «за нарушение иранских территориальных вод» 23 марта 2007 г.²⁰ Британские моряки и морские пехотин-

цы, по версии королевских ВМС, осуществляли досмотр торговых судов в иракских территориальных водах в устье р.Шатт-эль-Араб и Персидском заливе в соответствии с резолюцией 1723 СБ ООН, в том числе иранского судна по подозрению в контрабанде²¹. По этому поводу МИД Ирана заявил протест послу Великобритании в Тегеране, Лондон, ссылаясь на показания координат приборов GPRS²², утверждал, что моряки на момент задержания находились в территориальных водах Ирака, и потребовал незамедлительно отпустить задержанных. Перед посольствами ИРИ в Лондоне и Великобритании в Тегеране состоялись массовые демонстрации. СМИ обеих стран активно подключились к освещению развития этого инцидента. Иранский телеканал «Аль-Алам» продемонстрировал кадры, на которых британские моряки сами показывают точку проникновения в иранские воды и «признаются в нарушении». Премьер-министр Великобритании Т.Блэр заявил, что если дипломатические шаги ни к чему не приведут, то усилия по освобождению моряков могут «принять иные формы»²³. Было объявлено о том, что до тех пор, пока моряки не будут освобождены, Лондон замораживает все двусторонние отношения с Тегераном, а британский премьер прямо сказал, что «иранцы должны понять, что если они будут продолжать идти по этому пути, то столкнутся с дальнейшей изоляцией»²⁴.

Данный случай был использован для дальнейшей консолидации позиций европейских государств и США. С призывом к иранским властям отпустить захваченных моряков выступил президент США Дж.Буш. До этого свой призыв к иранским властям адресовала канцлер Германии А.Меркель²⁵. Главы внешнеполитических ведомств стран Евросоюза на неформальной встрече в Бремене 30 марта 2007 г. поддержали Лондон в его споре с Тегераном. Ф.В.Штайнмайер, министр иностранных дел Германии, председательствующей в Евросоюзе, подчеркнул, что позиции государств ЕС по данному вопросу могут быть едиными²⁶.

29 марта 2007 г. по инициативе Великобритании Совет Безопасности ООН единогласно принял заявление по поводу задержания британских моряков, в котором выражалась «глубокая озабоченность членами Совета Безопасности захватом Корпусом стражей исламской революции и удержанием 15 моряков Великобритании»²⁷. Выработке компромиссных формулировок в противовес жесткому заявлению, на чем настаивала

делегация Великобритании, способствовали делегации России, Китая, ЮАР и Индонезии.

Характерно, что представители США категорически исключали даже самую возможность сделки по обмену британских моряков на захваченных 11 января 2007 г. пятерых иранских дипломатов из генерального консульства ИРИ в иракском городе Эрбиль. На брифинге спонсмена Госдепартамента США Ш.Маккормака было отмечено в этой связи, что «международное сообщество не собирается идти на поводу у иранского правительства, пытающегося использовать этот вопрос, чтобы отвлечь внимание остального мира от ситуации, когда Иран вынужден решать по поводу своей ядерной программы»²⁸. Таким образом, американцы попытались дистанцироваться от ответственности за нарушение основополагающих норм Венской конвенции и неприкосновенности дипломатического представительства, а с другой стороны, вновь привлечь внимание к «нежеланию» Ирана выполнить требования мирового сообщества. Между тем ситуация в Эрбиле получила четкую правовую оценку со стороны Российской Федерации. В комментарии официального представителя МИД России по этому поводу подчеркивалось, что для громких обвинений иранских дипломатов в поддержке террористической активности должны быть представлены неоспоримые и веские доказательства: «...Абсолютно неприемлемо, что военные берут штурмом консульское учреждение иностранного государства на территории другого государства. Это – грубейшее нарушение Венской конвенции о консульских сношениях»²⁹. Предпринятые военнослужащими США неправомерные действия, как подчеркивалось, означают также открытое злоупотребление тем мандатом, который был выдан странам-участницам многонациональных сил в Ираке Советом Безопасности ООН и неотъемлемой частью которого является содействие обеспечению охраны и безопасности иностранных дипмиссий в этой стране. МИД России выступил за незамедлительное урегулирование этой ситуации на основе международного права³⁰.

На примере данной ситуации видно, что она может быть использована как для дальнейшей консолидации платформы ряда государств, так и для обострения отношений со страной, входящей по американской классификации, в «ось зла». Сценарий возможного развития ситуации и ее обострения складывается из следующих элементов:

– выдвигание обвинений (претензий) относительно чувствительных вопросов нераспространения (ядерного, ракетного), попыток обладания ОМУ, нежелания допустить международные инспекции на свои объекты с целью проверки;

– провозглашение страны частью «оси зла»;

– консолидация международного сообщества на основе соответствующих резолюций СБ ООН;

– наращивание санкционного воздействия, в том числе с целью ослабления страны-объекта в военном и экономическом плане (как это было апробировано на примере Ирака), попытки вызвать недовольство населения усугубляющимся социально-экономическим положением;

– концентрация сил для «наблюдения за выполнением положений» резолюций;

– проведение ограниченной (локальной) военной операции.

Государству, против которого могут быть задействованы подобные сценарии, приходится применять все политические (дипломатические) ресурсы, большую гибкость с тем, чтобы предотвратить развитие ситуации по нарастающей. Важную роль играет использование ресурсов союзнических стран, международных и региональных организаций с тем, чтобы противостоять давлению.

Дополнительным осложняющим фактором для Ирана послужили совпавшие по времени с захватом британских морских масштабные учения в Персидском заливе с участием двух авианосных групп (атомные авианосцы John C. Stennis и Dwight Eisenhower) и большого количества кораблей сопровождения³¹. Эту мощную ударную группу должен усилить авианосец Nimitz³². Подобная концентрация военной мощи в Заливе существенно повышает риск возникновения коллизии, способной привести к началу конфликта. В частности, поступали сообщения о нарушении воздушного пространства на юго-западе Ирана в районе над провинцией Хузестан двумя военными самолетами США, направлявшимися в Ирак³³.

Одновременно Иран сам отрабатывал учебные задачи по блокаде Персидского залива с использованием катеров и подводных лодок при поддержке береговых ракетных батарей и военно-воздушных сил. Кроме того, в феврале 2007 г. в 16 провинциях ИРИ были проведены сухопутные учения частей и подразделений Корпуса стражей исламской революции, в которых было задействовано до 60 тысяч чел.³⁴

Единственным «плюсом» в данной ситуации (разумеется, весьма условно и с большой натяжкой) для нефтедобывающих государств можно назвать то, что нефтяной рынок, сильно зависящий от политических заявлений и конъюнктуры, моментально реагирует на возможное обострение положения дел в сторону повышения цен, что, соответственно, дает возможность аккумулировать дополнительный денежный доход. Так, цена за баррель с 61,69 долл. США на 22 марта 2007 г. подскочила спустя 5 дней до 65,34 долл.³⁵

4 апреля 2007 г., спустя 10 дней развития англо-иранского дипломатического кризиса, президент ИРИ М.Ахмадинежад объявил о том, что иранские власти отпускают британских моряков на родину.

Таким образом, иранская сторона вновь подтвердила свою репутацию жесткого переговорщика, способного довести кризис до «высокой точки кипения» и в этот момент предпринять весьма нестандартные шаги. В целом иранская дипломатия не раз демонстрировала умение довести ситуацию до «красной черты», а затем пойти на поиск развязок. Подобная линия, как считается, способна принести максимум дивидендов, но, с другой стороны, в случае просчета, таит в себе немалый риск выхода за «точку невозврата».

При этом иранцы стремятся проводить диверсифицированную политику, направленную на предотвращение создания какого-либо единого фронта стран, противостоящего Ирану. В этих целях широко используются как политические интересы, так и экономические стимулы.

В преддверии принятия новой резолюции иранской стороной был предпринят неожиданный для многих ход. Президент ИРИ заявил о своем намерении выступить в СБ ООН с изложением позиции Тегерана по ядерной проблеме. Данный визит был сорван, по существу, в последнюю минуту из-за того, что, как сообщалось, не были получены визы для членов экипажа самолета иранского президента (для М.Ахмадинежада въездная виза была выдана Госдепартаментом³⁶).

«Адресная» работа иранской стороны отчетливо проявилась в ходе обсуждения второй, № 1747 резолюции по Ирану. В рамках обсуждения проекта, уже согласованного «пятеркой» постоянных членов Совета Безопасности, со стороны ряда непостоянных членов – ЮАР, Индонезии и Катара появился ряд серьезных замечаний принципиального характера. Делегация

ЮАР предложила 90-дневный мораторий на применение любых действий в отношении Ирана, исключение из проекта эмбарго на поставки оружия в ИРИ, а также запрет на поездки руководителей КСИР, отказ от замораживания счетов банка Sepah и его «дочки» Sepah International, что, по мнению американцев, выхолащивало суть резолюции³⁷.

Вместе с тем бескомпромиссная позиция Тегерана в отношении обогащения урана привела в итоге к принятию 24 марта 2007 г. резолюции № 1747 с новыми санкционными мерами: призыв ко всем государствам проявлять бдительность и воздерживаться в отношении въезда или транзита через их территорию лиц, причастных или оказывающих поддержку чувствительным с точки зрения нераспространения усилиям Ирана в ядерной области; запрет на поставки оружия Ираном зарубежным государствам, призыв воздерживаться от поставок или передачи ИРИ номенклатуры согласно классификации Регистра обычных вооружений ООН, не предоставлять государствами или международными финансовыми организациями новых займов, финансовой помощи Ирану, за исключением на нужды развития и в гуманитарных целях³⁸. В приложение к резолюции вошел список из 13 иранских организаций и 15 физических лиц, принимающих участие в разработке ядерной или ракетной программ или финансирующих их³⁹.

Достаточно сбалансированной резолюции удалось достичь благодаря позиции России. В текст были включены такие ключевые положения, как «приостановка в обмен на приостановку» – если Иран заморозит всю деятельность по обогащению и переработке урана на период переговоров, то действие мер, введенных Советом Безопасности ООН, также будет приостановлено, а также о том, что меры, как и в резолюции 1737, вводятся в соответствии со статьей 41 Устава ООН и, соответственно, не предусматривают возможности каких бы то ни было силовых действий. Кроме того, замораживание финансовых активов не препятствует осуществлению выплат физическими или юридическими лицами, указанными в приложениях к резолюциям 1737 и 1747, по контрактам, вступившим в силу до включения указанных лиц в списки на основаниях, предусмотренных соответствующими пунктами резолюций. В соответствии с Договором о нераспространении ядерного оружия подтверждено признание права ИРИ на ядерную энергетику⁴⁰.

Анализируя воздействие данных мер на Исламскую Республику Иран и их последствия, необходимо отметить, что, по мнению автора, наиболее серьезный негативный эффект имеют замораживание счетов юридических и физических лиц, а также призыв воздержаться (по существу запрет) от предоставления Ирану новых заимствований и помощи на международном финансовом рынке. В условиях реализации ряда крупномасштабных проектов, в том числе и в области модернизации ведущей нефтегазовой отрасли, Тегеран может столкнуться с нехваткой финансирования и будет вынужден тратить средства из стабилизационного фонда. Примечательно, что уже несколько лет назад ведущие мировые банки стали неохотно подходить к финансированию капиталоемких проектов, осуществляемых в Иране или с его участием. При этом кредитная ставка была выше, чем для других государств. В 2004 г. из-за подобных опасений Япония была вынуждена отказаться от освоения в качестве оператора проекта крупнейшего в Иране нефтяного месторождения «Азадеган» с доказанными запасами свыше 26 млрд. баррелей. Иностранные банки стали испытывать все большие опасения по поводу того, что внешне легальные транзакции могут через подставные компании в Иране иметь конечным получателем одну из компаний, частных к ядерной или ракетной программ Ирана⁴¹.

Американские эмиссары еще задолго до принятия СБ ООН резолюций по Ирану, руководствуясь директивой президента США от 2005 г., а также Законом о нераспространении, начали совершать турне по зарубежным странам, призывая их правительства и финансовые организации отказаться от ведения дел с Ираном. Одним из итогов подобной линии стал отток капитала из Ирана в ОАЭ⁴².

Помимо замораживания указанных в резолюциях 1737 и 1747 финансовых активов иранских организаций и лиц и склонения международных финансовых институтов к отказу от сотрудничества с Ираном, США изучали ряд других, по их мнению, «болевых точек» в иранской экономике. Выступая перед Комитетом по международным делам Сената США, старший заместитель Госсекретаря Н.Бернс отметил, что Иран импортирует около 40% потребляемого в стране бензина, что может быть использовано США в качестве одного из рычагов воздействия⁴³.

В контексте выполнения резолюций 1737 и 1747 казначейства ряда государств заявили о принятии необходимых мер.

Так, “Bank of England” (центральный Банк Великобритании) сообщил о замораживании с 9 февраля с.г.⁴⁴ средств 12 физических лиц и 10 организаций, указанных в резолюции 1737. США, со своей стороны, помимо принятия аналогичных мер, прорабатывают пути дальнейшего – в случае «прогнозируемого» невыполнения Ираном требований международного сообщества – пути дальнейшего ужесточения санкций.

Тегеран, в свою очередь, стремится продумать ответные шаги с тем, чтобы минимизировать последствия санкций и склонить дружественные страны лишь к формальному соблюдению санкционного режима. В контексте задействования экономических рычагов одним из важных и эффективных ходов, по мнению иранской стороны, мог бы стать нефтяной фактор. Командующий Корпусом стражей исламской революции генерал Р.Сафави заявил о том, что при введении санкций против ИРИ под угрозу могут быть поставлены маршруты транспортировки 17 миллионов баррелей сырой нефти в день через Ормузский пролив⁴⁵. Заместитель министра иностранных дел Ирана М.Мохаммади подчеркивал, что в случае введения санкций против ИРИ цена на нефть может подскочить до 200 долл./баррель⁴⁶.

В этом же ряду – предоставление иранской стороной через проводимые тендеры нефтяных и газовых месторождений для разработки компаниями зарубежных государств. Министр нефти ИРИ Казем Вазири Хамане подчеркнул, что «при необходимости Иран использует любое средство, чтобы защитить свои интересы»⁴⁷. Вскоре после этого Миннефти Ирана сообщило о выставлении на международный тендер 17 блоков месторождений, ряд которых планировалось ранее передать российской стороне, но затем, с учетом позиции России при голосовании за резолюцию 1737, мнение Ирана было изменено⁴⁸. Таким образом, Тегеран сигнализирует о том, что государства, выступающие в поддержку санкций, могут упустить значительные выгоды. В этом же ряду – заявление руководителя Национальной нефтяной компании Ирана (НИОС) Г.Нозари об обнаружении на юге Ирана нового крупного месторождения Паранж с запасами около 1,6 млрд. барр. легкой нефти, а также о разработке другого месторождения – Абтимур с запасами до 2 млрд. барр.⁴⁹ При этом иранская сторона четко дает понять, что предпочтение при контрактах на разработку будет отдаваться компаниям тех государств, которые занимают благожелательную позицию по отношению к ИРИ.

В частности, в рамках визита в мае 2007 г. в Белоруссию президента Ирана М.Ахмадинежада в контексте «стратегического партнерства» было объявлено об укреплении взаимодействия двух стран в нефтегазовой отрасли, включая совместную разработку нефтяных и газовых месторождений на территории ИРИ (Джуфейр), о создании нефтеперерабатывающих мощностей, строительстве подземных газохранилищ⁵⁰. Примечательно, что ранее в ходе своего турне в Латинскую Америку в январе 2007 года, президентами Ирана и Венесуэлы была достигнута договоренность о создании так называемого «Фонда по противодействию политике США» в размере 2 млрд. долл.⁵¹

Далее, иранская сторона внимательно изучала возможность перевода расчетов за поставляемую нефть из долларов в евро. Это, как представляется, преследовало две цели – 1) определенное ослабление экономики США, 2) выход из-под контроля Федеральной резервной системы США, наблюдающей за всеми торговыми операциями, расчеты за которые ведутся в долларах США.

Значительное внимание Тегераном уделяется возможно-му, в случае обострения ситуации вокруг Ирана, резкому повышению цен на нефть и, соответственно, последствиям этого для экономики ведущих стран, прежде всего США, и для рядовых потребителей-жителей этих государств.

Иранская дипломатия в свою очередь предпринимает активные шаги по нейтрализации давления США и создания международного имиджа Ирана как государства, реализующего свое право на развитие исключительно мирной ядерной энергетики. Один из таких шагов – заявление секретаря Высшего Совета национальной безопасности ИРИ, главного иранского переговорщика А.Лариджани накануне очередного раунда консультаций с верховным представителем ЕС по внешней политике и безопасности Х.Соланой в Мадриде о том, что Иран не разрабатывает ядерное оружие и готов предоставить гарантии, подтверждающие это. Было подчеркнуто, что в иранской оборонительной доктрине нет места для ядерного оружия и, более того, Иран готов дать твердые гарантии, что не предпримет шагов по приобретению такого оружия⁵².

Наиболее развернуто геостратегические интересы США на нынешнем этапе в отношении региона Среднего Востока и сформулированный с их учетом подход США к Ирану были из-

ложены в выступлениях старшего заместителя Госсекретаря США по политическим вопросам Н.Бернса в выступлениях перед комитетами Сената Конгресса США в конце марта 2007 г. Отмечая амбициозные геополитические интересы США в данном регионе, а именно: стабилизацию ситуации в Ираке; создание прочной основы для палестино-израильского примирения; продвижение демократии и свободы в таких государствах, как Ливан, и предотвращение распространения экстремистской идеологии и ОМУ, он озвучил мнение Госдепартамента о том, что невозможно достичь поставленных целей без преодоления вызовов и угроз, исходящих от Ирана. Тегеран же под руководством радикального президента М.Ахмадинежада прямо угрожает жизненно важным интересам США в различных сферах и с использованием различного инструментария – путем введения в заблуждение международного сообщества относительно своего стремления к обладанию ядерным оружием, усилиями по созданию хаоса и нестабильности в регионе, особенно среди непрочных демократий Ирака и Ливана, репрессивным обращением со своими гражданами, путем поддержки Ираном международного терроризма, а также длительного противодействия мирному ближневосточному процессу⁵³.

По мнению американской стороны, комплексный и разнообразный характер угроз, исходящих от иранского режима, требует адекватного диверсифицированного и усовершенствованного подхода США. В этих целях была выстроена всеобъемлющая стратегическая линия, опирающаяся на дипломатические усилия, возглавляемые США, и прочную международную коалицию, стремящуюся предотвратить достижение Тегераном своих целей.

Политика США в отношении Ирана на данном этапе фокусируется на следующих элементах:

– демонстрация иранскому режиму того факта, что его провокационная и дестабилизирующая политика повлечет за собой болезненные последствия для самого Ирана, включая финансовые трудности, дипломатическую изоляцию, ущерб в долгосрочном плане для престижа Ирана и основных национальных интересов;

– убеждение иранского режима в том, что другая, более конструктивная линия является наиболее подходящей для него.

Наряду с дипломатической изоляцией Тегерана США предлагают ИРИ и дипломатический выход из сложившейся ситуации.

В рамках формата «P5+1» (пятерка постоянных членов СБ ООН + Германия) США подтверждают выдвинутое Госсекретарем К.Райс в июне 2006 г. предложение Ирану вступить в прямые переговоры «в любое время, в любом месте» при условии, что Тегеран полностью и в поддающейся проверке форме приостановит работы по обогащению урана⁵⁴. Это, по мнению американцев, было бы наилучшим путем для начала урегулирования существующих разногласий. Свое предложение К.Райс подтвердила и в начале 2007 г., заявив, «если Иран остановит обогащение Урана, что является международным требованием, а не только требованием американской стороны, то в этом случае США готовы изменить политику, действующую на протяжении 27 лет, и я встречу с иранским коллегой в любое время, в любом месте»⁵⁵. Подобные заявления, помимо призывов к Ирану прекратить аспекты ядерной программы ИРИ, связанные с обогащением, и демонстрации международному сообществу стремления США решать сложные, потенциально конфликтогенные ситуации политическим путем, несут в себе, как представляется, и другой важный сигнал. Заключается он в том, что администрация США в подходах к Ирану пытается выйти на прямые переговоры, без участия различных международных посредников, при этом, разумеется, не давая возможности толковать это как отступление США от позиции по принципиальным вопросам. Свои услуги по налаживанию контактов с Тегераном США предлагали и арабские государства, в частности, Саудовская Аравия, и европейцы. Прямые контакты, как считают американцы, помогают быстрее достичь взаимопонимания, с одной стороны, а с другой, – избежать необходимости делиться политическими «дивидендами» с посредниками. Иранская сторона в зависимости от ситуации предпочитает использовать различные каналы – как закрытые прямые, так и через международных посредников.

В пользу тезиса о стремлении США к налаживанию прямых контактов с Ираном свидетельствуют состоявшиеся 28 мая 2007 г. в Багдаде ирано-американские переговоры по Ираку на уровне аккредитованных в этой стране послов США Р.Крокера и Ирана Х.Каземи⁵⁶.

Разумеется, данные контакты вряд ли можно было бы охарактеризовать даже как начало процесса по возобновлению официальных отношений, вместе с тем их значение, как представляется, весьма существенно. Несмотря на выдвинутый Те-

гераном в преддверии переговоров ряд требований, включая: 1) они должны касаться только Ирака, 2) проходить в присутствии иракских представителей, 3) не затрагивать ядерную программу ИРИ, – этот канал при его корректном использовании (без публичных обвинений друг друга, преднамеренных «утечек» в СМИ) обладает потенциалом стать своего рода основой для расширения обсуждаемой повестки дня и в дальнейшем для налаживания двусторонних связей.

Примечательно, что ранее, накануне несостоявшейся встречи главы внешнеполитического ведомства ИРИ М.Моттаки с Госсекретарем США К.Райс в рамках международной конференции по Ираку в Каире в начале мая 2007 г., возможность которой широко анонсировалась, представитель МИД Ирана А.Хосейни отметив, что Тегеран заинтересован в улучшении отношений с Вашингтоном, заявил, что подобное развитие ситуации возможно лишь при соответствующих «правильных условиях». Это было детализировано в том плане, что одним важным фактором служат «добрые намерения», другим – политическая воля. В случае выполнения этих условий, по словам иранского представителя, существует возможность восстановления и пересмотра ирано-американских отношений⁵⁷.

Администрация США полагает, что выбранная ею дипломатическая стратегия во взаимоотношениях с Тегераном в наибольшей степени отвечает американским интересам. Этот постулат базируется на уверенности в том, что Тегеран не является «непроницаемым» для воздействия в дипломатическом и финансовом плане⁵⁸. Этот путь, по мнению американцев, способен принести дивиденды и прояснить для Тегерана все связанные с конфронтацией издержки.

Помимо дипломатической стратегии, другим вектором политики США является наращивание давления на иранский режим по различным направлениям. Для достижения этой цели Вашингтон ведет работу как в рамках ООН, так и в двустороннем формате. Итог – создание своего рода международной коалиции государств, призывающих Иран отказаться от ядерной программы. Параллельно с «ядерным фактором» США предпринимают усилия с тем, чтобы иранский режим отказался от поддержки терроризма и экстремистов, одновременно расширяя контакты с иранским народом⁵⁹. Последнее утверждение – так называемые контакты между народами (“people-to-people”) – заслуживает того, чтобы остановиться на нем поподробнее.

В современной международной политике, в условиях отсутствия между двумя странами дипломатических отношений, вызванного имевшей место конфронтацией, резкими разногласиями, неприятием существующих правящих режимов, государства зачастую предпочитают декларировать о том, что эти разногласия ни в коей мере не направлены против народа другого государства, а лишь против его властных структур. На это нацелены, в частности, призывы и обращения лидеров одной страны к населению другой по различным поводам, в которых делаются попытки всячески дистанцировать народ от правящего режима. Иран, в частности, выразил соболезнования американскому народу в связи с трагедией в университете Вирджинии 16 апреля 2007 г., подчеркнув, что считает нападение на невинных людей «преступлением против человеческих и религиозных законов...»⁶⁰ Контакты между людьми включают в себя и участие в проводимых мероприятиях на территории другой страны деятелей науки, культуры, спортсменов и т.д. Так, в январе 2007 г. США направили в Тегеран команду спортсменов-борцов, поддерживают программы обменов, в рамках которых США посещают сотни иранцев (студенты, преподаватели). Одновременно администрация США поощряет поездки в Иран своих деятелей культуры, религиозных деятелей. Финансирование ряда программ осуществляется Конгрессом США⁶¹. В этих целях Госдепартаментом США также предусматривается выделение грантов иранским представителям, которые не подпадают под действие введенных США санкций⁶². По существу, этот путь дает возможность – при формальном отсутствии дипотношений – поддерживать «на плаву» связи, а также служит одним из каналов (через участников различных делегационных обменов) доведения позиции своей страны по тому или иному вопросу до сведения другого государства. Американцы также считают, что это способствует более широкому открытому информационному потоку для иранского населения. Цели подобных программ не маскируются – поддержка различных слоев населения Ирана в их стремлении к развитию основополагающих прав и свобод человека, включая религиозные, построению демократического гражданского общества, совершенствованию правовой системы и обеспечению верховенства закона, более глубокое понимание американских ценностей, идеологии и культуры.

Нельзя не отметить, что фактор публичной дипломатии, рассчитанный на американский народ, активно применяют и иранцы. Так, в августе 2006 г. М.Ахмадинежад предложил Дж.Бушу провести телевизионный диспут, который транслировался бы безо всяких купонов. В ходе такого телемоста иранцы предлагали обсудить, как каждая сторона видит выход из кризисных международных ситуаций. Данное предложение было отвергнуто Вашингтоном со ссылкой на то, что разговоры о проведении теледебатов являются всего лишь попыткой отвлечь внимание от обоснованной обеспокоенности, которую проявляет мировое сообщество, включая США, по поводу поведения Ирана, в том числе его позиции по отношению к терроризму и стремления получить средства для создания ядерного оружия⁶³.

Вместе с тем иранская сторона, допуская фактор публичной дипломатии в рамках контактов "people-to-people", стремится использовать его весьма дозированно, жестко пресекая под различными предлогами (чаще всего «шпионаж» или «вмешательство во внутренние дела Ирана») в тех случаях, когда считает необходимым. Так, в начале июня 2007 г. иранскими органами безопасности были задержаны четыре американца иранского происхождения, которые, как заявил А.Лариджани, «использовались правительством США в некоторых областях с учетом выделенных Конгрессом денег для того, чтобы осуществлять вмешательство во внутренние дела ИРИ»⁶⁴. Причем некоторые из них были обвинены в подрывной антиправительственной деятельности и попытках свержения существующего строя. Дж.Буш по данному поводу в своем заявлении осудил задержание граждан США и потребовал их безусловного освобождения, подчеркнув, что они посвятили свои усилия налаживанию мостов между американским и иранским народами, – «цели, которую, как они утверждают, поддерживают и сами иранские власти»⁶⁵.

Что касается вектора «давления» на Иран, то он достаточно разностороннен. В качестве одной из сфер приложения воздействия выбран иранский энергетический сектор. В течение 2006 г. – начала 2007 г. администрация США вела переговоры с руководством крупнейших зарубежных энергетических компаний, в первую очередь в сфере нефти и газа, предупреждая их о рисках, связанных с инвестированием в иранскую нефтегазовую индустрию, а также о своем негативном подходе к по-

добным контрактам. Подход США в целом заключается в том, чтобы в максимальной степени уменьшить вероятность заключения подобных сделок, а в случае контрактации – вероятность выполнения заключенных соглашений⁶⁶. Здесь американской стороне удалось нащупать «болеву точку»: иранская нефтегазовая промышленность, изношенность которой, по различным оценкам, составляет от 70 до 80%, нуждается в масштабных инвестициях, а ряд истощенных месторождений – в передовых технологиях вторичных методов добычи. Линия США дала некоторые результаты – крупные международные компании (majors) стали воздерживаться от заключения новых контрактов с ИРИ, а японская INPEX, выступавшая оператором крупнейшего нефтяного месторождения на суше – Азадеган, под благовидным предлогом «незавершенности процесса очистки разрабатываемой территории от мин, оставшихся с ирано-иракской войны», так и не приступила к работам по контракту.

В политической и военно-политической областях усилия администрации США нацелены также на сдерживание (блокирование) региональных амбиций Ирана. Под этим в первую очередь подразумевается сдерживание иранского влияния на шиитскую общину в Ираке. В качестве аргумента выдвигается тезис о поставках Ираном иракским шиитским боевикам оружия, используемого против американского и британского военных контингентов. Дж.Буш заявил в январе 2007 г. о том, что американские силы в Ираке будут подрывать те сети в Ираке, которые – независимо от их национальной принадлежности – поставляют вооружения иракским группировкам. «Успех в Ираке также требует обеспечения защиты его территориальной целостности и стабилизации региона перед лицом вызова со стороны экстремизма, и это начинается с решения проблемы Ирана и Сирии», – подчеркнул Дж.Буш. Президент США заявил, что режимы этих стран позволяют террористам и повстанцам использовать их территорию для проникновения в Ирак, а Иран к тому же предоставляет материальную поддержку для нападений на американские войска⁶⁷. Обвинения в поставках современных видов вооружения, включая взрывные устройства, иракским боевикам были выдвинуты против иранских сил спецназначения «Кодс», вместе с тем высокопоставленные американские военные (председатель Комитета начальников штабов П.Пэйс) избегали говорить о том, что эти

действия «Кодс» были санкционированы иранским руководством⁶⁸. Соответственно, как считают американцы, ответные меры по уничтожению «террористических сетей» идут в русле мандата СБ ООН, предоставленного многонациональным силам в Ираке Советом Безопасности ООН⁶⁹. Впоследствии американские СМИ стали в более категоричной форме утверждать, что Иран гораздо более деятелен в Ираке, чем американские власти могли предположить. В частности, со ссылкой на независимые источники в правительстве США говорилось о том, что на территории Ирака действует агентура особого «Управления 9000», якобы являющегося своего рода связующим звеном между Корпусом стражей исламской революции и шиитскими повстанцами, ведущими борьбу против США в Ираке. При этом выдвигались различные предположения о характере действий Тегерана: либо поддержка насилия, либо подпитка боевиков, либо полная организация нападений⁷⁰.

Одновременно – в качестве стимулирующего фактора – приветствуется участие Тегерана в конференции, посвященной иракскому урегулированию 10 марта 2007 г. в Багдаде и выражается надежда, что Тегеран все же начнет играть конструктивную роль, выступая в поддержку стабильного и безопасного Ирака⁷¹.

США также совместно с Францией, Саудовской Аравией, Египтом и Иорданией ведут линию на поддержку правительства премьер-министра Ф.Синьоры в Ливане. Одной из задач является реализация эмбарго на поставки вооружения в эту страну в соответствии с резолюцией 1701 СБ ООН и предотвращение поставок оружия в Ливан из Ирана и Сирии.

Осенью 2006 г. Госсекретарь США К.Райс провела серию консультаций с государствами-членами Совета сотрудничества государств Персидского залива, а также Египтом и Иорданией, главной целью которых было выработать общее понимание «угрозы, исходящей от Ирана»⁷².

Другая сфера воздействия на Иран – продолжающиеся обвинения в поддержке международного терроризма, выходящего за рамки региона. Это, как отмечалось выше, реанимация обвинений в причастности к взрыву аргентино-израильского Центра в Буэнос-Айресе в 1994 г., финансовая подпитка Хизбаллы и ХАМАСа. В числе новых моментов – характеристика роли Ирана как «центрального банкира глобального терроризма» и предотвращение доступа к зарубежному финансирува-

нию «подозрительных иракских лиц и организаций»⁷³. Иран к тому же является одним из крупнейших получателей зарубежных государственных кредитов и гарантий. На конец 2005 г. сумма предоставленных ИРИ кредитов по линии государств-участников Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) составляла около 22,3 миллиарда долл. США⁷⁴. Вашингтон ожидает, что предпринятые им меры вкуче с резолюциями 1737 и 1747 вызовут эффект «снежного кома» в международной банковской сфере, осознанию рисков, связанных с выделением кредитов и государственных гарантий правительству Ирана и пересмотру условий ранее выделенных средств. Отмечалось, что в 2006 г. некоторые европейские банки отказались от предоставления займов Ирану. Франция, Германия и Япония резко сократили размеры экспортных кредитов⁷⁵.

К числу участников международной коалиции, призывающей Иран прекратить работы, связанные с обогащением урана, США относят все европейские государства, Россию, Китай, Индию, Бразилию, Египет, Индонезию, ЮАР, а также после голосования по второй резолюции (1747) и Катар.

Развернутое воплощение получила программа контактов с иранским народом. В 2006 финансовом году Конгресс США дополнительно выделил 66,1 млн. долл. на поддержку программ по развитию демократии, образования и культуры. Из этой суммы 20 млн. долл. направляются на финансирование гражданского общества, прав человека, демократических реформ, 5 млн. долл. – Управлению международных информационных программ Госдепартамента для расширения программ электронного и радиовещания на персидском языке и пропаганды политики и ценностей США. Еще 5 млн. долл. – Отделу по образованию и культуре для разработки новых культурных и образовательных программ между двумя народами. Оставшиеся 36,1 млн. долл. предназначены непосредственно Совету управляющих по вещанию, в частности для телевидения на языке фарси («Голос Америки») и радиостанции «Фарда»⁷⁶.

И, разумеется, США не исключают возможности развития ситуации по силовому сценарию. Как было подчеркнuto Н.Бернсом, две авианосные группы размещены в Персидском заливе с тем, чтобы «вновь заверить наших друзей в регионе в том, что он остается сферой наших жизненно важных интересов, и мы предприняли шаги по противодействию деструктивным действиям Ирана в Ираке»⁷⁷.

Возникает вопрос: насколько вероятно развитие событий по силовому сценарию?

В современной международной практике осуществлению какой-либо акции, как правило, предшествует ее «легитимизация», то есть одобрение международным сообществом, путем принятия соответствующих резолюций в авторитетных международных организациях (ООН), развернутая подготовка общественного мнения о необходимости реагирования на исходящие от той или иной страны опасные вызовы – терроризм, распространение оружия массового уничтожения, геноцид против населения своей страны, проведение работы с союзными и дружественными государствами, включая расположенные в регионе «воздействия», создание массивной военной группировки в регионе, способной решать многоцелевые задачи, обеспечение соответствующего информационного фона.

Наряду с этим не исключается и возможность односторонних силовых действий, аргументируемых, как правило, чрезвычайным характером исходящих угроз и необходимостью незамедлительного реагирования, как это было с операцией США против Ирака в 2003 г. В данном случае с тем, чтобы разделить бремя военных тягот и значительных финансовых затрат по ведению боевых действий вдали от своей территории предпринимаются усилия по созданию коалиции многонациональных сил.

Что касается ряда факторов, предшествующих подготовке силовой акции, то к началу 2007 года они практически присутствовали. В регионе Персидского залива была создана мощная военно-морская группировка с участием двух авианосных групп, на 21,5 тысяч человек усилен воинский контингент в Ираке. В Афганистане также присутствует боеспособный контингент сил США.

В средствах массовой информации сообщалось о том, что в период 2003–2006 гг. в сухопутных войсках, военно-морских и военно-воздушных силах, а также корпусе морской пехоты США велась интенсивная отработка действий при осуществлении операции «Свобода Ирана», было смоделировано несколько вариантов ударов под общим названием «Тактика на иранском ТВД», высказывались предположения о возможных вариантах силовой акции, к примеру – нанесении воздушных ударов по базам иранских вооруженных сил, системе государственного управления, объектам ядерной энергетики и ключе-

вой инфраструктуры страны⁷⁸. Появились и сообщения об успешных испытаниях министерством обороны США новой сверхтяжелой управляемой бомбы (massive ordnance penetrator), предназначенной для поражения железобетонных бункеров, а также глубоких подземных шахт, в которых размещаются объекты по производству ядерного оружия и склады его хранения. Эти боеприпасы, как предполагается, будут нести стратегические бомбардировщики В-52 и В-2 и поражать ими с больших высот цели, которые невозможно уничтожить другими средствами⁷⁹. Изучались варианты возможного нанесения ударов с моря при поддержке систем противоракетной обороны «Пэтриот».

На пике этих публикаций министр обороны США был вынужден сделать заявление о том, что Пентагон не готовит военного вторжения в Иран, заметив при этом, что США рассматривают любую военную операцию против ИРИ как «крайнюю меру»⁸⁰.

Проводились и аналогии с возможным развитием событий по иракскому сценарию, а также использованию в качестве повода для конфликта возможного инцидента с многочисленными патрульными катерами ВМС США и Великобритании⁸¹.

Создана, как указывалось выше, коалиция зарубежных государств, выступающих за прекращение Ираном работ по обогащению урана, одобрены соответствующие резолюции СБ ООН, о ходе выполнения положений которых в течение 60 дней представляются доклады. Невыполнение требований данных документов может повлечь за собой дальнейшее ужесточение санкций.

Развернута и соответствующая информационная и психологическая подготовка. Наряду с анализом различных сценариев силовой акции рассматривалась возможная реакция населения зарубежных государств на шаги военного характера, проводились целевые опросы. В частности, по данным опросов исследовательской компании TNS-Sofres, большинство жителей Европы поддерживало проведение военной операции против Ирана в том случае, если это будет единственной возможностью помешать Тегерану получить ядерное оружие. В 18 из 27 стран Евросоюза, в том числе во Франции и Великобритании, большинство респондентов высказалось в поддержку возможного удара, в то время как в девяти государствах, включая Германию и Испанию, большинство составили противники военной акции⁸². При этом,

конечно, стоит отметить субъективный характер, который, как правило, носят подобные опросы общественного мнения.

Представитель США в ООН Дж.Болтон заявил, что Евросоюзу необходимо признать, что попытки остановить ядерную программу дипломатическим путем провалились, и Иран уже овладел технологией обогащения. Таким образом, по его мнению, пора применить к Ирану жесткие дипломатические санкции, а если это не поможет, попытаться свергнуть теократический режим или, наконец, нанести военный удар по ядерным объектам⁸³.

Усилились обвинения в адрес Ирана в стремлении обладать ядерным оружием, в оказании поддержки, в том числе поставками оружия боевикам в Ираке и Афганистане. В своем выступлении в штате Огайо, президент США Дж.Буш вновь отметил, что Иран представляет из себя «серьезную проблему» и является государством, стремящимся обладать ядерным оружием. Кроме того, ядерные амбиции Ирана могут спровоцировать гонку ядерных вооружений на Ближнем Востоке⁸⁴. Представитель командования сил США в Ираке генерал У.Калдвелл заявил, что изготовленные в Иране некоторые виды оружия поступают к суннитским повстанцам, а на территории Ирана проходят подготовку шиитские боевики⁸⁵. По его словам, имеются также факты поддержки суннитских боевиков со стороны иранских спецслужб⁸⁶. Примечательно, что некоторые обвинения расходились с логикой. Так, сообщалось о том, что американские силы в Афганистане перехватили в апреле 2007 г. партию иранского оружия, которое якобы должно было поступить одному из формирований талибов, хотя и прозвучала оговорка о том, что неизвестно, какая иранская организация могла быть причастна к этому⁸⁷. Достаточно хорошо известно о борьбе Ирана с Движением талибов и той роли, которую он сыграл в усилиях по отстранению ДТ от власти в Афганистане.

В ответ на заявление М.Ахмадинежада накануне встречи «шестерки» в феврале 2007 года о том, что у иранской ядерной программы нет «задней передачи», К.Райс отреагировала так: «Им и не нужна передача заднего хода. Им требуется кнопка остановки»⁸⁸.

Характерно в плане психологического воздействия появление сообщений о возможных массовых потоках беженцев в соседние государства, в частности Азербайджан, о вероятности – в случае бомбардировок иранских нефтегазовых объек-

тов – экологической катастрофы не только в Персидском заливе, но и на Каспии⁸⁹. Сообщалось также о приведении в готовность бомбоубежищ в Баку в связи с заявлениями иранских властей о том, что в случае начала силовой акции Тегеран нанесет ответный удар по объектам, представляющим интерес для США⁹⁰.

В любом случае при планировании какого-либо силового варианта воздействия США придется учитывать наличие боеготовых и достаточно хорошо оснащенных вооруженных сил ИРИ, насчитывающих свыше одного миллиона человек (по численности одно из ведущих мест в регионе Ближнего и Среднего Востока).

ВС Ирана состоят из двух компонентов – вооруженные формирования армии и Корпуса стражей исламской революции, имеющих собственные сухопутные войска, ВВС и ВМС. Кроме того, в условиях чрезвычайной обстановки в распоряжение военного руководства поступают силы охраны правопорядка, подчиняющиеся в мирное время МВД.

Иранское руководство может также в сжатые сроки провести мобилизацию ополчения («басидж»), численность которого, по разным оценкам, достигает не менее 5 млн. чел.

Таким образом, военные операции даже локального, «хирургического» плана могут столкнуться с жестким противодействием и серией ответных акций. Причем они могут носить как характер симметричного ответа (ответные удары по американским силам, наносящим удары), так и асимметричный (диверсии против сил США в Ираке и Афганистане, использование террористов-смертников в различных странах мира).

Учитывая эти факторы, можно сказать, что принятие администрацией США решения о проведении акции силового плана против Ирана было бы «крайней мерой», все последствия которой невозможно просчитать. Еще в августе 2006 г. группа из 22 бывших высокопоставленных сотрудников Совета национальной безопасности, Госдепартамента и министерства обороны США направила Дж.Бушу письмо с призывом воздержаться от нанесения военных ударов по Ирану, подчеркивая, что эти шаги будут иметь катастрофические последствия «для безопасности в регионе и для вооруженных сил США в Ираке, а также приведут к вспышке ненависти и насилия на Ближнем Востоке и повсеместно среди мусульман». В качестве наибо-

лее оптимального пути указывалось вступление в прямой диалог с Тегераном⁹¹.

Представители Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (генеральный секретарь ССАГПЗ А.Р.аль-Атыйя) выступили против военного решения вопроса о ядерной программе Ирана. При этом было отмечено, что арабские государства не поддерживают выходящей за пределы мирного использования атома ядерной гонки в регионе, включая Израиль и другие государства мира⁹².

Несомненно и то, что военная акция США приведет и к усилению влияния Ирана в мусульманском мире как «несгибаемого борца с американским гегемонизмом», в то время как американскому имиджу на международной арене будет нанесен значительный ущерб.

Нельзя сбрасывать со счетов и общественное мнение в США. Вряд ли найдет поддержку необходимость открытия нового «иранского фронта» и оправдания новых потерь. В рамках совместных слушаний в Конгрессе США 6 марта 2007 г. председателю второй по величине в США ветеранской организации «Ветераны зарубежных войн», насчитывающей в своих рядах свыше 2,5 млн. человек, в том числе ветеранов войны в Ираке Г.Корпиусу, был адресован прямой вопрос о том, стоит ли США с учетом всех издержек продолжать боевые действия в Ираке. Ответ – от имени всех ветеранов – был весьма категоричен: войну следует немедленно прекратить и приступить к поэтапному выводу войск из этой страны⁹³.

Очевидно, что военный путь решения «иранской проблемы» сопряжен для США со столь значительными политическими, экономическими и иными издержками, не говоря об уже имеющихся «фронтах» в Афганистане и Ираке, что может быть применен – и то в ограниченном масштабе – лишь как крайний способ. Данный путь также потребует создания коалиции государств, готовых наряду с США предоставить свои воинские контингенты, что видится весьма проблематичным. Европейские государства не демонстрируют своей готовности к тому, чтобы поддержать США в случае такого развития событий.

Кроме того, любая силовая акция со стороны США неизбежно приведет к всплеску возмущения в мусульманском мире, особенно среди шиитов, отождествляющих с собратьями по вере в ИРИ, увеличению числа террористических актов, направленных против американцев. Об утрате имиджа США

как «ведущей демократической державы», выступающей за демократизацию в регионе Ближнего и Среднего Востока, говорить не приходится.

Одним из подтверждений тезиса о бесперспективности силового пути решения служат появившиеся в мае 2007 г. в ряде СМИ сообщения об издании президентом США Дж.Бушем соответствующей секретной директивы, в которой упор делался на тайных операциях разведсообщества США по дестабилизации правящего в Иране режима посредством «пропаганды, дезинформации, манипулирования иранской валютой и международными финансовыми операциями»⁹⁴.

Более вероятным представляется сценарий с дальнейшим наращиванием давления на Иран в контексте его ядерной программы путем ужесточения режима санкций.

Одновременно Вашингтон будет продолжать искать пути возможных контактов с иранцами как по открытым – участие в международных форумах и многосторонних конференциях, так и по неофициальным каналам. Особый интерес для США представляют диалог и обмен мнениями с Ираном относительно восстановления стабильности и нормализации ситуации в Ираке, где Тегеран обладает большим влиянием на шиитскую общину. Важным для американцев является и диалог с иранцами по ситуации в Афганистане.

Европейские страны, солидаризируясь с США по вопросу о предотвращении обогащения урана на иранской территории и соответственно создания Ираном полного ядерного топливного цикла (ЯТЦ), будут стремиться проводить сбалансированную линию, продолжая разносторонний диалог с Тегераном. В случае подвижек в позиции иранцев европейцы, очевидно, приложат активные усилия к приостановлению санкций и их отмене.

Наиболее взвешенной, учитывающей как национальные интересы, так и современные международные реалии, является позиция Российской Федерации.

Прежде всего четко обозначается, что целью вводимых резолюциями 1737 и 1747 СБ ООН и поддержанных Россией ограничений на сотрудничество с Ираном является устранение озабоченностей, сохраняющихся у МАГАТЭ в отношении иранской ядерной программы. Но эти рестрикционные меры ни в коем случае не нацелены на то, чтобы «наказать» Иран, а направить сигнал Тегерану о необходимости полного сотрудничества с МАГАТЭ и Советом Безопасности ООН. Недву-

смысленно говорится о том, что дверь для возврата на путь переговоров остается открытой.

Выбор руководства Ирана в пользу полного сотрудничества с МАГАТЭ и взаимоуважительного диалога с «шестеркой» по всем остающимся вокруг иранской ядерной программы вопросам позволил бы оставить существующие проблемы в прошлом и придти к ситуации, при которой отношение к Ирану, развивающему мирную атомную энергетику, было бы точно таким же, как и к любому другому государству- участнику ДНЯО. Подчеркивается готовность российской стороны содействовать достижению этой цели в интересах укрепления глобального режима нераспространения ядерного оружия, упрочения региональной и международной безопасности.

Благодаря последовательной позиции России четко обозначены перспективы приостановки и отмены вводимых мер.

Один из важнейших элементов нашей позиции – категорическое неприятие каких-либо односторонних силовых действий. Это подкреплено нормами международного права. В частности, в указанные резолюции включена ссылка на то, что они вводятся в соответствии со статьей 41 Устава ООН и не предусматривают возможности каких бы то ни было силовых действий⁹⁵.

За последние годы Россия выступила с рядом серьезных инициатив, в частности, по созданию международных центров по переработке и обогащению радиоактивных материалов, нацеленных, в том числе, и на то, чтобы снять остроту вокруг иранской программы.

Разумеется, в подходах Российской Федерации нашли отражение национальные интересы в политической и экономической областях. Россия продолжает осуществлять консультации и взаимодействие с Ираном по широкому кругу международных и региональных проблем, начиная от вопросов противодействия международному терроризму до ситуации на Каспии и в Закавказье.

Осуществляется – с учетом введенных резолюциями СБ ООН ограничений – российско-иранское торгово-экономическое сотрудничество, имеющее значительный потенциал. Что касается ВТС, то оно велось строго в соответствии с международными договорами и обязательствами Российской Федерации. Так, комментируя «неудовлетворение» американской стороны по поводу поставок в Иран в 2006 г. зенитных систем (комплексов

ПВО малого действия TOP-1M), вице-премьер России С.Б.Иванов подчеркнул, что данное сотрудничество не нарушает резолюций ООН, связанных с санкциями. Российская сторона, развивая военно-техническое сотрудничество с этой страной, исходит из международных правил⁹⁶.

С учетом этих факторов правомерным был бы вывод о том, что в урегулировании ситуации вокруг Ирана Российской Федерации как одному из ведущих постоянных членов СБ ООН, располагающему тесными разносторонними связями в регионе и пользующемуся международным авторитетом, будет принадлежать все возрастающая роль.

¹ Лавров С.В. Мюнхен: мировая политика на перепутье // Московские новости, 23.03.2007.

² Коммерсантъ, 9.03.2004, с. 11.

³ Там же

⁴ Правительство Российской Федерации. Постановление от 24 июля 2002 г. № 556. www.government.ru.

⁵ Iran Energy Data, Statistics and Analysis. August 2006.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ NEWSru.16.03.2007.

⁹ Задонский С.М. Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения // Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. М., 2002 г.; Сажин В.И. Иран как возможный объект американского воздействия // Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. М., 2004.

¹⁰ Кременюк В.А. Борьба Вашингтона против революции в Иране. М.: Международные отношения, 1984, с. 65.

¹¹ Долгосрочная программа развития торговли, экономического, промышленного и научно-технического сотрудничества между Российской Федерацией и Ираном на период до 2012 г. III. Атомная энергетика. www.government.gov.ru.29.07.2002.

¹² Там же.

¹³ www.minatom.ru/about/2001

¹⁴ Next Stop Iran? // The Economist, February 2007.

¹⁵ Время новостей. 19.03.2007.

¹⁶ UN, Security Council, Resolutions, 23 December 2006. S/2006/1010.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Министерство иностранных дел Российской Федерации. Департамент информации и печати. Выступление Постоянного представителя Российской Федерации при ООН В.И.Чуркина при принятии резолюции СБ ООН по иранской ядерной программе, Нью-Йорк, 23 декабря 2006 г. (2255-25-12-2006).

²⁰ Ведомости. Мониторинг от 26.03.2007.

²¹ Ведомости, 26.03.2007.

²² Financial Times, 29.03.2007.

²³ Там же.

²⁴ CNN, March 28, 2007. CNN.com

²⁵ Грани.ру.2.04.2007.

²⁶ Новые известия, 02.04.2007

²⁷ Русская служба новостей.Новости от 30.03.2007.

²⁸ US Department of State. Daily Press Briefing. March 30, 2007.

²⁹ Ответ официального представителя МИД России М.Л.Камынина на вопрос об аресте иранских дипломатов в г.Эрбиле (Ирак). Департамент информации и печати МИД России. 12.01.2007.

³⁰ Там же.

³¹ www.top.rbc.ru. 27.03.2007.

³² Коммерсант-Daily, 02.04.2007.

³³ Радиостанция «Радио Свобода» (США). Новости от 02.04.2007.

³⁴ www.top.rbc.ru. 27.03.2007.

³⁵ Energy. Iran Rakes a Profit. www.forbes.com.

³⁶ Грани.ру.20.03.2007.

³⁷ Коммерсант-Daily, 23.03.2007; Washington Post. Nations Propose Iran Sanctions Amendments.20.03.2007.

³⁸ United Nations Security Council. Resolution 1747, March 24, 2007. www.un.org.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Заявление министров иностранных дел Китая, Франции, Германии, России, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и США при поддержке Высокого Представителя Европейского Союза в связи с принятием резолюции Совета Безопасности ООН. Департамент информации и печати МИД России 25 марта 2007 г. Выступление Постоянного представителя России при ООН В.И.Чуркина по мотивам голосования по проекту резолюции СБ ООН по проблематике нераспространения (Иран). Нью-Йорк, 24 марта 2007 года.

⁴¹ The Economist. A Countdown to Confrontation. February, 10–16, 2007.

⁴² Там же.

⁴³ Reuters, 30.03.2007.

⁴⁴ Ведомости, 12.02.2007.

- ⁴⁵ Reuters. 18.11.2006.
- ⁴⁶ IRNA, 05.08.2006.
- ⁴⁷ Иранское информационное агентство Fars. 26.12.2006.
- ⁴⁸ Ведомости, 27.12.2006 г.
- ⁴⁹ Reuters, 23.04.2007
- ⁵⁰ Белоруссия и Иран договорились о сотрудничестве в нефтегазовой отрасли // РосБизнесКонсалтинг., www.rbc.ru., 22.05.2007.
- ⁵¹ Коммерсант-Daily, 15.01.2007.
- ⁵² Интерфакс. Лента международной информации, 31.05.2007.
- ⁵³ Burns R.Nicholas. Testimony Before the Senate Committee on Banking, Housing and Urban Affairs. Washington, DC. March 21, 2007. US Department of State.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Reuters, 11.01.2007.
- ⁵⁶ США и Иран завязывают дипотношения // Коммерсантъ-Daily, 29.05.2007.
- ⁵⁷ Assosiated Press, 07.05.2007; также www.rbc.ru.
- ⁵⁸ Burns R.Nicholas. Testimony Before the Senate Committee on Banking, Housing and Urban Affairs. Washington, DC. March 21, 2007.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Assosiated Press. 17.04.2007.
- ⁶¹ Burns N. Указ.соч.
- ⁶² Iran Democracy Program Announcement. Department of State. www.state.gov.
- ⁶³ <http://www.vz.ru/politics>, 30.08.2006.
- ⁶⁴ Iranian Official: US Detainees sent to Interfere in Tehran. Cnn.com., 03.06.2007.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Burns N. Указ. соч.
- ⁶⁷ State of the Union Address, 11.01.2007, www.whitehouse.gov.
- ⁶⁸ Washington Post. 15.02.2007.
- ⁶⁹ Burns N. Указ. соч.
- ⁷⁰ Gazeta.ru., 29.05.2007 (Newsweek, May 2007).
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² Burns N. United States Policy Toward Iran. Testimony Before the Senate Foreign Relations Committee. Washington, DC, March 29, 2007.
- ⁷³ Burns N. Testimony Before the Senate Committee on Banking, Housing and Urban Affairs. Washington, DC. March 21, 2007.
- ⁷⁴ Burns N. United States Policy Toward Iran. Testimony Before the Senate Foreign Relations Committee. Washington, DC, March 29, 2007.
- ⁷⁵ Там же.

- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ Burns N. United States Policy Toward Iran.
- ⁷⁸ НГ-Военное обозрение. 06.04.2007; [http:// nvo.ng.ru](http://nvo.ng.ru)
- ⁷⁹ Там же.
- ⁸⁰ www.rbc.ru/news, 20.01.2007.
- ⁸¹ Аргументы и факты, 11.04.2007.
- ⁸² Reuters, 05.04.2007
- ⁸³ We Must Attack Iran Before It Gets the Bomb // The Daily Telegraph, 16.05.2007, www.telegraph.co.uk.
- ⁸⁴ Reuters, 20.04.2007.
- ⁸⁵ Washington Post, 12.04.2007.
- ⁸⁶ Там же.
- ⁸⁷ www.top.rbc.ru
- ⁸⁸ International Herald Tribune, 26.02.2007.
- ⁸⁹ www.news.mail.ru, 23.03.2007.
- ⁹⁰ Независимая газета. Мониторинг от 28.03.2007.
- ⁹¹ www.vz.ru/politics, 18.08.2006.
- ⁹² РИА.13.04.2007.
- ⁹³ US Senate Committee on Veterans Affairs Hearings. March 6, 2007.
- ⁹⁴ ABC News, 22.05.2007; ЦРУ начинает операцию по дестабилизации режима в Иране // РосБизнесКонсалтинг, www.top.rbc.ru, 23.05.2007.
- ⁹⁵ Выступление Постоянного представителя Российской Федерации при ООН В.И.Чуркина по мотивам голосования по проекту резолюции СБ ООН по проблематике ядерного нераспространения (Иран), 24 марта 2007.
- ⁹⁶ Информационное агентство «Грани.ру», 26.01.2007.

САУДОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО
И САУДОВСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА:
МЕНЯЮЩИЙСЯ ФЕНОМЕН?

Саудовский политический дискурс трансформируется, – исходным рубежом этих все более ощутимых перемен, окрашивающих официальную риторику в «национально-государственные» тона, стало начало августа 2005 г., когда в Саудовской Аравии была принесена присяга ее нынешнему монарху Абдалле бен Абдель Азизу¹.

Происходящие перемены включают в себя, прежде всего, обращение к идее *отечества*, понимаемого как саудовское *национальное* государство. Выступая 14 апреля 2007 г. с тронной речью² (ее устный вариант был едва ли не экспромтом в отличие от заранее распространенного среди депутатов и более широкого письменного варианта речи) на открытии четвертой сессии – Консультативного совета, саудовский монарх подчеркивал: «Господь облагодетельствовал нас Его верой, ставшей нашим курсом, и на столпах этой веры возникло наше саудовское государство». Но воля Господа не была бы реализована, если бы не появился «опиравшийся на Него» человек, которому Всевышний «позволил ... вместе с преданными этому человеку людьми объединить землю Аравийского полуострова, возглавить этих людей и водрузить знамя единства и единобожия (*ат-таухид*), знамя становления нашего отечества – Королевства Саудовская Аравия». Новые «национально-государственные» элементы сегодняшнего саудовского дискурса естественно вписаны в старый исторический нарратив. Этот нарратив религиозно окрашен, а потому и вплетаемое в него «отечество», созданное Ибн Саудом – отцом нынешнего монарха и всех предшествовавших ему саудовских правителей, осенено Божественным провидением.

Все же, это «отечество» – иное, хотя бы потому, что король Абдалла называл его «нашим». Быть может, «принадле-

жащим» потомкам Ибн Сауда, в значении страны, где безраздельно господствуют те, кто принадлежит к роду Аль Сауд? Однако далее, обращаясь к членам Консультативного совета, король говорил: «Великая историческая эпопея (время Ибн Сауда – Г.К.) не прошла бесследно. По его пути пошли его наследники – его сыновья и внуки». Круг наследников бесконечно расширялся, – «А как обстоят дела сегодня? – продолжал он далее. – Какова наша роль, роль его (Ибн Сауда – Г.К.) сыновей и внуков? Что мы, граждане страны, сделали, чтобы с честью нести его великую и тяжелую ношу? Не преувеличу, если скажу, что наша роль связана с еще большей ответственностью, поскольку мы строим, опираясь на то, что было построено до нас. Каждый из нас в нашем отечестве несет свою долю нашей совместной ответственности».

Идея «отечества» обретала необходимое ей оформление. Отчизна существует не только потому, что однажды, в начале истекшего столетия, Господь «позволил» Ибн Сауду решить выдвигавшиеся им задачи, содействовав тому, что его потомки обрели право править в «объединенном» государстве, но и потому, что это «отечество» – итог *совместной деятельности*, «сотворчества» всех его *граждан*, а не «правителей» или «подданных». Реализация Божественной воли, первоначально осуществленная деятельностью одного «героя», воплотившего ее в создании государства, более не могла быть делом только его прямых потомков, – в него включались все те, кого король Абдалла называл *благородным народом*.

Чуть позже, в начала мая 2007 г. король придал понятию «отечество» дополнительные и принципиально важные оттенки, обрамляя его идеей *гражданственности (аль-муватына)*, которая все так же вписывалась в религиозную традицию. Совершая поездку в провинцию Северные границы (*Аль-Худуд аш-шималийя*), регион, расположенный на северо-востоке Саудовской Аравии и прилегающий к границам Иордании и Ирака, саудовский монарх, выступая перед встречавшими его официальными лицами и гражданами, отметил: «В стране нет регионов первостепенного и второстепенного уровня. Гражданственность – это чувство, несовместимое с регионализмом и трайбализмом (*аль-асабийя*). Величие гражданственности состоит в том, что оно основано на вере ислама, что оно требует от человека полной отдачи на благо отечеству единобожия (*ватан ат-таухид*)»³.

Представление о «гражданственности» и «отечестве» последовательно расширялось и детализировалось. Находясь 12 мая 2007 г. в городе Табуке и обращаясь к встречавшим его жителям, король Абдалла подчеркивал: «Я все более обретаю веру в наш благородный народ. Я прошу Господа дать мне силы, чтобы вместе с вами осуществить наши общие надежды и чаяния на благо отечества. Ведь отечество – не монополия какого-то человека, не монополия какой-то общественной группы. Отечество – для всех, а гражданственность, принадлежность к отечеству – это постоянная и не знающая промедления самоотдача»⁴.

Отныне в контексте взаимоотношений между монархом и «народом» разделяемая ими «совместная ответственность» за судьбу «отечества» (а это и было смыслом «гражданственности») предполагала, как говорил король в Консультативном совете, что «благородный народ» имеет суверенное «право требовать» от монарха «справедливости к несчастным и обездоленным», «ответственности за веру, отечество» и за «граждан» страны. Это также – «право требовать», чтобы монарх направил «все силы, дарованные Всевышним Творцом», на защиту «суверенитета отечества, его единства и безопасности», «как того желает Сильный и Могучий (мусульманские эпитеты Господа. – Г.К.)»⁵.

Выступление короля перед членами Консультативного совета вновь и вновь возвращало к традиции, на этот раз отражающей представления общества о качествах справедливого (в силу того, что он «подлинно мусульманский») правителя. Но эта традиция оформлялась как *договор*, объединяющий монарха и «народ», действующих в едином пространстве «отечества», и который может быть расторгнут только одной из сторон – «благородным народом». Более того, этот договор нужен ради *всеобъемлющего развития отечества* – задачи, которая также ставилась в религиозный контекст: «Господь требует от каждого отдать все на благо отечества». Все же «всеобъемлющее развитие» могло остаться иллюзией, «если в нем не станут участвовать все – служащий на месте его службы, учитель и учительница в школе, рабочий на заводе, крестьянин в его хозяйстве, наши героические воины на местах их боевого долга, каждый гражданин в том месте, где он трудится». Наконец, все то же «всеобъемлющее развитие» было бы обречено на неуспех, если из этого процесса будут исключены сотрудни-

ки органов безопасности – «люди, защищающие наши достижения от остатков банд террористов, противников веры, высших ценностей и морали». Рамки предлагаемого королем «договора» определяли и сферу *ответственности* каждой из заключающих его сторон, но реализация идеи «всеобъемлющего развития отечества» превращала не только монарха, но и «народ» в одного из творцов развитого и процветающего «отечества»: «Благородный народ! – этими словами король Абдалла завершал свое выступление. – После Господа к тебе я обращаю мои усилия. Наши общие устремления и надежды требуют от нас совместной решимости, ведь без нее мы не сможем содействовать благу нашего отечества».

Новые элементы саудовского политического дискурса проявляли себя не только в упомянутой тронной речи короля. Всего лишь два, отделенных друг от друга во времени, но, тем не менее, доказывающих это примера.

23 сентября 2005 г. граждане Саудовской Аравии отметили «национальный день», – дату, связанную с осуществленным «королем-основателем» Ибн Саудом «объединением страны» и ее провозглашением Королевством Саудовская Аравия. Впервые в истории королевства страна отмечала национальный, а не религиозный праздник⁶. Посвящая ему передовую статью, столичная «Эр-Рияд» писала: «Старые косные представления изжиты. Мы стряхнули пыль с казавшегося ушедшим навсегда национального чувства. Мы вновь ощущаем вкус дня, объединяющего всех нас, саудовских граждан, дня подлинно национального праздника». Далее газета продолжала: «Мы не праздновали его раньше потому, что нам говорили, что этот праздник далек от настоящей сути нашей страны, что он не передает ощущения ее принадлежности к более высоким истинам – истинам религии и религиозного чувства. Однако многое изменилось, и сегодня у нас праздник – день объединения и созидания отечества»⁷.

Выступая в начале апреля 2007 г. на открытии проводившегося в Эр-Рияде форума сотрудников средств массовой информации «Информация и кризисы: основы и стратегия взаимодействия», саудовский министр внутренних дел Наеф бен Абдель Азиз подчеркивал: «Национальные интересы должны превалировать над логикой исламского джихада»⁸. То, что принц Наеф называл *национальными интересами*, должно, по его словам, созидаться «идеями, превосходящими заблужда-

ющуюся мысль». Он несколько не сомневался при этом, что эти более высокие идеи – «действительно исламские», «подлинно исламские, не наносящие ущерба исламу». Суть вопроса, ставившегося представителем высшего эшелона саудовского «политического класса», состояла в том, что «подлинные граждане отечества» – «настоящие улемы, стоящие на кафедрах мечетей», «журналисты, работающие в газетах и на спутниковом телевидении», должны действовать в интересах «всеобъемлющего развития» королевства, а не его разрушения, как это пытаются сделать сторонники апеллирующей к религиозной догме антисистемной оппозиции и поддерживающие их законоучители. Религиозный контекст, обрамлявший слова принца Наефа, не скрывал главного – «отечество» должно выработать собственную концепцию «национальных интересов», реализуемых в окружающем это «отечество» геополитическом пространстве. При этом процесс разработки этой концепции не мог не быть итогом *совместной деятельности* представителей всех страт саудовского общества.

I

Движение современного мира, включая и систему международных отношений, к обретению нового качественного состояния неоспоримо. Вопрос заключается лишь в том, станут ли составляющие этот мир государства непосредственными и активными участниками этого процесса или, напротив, тормозят его развитие. Столь же существенно и другое обстоятельство, – современный мир вовсе не выглядит как единое целое. В нем отчетливо выделяется индустриальное ядро, и столь же отчетливо – окружающая это ядро периферия с ее множеством «падающих» и «несостоявшихся» государств, которые отделены друг от друга политическими образованиями переходного типа. Содействовало ли время, прошедшее со дня начала нынешнего тысячелетия превращению Саудовской Аравии в государство переходного типа? Выступает ли ее внешняя политика в качестве инструмента укрепления уже завоеванного этой страной положения?

Эта страна уже давно и прочно завоевала положение одного из наиболее значимых акторов мировой и региональной политики. Казалось бы, свидетельство тому – обстоятельства, связанные с саудовской ролью ведущего продуцента и поставщика углеводородных ресурсов на мировой рынок. Эта

роль способствовала тому, чтобы королевство вошло в круг участников ведущих международных банковско-финансовых структур и специализированных организаций⁹. Уже в начале 90-х годов идея того, что «Королевство Саудовская Аравия – составная часть международного политического, экономического и геополитического баланса сил, а его роль (в рамках этого баланса – Г.К.) – одна из важных основ нового мирового порядка»¹⁰, выступала в качестве незыблемой истины, утверждавшейся представителями саудовского политического истеблишмента и национального исследовательского сообщества.

Однако тогда это утверждение выглядело одним из элементов все еще преодолеваемого миром наследия эпохи «холодной войны». То, что в Саудовской Аравии называли «новым мировым порядком» (следуя, при этом, за новыми геополитическими реалиями, возникавшими в связи с крушением Советского Союза), представало как отражение стремления сохранить старую (еще не испытавшую проверки Афганистаном и Ираком) систему внешнеполитических ориентиров и, одновременно, как продолжение внутривнутриполитического курса, еще не столкнувшегося с мощным вызовом собственной (становившейся очевидной реальностью после сентября 2001 г.) оппозиции, апеллировавшей к обычному для национального «политического класса» религиозно-политическому дискурсу. Политика сохранения внутри- и внешнеполитических предпочтений прошлого поддерживалась (хотя весной 1992 г. в саудовском королевстве и появлялись первые в его истории конституционные акты – Основной закон правления, Закон о Консультативном совете и Закон об управлении провинциями) тем, что Саудовская Аравия все еще оставалась неким «культурно-цивилизационным феноменом», а не «национальным, плюралистическим и осознающим свои интересы в современном мировом сообществе государством»¹¹. Важная роль королевства в системе мирохозяйственных связей и основанных на них межгосударственных отношениях отнюдь не меняла его положения части мировой периферии, пока еще робко (в силу отсутствия воздействия значимых внутренних и внешних вызовов) демонстрирующего свое стремление к политической и социально-экономической трансформации. Сохранение саудовским государством в течение всего периода 90-х годов (но, в определенной мере, и в первые годы нового тысячелетия) статуса «культурно-цивилизационного феномена» это лишь подтверждало.

Новые элементы саудовского политического дискурса – несомненный показатель движения страны в направлении политической и экономической трансформации, как и ее стремления по-новому определить свое место в системе региональных и мировых международных отношений. Но и сегодня эти новые элементы саудовского политического дискурса – «отечество», «гражданственность», «благородный народ», «договор» между правителем и «гражданами», «всеобъемлющее развитие» и сферы «ответственности» участников этого процесса – все еще не стали достоянием всего национального сообщества. Оно остается разделенным внутренними линиями племенных, регионалистских и конфессиональных разломов (недаром король Абдалла восставал против «регионализма и трайбализма», выдвигая во главу идею «гражданственности»). В этом сообществе, по утверждению сегодняшнего общественного деятеля, «не существует противостоящих друг другу течений – либерального и нелиберального». В свою очередь, «подавляющее большинство» членов саудовского социума «консервативно», слой «менее консервативных и более стремящихся к открытости саудовцев» едва начинает формироваться¹². Однако его формирование не самостоятельно. Оно жестко и целенаправленно патронируется государством, требующим от создаваемого им «образованного класса» безусловной преданности истеблишменту. Если происходящий ныне в Саудовской Аравии процесс реформ и стал реальностью, то его инициирование было связано с начинаниями национально-политического класса». Уже поэтому развивающиеся в королевстве реформы консервативно-охранительны. Их консервативно-охранительный характер не менее тесно связан и с социально-психологическими параметрами самого общества. В силу этого, движение саудовского государства к обретению нового качественного состояния и соответствующего ему места в системе международных отношений – пример процесса становления «демократии без демократов»¹³.

Суть этого процесса состоит в государственном инициировании жестко контролируемых реформ, крайне медленно (но, тем не менее, целенаправленно) расширяющих степень участия граждан в принятии политических решений. Этот процесс тесно сплочен и, по сути дела, олицетворяется ведущей фигурой политического истеблишмента – нынешним монархом (становившимся, начиная с 1995 г., фактическим правителем

страны) Абдаллой бен Абдель Азизом. Все же, специфический случай саудовских реформ доказывает возможность трансформации внутривосточной ситуации, когда эти реформы становятся одновременно и стимулом для изменения положения страны в системе новых реалий международных отношений.

II

Выступая в Консультативном совете, король Абдалла встречался с «избранными» им же 150¹⁴ «лучшими» представителями «благородного народа». Последние годы его пребывания на посту наследника престола, как и время, прошедшее с момента восшествия на трон, вызвали к жизни новую тенденцию в развитии политической надстройки. Консультативный совет, по сути дела, *протопарламент* (поскольку он пока еще остается «экспертным советом» при исполнительной власти) постепенно обретает черты внутривосточного «центра силы», целенаправленно принимаемого во внимание создавшим и патронирующим его деятельностью саудовским «политическим классом». Изложение перед членами Консультативного совета «достижений отечества» (эвфемизм, означающий складывающуюся в королевстве систему «отчетности» исполнительной власти) как и программы будущей деятельности возглавляемого королем совета министров стало сегодня обязанностью монарха. В письменном варианте тронной речи¹⁵, распространенном среди депутатов Консультативного совета, король Абдалла подчеркивал: «Я вновь встречаюсь с вами, дорогие братья, на нашей очередной ежегодной встрече для того, чтобы изложить вам, что сделало правительство в сфере внутренней политики для обеспечения безопасности, процветания и расширения участия граждан в принятии политического решения. Моя задача и в том, чтобы рассказать вам о позиции правительства по вопросам внешней политики, которая имеет непосредственное отношение к защите национальных интересов государства, укреплению мира, региональной и международной стабильности».

Идея принципа «совещательности (*аш-шура*)» как основы нынешнего саудовского внутри- и внешнеполитического курса получила в тексте речи короля четкое оформление: «Совещательность делает верными те решения, которые касаются отечества и гражданина. Высказываемые вами (депутатами Консультативного совета – Г.К.) объективные и открытые сужде-

ния в связи с этими решениями способствовали тому, что руководство верит вам, а граждане требуют развития этих суждений». Это означает, что Консультативный совет, как отметил монарх, стал «собранием подлинно национальных и высококвалифицированных кадров, представляющих все регионы и общественные страты», а в силу этого и «основной опорой правительства в ходе процесса принятия им решений». Иными словами, Консультативный совет даже в его нынешней форме предстает как выразитель интересов и чаяний «нации», а тронная речь короля – в качестве послания монарха «нации». Отталкиваясь от этого посыла, саудовский монарх считал необходимым заявить, что те формы парламентской жизни, которые действуют сегодня в Саудовской Аравии, не являются окончательными и застывшими. Консультативный совет будет последовательно и целенаправленно развиваться, однажды он будет способен превратиться в институт политической системы, не только «символизирующий единство саудовского национального сообщества, но и в полном объеме выражающий его чаяния».

Развитие саудовского протопарламента – часть прокламируемых и осуществляемых истеблишментом политических реформ. Если в дни Ибн Сауда «следование по пути исламского шариата позволило покончить с эпохой разделенности и построить отечество», если и сегодня королевство остается «страной стабильности в бушующем океане раздоров и войн», то все это вовсе не снимает остроты задачи «сохранения национального единства и углубления его содержания». Король был откровенен: «Вспышка межконфессиональной борьбы, воскрешение регионалистских противостояний, провозглашение одной общественной группы более значимой по сравнению с другой – все это противно смыслу ислама и его милосердию, все это являет собой угрозу национальному единству, безопасности общества и государства». Исходя из этого, он определял важнейшее предназначение Консультативного совета: в его будущей деятельности «вопросы укрепления национального единства займут ключевое место». Иными словами, конструирование новой политической системы Саудовской Аравии было бы невозможно без серьезных внутренних вызовов. За словами о «вспышке межконфессиональной борьбы» и «воскрешении регионалистских трений» следовал вывод: «Отечество все еще сталкивается с феноменом терроризма».

Итак, вторая задача Консультативного совета – противостояние внутрисаудовскому терроризму. Но эта задача выглядит как подчиненная на фоне более значительной: «Безопасность государства и его граждан, – подчеркивал монарх, – это столп, на котором зиждется общественная стабильность, и одно из условий всеобъемлющего развития».

Выступая в Консультативном совете, монарх касался и других направлений внутривластных реформ, назвав среди наиболее значительных достижений этого процесса «принятие Закона о комитете по принесению клятвы (регулирующему процесс престолонаследия – Г.К.)»¹⁶ и «начало эпохи выборов в местные советы». Он говорил и об «увеличении числа институтов гражданского общества», среди которых появление «Комиссии по правам человека» и «Центра национального диалога им. короля Абдель Азиза». Называя эти институты, в частности, созданную решением совета министров в апреле 2005 г. государственную Комиссию по правам человека, король, тем не менее, не считал необходимым назвать и возникший в начале марта 2004 г. «общественный» Саудовский национальный комитет прав человека. Из поля его зрения выпали и другие ныне действующие в стране общественные организации. Этому было логичное (но, вместе с тем, далекое от того, чтобы быть убедительным) объяснение – монарх концентрировал внимание депутатов Консультативного совета на деятельности ведущего органа исполнительной власти.

Саудовский истеблишмент не действует лишь в направлении создания новых институтов саудовской политической системы. Разумеется, его движение в этом направлении представляет собой основную тенденцию процесса внутривластных реформ (игнорирование королем общественных организаций в устном и письменном вариантах его тронной речи – дополнительное подтверждение стремления власти жестко контролировать этот процесс). Одновременно (и исходя из принципа целесообразности, в частности, в сфере борьбы с антисистемной оппозицией) саудовская власть расширяет роль традиционных структур (в частности, шейхов племен), вписывая их во вновь создаваемую систему политических институтов¹⁷.

В конце апреля 2007 г. в Эр-Рияд прибыла возглавляемая шейхом делегация племени Раддади, населяющего регион Медины, где в начале этого месяца был ликвидирован выходец из этого племени Валид Ар-Раддади, последний террорист из об-

народованного еще в середине 2005 г. «Списка 36 разыскиваемых» террористов. Целью ее поездки было стремление «получить прощение» монарха за действия соплеменника. Принимая делегацию, король Абдалла подчеркнул: «Если один из ваших сыновей и сбился с праведного пути, то вы в этом не виноваты. Вы – племя, осененное благословением. О вас я слышу только добрые слова. Вы верно служили и служите мне». Желая членам племени дальнейшего «процветания», король, тем не менее, говорил о необходимости большего взаимодействия между вождями племен и службой государственной безопасности¹⁸.

Но упоминавшаяся в речи короля возможность «вспышки межконфессиональной борьбы», как и «воскрешения регионалистских противостояний», воспринимаемая в Саудовской Аравии как сигнал, связанный, в том числе, и с событиями в соседнем Ираке, заставляет национальный истеблишмент активно содействовать развитию в королевстве «межконфессионального диалога» между представителями религиозной элиты сообществ граждан, исповедующих различные толки ислама. Собственно, в этом контексте стоит понимать слова монарха о том, что «межконфессиональная борьба» и «регионалистские противостояния» «противны смыслу ислама и его милосердию». В марте 2007 г. в королевстве по призыву члена Высшего совета улемов шейха Абдаллы бен Маниа был инициирован «религиозный диалог между четырьмя *мазхабами*¹⁹ ислама, а также другими его направлениями в саудовском обществе – шиитами и суфиями». Делая это заявление, представитель высшей страты саудовской религиозной элиты подчеркивал, что этот «диалог» определяется «указаниями властителя – Служителя Двух Благородных Святынь»²⁰. Реализуя этот призыв, саудовские правящие круги содействовали развитию этого диалога под единственно приемлемым для них лозунгом – «Соглашаемся в отношении того, с чем мы согласны, и прощаем друг другу то, в чем мы не согласны»²¹.

Внутриисламский религиозный диалог в Саудовской Аравии развивается как неотъемлемый элемент «национального диалога» контролируемого созданным королем Абдаллой в 2003 г. Центром национального диалога им. короля Абдель Азиза²². Но, кроме того, он часть саудовского внутривластного процесса, в отношении которого саудовский монарх, выступая в Консультативном совете, выражал убежденность в

том, что этот процесс составляет суть «политического развития» страны, которое является «постоянным движением вперед»²³. Разумеется, он добавлял: «Этот процесс определяется обстоятельствами и этапами социального развития государства. Мы будем продолжать развитие, опираясь на праведные методы управления обществом и государством, призванные служить на благо вере, интересам отечества и гражданина». Король вовсе не давал надежды «революционному нетерпению» некоторых представителей саудовского «образованного класса». Из его слов лишь вытекало, что саудовский вариант персонифицированной им «демократии без демократов» категорически отвергает какие-либо формы воздействия извне на происходящий процесс. Этот вариант «суверенен», когда последнее слово в определении последовательности развития политических реформ остается исключительной прерогативой его саудовского истеблишмента и его высшего представителя – монарха.

Нынешний осуществляемый в Саудовской Аравии «восьмилетний план» экономического роста должен «решить стратегическую задачу развития, превратив его в постоянную величину». Да, конечно, «приоритетами» этого плана должны стать «сохранение исламских ценностей, укрепление национального единства, национальной безопасности, социальной стабильности, повышение уровня жизни, предоставление гражданам новых рабочих мест». В числе этих «приоритетов» король назвал также «развитие человеческого потенциала, диверсификацию экономического базиса, увеличение вклада частного сектора в общее развитие, обеспечение пропорционального роста всех регионов королевства», а также «развитие научно-технической базы, внимание к информационным технологиям, поощрение научно-технических исследований, сохранение водных источников и охрану окружающей среды». Все это, вне всякого сомнения, принципиально важные задачи, способные окончательно обеспечить вхождение Саудовской Аравии в число тех стран, которые обеспечивают свой устойчивый экономический рост.

Но важно и другое – «сохранение исламских ценностей» король назвал в числе важнейших приоритетов развития страны. Устремленность в будущее не отрицает, с его точки зрения, значения преемственности. Традиция сохраняется, но меняется ее направленность, теперь она призвана содействовать

решению новых задач. Акцент на этих «ценностях» принципиален потому, что он означает последовательное и контролируемое государством развитие, которое должно исключить резкое социальное расслоение и, в итоге, укрепить то, что король назвал «национальным единством, национальной безопасностью» и «социальной стабильностью». Это тем более важно, что в своей тронной речи король Абдалла говорил и об «укреплении роли частного сектора, который должен стать стратегическим партнером государства в экономическом развитии», и о том, что в королевстве будет создана атмосфера, «содействующая росту саудовских и иностранных инвестиций ради изменения качественных параметров саудовской экономики».

В этом контексте король подчеркивал, что возглавляемый им совет министров уже осуществил «многие из целей развития», «выдвинутых принятой ООН в 2000 г. Декларацией тысячелетия Организации Объединенных Наций»²⁴. Представляя 24 апреля 2007 г. «Национальный доклад "Цели развития на тысячелетие – 2006"», министр экономики и планирования королевства Халед аль-Кусейби отмечал, что с момента принятия Декларации «уровень бедности» в Саудовской Аравии «был понижен на 50%», что означает, что к началу 2009 г. в «королевстве будет достигнута первая из целей Декларации тысячелетия – ликвидация бедности и нищеты»²⁵. В королевстве в течение последних лет действует патронируемый правительством Национальный благотворительный фонд, ежегодно отчисляющий 80 млн. долл. на борьбу с бедностью, организуя кооперативы неимущих и вовлекая их, таким образом, в производительную сферу деятельности²⁶. Другие же цели Декларации будут, по словам Х. аль-Кусейби, также решены, поскольку «цели развития тысячелетия включены в задачи восьмилетнего плана, став неотъемлемой частью саудовского политического дискурса, как и осуществляемой в королевстве долгосрочной политики экономического и социального роста».

Как отмечал министр, это относится и к той части Декларации, которая выдвигает цель «поощрения равенства мужчин и женщин и расширение прав и возможностей женщин». Значительные успехи в сфере реализации этой цели (сегодня женщины составляют 56,5% всех выпускников саудовских высших учебных заведений и 14,1% всех занятых в различных отраслях экономики, включая 30% всех работающих в государствен-

ном секторе, 84,1% – в сфере образования и 40% – в сфере здравоохранения²⁷) не означают, что тема женского образования и труда перестает быть для государства болезненной. По данным саудовского министерства труда, 29% выпускниц высших учебных заведений страны остаются безработными (что относится только к 6,6% выпускников), при этом, возможности их поглощения рынком труда (в частности, предприятиями частного сектора с его значительным контингентом иностранных рабочих) все еще остаются минимальными²⁸.

В тронной речи короля Абдаллы отмечалось, что за 2006 г. в Саудовской Аравии были осуществлены принципиально важные для страны проекты. Первым в их ряду король назвал «проект реконструкции Главной мечети в Мекке и других святых мест»²⁹. Это естественно, поскольку определяется условиями и обстоятельствами легитимации саудовской власти и созидания саудовского «отечества», включая и достижения в ходе «религиозного диалога» единства различных групп внутри-саудовского ислама. Речь, однако, шла и о «проектах инфраструктурного характера, улучшении медицинского обслуживания, развитии среднего, высшего и технического образования³⁰, создании жилых кварталов для народа». В готовящемся же на будущий финансовый год государственном бюджете предусматривается «выделение значительных средств на реализацию качественного скачка в сфере развития человеческих ресурсов (речь идет, прежде всего, о развитии профессионально-технического образования – Г.К.), а также в области здравоохранения и в социальной сфере, включая пособия сиротам и инвалидам, а также ликвидацию бедности». Развитие этих направлений социальной политики также связано с начинаниями нынешнего саудовского монарха. В опубликованном 26 августа 2006 г. специальном интервью «Аш-Шарк Аль-Аусат» он, в частности, касаясь образования, говорил: «Королевство нуждается в качественном скачке в сфере образования, поскольку образование – основа прогресса во всех сферах жизни»³¹.

III

В своей тронной речи король затронул проблемы саудовской внешней политики. Он подчеркнул: «Я не скрываю, что наш регион переживает опасное время, когда в нем множатся столкновения и последовательно сменяющие друг друга кризи-

сы. В дела региона вмешиваются внешние силы, что и порождает его нестабильность. Это требует от саудовской дипломатии активных действий на региональной и международной арене. Ее действия основаны на диалоге, консультациях, на принципе высказывания "слов разума и мудрости". Ее действия направлены на отражение угроз, рисков и устранение порождающих их причин, на смягчение положения, ликвидацию разрушительных противостояний, решение проблем мирными средствами, а именно этого и требует наша благородная вера, обязывающая наши души и чувства быть ответственными»³².

Слова короля об «активных действиях» саудовской дипломатии отражают реальность сегодняшней саудовской внешней политики. Она поистине приобрела новое качество – последовательную настойчивость действий, проявляющую себя, в первую очередь, в сфере региональных международных отношений. Эта новизна не может не рассматриваться как производное от развивающихся в стране внутренних реформ, постепенно, но, тем не менее, постоянно расширяющих круг участников принятия внешнеполитического решения. Сегодняшняя саудовская внешняя политика, по словам министра иностранных дел королевства принца Сауда аль-Фейсала, «наступательна, но, одновременно, и умеренна, отражая социально-политическую "консервативную последовательность" происходящих в королевстве изменений». Она стала, по его словам, «еще более прозрачной и взвешенной, уважающей выбор иных государств», направленной на создание условий, «в наибольшей степени благоприятствующих проведению процесса всеобъемлющего развития страны»³³.

За этой характеристикой, как и за словами короля Абдаллы стояли, прежде всего, решения проходившей 28–29 марта 2007 г. в Эр-Рияде XIX-й сессии совета глав государств и правительств стран-членов Лиги арабских государств (ЛАГ), где, как отметил монарх, «королевство содействовало продвижению арабов и мусульман по пути реформ, единству их слова и дела, действуя в трех сферах – на арене Залива, в арабском мире и в мусульманском регионе»³⁴. Эти действия должны «противостоять опасности бунтов, раскола и межконфессиональной борьбы», в первую очередь «противостоянию между мусульманами, прежде всего шиитами и суннитами», а также «вспышкам религиозных конфликтов в различных регионах мусульманского мира, включая, в частности, Ирак и Ливан». Ис-

пользуя «особое положение королевства в мусульманском мире», саудовская дипломатия действует в целях «исключения внешнего вмешательства во внутренние дела арабских и мусульманских государств», а ее собственная «консервативная последовательность» предполагает следование принципу «равноудаленности королевства от всех конфессий, толков и религиозных групп, из которых состоит арабский и мусульманский мир». Эта дипломатия «призывает к диалогу, взаимопониманию и примирению в любом регионе, где сеется раздор и раскол». Эта дипломатия, заявлял саудовский монарх, проводит курс на «реализацию мира как стратегического выбора, опираясь на всеобъемлющий мирный план, принятый арабскими странами на саммите в Бейруте и подтвержденный последующими встречами в верхах ЛАГ, и, прежде всего, ее последним Эр-Риядским саммитом».

Саудовская Аравия, что вытекало из слов короля Абдаллы, рассматривает себя в качестве ведущего «центра силы» арабо-мусульманского региона еще и потому, что, осуществляя внутренние реформы, она последовательно движется к определению собственного места и роли в глобализирующемся, но призванном быть многополюсным современном мире. Вместе с тем, события, развивающиеся в пределах арабо-мусульманского мира, во многом квалифицируются саудовскими правящими кругами в качестве вызова устоям национальной государственности и ее стабильности. Это означает, что внешнеполитическая деятельность королевства в региональном масштабе направлена на ликвидацию существующих там конфликтных ситуаций и недопущение возникновения новых очагов напряженности. В этом, по мнению саудовского истеблишмента, находит свое отражение, как замечал С. аль-Фейсал, вклад королевства в «решение многообразных глобальных проблем, которое может быть успешным лишь в рамках многостороннего сотрудничества, осуществляемого под эгидой Объединенных Наций»³⁵.

Естественно, что основным направлением саудовской внешнеполитической деятельности регионального уровня должно рассматриваться участие королевства в урегулировании самого арабо-израильского конфликта и его составной части – палестино-израильского противостояния. В этом контексте реанимированная Эр-Риядским саммитом ЛАГ инициатива бейрутской встречи в верхах 2002 г., выдвинутая нынешним

саудовским монархом (в то время наследным принцем)³⁶, должна рассматриваться в качестве несомненного успеха саудовской дипломатии. Текст возобновленной в столице королевства инициативы гласил: «Совет Лиги арабских государств подтверждает приверженность арабского мира справедливому и всеобъемлющему миру в качестве его стратегического выбора. Мирный процесс – всеобъемлющ, он не может быть расколот. Справедливый и всеобъемлющий мир в регионе не может быть осуществлен без ухода всех израильских войск с оккупированных палестинских и арабских территорий, включая сирийские Голанские высоты, к линии, существовавшей до 4 июня 1967 г., а также ухода израильских войск со всех еще оккупируемых территорий юга Ливана, как и без достижения справедливого и согласованного решения проблемы палестинских беженцев на основе резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 194 от 1948 г. Такой мир не станет возможным без ликвидации всех форм поселенческой деятельности и создания независимого и суверенного палестинского государства со столицей в Восточном Иерусалиме, как об этом гласит "арабская мирная инициатива" и связанные с этой проблемой решения международной законности»³⁷.

Саудовская дипломатия всегда рассматривала палестинскую проблему в качестве «центрального звена» арабо-израильского противостояния. Это ее качество отмечал в тронной речи и король Абдалла, где он специально подчеркивал, что «палестинская проблема для арабского мира выступает в качестве ключевой». Из этой постановки вопроса вытекала акцентировавшаяся монархом «важность усилий» саудовской дипломатии, содействовавшей достижению Мекканского соглашения между движениями ФАТХ и ХАМАС³⁸.

28 января 2007 г. в ситуации углублявшегося кризиса на территории Палестинской Национальной Администрации (ПНА) саудовский монарх обратился с личным посланием к обоим противоборствующим палестинским группировкам с призывом встретиться «лицом к лицу» в Мекке и достичь согласия по разделяющим их вопросам. Обращаясь к руководству ХАМАС и главе ПНА Махмуду Аббасу, король Абдалла подчеркивал: «Правительство и народ Королевства Саудовская Аравия не могут молча, без глубокой печали и боли наблюдать за тем, что в Палестине происходит братоубийственная бойня между теми, кто в равной мере несет ответственность за решение

единых (для всех палестинцев – Г.К.) задач». Далее в обращении говорилось: «Руководствуясь нашей верой, нашей принадлежностью к арабской нации, нашими ценностями и моралью, мы не можем бездействовать, когда наши сердца обливаются кровью в связи с событиями на братской земле Палестины, где находится Аль-Акса, на земле Палестины, которую посетил Пророк во время своего вознесения, на земле, бывшей (для мусульман – Г.К.) первой киблой (первоначально мусульмане обращались с молитвой в сторону Иерусалима – Г.К.), на земле Палестины, где находится третья мечеть. Мы не можем быть безучастными, – продолжал саудовский монарх, – к происходящему в Палестине – символе арабской нации, символе ее истории и жертвенности в противостоянии оккупации, где ныне брат убивает брата и проливает его кровь»³⁹.

«Народ и правительство Королевства Саудовская Аравия, – продолжал далее саудовский монарх, – верит в то, что его роль в отношении палестинской проблемы не маргинальна, а потому мы не можем молчать. Наша роль в отношении этой проблемы связана с нашей историей – мы принимали участие в решении судьбы палестинцев с момента создания саудовского государства». Наконец, король Абдалла подчеркивал: «Я с надеждой ... призываю моих палестинских братьев, представителей руководства палестинского народа немедленно положить конец разворачивающейся трагедии. Я призываю всех их, не проводя различия между одной и другой стороной, немедленно встретиться на их братской родине – в Королевстве Саудовская Аравия, под сенью Святого Дома Господа, и самостоятельно, без вмешательства какой-либо другой стороны, обсудить причины разногласий. Только так арабская и исламская нация может решать свои проблемы. Только так можно придти к решению, которое будет угодно Всевышнему. Только так можно удовлетворить чаяния и надежды братского палестинского народа, народов арабской и исламской нации, всех, кто поддерживает наше дело».

Религиозное обрамление обращения не скрывало главного, – палестинская проблема всегда была инструментом деятельности саудовских лидеров (включая основателя нынешнего саудовского государства), и король Абдалла в этом отношении – не исключение. Таким инструментом она становилась потому, что всегда рассматривалась ими в качестве системообразующего фактора межарабских государственных отноше-

ний, содействовавшего становлению и сохранению регионального пространства арабского мира. В свою очередь, выдвигаемая внешней политикой королевства идея «органической связи» между иерусалимской мечетью Аль-Акса и святынями ислама, расположенными в саудовском Хиджазе, вносила новые элементы в организацию ближневосточного геополитического пространства. Речь шла о том, что Палестина, где находится «Священный Иерусалим – Аль-Кудс Аш-Шариф» с его важной, но только третьей по значению для мусульман (после святынь Мекки и Медины) мечетью Аль-Акса, «неразрывно связана» (но эта связь подчиненная) с хиджазскими святынями. Это означало, что этническое начало в межарабской политике – принадлежность к «арабской нации» с присущим ей духом «арабизма» – все так же «неразрывно» должно быть связано с исламом, – лишь эта связь была бы способна придать межарабской политике законченную форму.

Казалось бы, риторика обращения короля Абдаллы к руководству ФАТХ и ХАМАС повторяла традицию действий его предшественников в связи с палестинским вопросом. Тем не менее, такой взгляд поверхностен, поскольку в обращении содержались новые (и, в силу этого, важные) нюансы. Конфронтация между ФАТХ и ХАМАС развивалась в пределах той территории, где может и должно возникнуть палестинское государство – Сектор Газа и Западный берег реки Иордан. Саудовский монарх не ставил под сомнение вопрос о существовании Израиля, но только в пределах границ до июня 1967 г., ни в коем случае не допуская возможности расширения его территории. Это в полной мере совпадало с буквой и духом выдвинутой им же «арабской мирной инициативы».

Вместе с тем, в призыве короля Абдаллы оставалось главное, связанное с тем, что палестинский вопрос продолжает оставаться инструментом сохранения саудовского политического влияния в арабском мире. Призыв к палестинскому примирению «под сенью Святого Дома Господа» должен сократить или исключить возможности усиления старых (Сирия) или новых региональных «центров силы» (Иран). Он призывает не допустить расширения реальной ли, мнимой ли, сферы внешней гегемонии в границах региона. Наконец, все то же обращение, подчеркивая уровень саудовских уступок в отношении Израиля, предполагая, что в будущем он, окончательно став частью признанной Саудовской Аравией карты Ближнего

Востока, считает, что еврейское государство не должно рассматривать себя в качестве конкурента королевства. Главным же в призыве короля было то, что обращение фиксировало, что именно королевство считает своими национальными интересами в арабо-мусульманском геополитическом пространстве.

8 февраля 2007 г., ответив на инициативу саудовского монарха, противоборствующие палестинские политические силы заключили в Мекке соглашение о формировании «правительства национального единства». Саудовское руководство (прежде всего, сам король Абдалла) внимательно следило за обсуждением обеими палестинскими сторонами (официально это обсуждение проходило без какого-либо постороннего участия) принципиальных для палестинской политики вопросов. В итоге, Мекканское соглашение включило в себя не только положение о формировании нового палестинского правительства и его политической программе, но и о национальном примирении, углублении внутripалестинского согласия и прекращении столкновений, о выработке основ партнерства между движениями ФАТХ и ХАМАС и, наконец, о реформе организационной структуры Организации освобождения Палестины (ООП)⁴⁰.

Саудовская дипломатия, естественно, не ограничена в своих действиях только палестинским направлением в сфере межарабской политики. Выступая в Консультативном совете, король Абдалла отмечал, что задачей саудовской внешней политики выступает «ликвидация причин возможного взрыва в Ливане на основе проведения курса переговоров и консультаций со всеми без исключения акторами ливанской политической жизни ради сохранения единства Ливана, его суверенитета и независимости с участием других региональных держав и международного сообщества»⁴¹.

Говоря о достижениях саудовской дипломатии, король Абдалла приветствовал решения последнего, состоявшегося 9–10 декабря 2006 г. в саудовской столице саммита глав государств – членов Совета сотрудничества арабских государств Персидского Залива (ССАГПЗ) – XXVII-й сессии его Высшего Совета. Направление внешней политики королевства, связанное с регионом Персидского залива, монарх называл «основным внешнеполитическим приоритетом королевства».

В ходе этого саммита, объединившего руководителей стран-членов ССАГЗ, речь шла об «укреплении взаимного сотрудничества» между входящими в Совет сотрудничества гос-

ударствами и о «направлениях его дальнейшего развития»⁴². В этой связи ставились вопросы, касающиеся создания таможенного союза между государствами ССАГПЗ, становления регионального «общего рынка», введения общей валюты стран-участниц организации. Однако не менее значимыми были и те вопросы, которые обсуждались в связи с ситуацией в окружающем этот региональный союз геополитическом пространстве. Положению в Ираке и иранскому ядерному досье было уделено особое внимание.

Касаюсь иракской проблемы, Высший совет выразил надежду на то, что в этой стране будет «обузdana эскалация насилия», ее «территориальное единство будет сохранено». Документы Эр-Риядского саммита ССАГПЗ во многом отразили саудовскую позицию (в дальнейшем подвергавшейся детализации⁴³) в отношении тех принципов, следование которым необходимо для решения иракской проблемы – «уважение единства, суверенитета и независимости Ирака и его национальной идентичности», «невмешательство в его внутренние дела со стороны внешних сил». Основываясь на этих принципах, саммит выразил убежденность в том, что «только национальное согласие может стать ключом к решению всех проблем Ирака» или, как говорил король Абдалла, выступая на открытии сессии Высшего Совета, «положить конец периоду, который сегодня переживает Ирак, – времени средневековья, когда брат убивал брата», поскольку, как он считал, в силу неурегулированности внутрииракской ситуации, регион Персидского залива стал «пороховой бочкой, ожидающей лишь искры, чтобы взорваться»⁴⁴.

На Эр-Риядском саммите ССАГПЗ был подробно рассмотрен и вопрос о ядерном досье Ирана. В принятых документах подчеркивалось, что государства Совета сотрудничества придерживаются «принципов уважения международной законности и решения всех спорных проблем мирными средствами»⁴⁵. Главы этих государств подтвердили свой призыв к Ирану решить все вопросы, связанные с его ядерными разработками, на основе сотрудничества с Международным Агентством по атомной энергии (МАГАТЭ). Такой подход означал, что страны ССАГПЗ, как, естественно, и Саудовская Аравия, возлагают основную ответственность за нерешенность этой проблемы на Иран, рассматриваемый в королевстве едва ли не в качестве его «стратегического противника».

Однако лежащий в основе саудовской внешней политики принцип «умеренности» неизбежно требовал, чтобы в решениях саммита ССАГПЗ содержался и призыв к Израилю о присоединении к Договору о нераспространении ядерного оружия и о постановке всех его ядерных объектов под контроль МАГАТЭ, что предполагало усиление давления международного сообщества на Израиль ради решения этой задачи. Не отказываясь от своего стремления «превратить регион Ближнего Востока, включая и зону Залива, в свободный от любых видов оружия массового поражения», страны-члены Совета провозгласили «право всех государств региона на ядерные разработки в мирных целях» на основе «заключения соответствующих международных соглашений». В этой связи Высший совет ССАГПЗ выдвинул инициативу проведения исследования силами всех стран-членов Совета сотрудничества возможности разработки «совместной программы ядерных исследований в мирных целях»⁴⁶.

Тема иранского ядерного досье присутствовала и в письменном варианте речи короля Абдаллы в Консультативном совете⁴⁷. Там саудовский монарх отметил: «Кризис ядерного досье в нашем регионе серьезно осложнил положение, поскольку наложился на ранее возникшие в нем кризисные ситуации. Саудовская дипломатия стремится решить проблему этого досье, опираясь на рациональный и объективный подход, без обращения к давлению и нагнетанию напряженности. Она стремится обеспечить свободу Залива и Ближнего Востока от всех видов оружия массового поражения, считая, что правом всех государств региона является обладание ядерной энергией в мирных целях на основе принципов МАГАТЭ». Равным образом, саудовский монарх затрагивал и вопрос об израильских ядерных возможностях, считая, что «ни одно из государств региона, включая Израиль, не должно стать исключением в отношении применения принципов МАГАТЭ». Обращаясь к одному из решений XXVII-й сессии Высшего Совета ССАГПЗ, король Абдалла подчеркивал: «Мы приняли стратегическое решение о начале использования ядерной технологии в государствах Совета. С Божьей помощью, мы станем для государств региона и всего мира образцом того, как эта энергия может быть использована в мирных целях, в интересах развития наших государств и на основе высших принципов и решений международного сообщества, категорически исключающих военное приме-

нение атомной энергии и ее использование для воздействия на народы и природу». Слова короля об Иране выглядели как политически корректные, хотя, верхушка правящих кругов могла быть и более резкой в оценках, когда вопрос касался курса мощного соседа королевства⁴⁸.

Решение саудовских задач в региональном арабо-мусульманском масштабе превращало королевство в важного актора глобальной системы международных отношений. Его деятельность в этой сфере, как подчеркивал король Абдалла, связана с «наведением мостов взаимопонимания и сотрудничества со всеми миролюбивыми народами и государствами ради укрепления принципов международной законности и диалога между цивилизациями и культурами»⁴⁹. Это означает, как заявлял саудовский монарх, что «Королевство Саудовская Аравия осознает свою ответственность за сохранение мира во всем мире, за укрепление сотрудничества между государствами и народами».

Направления саудовской внешнеполитической деятельности в ее глобальном аспекте действительно все более диверсифицируются. Разумеется, связывающие королевство с Соединенными Штатами отношения «стратегического партнерства» остаются неотрицаемой реальностью. Но, вместе с тем, реализуемая королем (еще в то время, когда он был наследным принцем) «дипломатия встреч в верхах» (означающая углубление контактов королевства с Европейским Сообществом и с Россией) стала, как он отмечал в Консультативном совете, «эффективным средством укрепления отношений между государствами ради достижения мира во всем мире». Иными словами, как обещал саудовский монарх, он будет «и в дальнейшем встречаться с руководителями дружественных государств в интересах реализации общих национальных интересов и укрепления международного сотрудничества».

Тем не менее, саудовские национальные интересы в современном глобальном мире требуют реализации принципиально нового направления внешнеполитического курса королевства, которое в письменном тексте речи короля было резюмировано как «движение королевства на Восток». В этой связи он говорил: «Я совершил несколько поездок в азиатские, исламские и дружественные государства – КНР, Индию, Малайзию, Пакистан (визит короля Абдаллы в эти страны состоялся в конце января – начале февраля 2006 г. – Г.К.). Эти поездки содействовали нашему сотрудничеству с этими странами, основой

которого стали подписанные с ними договоры о взаимодействии в сфере экономики, безопасности, культуры и науки»⁵⁰.

«Движение королевства на Восток», продолжал саудовский монарх, определяется «национальными интересами королевства, а также изменениями, произошедшими в мировой политике», когда «королевство стало основным торговым партнером КНР в Западной Азии и в Северной Африке, а Индия – четвертым торговым партнером королевства». Он также добавил, что развитие отношений с этими державами связано и с тем, что обе они «играют важную роль в региональной и мировой политике». То же относится и к Малайзии, и Пакистану, с которыми королевство связывают и «религиозные узы». Король упомянул и свой состоявшийся в начале августа 2006 г. визит в Турцию, который «увенчался подписанием нескольких соглашений, в том числе соглашений о намерениях, направленных на углубление отношений между обеими странами ради сотрудничества и сближения в лоне мира ислама»⁵¹.

Наконец, второй, принципиально важный для глобальных мирохозяйственных связей вопрос, связанный с поставками саудовских углеводородов на мировой рынок. Говоря в Консультативном совете о действиях своей страны на мировом рынке энергоносителей, король Абдалла подчеркивал: «Королевство Саудовская Аравия осознает свою международную ответственность в сфере нефтедобычи и поставок этого сырья. Оно действует в направлении установления справедливых цен на нефть, отвечающих интересам не только производителя, но и потребителя. Королевство стремится к укреплению своей производственной базы в области нефтедобычи с тем, чтобы в полном объеме выполнить свои обязательства, связанные не только с национальным развитием, но и с потребностями мировой экономики»⁵².

Этот курс (подтвержденный в речи короля Абдаллы) – принципиальное направление в деятельности Саудовской Аравии на международном рынке углеводородного сырья. Выступая на состоявшемся в начале мая 2007 г. в Бейруте Арабском Экономическом форуме, саудовский министр нефти и минеральных ресурсов Али ан-Наими говорил: «Как на международном, так и на национальном, уровне саудовская политика в сфере нефти стремится реализовать две основные цели. Первая – предпринять усилия, чтобы стабилизировать мировой нефтяной рынок, вторая, связанная с национальным уровнем, –

содействовать диверсификации внутренних ресурсов в интересах развития промышленности и экономической деятельности в сферах, имеющих отношение к сектору энергетики. Что же касается международного уровня, – продолжал далее А. ан-Наими, – то Королевство Саудовская Аравия вместе с другими нефтепроизводящими странами действует как внутри, так и вне ОПЕК в целях сохранения начавшейся стабилизации цен на мировом рынке нефти»⁵³.

* * *

Саудовское королевство и проводимый им внешнеполитический курс – меняющийся феномен. Но происходящие в этой стране перемены, как и перемены в сфере ее внешней политики, – процесс медленный, последовательный и исключаящий какие-либо возможности резкого разрыва с традицией. Применительно к сфере национальной внешней политики речь всегда идет о ее следовании «постоянным величинам, принципам, заложенным королем-основателем» – Ибн Саудом. Это – «консультации (*аш-шура*)», «диалог (*аль-хивар*)» и «умеренность (*аль-иатидаль*)». Но, кроме того, внутрисаудовские перемены, как и внесение новых элементов во внешнюю политику королевства, могут определяться, как считает саудовский истеблишмент, лишь «потребностями государства» и «степенью развития общества», а не задачей учета внешних пожеланий. Эти перемены всегда «суверенны (*ан-наджима ан-ис-сияда*)». Но это вовсе не значит, что эти перемены происходят вне контекста трансформаций, переживаемых всем международным (включая и региональное пространство арабо-мусульманского мира) сообществом.

В тронной речи, саудовский монарх касался также вопроса о «столкновении культур». Он определял его в качестве «нового и необычного вызова миру во всем мире», воплощающегося «в оскорблении достоинства пророков (в тексте его речи говорилось о тех, кого в мусульманской традиции обычно называют *русиль ва анбийя* – цепи предшествовавших Мухаммаду посланцев Бога к людям, первым в которой является Адам и которая включает Моисея и Иисуса – Г.К.)». Это «оскорбление» вызывает, по словам короля, «раздоры между народами планеты и вражду между нациями». Далее он продолжал: «Наши национальные интересы, как и лежащая на нас задача укрепления мира во всем мире, требуют всестороннего отпора этому

новому вызову, а также выработки единой международной позиции, направленной на укрепление сотрудничества и уз братства между всеми народами планеты и содействующей защите ценностей и святынь, в первую очередь уважения всех пророков»⁵⁴.

Письменный вариант тронной речи короля Абдаллы перед депутатами саудовского Консультативного совета завершала важная фраза: «Королевство Саудовская Аравия – миролюбивое государство. Оно стремится к справедливости, уважает права человека и действует в направлении того, чтобы отвечать требованию Господа – быть государством добродетели, поскольку только так можно удовлетворить чаяния народа королевства, чаяния арабских и мусульманских народов на основе единого для всего человечества принципа, гласящего, что все народы мира устремлены к благу и миру».

¹ Нынешний саудовский король родился в 1924 г. в Эр-Рияде. Получил традиционное для того времени религиозное образование. В 1964 г. указом короля Фейсала бен Абдель Азиза был назначен командующим Национальной гвардией, содействовал ее коренной модернизации (создание военных и технических училищ, организация гарнизонной службы, основание военной академии им. короля Халеда, введение современной медицины). В 1975 г. указом короля Халеда бен Абдель Азиза был назначен заместителем премьер-министра (главой саудовского совета министров традиционно является монарх). 13 июня 1982 г. после возведения на трон короля Фахда бен Абдель Азиза был его указом назначен наследным принцем. Последствия перенесенного королем Фахдом в 1995 г. инсульта превратили Абдаллу в фактического правителя государства. (Биографические сведения о нынешнем саудовском монархе цит. по: Аль-Малик Абдалла бен Абдель Азиз: турухатуху ва руаху тамай-азат би аль-джура ва аль-вудух ва аш-шаффафийя (Король Абдалла бен Абдель Азиз: его предложения и взгляды отличает смелость, четкость и ясность). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 3 августа 2005. Здесь и далее это издание цит. по его электронной версии – <http://www.aawsat.com>.)

² Здесь и далее устное выступление короля перед Консультативным советом, а также распространенный среди его депутатов письменный текст его тронной речи цит. по: Хадим Аль-Харамейн: харисун аля ислях ахваль аль-араб ва аль-муслимин ли ат-гасадди ли ахтар аль-фитна байн аль-мазахиб ва иштиаль ан-низаа ат-гаифий (Служитель Двух Святынь: мы стремимся реформировать положение арабов и мусуль-

ман, чтобы отразить опасность противостояния между сторонниками различных направлений в исламе и не допустить вспышки межконфессионального конфликта). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 15 апреля 2007.

³ Хадим Аль-Харамейн фи хафль ахали минтака Аль-Худуд аш-шималийя (Служитель Двух Святынь на празднике жителей провинции Северные границы). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 8 мая 2007.

⁴ Хадим Аль-Харамейн юдашшин машруъат би 6 миллиарат риал ва ярба аль-яум аль-ард аль-аскарий фи Табук (Служитель Двух Святынь открывает новые проекты стоимостью 6 млрд. риалов и будет присутствовать сегодня на военном параде в Табуке). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 13 мая 2007.

⁵ Здесь и далее см.: Хадим Аль-Харамейн: харисун аля ислях ахваль аль-араб ва аль-муслимин ли ат-тасадди ли ахтар аль-фитна байн аль-мазахиб ва иштиаль ан-низаа ат-таифий.

⁶ «Государственные праздники Королевства – праздник разговенья (*ид аль-фитр, ураза-байрам – Г.К.*) и праздник жертвоприношения (*ид аль-адха, курбан-байрам – Г.К.*)». – Низам аль-хукм аль-асасий (Основной закон правления). Ст. 2. – Цит. по: *Бен Баз А.А.* Ан-Низам ас-сиясий ва ад-дустурий ли аль-мамляка аль-арабийя ас-саудийя (Политическая и конституционная система Королевства Саудовская Аравия). Эр-Рияд, 2000. С. 271.

⁷ Яум фи тарихина аль-азым (День нашей великой истории). – Ар-Рияд, 23 сентября 2005. Это издание цит. по его электронной версии – <http://www.alriyadh.com>.

⁸ Здесь и далее см.: Аль-Амир Наеф: натараккиб зияра масулин иракийин ли фатх канават иттисаль аманий (Принц Наеф: мы ожидаем визита ответственных лиц из Ирака, чтобы создать каналы взаимодействия в сфере безопасности). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 9 апреля 2007.

⁹ Среди них и Всемирная Торговая организация (ВТО), вступление в которую было окончательно оформлено в ноябре 2005 г. Как подчеркивалось на заседании Генерального Совета ВТО в Женеве 11 ноября 2005 г., когда королевство было принято в ее ряды, Саудовская Аравия – держава, которая, «занимает 13 место в мире среди стран-экспортеров товаров и 23 место среди их крупнейших импортеров», стала 149 членом этой международной организации. – Ас-Саудийя – аль-удву аль-149 фи Муназзама ат-тиджара ад-дуввалийя (Саудовская Аравия – 149 член Всемирной Торговой организации). – Аль-Хаят, Л., 12 ноября 2005. Здесь и далее эта выходящая в Лондоне саудовская газета цит. по ее электронному изданию: <http://www.daralhayat.com>.

¹⁰ *Аль-Манкури Х.* Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя ва ан-низам ад-дуввалий аль-джадид мин аль-манзур аль-джиополитикий (Королевство Саудовская Аравия и новый миропорядок с точки зрения геополитики). – Дирасат саудийя, Эр-Рияд, № 6, 1992. С. 126.

¹¹ Надва «Аш-Шарк Аль-Аусат». Руа ва асьлия тахуд фи ильтибасат аль-илякат ас-сиясийя маа аль-вилайят аль-муттахида (Форум «Аш-Шарк Аль-Аусат». Мнения и вопросы в связи с содержанием политических отношений с Соединенными Штатами). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 15 марта 2003.

¹² Слова главного редактора эр-риядской газеты «Аль-Ватан» Джамалю Хашкаджи. – Джамаль Хашкаджи аль-айд иля риаса «Аль-Ватан» ли «Аш-Шарк Аль-Аусат» (Джамаль Хашкаджи, вновь возглавивший «Аль-Ватан» заявляет «Аш-Шарк Аль-Аусат»). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 22 апреля 2007.

¹³ См., в частности: *Саляме Г.* Эйн хум ад-димукратыйун (Где же эти демократы?). – Димукратыйя мин дун димукратыйун. Сиясат аль-инфитах фи аль-аям аль-арабий/аль-ислямий (Демократия без демократов. Политика либерализации в арабском/мусульманском мире). Бейрут, 1995. С. 9–10.

¹⁴ См. об этом: Авамир малякийя тастахдис мансабан джадидан фи Маджлис аш-шура ас-саудий ва тувасса каидатаху иля 150 удван (Королевские указы обновляют структуру Консультативного совета и расширяют его состав до 150 членов). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 12 апреля 2005.

Если в момент формирования Консультативный совет состоял из 60 членов, то в ходе его второй парламентской депутатское представительство было увеличено до 90, третьей – 120 чел. Вступление на престол короля Абдаллы расширило число членов Консультативного совета до 150 чел. Измененная на основе соответствующего королевского указа ст. 3 Закона о Консультативном совете ныне гласит: «Консультативный совет состоит из председателя и 150 членов, избираемых королем из числа людей науки, опыта и умения». – Низам Маджлис аш-шура (Закон о Консультативном совете). – <http://www.shura.gov/sa>.

¹⁵ Здесь и далее см.: Хадим Аль-Харамейн: харисун аля ислях ахваль аль-араб ва аль-муслимин ли ат-тасадди ли ахтар аль-фитна байн аль-мазахиб ва иштиаль ан-низаа ат-гаифий.

¹⁶ 19 октября 2006 г. указом короля Абдаллы бен Абдель Азиза № А/135 были внесены изменения в Основной закон правления, определяющие новый порядок престолонаследия. Если ранее текст

третьего раздела статьи 5 важнейшего конституционного акта королевства предполагал, что «король выбирает наследного принца и смещает его своим указом», то новая редакция этого положения Основного закона правления подчеркивает, что «призыв принести клятву верности королю и выбрать наследника престола осуществляется на основе закона о Комитете по принесению клятвы (*Хейя аль-биа*)». В Комитет входят «сыновья короля-основателя» Ибн Сауда. В том случае же, если кто-либо из них по не зависящим от них причинам (кончина, медицински подтвержденная физическая неспособность выполнять эту роль), то правящий монарх «назначает на его место одного из его сыновей, проявившего себя в качестве достойного и способного человека». Кроме того, в Комитет входят еще двое членов – один из сыновей правящего монарха и один из сыновей нынешнего наследника престола принца Султана. Статья 7 закона о Комитете по принесению клятвы подчеркивает: «После принесения ему клятвы верности король по согласованию с членами Комитета предлагает на рассмотрение Комитета кандидатуры одного, двух или трех лиц, подходящих, по его мнению, для исполнения обязанностей наследника престола. Комитет должен предпринять усилия, чтобы выбрать одного из предложенных ему королем кандидатов с тем, чтобы этот кандидат был бы назначен наследником престола. Если же Комитет не придет к согласию в отношении предложенных ему кандидатур, то его члены сами выдвигают кандидатуру достойного, по их мнению, наследника престола». В том случае, если король «не будет согласен с кандидатом Комитета, то члены Комитета будут голосовать по кандидатурам, предложенным королем и Комитетом». Таким образом, «наследником престола станет тот из кандидатов, кто наберет большее число голосов членов Комитета». (См. текст закона в: Иалян Низам Хейя аль-биа ли танзым шуун аль-хукм ва мубаа аль-малик ва ихтияр вали аль-ахд (Объявление закона о Комитете по принесению клятвы, направленного на регулирование системы правления, принесение клятвы королю и выбора наследника престола). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 20 октября 2006.)

¹⁷ См. об этом: *Косач Г.Г.* Терроризм в Саудовской Аравии: попытка понять феномен. – Ближний Восток и современность. Вып. 23. М., 2004.

¹⁸ Хадим Аль-Харамейн юсаммин мауқыф кабиля ар-раддади мин аль-матлуб аль-аманий Валид Ар-Раддади ва табаррууэхум минху (Служитель Двух Святынь высоко ценит отношение племени Раддади к разыскивавшемуся службой безопасности Валиду Ар-

Раддади и заявляет, что члены племени не причастны к его действию). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 25 апреля 2007.

Усилия саудовского руководства, направленные на реанимацию родоплеменных связей в их качестве орудия борьбы с антисистемной оппозицией рассматриваются автором, в частности, в: *Косач Г.Г. Терроризм и политическая культура в Саудовской Аравии. – Белокреницкий В.Я., Егорин А.З., Ульченко Н.Ю.* (отв. редакторы). Ислам и общественное развитие в начале XXI века. М., 2005.

¹⁹ Четыре юридическо-правовые школы суннитского ислама – ханбалитская, ханифитская, маликитская и шафиитская. Названия этих школ связаны с именами их основателей – Ахмада ибн Ханбала, Абу Ханифы, Аш-Шафии и Малика ибн Анаса.

²⁰ Аш-Шейх Абдалла бен Маниа ли «Аш-Шарк Аль-Аусат»: уталиб би хивар диний саудий байн куль аль-мазахиб ва аль-фирак (Шейх Абдалла бен Маниа заявляет «Аш-Шарк Аль-Аусат»: я призываю к общесаудовскому религиозному диалогу между всеми мазхабами и течениями). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 17 марта 2006.

²¹ Имама шиийя табхус аль-хивар фи Аль-Касым (Шиитская чалма и диалог в провинции Аль-Касым). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 26 апреля 2007.

²² В течение немногим более трех лет своей деятельности (август 2003 – конец 2006 г.) Центр национального диалога организовал и провел пять «национальных встреч». Проходившая в декабре 2003 г. в Мекке «национальная встреча» была посвящена причинам возникновения внутрисаудовского террористического подполья. Следующая же (июнь 2004 г., Медина) – «правам и обязанностям женщины» в саудовском обществе, темой третьей «национальной встречи» (декабрь 2004 г., г. Дахран, Восточная провинция) – проблемы саудовской молодежи. Темой четвертой «встречи» (декабрь 2005 г., г. Абха – центр провинции Асир) был назван «Национальный взгляд на взаимодействие с культурами мира», пятой (ноябрь 2006 г., провинция Аль-Джуф) – «Образование: реальность и пути развития». Наконец, в начале 2007 г. Центр национального диалога заявил о начале подготовки новой, шестой «национальной встречи» на тему «Сфера труда и занятости: диалог общества и предприятий». (См. об этом: Марказ аль-малик Абдель Азиз лиль хивар аль-ватаний. Далиль таарифий (Центр национального диалога им. короля Абдель Азиза. Ознакомительный справочник). Эр-Рияд, 2004; Марказ аль-малик Абдель Азиз лиль хивар аль-ватаний. Далиль таарифий. Эр-Рияд, 2006; King Abdulaziz Center for National Dialogue. An Introductory Guide. Riyadh, 2005; Марказ аль-малик Абдель Азиз лиль хивар аль-ватаний. Аль-

лика аль-ватаний ас-садис лиль хивар аль-фикрий «Ат-Таъалим: аль-вакиъа ва субуль ат-татвир». Аль-Ликаат ат-тахдырийя (Центр национального диалога им. короля Абдель Азиза. Шестая общенациональная встреча диалога «Образование: реальность и пути развития». Региональные встречи). Эр-Рияд, 2007; а также: Аль-Лика аль-ватаний ас-сабиъа юъакад тахт унван: «Маджялат аль-амаль ва ат-таузиф: хивар байн аль-муджтамаъа ва муассасат аль-амаль» (Темой седьмой общенациональной встречи станет «Сфера труда и занятости: диалог общества и предприятий»). – <http://www.kacnd.org>.

²³ Здесь и далее см.: Хадим Аль-Харамейн: харисун аля ислях ахваль аль-араб ва аль-муслимин ли ат-тасадди ли ахтар аль-фитна байн аль-мазахиб ва иштиаль ан-низаа ат-гаифий.)

²⁴ Здесь и далее текст принятой Генеральной Ассамблеей ООН 8 сентября 2000 г. Декларации тысячелетия Организации Объединенных Наций цит. по: <http://www.un.org>.

Декларация тысячелетия выдвинула «восемь целей в области развития», включающих «ликвидацию крайней нищеты и голода», «обеспечение всеобщего начального образования», «поощрение равенства мужчин и женщин и расширение прав и возможностей женщин», «сокращение детской смертности». Кроме того, в списке этих «целей» – «улучшение охраны материнства», «борьба с ВИЧ/СПИДом, малярией и другими заболеваниями», «обеспечение экологической устойчивости» и, наконец, «формирование глобального партнерства ради развития». (См.: Доклад о целях в области развития, сформулированных в Декларации тысячелетия за 2005 г. – Там же.)

²⁵ Здесь и далее см.: Визара аль-иктисад ва ат-тахтыт: аль-када аля аль-фикр фи аль-муджтамаъа ас-саудий хияль амейн (Министерство экономики и планирования заявляет: в течение двух лет в саудовском обществе будет покончено с бедностью). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 25 апреля 2007.

²⁶ Истимар 80 мильон доллар ли халль мушкиля аль-факар джузрийян фи ас-саудийя (Инвестирование 80 млн. долларов для полной ликвидации бедности в Саудовской Аравии). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 1 мая 2007.

²⁷ Истисмарат ас-сейидат ас-саудийят татахатта хаджиз 16 мильяр доллар (Инвестиции саудовских женщин превысили 16 млрд. долларов). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 20 марта 2007.

Эти данные, обнародованные отделом статистики Торгово-промышленной палаты Джидды (важнейшего центра экономической активности в Саудовской Аравии), дополняются и тем, что более 20% всех капиталов, вложенных в саудовские инвестиционные фонды,

принадлежат женщинам, владелицами почти 20 тыс. мелких и средних предприятий также являются женщины (им принадлежит более 21% всех капиталовложений, что составляет более 16 млрд. долл., в предприятия частного сектора саудовской экономики). – Там же.

²⁸ Иртифаъа нисба аль-атылят ан аль-амаль фи Ас-Саудийя иля 26% минхунна 29% джамийийат (Доля безработных женщин в Саудовской Аравии выросла до 26%, среди них 29% – выпускницы университетов). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 20 марта 2007.

²⁹ Здесь и далее см.: Хадим Аль-Харамейн: харисун аля ислях ахваль аль-араб ва аль-муслимин ли ат-тасадди ли ахтар аль-фитна байн аль-мазахиб ва иштиаль ан-низаъа ат-таифий.

³⁰ В ходе нынешнего «восьмилетнего плана» развития в Саудовской Аравии, по данным саудовской генеральной инспекции по делам технического образования и профессиональной подготовки, будут созданы 42 технических факультета для юношей и 39 – для девушек. Кроме этого, в стране возникнет 35 центров профессиональной подготовки для представителей обоих полов. – Аль-Мунтада аль-арабий ли ат-таалим: 18% аль-баталя байн аль-харриджин фи ад-дувваль гейр ан-нафтыйя ва 8% фи Аль-Халидж (Арабский форум образования: 18% безработных среди выпускников нефтегазовых стран и 8% – в странах Залива). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 26 апреля 2007.

³¹ Хадим Аль-Харамейн: аль-алям яиш ляхза дубабийя ва баад аль-кывва ля тафхум табиа аль-машакиль фи аль-алям аль-ислямий (Служитель Двух Святынь: мир переживает запутанный этап своего развития, а некоторые силы не понимают природу проблем, с которыми сталкивается исламский мир). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 26 августа 2006.

³² Здесь и далее см.: Хадим Аль-Харамейн: харисун аля ислях ахваль аль-араб ва аль-муслимин ли ат-тасадди ли ахтар аль-фитна байн аль-мазахиб ва иштиаль ан-низаъа ат-таифий.

³³ См., в частности, передовую статью печатного органа министерства иностранных дел Саудовской Аравии журнала «Ад-Дипломасий»: Ас-Сияса аль-хариджийя ас-саудийя: иатидаля ва мухафаза аля ас-савабит (Саудовская внешняя политика: умеренность и следование принципам постоянства). – Ад-Дипломасий, Эр-Рияд, № 25, октябрь 2005. С. 5–6.

³⁴ Здесь и далее см.: Хадим Аль-Харамейн: харисун аля ислях ахваль аль-араб ва аль-муслимин ли ат-тасадди ли ахтар аль-фитна байн аль-мазахиб ва иштиаль ан-низаа ат-таифий.

³⁵ Аль-Фейсал С. Аль-Аслиха ан-нававийя ва издиваджийя аль-мааиир (Ядерное оружие и двойственность стандартов). – Ад-Дипломасий, Эр-Рияд, № 31, ноябрь 2006. С. 1.

³⁶ Текст резолюции бейрутского саммита ЛАГ 2002 г., включившей арабскую мирную инициативу звучал следующим образом: «Совет Лиги арабских государств на уровне глав государств и правительств на своей XIV-й сессии подтверждает решение проходившей в Каире в июне 1996 г. чрезвычайной сессии Совета, подчеркнувшего, что справедливый и всеобъемлющий мир является стратегическим выбором арабских государств, опирающихся на международную законность. Этот выбор обязывает Израиль пойти на ответные шаги.

Заслушав выступление Его Высочества принца Абдаллы бен Абдель Азиза, наследника престола Королевства Саудовская Аравия, в котором он провозгласил инициативу, призывающую к выводу израильских войск со всех оккупированных в 1967 г. арабских территорий, а также выполняя резолюции №№ 242 и 338 Совета Безопасности, поддержанных решениями Мадридского совещания 1991 г. и принципом "земля в обмен на мир" и предполагающих создание независимого и суверенного палестинского государства со столицей в Восточном Иерусалиме, арабские государства, основываясь на этом, установят в рамках всеобъемлющего мира естественные отношения с Израилем.

Исходя из убежденности арабских государств в том, что военное решение конфликта не обеспечит ни одной из сторон мира или безопасности:

1. Совет требует от Израиля пересмотреть его политику в пользу мира, также заявив, что справедливый мир является его стратегическим выбором.

2. Совет также требует от него выполнения следующих обязательств:

а) полный вывод войск со всех оккупированных арабских территорий, включая сирийские Голанские высоты, к линии, существовавшей до 4 июня 1967 г., а также вывод войск со все еще остающихся оккупированными территорий юга Ливана; б) нахождение справедливого и согласованного решения проблемы палестинских беженцев на основе резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 194; в) согласие с созданием независимого и суверенного палестинского государства на оккупированных после 4 июня 1967 г. палестинских территориях – на Западном берегу и в Секторе Газа со столицей в Восточном Иерусалиме.

3. В ответ арабские государства осуществляют следующее:

а) будут считать арабо-израильский конфликт закончившимся и заключат с Израилем мирный договор, обеспечивающий безопасность всем государствам региона; б) установят естественные отношения с Израилем в рамках этого всеобъемлющего мира.

4. Будут гарантировать отказ от всех форм расселения палестинцев в силу того, что они противоречат особому положению в принимающих арабских странах.

5. Совет призывает правительство Израиля и всех израильтян принять изложенную выше инициативу ради сохранения возможности мира и остановки кровопролития, что позволит арабским государствам и Израилю жить в мире рядом друг с другом, а также обеспечит будущим поколениям безопасность, способствующую процветанию и стабильности.

6. Совет призывает международное сообщество, все государства и организации, поддержать эту инициативу.

7. Совет предлагает руководству Лиги создать специальную комиссию из числа представителей нескольких заинтересованных членов и Генерального секретаря для осуществления необходимых контактов, связанных с реализацией этой инициативы, а также ее поддержкой на всех уровнях, прежде всего, со стороны ООН, Совета Безопасности, Соединенных Штатов, Российской Федерации, мусульманских стран и Европейского Сообщества». – Цит. по тексту резолюции: Насс мубадара ас-салям аль-арабийя ал-ляти атлякатха кымма Бейрут аль-арабийя амм 2002 (Текст арабской мирной инициативы, принятой бейрутским саммитом ЛАГ в 2002 г.). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 27 марта 2007.

³⁷ Тафиль мубадара ас-салям аль-арабийя (Возобновление арабской мирной инициативы). – Васайк кымма Ар-Рияд (Документы Эр-Риядского саммита). – <http://www.mofa.gov.sa>.

³⁸ См.: Хадим Аль-Харамейн: харисун аля ислях ахваль аль-араб ва аль-муслимин ли ат-гасадди ли ахтар аль-фитна байн аль-мазахиб ва иштиаль ан-низаа ат-таифий.

³⁹ Здесь и далее см.: Аль-Малик Абдалла ядъу аль-филистынийин ли хивар хиядий бидун тадаххулят хариджийя фи Макка (Король Абдалла призывает палестинцев к прямому диалогу без внешнего вмешательства в Мекке). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 29 января 2007.

⁴⁰ Текст Мекканского соглашения цит. по: Насс Иттифак Макка байн харакатей ФАТХ ва ХАМАС (Текст Мекканского соглашения между движениями ФАТХ и ХАМАС). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 9

февраля 2007. См. также его анализ в: *Косач Г.Г.* ФАТХ и ХАМАС: соглашение достигнуто? – http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html.

⁴¹ Здесь и далее см.: Хадим Аль-Харамейн: харисун аля ислях ахваль аль-араб ва аль-муслимин ли ат-тасадди ли ахтар аль-фитна байн аль-мазахиб ва иштиаль ан-низаа ат-таифий.

⁴² Здесь и далее см.: Насс аль-баян аль-хитамиий ли ад-даура ас-сабиа ва аль-ишрин ли Аль-Маджлис Аль-Ааля ли кадат дувваль Маджлис ат-таавун ли дувваль Аль-Халидж аль-арабийя – кымма аш-шейх Джабер (Текст заключительного коммюнике двадцать седьмой сессии Высшего Совета руководителей государств Совета сотрудничества арабских государств Залива – саммита шейха Джабера). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 11 декабря 2006.

⁴³ Говоря о путях решения иракской проблемы, саудовский министр иностранных дел С. Аль-Фейсал, выступавший 8 мая 2007 г. на пресс-конференции по итогам проходившего в саудовской столице заседания XVII сессии Совместного министерского совета стран-членов Европейского Сообщества и государств ССАГЗ, говорил: «Мы все ощущаем моральную ответственность за то, чтобы содействовать выходу Ирака из его нынешнего кризиса. Но наибольший груз лежит на плечах самих иракцев. Иракское правительство обязано решить задачи исторической важности, связанные с восстановлением безопасности и стабильности, искоренением очагов насилия и терроризма, роспуском незаконных вооруженных формирований, достижением национального примирения и обеспечением равенства прав и обязанностей, включая и равное участие в использовании национальных богатств, всех религиозных и политических групп иракского населения». С. Аль-Фейсал считал необходимым оказание всесторонней помощи иракскому правительству в решении этих задач. – Сумувв вазир аль-хариджийя яакуд муатамаран сухуфийян муштаракан маа Маали вазир аль-хариджийя аль-альманий (Его высочество министр иностранных дел проводит совместную пресс-конференцию с Его превосходительством министром иностранных дел Германии). – <http://www.mofa.gov.sa>.

⁴⁴ Аль-Малик Абдалла юшаббих аль-минтака би хаззан аль-баруд (Король Абдалла сравнивает регион с пороховой бочкой). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 10 декабря 2006.

⁴⁵ Здесь и далее см.: Насс аль-баян аль-хитамиий ли ад-даура ас-сабиа ва аль-ишрин ли Аль-Маджлис Аль-Ааля ли кадат дувваль Маджлис ат-таавун ли дувваль Аль-Халидж аль-арабийя – кымма аш-шейх Джабер.

⁴⁶ О дальнейшем развитии этого начинания см.: *Косач Г.Г.* Мухаммед Эль-Барадеи в Эр-Рияде: МАГАТЭ и нынешние региональные проблемы. – <http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/15-04-07a.htm>.

⁴⁷ Здесь и далее см.: Хадим Аль-Харамейн: харисун аля ислях ахваль аль-араб ва аль-муслимин ли ат-тасадди ли ахтар аль-фитна байн аль-мазахиб ва иштигаль ан-низаъа ат-таифий.

⁴⁸ В распространенном в начале апреля 2007 г. интервью С. Аль-Фейсала журналу «Ньюсуик» глава саудовского внешнеполитического ведомства, касаясь Ирана, в частности, говорил: «Мы предостерегли их в связи с ядерным вопросом: "Не играйте с огнем. Не думайте, что угроза американского наступления на Иран не существует. Считайте, что это реальная или даже конкретная угроза. Почему вы не воспользуетесь случаем, а, напротив, наносите ущерб собственной стране? Почему вы спешите? Почему так важно для вас осуществить обогащение урана в этом году, а не в следующем или через два года, даже через пять лет? Почему вы так спешите в этом вопросе?"». Касаясь же состоявшегося 3 марта 2007 г. официального визита иранского президента Махмуда Ахмадинежада в Эр-Рияд и переговоров между ним и королем Абдаллой, с. Аль-Фейсал подчеркивал: «Он (король Абдалла – Г.К.) сказал ему: "Вы вмешиваетесь в арабские дела". Ахмадинежад выслушал, а потом сказал: "Мы не вмешиваемся". Но мы ему сказали: "Вне зависимости от того, отрицаете ли вы это или нет, но в отношении Ирана возникают плохие чувства. Мы думаем, что вам следует прекратить это делать"». Продолжая эту тему, с. Аль-Фейсал также отмечал: «Несомненно, что то, что делает Иран, это – вмешательство в дела Ирака. Мы сказали им, что это им не пойдет на пользу, но принесет огромный ущерб. Но мы ни в коей мере не собираемся становиться стороной, конфликтующей с Ираном. Мы поставили иранцев в известность, что их вмешательство в арабские дела вызывает ответную возмущенную реакцию в арабском и мусульманском мире. Другие мусульманские государства также жалуются на иранское вмешательство в их внутренние дела. Мы откровенно и ответственно говорили с ними (иранцами – Г.К.) на эту тему». – Сауд Аль-Фейсал: аль-мубадара аль-арабийя ляйсат кадыйя аль-иатираф би Исраиль ва лям накуль бататан иннаха фанус сихрий (Сауд Аль-Фейсал: арабская инициатива это не проблема признания Израиля, да мы никогда и не говорили, что она является волшебной лампой). – Аль-Хаят, 1 апреля 2007.

О визите М. Ахмадинежада в Эр-Рияд см. также: *Косач Г.Г.* О визите президента ИРИ Махмуда Ахмадинежада в Саудовскую Аравию. – http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html.

⁴⁹ Здесь и далее см.: Хадим Аль-Харамейн: харисун аля ислях ахваль аль-араб ва аль-муслимин ли ат-тасадди ли ахтар аль-фитна байн аль-мазахиб ва иштиаль ан-низаа ат-таифий.

⁵⁰ Итоги визита короля Абдаллы в эти страны рассматриваются в: *Косач Г.Г.* Саудовская Аравия: азиатское турне короля Абдаллы. – http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html.

⁵¹ Важность визита короля Абдаллы в Турцию определялась, в частности, тем, что, как он подчеркивал в ходе встречи с премьер-министром этой страны Р.Т. Эрдоганом, «Турция и в прошлом, и в настоящем прилагает усилия, направленные на поддержку палестинского народа, на поиск справедливого решения арабо-израильского конфликта и играет активную роль в Организации Исламская Конференция на благо ислама и мусульман». Важны, тем не менее, и саудовско-турецкие экономические связи. В 2004 г. объем саудовского экспорта в Турцию, представленного нефтью, газом, текстилем и продукцией нефтехимии, составил 1,8 млрд. долл. В том же году общей объем турецкого экспорта в Саудовскую Аравию (металлоизделия, фрукты, ковры и продукция машиностроения) достиг 961 млн. долл. По заявлению Р.Т. Эрдогана, визит короля Абдаллы придаст новый импульс торгово-экономическим связям между двумя странами, объем которых, как надеется турецкий премьер-министр, к 2009 г. составит 7 млрд. долл. Турецкие компании уже играют существенную роль в саудовском строительном секторе, где доля их капиталовложений достигла 30 млрд. долл. – См. об этом, в частности, в англоязычной версии органа саудовского министерства иностранных дел журнале «Diplomat». – *First Visit of a Saudi King to Turkey in 40 Years.* – *Diplomat, Riyadh, Issue 3, September 2006.* С. 4–6.

⁵² Хадим Аль-Харамейн: харисун аля ислях ахваль аль-араб ва аль-муслимин ли ат-тасадди ли ахтар аль-фитна байн аль-мазахиб ва иштиаль ан-низаа ат-таифий.

⁵³ *Al Naimi A.* Oil and Gas Industry in Saudi Arabia and their Role in the Development of National Economy. – Arab Economics Forum, Beirut, 4–5 May 2007. – <http://www.mopm.gov.sa>.

⁵⁴ Здесь и далее см.: Хадим Аль-Харамейн: харисун аля ислях ахваль аль-араб ва аль-муслимин ли ат-тасадди ли ахтар аль-фитна байн аль-мазахиб ва иштиаль ан-низаа ат-таифий.

**ЭКОНОМИКА СУДАНА:
НА ПУТИ К УСТОЙЧИВОМУ РОСТУ?
ИТОГИ 2006 г.**

2006 год стал очередным этапом быстрого роста экономики Судана. На фоне многочисленных политических кризисов и плохо реализуемых мирных соглашений экономика страны, прежде всего ее центральной и северной частей, уже пятый год подряд показывает очень неплохие темпы роста, значительно опережая средние показатели стран региона Ближнего Востока и Северной Африки (см. диагр. 1).

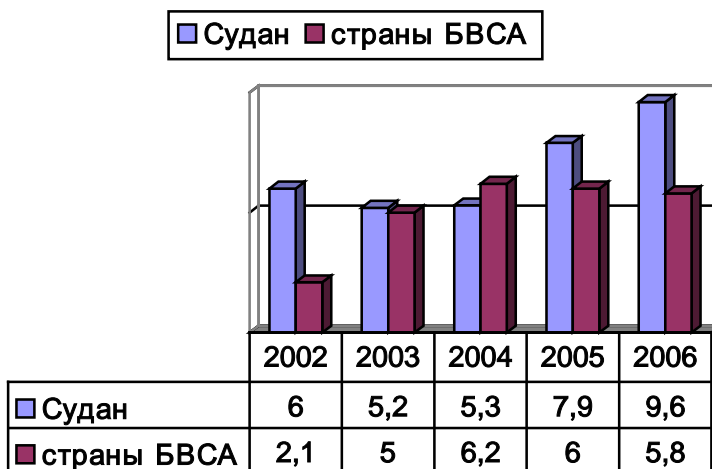
По итогам 2006 г., рост ВВП Судана, по предварительным оценкам, составил 9,6%, что является достойным показателем для любого государства, а тем более для страны, ряд регионов которой не являются образцами политической стабильности. ВВП Судана, в 2005 г. составлявший 29,6 млрд. долл. (7204,9 млрд. суд. дин.), по итогам 2006 г. оценивается в 39,7 млрд. долл. (8609,1 млрд. суд. дин.) Более высокие абсолютные показатели роста в долларовом выражении обусловлены сильным укреплением динара в отчетном году, о чем будет говориться ниже.

Рост суданской экономики, естественно, основывается прежде всего на постепенно растущих добыче и экспорте нефти. Если в 2005 г. в Судане в среднем добывались 282,1 тыс. барр. в день, то в 2006 г., согласно оценкам, уже 309,3 тыс. барр. По итогам года по этому показателю Судан вышел на шестое место в Африке (после Нигерии, Алжира, Ливии, Анголы и Египта). По прогнозам Economist Intelligence Unit, уровень добычи в 2007 г. значительно возрастет и может составить в среднем 509,6 тыс. барр. в день, а в 2008 г. – уже 660². Официальные оценки суданского правительства намного оптимистичнее. В начале декабря 2006 г. министр энергетики Ахмад аль-Джаз заявил, что суданское руководство к 2008 г. планирует выйти

на уровень добычи нефти в 1 млн. барр. в день. Однако эти прогнозы в силу неустойчивости добычи вызывают серьезные сомнения.

Диаграмма 1

**Рост ВВП Судана и стран Ближнего Востока
и Северной Африки: 2002–2006 гг.¹**



В сентябре 2006 г. министр финансов и национальной экономики Судана Зубейр Мухаммад Хасан представил кабинету министров доклад о росте экономики в первом полугодии. По данным суданской статистики, прямые иностранные инвестиции за отчетный период выросли на 69% – с 1,064 млрд. долл. до 1,799 млрд. К концу года инвестиции из-за рубежа достигли 2,4 млрд. долл., совокупный иностранный капитал в суданской экономике вырос до 8 млрд. долл. (почти 20% ВВП). По итогам года Судан занял третье место по прямым иностранным инвестициям в арабском мире. Среди инвесторов лидируют КНР, ОАЭ, Саудовская Аравия, Индия, Малайзия. При этом необходимо упомянуть, что иностранные инвесторы вынуждены в обязательном порядке вести дела совместно с суданскими коллегами: согласно суданскому законодательству, большинство акций в любой действующей в стране компании должно принадлежать гражданам Судана. Однако инвесторам предо-

ставляются существенные и длительные налоговые скидки, в том числе и освобождение от таможенных пошлин³.

Министерство финансов и национальной экономики разработало пятилетний план экономического развития, согласно которому в 2007–2012 гг. предполагается сохранять среднегодовые темпы роста ВВП на уровне 8–10%. В плане приоритет отдается вложениям в развитие инфраструктуры страны, повышению производительности труда в сельском хозяйстве и промышленности. Планы суданского правительства вполне достижимы – по прогнозам Всемирного валютного фонда, в 2007 г. экономика страны вырастет на 11,1%⁴, в 2008 – на 10,2%⁵.

В Судане быстро развиваются телекоммуникационный и строительный секторы, увеличиваются, хотя и медленно, темпы дорожного строительства. В планах не только расширение крайне недостаточной сети шоссейных дорог, но и модернизация существующих, но находящихся в упадке железных дорог.

Ощутимые экономические успехи Судана признаны международными финансовыми организациями. Характерно, что в 2006 г. в Судане было восстановлено представительство Всемирного банка, закрытое в 1993 г., правительство ведет переговоры о членстве в ОПЕК и ВТО.

Однако, несмотря на быстрый рост, в 2006 г. сохранились и прежние, традиционно характерные для суданской экономики проблемы, и появились новые. Одним из негативных последствий увеличения в стране денежной массы, в том числе и свободно конвертируемой валюты, стало нарастание потребительского спроса. Вследствие неспособности суданских производителей покрыть потребности растущего слоя обеспеченных людей резко – на 42% в первом полугодии – возрос импорт. Во внешнеторговом сальдо Судана, на протяжении практически всей полувековой истории независимого развития, имевшего дефицитный характер, существует значительная разница между стоимостью экспортируемых и импортируемых товаров. В 2006 г. доходы от экспорта в условиях высоких нефтяных цен составили 6 млрд. долл. (на сырую нефть приходится основная доля экспорта), а расходы на импорт достигли 8,7 млрд.

Согласно прогнозам, в ближайшие годы дефицит внешнеторгового сальдо останется большим: в 2007 г. экспорт может составить 8,6 млрд. долл., импорт – 10,9 млрд., в 2008 г. экспорт оценивается в 9,7 млрд. долл., а импорт уже в 12,5 млрд.⁶ Таким

образом, дефицит будет сохраняться на уровне 2,4–2,7 млрд. долл., что в условиях укореняющейся привычки обеспеченных слоев суданского населения к высокому уровню потребления, относительной слабости национальной экономики и зависимости экспорта от нестабильных цен на нефть может негативно сказаться на экономике.

Еще одной проблемой экономики Судана, тесно связанной с двумя вышеуказанными, является значительный дефицит платежного баланса, который, по прогнозам, в ближайшие годы, в связи с ростом капитальных вложений и увеличения расходов на социальные нужды, будет плавно нарастать. В 2005 г. дефицит составил 3 млрд. долл., а в 2006 г. в абсолютном выражении увеличился почти вдвое до 5,5 млрд. долл. В 2007 г. прогнозируется показатель дефицита на уровне 6,7 млрд., в 2008 г. – 7,1 млрд.

Многие эксперты уже говорят о чрезмерной и все возрастающей зависимости экспорта и доходов бюджета от нестабильных цен на суданскую нефть на мировых рынках. При относительно низком качестве суданской нефти (в частности, высокой кислотности сырья на блоках 3 и 7) в случае падения мирового спроса на нефть экспортеры из Судана могут оказаться первыми из пострадавших. Специалисты отмечают, что в том случае, если правительство не займется диверсификацией экспорта и бюджетных поступлений, оно может оказаться в очень непростой ситуации при обвале цен на нефть или какой-то кризисной ситуации на экспортных трубопроводах. Кроме того, эксперты указывают, что оценки министерства финансов объемов добычи завышены, фактические объемы снижаются⁷. Очевидно, что в случае развития ситуации по сценарию постепенного наращивания экспорта углеводородов и при недостаточном внимании к другим отраслям экономики суданский несырьевой экспорт потеряет всякую конкурентоспособность на внешних рынках, и страна может в скором времени оказаться в «ресурсной ловушке».

Специфической чертой суданской экономической жизни в 2006 г. стало резкое ослабление доллара и укрепление динара⁸. Это явление, разумеется, не стало ни для кого новостью: Банк Судана, следуя рекомендациям МВФ, проводит линию на укрепление национальной валюты с 2004 г. Если в 2004 г. средний курс доллара США к динару составлял 258, то в 2005 г. – уже лишь 244. Но 2006 г. стал резко обвальным для доллара –

к концу года курс упал до 200 динаров за доллар, при этом средний курс за год составил 217. Среднегодовое укрепление динара составило 12%.

Кроме финансовой политики суданских властей, падение курса, естественно, было обусловлено и рядом других факторов: ослаблением доллара на мировых валютных рынках, массовым притоком в Судан нефтедолларов и прямых иностранных инвестиций. Дальнейшее изменение курса прогнозировать сложно. При сохраняющемся росте иностранных инвестиций в Судан и потоке нефтедолларов, большая часть которых оседает в Хартуме, дальнейшее падение вряд ли будет столь же быстрым, как в 2006 г.: укрепление национальной валюты может негативно сказаться на ориентированных на экспорт отраслях экономики, не связанных с нефтью.

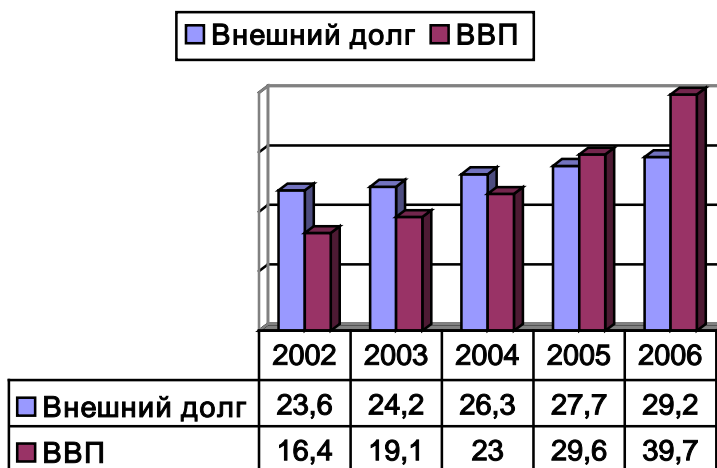
Одновременно с укреплением динара 2006 г. характеризовался и высоким уровнем инфляции, что было во многом вызвано августовским решением правительства на 30% повысить цены на топливо и сахар. Несмотря на многочисленные протесты оппозиции, которая вывела на улицы значительные массы людей, решение пересмотрено не было.

Традиционно очень важной проблемой суданской экономики уже на протяжении нескольких последних десятилетий, с середины 70-х годов, остается большой внешний долг. Задолженность по кредитам является одним из наиболее острых препятствий для устойчивого экономического развития страны.

Несмотря на позитивные тенденции последних лет, отмечаемые в экономике Судана, государственный внешний долг все же поступательно возрастает. За пять последних лет он увеличился на 5,6 млрд. долл. и в 2006 г. достиг 29,2 млрд. долл. Однако значительно более быстрые темпы роста ВВП Судана и его бюджетных поступлений в последние годы позволили несколько уменьшить остроту проблемы, снизив давление платежей по обслуживанию долга на расходную часть бюджета страны. Так, если в 2002 г. внешний долг составлял 144% от ВВП, что является крайне высоким показателем, то за последние пять лет это важнейшее для анализа состояния экономики страны соотношение долг/ВВП упало в два раза, составив 73,5%. Относительная динамика роста внешнего долга и ВВП приведена в Диаграмме 2.

Диаграмма 2

**Сравнительный рост внешнего долга
и ВВП Судана: 2002–2006 гг.**
(в млрд. долл.)



Несмотря на позитивную динамику, долг остается очень серьезным бременем для развивающейся и зависящей от мировых цен на энергоресурсы экономики страны. Показательно и то, что, несмотря на быстрый рост поступлений от экспорта нефти, абсолютный объем внешнего долга продолжает возрастать.

Необходимо отметить и тот факт, что стремительный рост ВВП Судана в долларовом выражении в последний год (на 10,1 млрд. долл.) обусловлен не только объективными экономическими тенденциями внутри страны, но и ослаблением доллара на мировых валютных рынках и курсом правительства Судана на укрепление суданского динара/фунта, о чем говорилось выше. Относительный рост ВВП в 2006 г., как указывалось, был значительно меньше – 9,6%, что, однако, является очень высоким показателем, тем более для страны с очень нестабильной политической обстановкой.

В настоящее время суданский внешний долг состоит из множества кредитов, предоставленных разными организациями в разное время, и накопившихся непогашенных платежей по обслуживанию долга и штрафов. Основную часть долга составляют кредиты, полученные на двусторонней основе (67%),

в том числе и от стран-членов Парижского клуба (32%), остальное приходится на задолженности многосторонним кредиторам (17%), коммерческим банкам (13%) и прочим внешним источникам (3%).

Из стран-членов Парижского клуба основными кредиторами Судана являются США (1,5 млрд. долл.), Австрия (1,4 млрд.), Великобритания (1,1 млрд.), Италия (0,926 млрд.) и Франция (0,889 млрд.). Из кредиторов, не являющихся членами Парижского клуба, по объему предоставленных Судану сумм лидирует Кувейт (3,9 млрд.), Саудовская Аравия (2,4 млрд.), КНР (1 млрд.), Иран (0,385 млрд.) и Ливия (0,409 млрд.). Из международных многосторонних кредиторов наибольшие суммы Судан задолжал МВФ (1,5 млрд. долл.) и Международной ассоциации развития (1,3 млрд.).

В структуре суданской внешней задолженности велика относительная доля просроченных платежей и штрафов. Так, основное тело долга по разным договорам составляет лишь 38% (более 11 млрд. долл.) от общей суммы задолженности, такого же уровня достигают и штрафы. В то же время просроченные платежи составляют 24% (7 млрд.)⁹.

Задолженность Судана перед Россией относительно невелика. Сумма долга по данным на 01.01.2007 г. составляет 1052,8 тыс. долл. и 1045,5 тыс. руб. Долг состоит из нескольких кредитов, предоставленных Судану еще СССР по договорам от 21.11.1961 г., 16.12.1975 г., 12.05.1976 г. и проходит по нескольким кредитным счетам Внешэкономбанка. Суданцы не платят процентов по долгу, и сумма задолженности постепенно увеличивается, хотя начисляемые проценты по советским государственным кредитам Судану ничтожны – по разным договорам от 2 до 2,5% годовых. Так, за 2006 г. валютный долг вырос всего на 13 тыс. долл.¹⁰

Исходя из размеров внешнего долга и объемов экономики, Судан относится к международной категории беднейших стран с большой задолженностью (БСБЗ). Соответственно, к нему могут быть применены программы облегчения долгового бремени путем реструктуризации долга, отсрочки платежей или так называемая Инициатива для БСБЗ, начатая еще на саммите «Группы восьми» в 1999 г. в Кельне. Инициатива подразумевает не списание долга или его части, а разработку программы сведения суммы задолженности к приемлемым для экономики страны объемам и минимизацию бремени долговых

платежей для платежного баланса государства. Для Судана в условиях хронически дефицитного платежного баланса (3 млрд. долл. в 2005 г., 5,5 млрд. в 2006 г. и, по прогнозам, до 6,7 млрд. в 2007 г.) и внешнеторгового сальдо (2,7 млрд. в 2006 г. и, по прогнозам, в ближайшие годы останется на том же уровне) эта инициатива может быть чрезвычайно актуальна.

Управлением суданским внешним долгом в настоящее время занимаются три ответственных правительственных органа: Комиссия по организации операций внешних заимствований, Верховная комиссия по контролю за внешними заимствованиями и Технический комитет. Помимо текущих вопросов по обслуживанию долга в полномочия этих комиссий входит и разработка инструкций по выстраиванию государственного курса на работу с внешними финансовыми кредитными рынками. Кроме указанных органов, за текущую работу с долгом отвечают также Управления внешнего финансового сотрудничества и бюджета в министерстве финансов и национальной экономики и Отдел внешнего долга в Банке Судана.

Учитывая указанные выше макроэкономические факторы, запутанную структуру суданской внешней задолженности и «размытость» ответственности за работу с долгом между несколькими государственными ведомствами можно с уверенностью сделать вывод, что суданское руководство не сможет решить проблему внешнего долга и ослабления его давления на экономику ни в среднесрочной, ни, тем более, в краткосрочной перспективе. Некоторое улучшение ситуации в 2006 г. может оказаться лишь относительным временным фактором, обусловленным притоком в страну нефтедолларов.

Завершая анализ макроэкономической ситуации в Судане, необходимо подчеркнуть, что общие показатели в целом позитивны. Быстрый рост ВВП, в том числе и душевого (с 307 долл. в 2001 г. до 903 в 2006 г.¹¹), свидетельствует об определенной экономической активности и позволяет все же надеяться на то, что у правительства окажется достаточно ресурсов для сохранения макроэкономической стабильности.

Однако ситуация в реальном секторе экономики остается крайне непростой. Многие проекты в области обрабатывающей промышленности, в которые некогда в рамках программ международной помощи или государственных программ содействия промышленному развитию были вложены значительные средства, ныне загружены либо частично, с использованием

лишь нескольких линий проектных мощностей, либо вообще простаивают. В модернизацию построенных предприятий, закупку нового оборудования средства чаще всего не вкладываются, так что возведенные с большими затратами заводы через некоторое время становятся неконкурентоспособными и просто останавливаются. Так, например, некогда Судан был крупным экспортером хлопка, и с 60-х годов в стране были построены 56 заводов по его очистке и переработке. Ныне 52 из них простаивают. Другим ярким примером может служить завод пищевых продуктов в г. Керима, построенный в 1962–64 гг. при помощи СССР и с использованием советского оборудования. Завод, до сих пор находящийся в собственности государства, за сорок с лишним лет практически не модернизировался, ныне из пяти линий функционирует только одна, но никаких шагов для модернизации и использования имеющихся мощностей суданцы не предпринимают.

Что касается крупных современных промышленных комплексов, то в середине 90-х годов суданские деловые круги и государство вложили в создание таких «очагов роста» внушительные по суданским меркам суммы. В результате, в 1997 г. в стране, фактически не имеющей опыта крупного промышленного производства, тем более в сфере обрабатывающей промышленности и машиностроения, открылись сразу два современных индустриальных комплекса – Saria и Giad.

Промышленный комплекс Saria изначально был компанией с участием государственного капитала, но после приватизации в 1998 г. перешел в частные руки. Мощности комплекса ориентированы на производство широкого спектра электротехнической и электронной продукции, упаковочных материалов, а также обмундирования для армии.

Расположенный к югу от Хартума промышленный комплекс Giad, на 100% государственный, создавался как флагман суданского машиностроения, и, прежде всего, автомобильной сборки. Производственные мощности комплекса позволяют выпускать широкий ассортимент транспортных средств от мотоциклов и тракторов до автомобилей бизнес-класса.

Работа двух суданских индустриальных «гигантов», при активной поддержке государства широко разрекламированных как полностью конкурентоспособных, мало чем отличается от проектов прошлого. Им свойственны нестабильность и крайне низкая загруженность производственных мощностей. По дан-

ным за 2003 г., мощности комплекса Saria были загружены на 22% в секторе упаковочных материалов и лишь на 1–2% в разных секторах электротехники. Опирающееся на госзаказ производство обмундирования для армии обеспечивает комплекс некоторыми средствами, однако при изменении политической ситуации в стране также может оказаться под угрозой.

Производственные показатели комплекса Giad также крайне низки. По данным за 2003 г. загрузку основных линий предприятия следует оценить в диапазоне от 1% в секторе микроавтобусов до 13% в секторе тракторов и 25% в автобусном цехе. Общий показатель загруженности производственных мощностей по всему комплексу составил всего 19,2%¹².

Значительная недогрузка производственных мощностей на «флагманских» промышленных предприятиях в слаборазвитой стране свидетельствует о крайне недальновидном маркетинговом планировании крупных проектов и позволяет сделать несколько выводов. Налицо крайне актуальный для Судана «человеческий фактор». При нехватке квалифицированных и опытных управленцев, способных успешно воплотить в жизнь проекты подобного масштаба, и отсутствии достаточного количества высококвалифицированных промышленных рабочих ситуацию на предприятиях с широким использованием наемного труда усугубляет традиционно безмятежное, если не сказать халатное, отношение суданцев к плодам своего труда, психологическое неприятие долговременной целенаправленной работы, забота о том, чтобы «не устать», а не на том, чтобы сделать дело. Это, несомненно, сказывается на темпах и характере экономического роста в стране.

Как уже отмечалось, серьезной проблемой для суданской экономики является крайне низкая квалификация суданских рабочих как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, что затрудняет не только внедрение новых технологий, но и подчас эксплуатацию простейшего оборудования. Например,купаемая в рамках государственных инвестиционных проектов сельскохозяйственная техника, по словам очевидцев, часто даже не доходит до полей. У суданских сельскохозяйственных рабочих порой просто не хватает навыков провести элементарные профилактические или ремонтные операции, и в итоге трактора и комбайны разбирают на запчасти или даже бросают на дорогах.

Возможно, выходом из тупиковой ситуации всеобщей безалаберности может быть широкомасштабная программа приватизации государственных предприятий, объявленная министерством финансов и национальной экономики еще 5 декабря 2001 г. Однако эта программа не предусматривает полномасштабной распродажи госсобственности: 25–30% активов приватизируемых предприятий должны остаться в руках государства. Соответственно, 21–26% должны быть проданы суданским инвесторам, 49% доступны для иностранных инвестиций. Однако программа, изначально планировавшая приватизацию 105 предприятий, реализуется медленно: ни суданские бизнесмены, ни иностранные инвесторы не спешат выкупать убыточные государственные заводы, предпочитая начинать новые проекты.

Суданское правительство прикладывает значительные усилия для привлечения иностранных инвесторов. В январе 2006 г. и в январе 2007 г. в Хартуме в Международном выставочном комплексе состоялись 23-я и 24-я международные выставки с участием компаний из множества стран мира, 16–20 ноября 2006 г. министерство промышленности провело первую выставку промышленных технологий. Эти мероприятия с участием суданского и иностранного капитала весьма масштабны для такой страны, как Судан.

Острейшее препятствие для развития – крайне неудовлетворительное состояние дорожной сети, практически исключаяющее из сферы современного хозяйственного развития подавляющую часть страны. Несмотря на растущее внимание к проблеме инфраструктуры и позитивные тенденции последних лет, особенно заметные в Хартуме, современные дороги с твердым покрытием существуют только в центральной и северо-восточной части страны. На юге проблема вообще стоит чрезвычайно остро: в столице Южного Судана г.Джубе, например, всего несколько асфальтированных улиц. За пределами города дороги грунтовые, в сезон дождей передвижение по большей части Южного Судана крайне ограничено. Приоритетным направлением развития транспортной сети юга страны объявлен воздушный транспорт, но практически это всего лишь декларация намерений.

Судан располагает одной из наиболее протяженных сетей железных дорог в Африке (более 4,5 тысяч км.), большая часть которых была построена еще в колониальный период и сейчас

находится в полуразрушенном состоянии. Модернизация железных дорог широко обсуждается в правительстве, намечены несколько приоритетных участков работ. Прежде всего это ветка Хартум – Порт-Судан, которая сейчас функционирует с перебоями, средняя скорость движения составов по ней – 25 км/ч. Ее модернизация позволила бы значительно ускорить движение грузов на основном экспортно-импортном направлении и явилась бы колоссальным стимулом экономического развития. В феврале Судан подписал с компаниями из Китая предварительное соглашение на сумму более чем 1 млрд. долл. о модернизации дороги. Работы рассчитаны на четыре года, на завершение любого проекта в срок для Судана является скорее исключением, чем правилом. Поэтому о скором удешевлении и ускорении импортно-экспортных операций говорить не приходится.

Краткое ознакомление с ситуацией в экономике показывает, что, несмотря на некоторые позитивные тенденции в ней, говорить о переходе к этапу устойчивого роста преждевременно. Даже преднамеренно оставляя за скобками статьи проблемы политического урегулирования кризиса в Дарфуре и неясные перспективы диалога по оси Север-Юг (а эти проблемы при их эскалации могут оказать крайне негативное воздействие и на экономику Судана), перед страной стоит большое количество социальных и хозяйственных проблем. Среди них и растущая зависимость от экспорта нефти, и качественный разрыв между отдельными секторами экономики, и продолжающаяся стагнация традиционного хозяйства, и крайне низкий уровень образования основной массы населения, ведущий к перенасыщению рынка труда при острой нехватке квалифицированных кадров в промышленности и других отраслях. Кроме того, чтобы обеспечить не секторный, а фронтальный рост уже в ближайшие годы, суданскому руководству предстоит вкладывать значительные средства в развитие инфраструктуры и вовлекать хотя бы в экстенсивную хозяйственную жизнь маргинальных регионов страны. Насколько готова суданская элита к такой целенаправленной деятельности по развитию экономики всей страны, а не только арабского севера, пока остается неясным.

Отдельной проблемой, требующей специального исследования, является быстро растущая зависимость экономики страны от инвестиций и импорта технологий из Китая, который получает основную часть суданской нефти, а также, в значи-

тельно меньшей степени, из Индии и Малайзии. Эта зависимость может обрести характер стратегической и при изменении политического положения вокруг Судана существенно повлиять на экономическую и политическую ситуацию в стране.

¹ Источник: Economist Intelligence Unit. Sudan, Country Report. December 2006.

² Economist Intelligence Unit. Sudan, Country Report. December 2006. С. 11.

³ Directory of Major Companies in Sudan 2005–2006. Beirut, Anis Press, 2006.

⁴ Вместе с тем, уже в мае 2007 г. в финансовых кругах Хартума утвердилось мнение, что в экономике не все складывается удовлетворительно, и в близкой перспективе просматривается стагнация.

⁵ IMF World Economic Outlook 2007.

⁶ Economist Intelligence Unit. Sudan, Country Report. December 2006. С. 11.

⁷ Sudanese experts predicted breakdown of Sudan economy. Citizen, 10.04.07.

⁸ С 1 января 2007 г. в оборот введена новая валюта – новый суданский фунт. 100 суданских динар = 1 фунту.

⁹ Подробнее о структуре задолженности см. Muhammed ElHassan Mekki. The Twin Challenge of Sudan's External Debt Problem & Resource Gap. Second Sudan Consortium Papers, 19–20 March – Khartoum.

¹⁰ По материалам Внешэкономбанка.

¹¹ IMF Sudan Country Report No. 06/182. May 2006. С. 20.

¹² Directory of Major Companies in Sudan 2005–2006. Beirut, Anis Press, 2006. ISBN 99942-816-4-X. С. 75, 148.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КУВЕЙТЕ НА РУБЕЖЕ XXI ВЕКА

Кувейт по праву считается политически наиболее развитым государством среди тех арабских стран Залива, где власть принадлежит правящим семьям, из числа которых выдвигается лидер, управляющий страной. Политические процессы в Кувейте получили мощный импульс к развитию после его освобождения от иракской оккупации.

Вторжение Ирака в августе 1990 г. поставило вопрос о стабильности кувейтского режима. Однако ни одна из оппозиционных политических группировок в период оккупации не попыталась воспользоваться ситуацией и выступить за свержение существующей власти. Консолидация кувейтского общества, поддержавшего в тот период эмира и правительство, подтвердила прочность власти в стране. Еще в середине января 1990 г., в саудовской Джидде был созван Конгресс кувейтского народа, в котором участвовали представители различных политических сил. Они подтвердили единство национального сообщества, как и безусловную поддержку им «главы государства» – эмира и «законного правительства Кувейта»¹. Тем не менее, тогда же ряд оппозиционных группировок, представленных, главным образом, исламистами и арабскими националистами, поставил вопрос о необходимости вернуться к парламентским нормам и соблюдать свободу прессы. Наиболее радикальные представители оппозиции требовали ограничения роли правящей семьи и превращения Кувейта в подлинную конституционную монархию². В этих требованиях, прозвучавших еще до освобождения страны от иракских оккупантов, и были, по сути дела, заложены будущие тенденции политического развития эмирата, которые в полной мере проявились в последующий период.

Роль парламента

В 1992 г. кувейтский парламент – Национальное собрание – был восстановлен. Этот институт государственной власти ак-

тивно включился в процесс реформирования экономики и оздоровления внутривластной ситуации в стране. Внимание парламентариев было в то время сосредоточено на проблемах борьбы с финансовыми злоупотреблениями и коррупцией, ответственность за которые несло правительство. В январе 1993 г. Национальное собрание приняло закон, обязывающий все государственные компании и инвестиционные организации проводить свои счета через единую аудиторскую компанию, которая, в свою очередь, должна была отчитываться перед соответствующей парламентской комиссией. Одновременно, Национальное собрание предложило усилить наказания тех государственных чиновников, которые допускали нарушения в расходовании общественных фондов. Финансовая деятельность отдельных министерств и ведомств подвергалась резкой критике со стороны депутатов парламента.

В начале 1994 г. парламент поднял вопрос о растрате государственных средств бывшим министром финансов и нефти – представителем правящей семьи. Против экс-министра и еще четырех государственных чиновников высшего ранга было начато судебное расследование. Трое из них были признаны виновными и приговорены к заключению на срок от 15 до 40 лет. Виновность бывшего министра не была доказана, и все обвинения с него были сняты³.

В апреле 1995 г. отчет парламентской комиссии о расследовании фактов коррупции в ходе закупок вооружений стал основанием для начала очередного судебного разбирательства. Национальное собрание настояло на том, чтобы ему было разрешено контролировать оборонные контракты и использование общественных фондов.

В мае 1995 г. был обнародован отчет парламентской комиссии, созданной в декабре 1992 г., которая расследовала обстоятельства захвата Кувейта Ираком в августе 1990 г. В отчете было отмечено, что правительство и военное руководство проявили «глубокое пренебрежение» к вопросам безопасности страны, «проигнорировав предупреждения о возможном вторжении»⁴. Важно и другое обстоятельство: в том же документе критике подверглись члены правящей семьи, а равно и министры правительства, покинувшие страну сразу же после ее оккупации, оставившие народ без политического и военного руководства.

В 1994–1995 гг. противоречия между правительством и парламентом приобрели еще большую остроту. Их углубление

стало следствием жестких дискуссий между шейхом Саадом Ас-Салимом Ас-Сабахом, наследным принцем, занимавшим в то время пост премьер-министра, и бывшим спикером парламента Ахмадом Абдель Азизом Ас-Саадуном, настаивавшем на том, чтобы правительство было сформировано только из избранных членов парламента⁵.

В июне 1997 г. была предпринята попытка покушения на депутата Абдаллу ан-Нибари, который представлял оппозицию и был ранее председателем Комитета по защите общественных фондов. Один из обвиняемых по этому делу оказался связан с министром финансов, против которого парламент проводил расследование. В ноябре того же года произошел взрыв в офисе ан-Нибари. Поступавшая из Кувейта информация утверждала, что нападения на этого депутата были мстью за активность в расследованиях коррупционных дел в отношении представителей правительства⁶.

В мае 1998 г. Национальное собрание одобрило законопроект, требовавший от государственных служащих декларировать свои доходы с тем, чтобы в атмосфере прозрачности государству было легче бороться с коррупцией в аппарате правительства.

Острые разногласия между правительством и парламентом были и по экономической политике.

Резкое падение цен на нефть в 1998 г. заставило власти поставить вопрос о необходимости проведения экономических реформ, в том числе приватизации и расширения базы иностранных инвестиций, в частности, в отраслях, связанных с нефтяной промышленностью. Несмотря на различие позиций, с одной стороны, правительственных структур, а, с другой, парламента, в стране, тем не менее, продолжался процесс либерализации экономики, чему способствовало вступление Кувейта в 1993 г. во Всемирную Торговую Организацию (ВТО). В апреле 2007 г. парламента принял новый закон, гарантирующий свободную конкуренцию в соответствии с действующими международными соглашениями и договорами⁷.

Депутаты парламента стремились расширить свое участие в принятии государственных решений, нередко вторгаясь в те сферы, которые дотоле считались прерогативой членов правящей семьи, контролировавшей законодательную и исполнительную власть через участие в правительстве, а также на основе широких полномочий, которыми обладал эмир. Парламент

не прекращал отслеживать все нарушения законов высшими должностными лицами, которые были заподозрены в финансовых нарушениях и в коррупции. Можно привести лишь несколько примеров. В июле 1999 г. правительство приняло новые правила, которые регламентировали выплату компенсаций вкладчикам, пострадавшим в результате банкротства еще в 1982 г. неофициальной фондовой биржи «Аль-Манах». Тогда потери понесли многие граждане Кувейта, и правительство начало выплачивать им компенсации. Новые правила были расценены членами парламента как неоправданно щедрые для потерпевших. Парламентарии заявляли, что среди пострадавших было много представителей правящей семьи, поэтому Национальное собрание бойкотировало исполнение этих постановлений⁸.

В 2003 г. Национальное собрание начало свое собственное расследование тех нарушений, которые были выявлены представителями американского правосудия в ходе проверки деятельности американской компании «Халлибартон», закупавшей нефтепродукты в Кувейте. Поставки осуществлялись «Кувейт Петролеум Компани» – государственной компанией – нефтяным монополистом с помощью посреднических фирм, что способствовало получению взяток и затрудняло контроль над ценами.

В 2007 г. парламент расследовал нарушения, которые имели место в ходе парламентских выборов 2006 г. Депутаты провели встречу с министром финансов и заместителем министра внутренних дел, имевшими отношение к их организации⁹.

Наступательная политика парламента, его жесткая критика в адрес правительства обостряли противоречия между этими ветвями власти. 21 мая 2006 г. эмир Кувейта шейх Сабах Аль Ахмед Ас-Сабах издал указ о роспуске Национального собрания Кувейта (парламента) и о назначении новых выборов, которые должны были состояться 29 июня 2006 г. Причиной роспуска стало то, что парламент выступил против решения правительства об изменении закона о выборах и о создании десяти избирательных округов вместо существующих двадцати пяти. Парламентская же оппозиция настаивала на сокращении числа избирательных округов до пяти. Кроме того, решение о роспуске парламента было принято после того, как парламент потребовал от премьер-министра страны отчитаться в своих действиях перед парламентом, и была назначена дата – 29 мая, когда премьер-министр должен был выступить перед

депутатами Национального собрания. Хотя эта процедура и предусмотрена конституцией, но в политической практике Кувейта она еще никогда не применялась.

Эмир Кувейта выступил с обращением к кувейтскому народу, которое передавалось всеми телеканалами страны. Он заявил, что «решение о роспуске парламента было очень трудным для него, однако, оно было вызвано кризисом в отношениях между исполнительной и законодательной ветвями власти в стране». В своей речи он подчеркнул необходимость всем представителям власти быть ответственными перед кувейтским народом, перед его будущим, заботиться о безопасности и стабильности государства, о благополучии его граждан. Завершая свою речь, эмир сказал, что «решение о роспуске Национального собрания является конституционным решением, которое даст возможность всем нам успокоиться, а нашим сердцам проникнуться надеждой, нашим умам подумать о том, в чем заключаются наши общие интересы и благо нашей родины в настоящем и будущем». Эмир также выразил надежду на то, что «между представителями исполнительной и законодательной власти состоится конструктивный диалог, направленный на укрепление конституционных и законодательных принципов в рамках тех основ, которые выработаны обществом для укрепления его безопасности и стабильности»¹⁰.

Парламентская оппозиция, которая создала блок «За изменения» во главе с бывшим спикером парламента Ахмадом Ас-Саадунум, сразу же после объявления эмиром о роспуске парламента заявила, что ее сторонники продолжат борьбу за изменение закона о выборах. Как считали представители оппозиции, большее количество избирательных участков позволяет легче осуществлять подкуп избирателей и проводить в парламент консервативно настроенных депутатов, которых поддерживают представители так называемых бедуинов, то есть тех, кто выступает за сохранение традиций, против изменений в общественной жизни и проведения реформ. Кроме того, во многих округах компактно проживают представители разных племен, кланов и религиозных групп (суннитских или шиитских), которые поддерживают своих кандидатов. Укрупнение избирательных округов, по мнению оппозиции, ослабит влияние традиционных связей на ход избирательных кампаний.

Однако главным требованием оппозиции было активизировать борьбу с коррупцией. Как заявил Ахмад Ас-Саадун: «Мы являемся свидетелями реального противостояния между силами коррупции и большинством народа, которое настроено на реформы и борьбу с коррупционерами. И мы не остановимся, пока не победим их». Он также подчеркнул, что граждане страны, в том числе и молодежь, не раз после очередного роспуска парламента выходили на улицы, чтобы поддержать предложенные оппозицией изменения закона о выборах. Правительство, по его мнению, проиграло, потому что депутаты, которые выступили за продолжение реформ путем внесения изменений в избирательный закон, были поддержаны народом. Парламентская оппозиция выступила с заявлением, в котором обвинила кабинет министров в том, что он не свободен от коррупционеров¹¹.

Блок «За изменения» получил поддержку со стороны другой фракции парламента, которую составляли члены движения «Братья-мусульмане». Депутат от этой фракции Насир ас-Саниа призвал создать «единый патриотический фронт» для успешного проведения будущей избирательной кампании и поддержки кандидатов-реформаторов. Депутат от салафитов – другой исламистской группы, также представленной в кувейтском парламенте, – тоже высказался за необходимость борьбы с коррупцией в интересах кувейтского общества и «общенационального блага»¹². Борьба с коррупцией в высших эшелонах власти, таким образом, объединила разнородные силы, представленные в парламенте. Поэтому роспуск парламента был не только решением эмира, но, вне всякого сомнения, был поддержан правительством и представителями правящей семьи, которые оказались под пристальным контролем со стороны парламента.

Роспуск парламента на основе указа эмира впервые состоялся в 1976 г., когда Национальное собрание было распущено, а также было отменено действие ряда статей конституции, в том числе той, которая устанавливала двухмесячный срок для избрания нового парламента. Тогда же эмир издал и указ, предусматривавший закрытие любого печатного органа, «политическая линия которого противоречит интересам нации»¹³. Правительство отказывалось сотрудничать с парламентом, который, якобы, был далек, как оно заявляло, от «принятия конструктивных решений, способствующих поступательному развитию страны». В составе Национального собрания,

начавшего свою работу в феврале 1981 г., большинство депутатов были представителями консервативных кругов, поддерживавших курс правительства. Парламент, избранный в 1985 г., также содействовал правительству в реализации усилий, направленных на стабилизацию внутривнутриполитической обстановки. Несмотря на это, спустя год после начала работы этого парламента, в 1986 г., власти, тем не менее, воспользовавшись обострением внутривнутриполитической ситуации, пошли на то, чтобы вновь приостановить парламентарскую деятельность.

В отличие от предшествующих роспусков парламента, когда возобновление его деятельности, предусмотренное 107 статьей Конституции, не было выполнено, в 2006 г. были соблюдены все конституционные нормы, и парламентар приступил к выполнению своих обязанностей в срок.

29 июня 2006 г. состоялись выборы в Национальное собрание Кувейта. Они прошли в срок, установленный конституцией на случаи досрочного прекращения полномочий предыдущего созыва парламента. Оппозиция получила 33 депутатских мандата, что на четыре мандата больше, чем в составе предыдущего созыва парламента. Из них 21 депутат – представители исламистских организаций. В прежнем парламенте их было 18. Среди исламистов 17 депутатов избраны суннитской частью населения страны и четыре депутата шиитами. Причем, среди суннитов были представлены члены двух противостоящих друг другу направлений – салафиты и Исламское конституционное движение, близкое по духу «братьям-мусульманам». Кроме того, в оппозиции находятся сторонники либеральных реформ¹⁴.

Столь мощное представительство исламистов в парламенте не может рассматриваться как новый феномен в политической жизни страны. Исламисты, прежде всего, Исламское конституционное движение – наиболее организованная и сплоченная сила, которая активно влияет на политическую жизнь, начиная с середины 70-х годов. После «исламской революции» в Иране в 1979 г. их популярность и влияние возросли. Светские политические группировки – либералы, левые демократы и технократы, смогли оттеснить исламистов лишь в годы ирано-иракской войны и террористической деятельности ряда радикальных исламистских группировок в самом Кувейте.

В период иракской оккупации исламистские группировки стали главными организаторами сопротивления, и их популяр-

ность необычайно возросла. Они получили значительное число мест в парламенте, избранном в 1992 г., и в последующих созывах парламента. Депутаты, представляющие исламистские группировки в парламенте прошлого созыва в январе 2006 г. объявили о создании первой политической партии Кувейта – партии «Аль-Умма (Нация)». Она не была официально зарегистрирована, потому что, согласно конституции страны, создание в Кувейте политических партий запрещено. Однако общественно-политические организации фактически исполняют роль партий. Оппозиционные политические группировки выступают с требованиями легализовать деятельность политических партий, чтобы изменить ситуацию в стране, в условиях которой выборы в парламент проходят часто на основе личных связей между кандидатами, религиозных, племенных или семейных предпочтений избирателей.

Позиции исламистов не отличаются радикальными требованиями, направленными на исламизацию страны. Главное их требование – возвращение к законам шариата. Они нередко блокируются с фракциями, выступающими за расширение основ демократии и критикующими правительство за финансовые злоупотребления и ошибки в проведении реформ.

Парламент является реальным органом власти. Он оказывает возрастающее влияние на политический курс страны. Кувейтский парламент начал свою работу в 1963 г. В соответствии с конституцией, Национальное собрание совместно с эмиром осуществляет законодательную власть. Статья 79 гласит, что «ни один закон не может быть издан без его утверждения Национальным собранием и одобрения эмиром». Эмир может вернуть на повторное рассмотрение законопроект, одобренный Национальным собранием и направленный ему для ратификации. В то же время законопроект автоматически приобретает силу закона, если он получает одобрение двух третей состава Национального собрания при голосовании на своей следующей сессии или же одобрение простого большинства на последующей сессии. Национальное собрание может заявить о своем недоверии любому министру, и в этом случае министр обязан подать в отставку. Кувейтский парламент не обладает, тем не менее, полномочиями отправить в отставку премьер-министра, однако, имеет право обратиться с предложением к эмиру, который должен в этом случае отправить в отставку главу правительства или же распустить парламент¹⁵.

Национальное собрание состоит из 50 членов, избираемых на основе прямого и тайного голосования в соответствии с законом о порядке проведения выборов. Министры, не избранные в Национальное собрание, считаются также его членами на основании занимаемой ими должности. Депутаты парламента участвуют в общественном договоре, заключаемом между правящей семьей и гражданами страны – *мубаяя*. Перед тем, как приступить к исполнению своих обязанностей, каждый из депутатов приносит зафиксированную в конституции клятву, текст которой гласит: «Клянусь Всемогущим Аллахом быть искренне преданным родине и эмиру, уважать конституцию и законы государства, заботиться о соблюдении свобод народа, его интересах и имущественных правах, а также честно выполнять мои обязанности»¹⁶.

Традиция принесения клятвы депутатами Национального собрания подтверждает сохранение принципа *мубаяя* и его роль в современной структуре разделения властей. Тем самым, возникает возможность, позволяющая, с точки зрения официальной идеологии страны, консолидировать кувейтское общество.

Политические права женщин

Впервые в истории Кувейта в выборах, проходивших в мае 2006 г., приняли участие женщины-гражданки этой страны. Закон, предоставивший политические права женщинам, был принят в 2005 г., хотя борьбу за его принятие либерально-демократические силы страны вели на протяжении многих лет. Это требование было выдвинуто еще в период деятельности парламента третьего созыва. В феврале 1971 г. депутат Национального собрания Салем аль-Марзук на основании петиции, поданной в парламент Социально-культурным женским обществом, вынес на обсуждение депутатов вопрос о предоставлении избирательных прав кувейтским женщинам¹⁷. Однако под давлением проправительственно настроенных депутатов этот вопрос был снят с повестки дня. Кувейтское женское движение продолжало отстаивать предоставление равных политических прав женщинам, рассматривая такую меру как показатель политической зрелости общества и степени его демократичности. Самые разные политические силы Кувейта поддерживали требование о предоставлении женщинам права избирать и быть избранными в парламент.

В 1999 г. эмир шейх Джабер Ас-Сабах, издал указ, который предоставил женщинам политические права. Однако указ надлежало одобрить депутатам парламента после его избрания в ходе очередных выборов. Парламент в ноябре 1999 г. отказался это сделать, мотивируя свое решение тем, что кувейтские женщины еще не готовы к политической деятельности. Активистки женского движения обратились с жалобой в Конституционный суд, однако, безрезультатно¹⁸. В последующий период они продолжали оказывать давление на правящую элиту, требуя включения женщин в политический процесс. Кстати, активными сторонниками политического равноправия женщин были депутаты, избранные от шиитской общины Кувейта. Шииты составляют религиозное меньшинство, так как подавляющая часть населения страны – мусульмане-сунниты. Ратуя за предоставление женщинам права участвовать в выборах, они, по-видимому, рассчитывали на увеличение численности своего электората. Однако результаты последних выборов не оправдали их ожиданий. Депутаты, представляющие шиитскую общину, получили только четыре депутатских места, что даже на одного депутата меньше, чем на предшествующих выборах¹⁹.

Среди кандидатов, представлявших женскую часть населения страны, были 28 претенденток на депутатский мандат в Национальное собрание²⁰. Однако ни одна из женщин не смогла одержать победу и пройти в парламент. По всей вероятности, отсутствие опыта участия в выборах было главной причиной их неудачи. Несмотря на то, что женщины не смогли добиться своего избрания, они приняли самое активное участие в голосовании. Среди электората Кувейта, принявшего участие в выборах, 57% составляли женщины²¹. Столь деятельное участие женщин в голосовании стало возможным и потому, что мужчины и женщины согласно мусульманским традициям были разделены на избирательных участках, и женщины могли не опасаться того, что их обвинят в нарушении мусульманских предписаний. Участие женщин в политической жизни в этой мусульманской стране стало свидетельством тех реальных сдвигов в направлении демократизации ее общественно-политической системы, которые там происходят. Однако в кувейтском обществе все еще высказываются сомнения по поводу готовности женщин участвовать в принятии ответственных политических решений, что, собственно, и нашло от-

ражение в результатах выборов, когда женщины не смогли получить ни одного места в парламенте.

В последние годы значительно возросло число работающих женщин. Вырос уровень их образования.

В составе правительства, сформированного премьер-министром шейхом Насером аль-Мухаммадом 25 марта 2007 г., женщины получили два министерских портфеля: министра просвещения и высшего образования и министра здравоохранения²².

Положение правящей семьи

Характер политического устройства Кувейта определяется в соответствии с положениями кувейтской конституцией, которые гласят, что власть передается по наследству потомкам Мубарака Ас-Сабах, рассматриваемого официальной историографией в качестве основателя современного кувейтского государства²³. При нем (в 1899 г.) был заключен договор с Великобританией, заложивший основы будущих взаимоотношений с этой державой, на протяжении длительного периода времени осуществлявшей опеку над Кувейтом. Пребывание у власти представителей правящей семьи Аль Сабах является, с официальной точки зрения, главным фактором легитимации государства Кувейт.

Это государство возникло, когда семья Аль Сабах вместе с другими семьями, входившими в род Утейба крупного племенного союза Анейза, переселилась из Неджда (центральная часть Аравийского полуострова) на берега Персидского залива, где уже существовало поселение Эль-Кувейт. Жители этого поселения избрали представителя семьи Аль Сабах своим правителем (*хаким*) и заключили с ним договор о взаимных обязательствах – *мубаяа*. В современном Кувейте этот факт и дает основание утверждать, что форма правления в Кувейте основана на демократии. Институт *мубаяа* является важной составляющей государственно-политической системы, сложившейся в Кувейте и сохранившейся, несмотря на последующие эволюционные изменения, связанной как с социально-экономическим развитием страны, так и с повышением значения Кувейта на международной арене.

В дальнейшем договор *мубаяа* был трансформирован в конституционную клятву, даваемую каждым из эмиров при вступлении в должность. Эта клятва зафиксирована в конституции страны в разделе, посвященном главе государства. Ста-

тья 60 этого раздела гласит: «Прежде чем приступить к выполнению своих обязанностей, эмир произносит на специальном заседании Национального собрания следующую клятву: "Клянусь Всемогущим Аллахом, что буду уважать конституцию и законы государства, заботиться о соблюдении свобод народа, его интересах и имущественных правах, гарантировать независимость Родины и неприкосновенность ее территории"».

Традиционное представление об обязанностях эмира, который должен заботиться о нуждах граждан своей страны, включая и их защиту от вооруженного нападения извне (кувейтская конституция, что отражено в ее 68 статье, запрещает ведение наступательных войн), наложилось на современные представления о нормативно-правовых основах государственной власти.

В официальной кувейтской идеологии отсутствует идея сакрализации верховной власти. Право эмира и правящей семьи Аль Сабах на власть основываются лишь на исторической традиции. Иными словами, эта группа национальной правящей элиты выполняет, главным образом, представительские и управленческие функции. В соответствии с конституцией источником власти является кувейтская нация. Эмир же – глава государства, и его личность неприкосновенна. В соответствии с 67 и 68 статьями конституции эмир занимает пост верховного главнокомандующего и имеет право объявлять оборонительную войну. Кроме того, в ст. 4 кувейтской конституции определяется порядок избрания наследного принца. Он должен быть назначен не позднее, чем через год, после вступления нового эмира в должность. Его назначение осуществляется на основании эмирского указа и одобрения большинством членов Национального собрания на специальной сессии парламента. В случае, если парламент не одобрил назначения эмира, то эмир должен предложить, по крайней мере, три кандидатуры на пост наследного принца из числа потомков Мубарака Ас-Сабаха. Национальное собрание в этом случае должно одобрить одного из кандидатов. В других статьях конституции положение правящей семьи в политике и общественной жизни никак не регламентируется.

Новым эмиром страны в январе 2006 г., после смерти Джабера Аль-Ахмада Ас-Сабаха, стал не наследник престола Саад Аль-Абдалла Ас-Салим Ас-Сабах, а премьер-министр Сабах Аль-Ахмад Ас-Сабах. Впервые в истории эмирата пар-

ламент не утвердил кандидатуру эмира, а выступил с инициативой избрания нового правителя государства в связи с тем, что наследный принц был болен и не мог выполнять свои обязанности. Утверждение кандидатуры нового эмира произошло путем голосования в парламенте. Повышение роли парламента как института представительной власти свидетельствует о серьезных изменениях в политической системе Кувейта.

Эмир Кувейта Сабах Аль-Ахмад Ас-Сабах принес клятву на заседании Национального собрания, тем самым, продемонстрировав сохранение традиции общественного договора – *мубаяа*. В то же время та роль, которую сыграл парламент в процессе его назначения, подтверждает то, что порядок распределения власти между правящей семьей и парламентом меняется. Конечно же, пока рано говорить о том, что правящая семья становится формальным институтом власти. Полномочия эмира и правящей семьи сохраняются в полном объеме в соответствии с конституцией страны и сложившимися традициями. Однако повышение значения парламента в процессе избрания нового правителя страны является несомненным подтверждением дальнейшей демократизации политической системы Кувейта и его стремления соответствовать тем требованиям, которые рассматриваются мировым сообществом сегодня в качестве универсальных. Кроме того, личные качества нового эмира свидетельствуют о том, что этот выбор не был случаен. Его отличительные черты – гибкость и взвешенность. Благодаря этим качествам он завоевал авторитет и признание не только у себя в стране, но и за рубежом.

Сабах Аль-Ахмад родился в 1929 г. В его биографических данных, которые содержатся на официальном сайте Государства Кувейт, отмечается, что он – вдовец, отец трех сыновей и одной дочери, увлекается рыбной ловлей. Такие сведения личного характера ранее в Кувейте не оглашались. Это, вне всякого сомнения, свидетельство расширения гласности в русле развития современных тенденций.

Сабах Аль-Ахмад начал карьеру в 1955 г., еще до получения Кувейтом независимости (это произошло в 1961 г.), когда был назначен главой департамента социальных дел и труда. В течение 40 лет (с 1963 по 2003 гг.) он исполнял обязанности министра иностранных дел²⁴. В 2003 г. возглавил кувейтское правительство, став премьер-министром. При этом было нарушено негласное правило, в соответствии с которым пре-

мьер-министром является наследный принц. Этот факт также подтверждает, что часть политических сил Кувейта пытается пересмотреть сложившиеся нормы политической практики и внести изменения, которые соответствовали бы требованиям времени. Еще одним подтверждением этому стало то, что не было принято во внимание правило чередования различных групп внутри правящей семьи. Сабах Аль-Ахмад – четвертый сын эмира Ахмада Аль-Джабера Ас-Сабаха и сводный брат умершего эмира Джабера Аль-Ахмада Ас-Сабаха. Он – представитель одной из ветвей правящей семьи – Аль Джабер. Согласно традиции, эмирами Кувейта становятся поочередно представители двух ветвей – Аль Джабер и Аль Салем. В данном случае традиция была нарушена. Для кувейтского парламента более существенным стали компетентность нового эмира и его верность избранному страной курсу на развитие демократии и проведение реформ, которые позволят Кувейту играть видную роль на мировой арене.

30 января 2006 г. эмир издал указ о назначении шейха Навафа Аль-Ахмада Аль-Джабера Ас-Сабаха наследным принцем. Это назначение было утверждено парламентом. Шейх Наваф – родной брат эмира. Он также представитель Аль Джабер, а не Аль Салем, как было предписано традицией. Таким образом, эта практика чередования двух влиятельных ветвей правящей семьи была в еще большей степени оттеснена на периферию общественно-политической жизни.

Новый наследный принц родился в 1937 г. Он начал свою карьеру в 1962 г. как губернатор провинции Хавалли. Затем занимал различные министерские посты, среди которых в течение наиболее длительного периода – пост министра внутренних дел. В 2003 г. шейх Наваф стал первым вице-премьером и сохранил за собой пост министра внутренних дел. Представители правящей семьи продолжают занимать ключевые посты в правительстве, такие как премьер-министр, министр иностранных дел, министр обороны и министр внутренних дел.

Институт правящей семьи, несмотря на отмеченные тенденции, все еще во многом определяет политический курс страны. Однако нарастают противоречия между парламентом и правительством, затрагивающие и правящую семью. Так, один из старейших депутатов парламента, представитель оппозиции Ахмад ас-Саадун, занимавший пост спикера в трех созывах высшего органа законодательной власти – Национального со-

брания Кувейта, выступил с предостережением от каких-либо шагов, направленных на изменение или отмену конституции. Он сказал, что «это будет означать государственный переворот и угрозу будущему страны»²⁵. Его заявление прозвучало в ответ на интервью представителя правящей семьи шейха Рашида аль-Хамуда кувейтской газете «Аль-Ватан», в котором он подчеркнул, что «те времена, когда шейх Абдалла ас-Салем (эмир Кувейта, правящий в период получения Кувейтом политической независимости в 1961 г. – *Е.М.*), благодетельствовал народ Кувейта, даровав ему конституцию, были лучше сегодняшних дней»²⁶.

По мнению ас-Саадуна, представитель правящей семьи намекал на постоянные трения между парламентом и правительством, а также парламентом и правящей семьей (формирующей исполнительную власть страны), что проявлялось в острых дискуссиях между представителями этих ветвей политической власти на страницах печати и во время различных встреч и конференций. Положение осложнилось после выступления спикера парламента Джасема аль-Хурафи, который заявил, что « конституция – это не Коран, и ее можно изменить»²⁷.

Эмир Кувейта – шейх Сабах Аль-Ахмад провел встречу с представителями правящей семьи. На ней присутствовали 250 человек, возраст которых превышал 40 лет, представлявших различные ветви семьи Ас-Сабах. На этой встрече были обсуждены последние политические события в Кувейте и та борьба, которая происходила между законодательной и исполнительной властями. Для депутатов парламента стало привычным резко критиковать деятельность правительства, выступать с запросами о деятельности отдельных министров, даже если они и члены правящей семьи. Столкновения между парламентом и правительством дали основания для предположений о возможном роспуске парламента и внесении изменений в конституцию, направленных на сокращение сферы полномочий кувейтского Национального собрания.

Слухи о грядущих конституционных изменениях вызвали беспокойство среди депутатов парламента. Последовали заявления представителей национально-демократической фракции Национального собрания, выражающей либеральные взгляды, о необходимости сохранить конституционные завое-

вания и добиться сплоченности кувейтского общества. Они отвергли любые попытки внести изменения в конституцию.

К кампании протеста подключилась и фракция парламента, придерживающаяся левых взглядов, связанная исторически с идеологией арабских националистов. В ее печатном органе журнале «Ат-Талиа» были опубликованы материалы против конституционных изменений и нападков на парламент²⁸. В журнале была также опубликована статья известного оппозиционера Абдаллы ад-Дуэйджа, в которой он комментировал встречу эмира с представителями правящей семьи²⁹.

Вся местная пресса откликнулась на происходящие события. Главный редактор ведущей кувейтской газеты «Ас-Сияса» Ахмад аль-Джаралла выступил в руководимом им издании со статьей, в которой отметил, что «собрание представителей правящей семьи опасно потому, что разделяет общество». Оно, подчеркивал этот известный кувейтский журналист и политический деятель, «непосредственным образом отразится на том, насколько эффективно семья будет действовать в структурах власти, насколько серьезно она может руководить страной и содействовать ее подъему. Несмотря на принципы демократии, – продолжал далее аль-Джаралла, – а также их способность создать некое подобие свободы и движения вперед, значение этих принципов в последнее время было намеренно преувеличено ради борьбы за власть, за то, в чьих руках она окажется, если действие конституции будет приостановлено или она будет изменена». Далее он добавлял: «Страна живет в ситуации двусмысленности, возникшей из-за противоречия между формой власти, с одной стороны, и тем, как действует эта власть, с другой. Ситуация двусмысленности вызвала к жизни бесконечные рассуждения, авторы которых позволяют себе ставить под сомнение конституцию, рассматривая существование правящей семьи как некий промежуточный временной этап в политической истории Кувейта». Развивая свою мысль, он, комментируя встречу эмира с представителями правящей семьи, отметил: «Правящая семья должна добиться единства. Ее разъединяют различные политические позиции. Эти позиции породили в душах некоторых членов правящей семьи преждевременные надежды в связи с той ролью и положением, которые они занимают в обществе. Они вспомнили о том, что эта семья – элита, задача которой править. Я надеюсь, что им был дан жесткий урок, который заставил их отка-

заться от самовозвеличивания и вернуться к тому, чем они должны быть»³⁰.

В свою очередь, другая влиятельная кувейтская газета – «Аль-Кабас» – опубликовала интервью с одним из представителей правящей семьи шейхом Саудом ан-Насыром, бывшим послом Кувейта в Вашингтоне и министром информации и нефти в правительствах предшествовавшего премьер-министра шейха Саада Абдаллы. Он призвал к «откровенности, открытости и диалогу», чтобы выйти «из политического кризиса, в котором оказался Кувейт» и охарактеризовал создавшееся положение как «кризис в отношениях между правящей семьей и народом». Шейх ан-Насыр подчеркнул, что «правлящая семья должна поддерживать конституцию, являющуюся основой веры и стабильности»³¹.

Довольно любопытная постановка проблемы была выражена спикером парламента Джасимом аль-Хурафи, который подчеркнул, что «все, что происходит на встречах малой или, иными словами, правящей семьи отражается на большой семье (Кувейте), на ее будущем и на единстве ее членов»³². Тем самым, спикер парламента обратился к давней национальной идее, выдвинутой после обретения национальной независимости, о том, что страна представляет собой единую семью всех кувейтцев. Из его слов вытекает, что правящая семья является частью кувейтского общества, «неразрывно с ним связанная и неотделимая от него».

Эмир страны шейх Ахмад ас-Сабах занял четкую и определенную позицию в отношении развивающихся событий. Выступая перед членами правящей семьи, он прямо заявил о своей поддержке конституции и о том, что он не допустит роспуска парламента, «будь-то на конституционной или антиконституционной основе». Он также заверил кувейтский народ в том, что в конституцию не будет внесено каких-либо изменений, и призвал «всех кувейтцев к национальному единству». В своей речи перед представителями правящей семьи эмир подчеркнул: «Мы не найдем народа лучше, чем народ Кувейта, а народ Кувейта не найдет лучше, чем правящая семья, тем более, что наши отношения имеют более чем 300-летнюю историю». Эмир также заверил, что не позволит никому нарушить «отношения, сложившиеся между правящей семьей и ее народом». Но он недвусмысленно заявил, что члены правящей се-

мы должны «стоять плечом к плечу, поддерживать друг друга ради интересов Кувейта и его будущего»³³.

Члены правящей семьи, которые присутствовали на встрече с эмиром, в своих выступлениях также призывали к единству своих рядов и совместным действиям на благо Кувейта. Они выразили удовлетворения результатами встречи, которая, по словам одного из них, «расставила все точки над "i"».

Эмир обратился к членам правящей семьи с такими словами: «Если у вас возникают какие-либо мысли или жалобы, или предложения, то у вас есть Совет управления правящей семьей во главе с шейхом Наввафом. Я также всегда открыт для вас. Я призываю вас свои проблемы не обсуждать на страницах прессы или в диваниях (традиционные собрания – *Е.М.*)». Далее он продолжил: «Я критикую тех полунинтеллигентов среди членов правящей семьи, которые пишут в газеты. Я спрашиваю их: "Разве они когда-нибудь пришли и сказали о своих проблемах лицом к лицу? Вот – шейх Ахмад аль-Хамуд. Он вышел из правительства и занял другой высокий пост. Какие же тут у него проблемы?". Затем шейх Ахмад ас-Сабах заявил: « Конституция не имеет никаких недостатков. Недостатки присутствуют в вас самих». Он также отметил, что «включение министра в состав правительства и его выход из правительства ничего не означает»³⁴. Тем самым он исключил возможность его собственной поддержки каких-либо действий представителей правящей семьи, связанных с их показателями войти в формируемый эмиром кабинет министров.

Пребывание у власти представителей правящей семьи является главным фактором легитимации государства Кувейт. Парламент страны, включая оппозицию, не ставит под сомнение право семьи Аль Сабах на власть. Речь идет лишь о том, что правящая семья утратила свое монопольное положение и стала одной из ветвей власти. Парламент, который играет все более активную роль в политической жизни страны, опасается, что отдельные представители правящей семьи могут выступить против сложившегося положения, воспользовавшись прежним опытом, когда парламент был распущен, а в конституцию были внесены изменения, ограничивающие политические права граждан.

* * *

Политические процессы в Кувейте, отражают изменения в обществе, которое постепенно трансформируется. Это происходит под влиянием переживаемых страной экономических и социальных сдвигов и, прежде всего, ускоренного развития предпринимательских слоев, которые получили новый импульс к укреплению своего статуса не только в экономике, но и в политической жизни, благодаря расширению процесса приватизации. Кроме того, Кувейт укрепляет свои связи с внешним миром, став членом ВТО и открыв двери для иностранных инвестиций. Проявившаяся в последнее время тенденция к отходу от традиционного распределения полномочий в политической сфере между представителями правящей семьи, правительством и парламентом постепенно будет усиливаться, хотя кардинальная смена режима пока еще невозможна.

¹ После захвата Кувейта иракскими войсками эмир, правительство и многие граждане страны получили убежище в Саудовской Аравии, которая в качестве лидера ССАГПЗ взяла на себя ответственность за освобождения своего партнера по организации от иракской оккупации.

² The Middle East and North Africa 2005. 51st edition. Europe Publications. 2005. P. 704.

³ Ibid. P. 708.

⁴ The Middle East and North Africa. P. 708.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

⁷ Аш-Шарк Аль-Аусат 04.04.2007 – <http://www.aawsat.com>.

⁸ The Middle East and North Africa. P. 709.

⁹ Kuwait Times 15.04.2007 <http://www.kuwaittimes.net>.

¹⁰ Аль-Ватан. 22.05.2006.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Аль-Ахрам, 30.08.1976.

¹⁴ Аш-Шарк Аль-Аусат 30.06.2006.

¹⁵ The Constitution of the State of Kuwait. Al-Kuwait, 1962. Article 101.

¹⁶ The Constitution of the State of Kuwait. Article 91.

¹⁷ Ас-Сияса. 06.02.1971.

¹⁸ The Middle East and North Africa. P. 710.

¹⁹ Аш-Шарк Аль-Аусат, 30.06.2006 – <http://www.aawsat.com>.

²⁰ Там же.

²¹ Аль-Кабас, 29.06.2006.

²² Dar Al Hayat – <http://www.daralhayat.com> 05.04.2007.

²³ The Constitution of the State of Kuwait. Article 4.

²⁴ Al-Divan Al-Amiri – <http://da.gov.kw/eng/amir/> 05.05.2007.

²⁵ Kuwait Times 15.04.2007 <http://www.kuwaittimes.net>.

²⁶ Аш-Шарк Аль-Аусат 15.04.2007 <http://www.aawsat.com>.

²⁷ Там же.

²⁸ Еженедельный журнал «Ат-Талиа» издается с 1962 г. Благодаря усилиям Сами Мунейса, который был его владельцем и первым главным редактором, он превратился в неофициальный орган арабских националистов, сыгравший большую роль в консолидации всех политических группировок, отстаивавших расширения процесса демократизации общественно-политической жизни в Кувейте.

²⁹ Аш-Шарк Аль-Аусат 15.04.2007 – <http://www.aawsat.com>.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Аш-Шарк Аль-Аусат 16.04.2007 <http://www.aawsat.com>.

³³ Аль-Кабас 15.04 2007 <http://www.alqabas.com>.

³⁴ Там же.

**ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА
В ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ИРАН**

Фарси, или персидский язык (далее ПЯ), являясь государственным языком Исламской Республики Иран, уже почти тридцать лет развивается в условиях теократического тоталитарного режима, пришедшего к власти в стране после победы в 1978–1979 гг. исламской революции. Новые условия его функционирования обусловлены масштабными изменениями во всех сферах жизни страны, интенсивно влияющими на выполнение языком своих коммуникативных функций.

В дореволюционный период ПЯ рассматривался как один из главных консолидирующих признаков иранской нации, инструмент объединения проживающих в стране крупных и более мелких этносов, относящихся к различным языковым общностям. Формально его статус, однако, не был зафиксирован в первой иранской Конституции 1905–1911 гг., хотя вплоть до исламской революции ПЯ де-факто выполнял функции единственного государственного языка многонационального государства. В этом качестве ПЯ использовался для реализации политики иранского великодержавного национализма и паниранизма, активно содействуя языковой ассимиляции неперсидских этносов, составлявших до половины населения страны. Одновременно с этим шел процесс подавления развития языков других этносов, в том числе обладающих многовековой культурной традицией, таких как азербайджанский, курдский, туркменский, постепенно и однозначно локализовывавшихся в Иране в сфере устного общения и неуклонно деградирующих.

В послереволюционный период произошло укрепление статуса ПЯ, который в соответствии с новой Конституцией страны, принятой в декабре 1979 г., был провозглашен государственным языком Ирана. Хотя основной Закон страны формально зафиксировал ряд прав и свобод неперсидских народов страны в области сохранения и развития их нацио-

нальных языков и культур, ПЯ продолжает оставаться важнейшим фактором культурно-интеграционных процессов. Это связано с тем, что национально-языковой вопрос в Иране так и не был решен, и большинство нововведений в сфере национального школьного образования и развития СМИ на национальных языках было аннулировано в течение первого после революционного десятилетия. Так, по отношению к крупнейшему неперсидскому этносу страны – азербайджанцам, количество которых колеблется, по различным оценкам, между 20 и 30 миллионами человек, проводится политика откровенной культурной дискриминации. Участились даже случаи изменения традиционной тюркской топонимики в провинциях компактного проживания азербайджанцев, ликвидируются остатки азербайджаноязычной прессы, подвергается ревизии национальная история. Это же касается и других крупных этносов страны.

В последние годы наметилась тенденция правового оформления монопольного положения ПЯ как единственного средства образования. Недавно Высший Совет культурной революции признал ПЯ единственным официальным языком ИРИ и постановил, что ПЯ будет единственным языком преподавания на всех степенях обучения внутри Ирана¹. Важно отметить и то, что политика религиозного руководства Ирана, особенно на первом послереволюционном этапе, игнорировала *языковые и этнические* признаки национальной общности, а в качестве определяющего выдвигала принцип *религиозного* единства. Именно основатель Исламской Республики Иран аятолла Рухолла Хомейни, будучи приверженцем доминирования религиозного фактора, обосновал на иранском примере необходимость следования догме «Исламская община – единая нация», блокирующей, по сути, решение проблемы национального развития проживающих в Иране меньшинств, в том числе таких многочисленных, как курды, азербайджанцы, арабы, туркмены и др. В условиях Исламской Республики Иран все движения нетитульных (то есть неперсидских) этносов за свои политические и культурные права рассматриваются как подрывающие власть центрального правительства, а значит – направленные против режима исламской республики. Базу для такого положения создает ныне действующая в Иране конституция, при составлении и принятии которой было проигнорировано абсолютное большинство поправок и добавлений, предложенных

представителями национальных меньшинств. Именно с этим обстоятельством связаны у представителей неперсидского населения страны чувства национальной неполноценности и второсортности. Это опирается, в частности, на ставшие достаточно рутинными факты грубейшей диспропорции при выделении бюджетных средств регионам с персидским и неперсидским населением. По данным иранской газеты «Новруз» за 2002 год, населенные преимущественно персами провинции Исфаган и Керман получают в 20 раз больше средств, чем насчитывающая примерно столько же жителей провинция Иранский Курдистан или населенная преимущественно азербайджанцами провинция Ардебиль. За прошедшие с тех пор пять лет существенных изменений в этой сфере не произошло. В таком контексте становятся понятными возникающие время от времени массовые выступления в курдских регионах страны, откровенно сепаратистские демонстрации в преимущественно арабоязычной южной провинции Хузестан. Не случайна и острая реакция азербайджанского населения страны на карикатуру в одном из майских номеров центральной газеты «Иран», задевшей национальные чувства второго по величине этноса и повлекшей беспорядки с многочисленными жертвами.

Таким образом, национализм монархии Пехлеви сменился после революции не признающим национальных и языковых различий исламизмом Хомейни, а затем – нынешнего религиозного лидера аятоллы Али Хаменеи. Проблема иранской интеграции на базе персидского этноса заменена в исламском Иране концепцией мусульманской солидарности на базе единой веры и единого языка – ПЯ. На прошедшем в августе 2007 г. в Мешхеде втором съезде Общества по распространению персидского языка и литературы был сделан акцент на важность фарси как наиболее значительный фактор национального единства в стране.

Развитие ПЯ в Иране неразрывно связано с активно проводимой в стране в течение ряда лет исламской культурной революцией. Как часть политического процесса, утвердившегося в Иране в результате прихода к власти исламских клерикалов, она имеет своей целью претворение идей исламской революции в сфере духовной жизни, в том числе в литературе, языке, театре, кино, прочих формах культурной деятельности. В течение всех лет после победы исламской революции в Иране проводилась последовательная работа по тотальной

исламизации духовной и культурной жизни, получившая после прихода к власти в августе 2005 г. президента-неоконсерватора Махмуда Ахмадинежада новый импульс.

Одним из серьезных факторов развития ПЯ в послереволюционном Иране являются его взаимоотношения с арабским языком. Ранее арабский язык, оказавший на ПЯ мощное влияние в разные периоды его развития, не обладал в Иране никаким статусом. В определенные периоды, в частности, в 1935–41 гг. в Иране даже активно проявлялись пуристические тенденции, направленные главным образом на сокращение доли арабизмов в ПЯ. Сразу после исламской революции в Иране арабский язык приобрел достаточно высокий формальный статус. По действующей в стране иранской Конституции 1979 года (*раздел 16, статья 2*) арабский язык был введен в качестве обязательного к обучению во всех классах общеобразовательной школы, и постепенно из языка, употреблявшегося преимущественно в сфере религиозного общения, он де-юре превратился во второе по значимости коммуникативное средство. Особенный динамизм изучение арабского языка приобрело в первые послереволюционные годы. Тогда в Иране регулярно транслировались даже специальные передачи, повсеместно были открыты курсы по его изучению, впервые организованы всеиранские соревнования чтецов Корана, получившие к настоящему времени громадную популярность. В стране начали выходить и до сих пор существуют центральные издания на арабском языке, многие официальные государственные сайты Интернета имеют арабскую версию. На арабский переводится вся продукция государственного иранского агентства печати ИРНА. Подробные выпуски новостей на арабском языке, рассчитанные в основном на внутреннюю аудиторию, транслирует круглосуточный всеиранский информационный телеканал IRINN.

Важным обстоятельством, несомненно влияющим на повышение статуса арабского языка в ИРИ и увеличение значения арабизмов в ПЯ, является относительный билингвизм ряда религиозных и светских лидеров страны, получивших профессиональное образование в мусульманских учебных заведениях, где преподавание ряда предметов велось на арабском языке. В той или иной мере арабским языком владеют религиозный лидер Ирана аятолла Али Хаменеи, нынешний президент страны Махмуд Ахмадинежад, его предшественник на этом посту Мохам-

мад Хатами, глава судебной власти аятолла Хашеми-Шахруди, бывший министр обороны адмирал Али Шамхани и др.

Закономерным шагом в государственном регулировании развития ПЯ в послереволюционный период явилось учреждение инструмента проведения языковой политики в лице Академии персидского языка и литературы. На Академию, официально созданную решением Высшего Совета культурной революции в июле 1990 года, было возложено и руководство многочисленными научными и государственными учреждениями в этой области. Главная задача, которую решает нынешняя Академия, как и ее предшественницы, функционировавшие в 1935–41 и 1970–1978 гг., – пополнение словарного состава ПЯ, причем в первую очередь за счет терминов современных отраслей знаний и передовых технологий. В сущности, ПЯ оказался неподготовленным к бурному развитию современной технологии, и в нем до сих пор остро чувствуется нехватка специальных терминов, большинство из которых просто транслитерируется персидской графикой и не всегда понятно даже специалистам тех или иных отраслей. В выпускаемой в Иране специальной литературе по таким отраслям, как компьютерные науки, электроника, информатика, а также в многочисленных отраслевых журналах особенно заметно отсутствие специальных терминов, большинство из которых внутри персидского текста обозначаются в оригинальной графике, т.е. большей частью на английском языке. Поэтому вполне естественно, что для ПЯ на данном этапе жизненно необходимо создать специальную терминологию, которая позволит как можно скорее заменить иноязычные заимствованные термины на их персидские аналоги. Именно этим и занимается Академия, имеющая в своем составе такие подразделения, как отделы составления энциклопедии ПЯ, компьютерной терминологии, апробации новой терминологии и др.

В деятельности Академии нет единого подхода к вопросу создания современной терминологии. Сторонники замены всех иноязычных терминов на собственно персидские, представляющие движение «языкового самообеспечения» (*ХОДКЕФАИЙЕ ЗАБАНИ*), встречают сопротивление со стороны тех языковедов, которые считают, что не все новые термины следует передавать автохтонными обозначениями. Единодушие существует лишь по отношению к судьбе европеизмов, которые пытаются изгонять силовым путем. В этом контексте следует от-

метить решение Собрания исламского совета (иранского парламента) от 18 октября 1995 года, запретившее использование западноевропейской лексики в государственных учреждениях. Тем самым перед Академией персидского языка и литературы ставилась задача замены лексики западноевропейского происхождения вновь создаваемыми персидскими словами, опирающимися на репродуктивные возможности ПЯ.

По прошествии более десяти лет после принятия этого решения можно, однако, констатировать, что такая задача не реализована. Косвенным подтверждением этого является заявление нынешнего президента Академии д-ра Хасана Хабиби, посетовавшего 25 июня 2006 г. в интервью информационному агентству ИСНА: «Наша проблема ныне не только в вестернизации (*ГАРБЗАДЭГИ*) языка, но и в потере им своего восточного характера (*ШАРКЗЭДАЙИ*)». Такое положение обусловило инициирование нынешним президентом страны Махмудом Ахмадинежадом в конце июля 2006 г. специального Указа, требовавшего от официальных государственных структур избегать использования иностранной (*БИГАНЭ*) лексики (под ней подразумевается лексика западноевропейского происхождения – В.М.) в ПЯ, внедряя персидские эквиваленты, предлагаемые Академией персидского языка и литературы к повсеместному употреблению. Этот же Указ обязывает правительственные структуры добиться унификации персидской орфографии, в которой до сих пор наблюдается существенный разноречивый. Последнее обстоятельство, как неоднократно отмечала иранская пресса, затрудняет внедрение передовых информационных технологий в сфере СМИ, в частности, в использовании поисковых машин в персидском Интернете, получившем в течение последних лет колоссальное развитие.

Особенно жесткую позицию по отношению к западноевропейизмам последовательно занимает религиозный лидер страны аятолла Али Хаменеи, рассматривающий их как рецидив «культурной экспансии Запада», «своеобразный яд». Будучи одним из апологетов жесткой борьбы с западным влиянием, аятолла Хаменеи считает, что с таким явлением должна вестись полномасштабная война. Отметим при этом, что политика в отношении арабского языка не предполагает изгнания арабизмов, как это было несколько десятилетий назад. Напротив, считает руководство Академии персидского языка и литературы, арабская лексика прочно закрепилась в ПЯ, она не

воспринимается как чужеродная и поэтому должна активно использоваться при создании новой терминологии.

Тотальная исламизация всех сфер культурной жизни страны влияет на функционирование ПЯ, в первую очередь на его лексико-семантическую систему, более всего подверженную разнообразному влиянию. В ПЯ гораздо чаще, чем в дореволюционный период, стали употребляться религиозные и религиозно-философские термины ислама. Неотъемлемой частью публицистического стиля стали коранизмы, вкрапляемые в персидский текст. С поднятием статуса арабского языка, особенно в первые послереволюционные годы, количество таких вкраплений было весьма значительным. Как считают идеологи исламского режима, их использование должно свидетельствовать об овладении широкими народными массами сакрального языка ислама.

В послереволюционный период заметно интенсивное изменение словарного состава ПЯ, его приспособление к новым реалиям политической и духовной жизни страны, что находит свое выражение в целых пластах лексики, отражающей утвердившиеся в иранском обществе новые концепции и институты теократического государства. В ПЯ сложился своеобразный «исламский стиль», характеризующийся такими чертами, как более частое, чем прежде, употребление ломаных форм множественного числа, возрастание доли арабизмов, гальванизация тех из них, которые раньше, до революции, реально отошли на периферию языка и употреблялись крайне редко.

Отметим и такую тенденцию, как широкое использование в ПЯ арабских атрибутивных сочетаний, активно создаваемых в ПЯ по арабской синтаксической модели и рассматриваемых как цельнооформленные лексические единицы. Такого рода лексические единицы становятся важной составляющей существенно исламизированного публицистического стиля в ПЯ. Многие из конструируемых сочетаний отражают сложившиеся в ИРИ политические, социальные или бытовые реалии. Например, *МААШШАИР* – «безалкогольное пиво», *МОДДАИОЛЬОМУМ* – «Генеральный прокурор» (наряду с персидским эквивалентом *ДАДСЕТАНЭ КОЛЛЬ*), *МАМНУОЛЬМОЛАКАТ* – «запрет на свидания» (с политическим заключенными), *МАМНУОЛЬХОРУДЖ* – «невыездной» (по политическим мотивам), *ДЖАДИДОЛЬВОРУД* – «вновь поступивший», *КАРЗОЛЬhАСАНЭ* – «беспроцентная исламская ссуда», *МАФКУДОЛЬАСАР* – «пропавший без ве-

сти» (на ирано-иракской войне), *МАМНУОЛЬЭНТЕШАР* – «запрещенный к публикации» и др.

ПЯ активно пополняется новыми терминами, отражающими понятия современных технологий. При этом в Иране считают, что необходимо добиться такого положения, когда большинство новых понятий будет передаваться терминами, сконструированными на базе персидского корнеслова по устоявшимся в ПЯ словообразовательным моделям. Сложившимися фактами ПЯ можно считать такие неологизмы последнего десятилетия, как *ХОДРОУ* – «автомобиль», *НАМАБАР* – «телефакс», *КАРБАР* – «провайдер», *ПАЙГАh* – «Сайт в интернете», *МАРДОМСАЛАРИ* – «демократия», *ДЖАhАНГЕРАЙИ* – «глобализация», *КАРТОНХАБ* – «ночующий в коробке, т.е. бездомный человек», *ФАЗАГАРД* – «космический турист», *ЧАРХБАЛ* – «вертолет», *РАСАНЭ* – «СМИ», *ЙАРАНЭ* – «субсидия», *ПАИАНЭ* – «терминал», *РАЙАНЭ* – «компьютер», *НАРМАФЗАР* – «программный компьютерный продукт», *ТАРАШЕ* – «чип», *РИЗТАРАШЕ* – «микрочип», *ЧАПГАР* – «принтер» и др. В последнее время, однако, в Иране неоднократно отмечалась необходимость более тщательной экспертизы процессов неологизации, использования апробированных научных подходов².

Ведущую роль в этом процессе играет именно Академия персидского языка и литературы, которая по состоянию на 2003 год официально утвердила использование более 500 новых терминов. В последнее время предлагаемые Академией неологизмы пропагандируются более активно, чем прежде, и их внедрение сопровождается использованием административного ресурса. Так, в сообщении информационного агентства ИСНА от 13 июня 2006 г. с предложением использовать рекомендуемый Академией термин *САЗМАНЭ МАРДОМНЭhАД* «неправительственная организация» (англ. *NGO*), говорится и о том, что этот термин (вместо использовавшегося прежде выражения *САЗМАНЭ ГЭЙР-Э ДОУЛАТИ*, являвшегося фразеологической калькой от англ. *Non-Governmental Organization*), ввел в оборот вице-президент страны ходжатоль-эслам Хадж-Али Акбари, затронув на своей первой на этом посту пресс-конференции проблему такого рода организаций.

Вместе с тем ряд иранских лингвистов высказывает мнение, что Академия не в состоянии адекватно отвечать потребностям общества. Так, член ученого совета Университета

Фердоуси в Мешхеде Махмуд-Реза Акрамифард считает, что Академия просто "отстает от жизни" на пять лет. Именно с таким отставанием она предложила персидский эквивалент вошедшего во многие языки англоязычного термина SMS (аббревиатура англ. Short Message Service) в форме *ПАЙАМАК*. В случае с термином *РАЙАНЭ* – "компьютер" этот срок составил 10 лет³. Трудно не согласиться с утверждением Акрамифарда о том, что Академия должна немедленно реагировать на появление новых технологических новинок, однако для конструирования нового термина и его адаптации в языке необходимо время, измеряемое годами. Использование административного ресурса позволяет более оперативно вводить в оборот новые термины. Так, начатая в Иране летом 2007 г. кампания экономии бензина, связанная с введением в стране режима экономии топлива, потребовала выработки и введения в речевой оборот специального термина, обозначающего автомашину, способную использовать не только обычное топливо, но и электрические батареи. Уже 21 июля 2007 г. на заседании Совета по словотворчеству Академии языка был рассмотрен, принят и рекомендован к использованию термин *ХОДРУЙЕ ДО НИРУ* (двухсиловая машина)⁴.

В последние годы иранское руководство уделяет серьезное внимание проблемам развития и функционирования ПЯ. Это вытекает из сути языковой политики иранского руководства, направленной на укрепление позиций ПЯ как единственного государственного языка страны, его всемерное овладение персидским населением страны. С другой стороны, здесь видно признание непреложности факта, что эйфория первых лет после исламской революции, связанная с активными попытками насаждения арабского языка, не встретила массовой поддержки населения и поэтому довольно быстро пошла на убыль.

Развитие ПЯ мыслится иранским руководством в качестве одной из мер для сохранения единства страны, поддержания ее национальной индивидуальности, культурной самобытности. Нынешний религиозный лидер страны аятолла Хаменеи отстаивает идею ПЯ как символа иранской нации в рамках исламского строя, фундамента ее менталитета, языка, выполняющего важные функции в исламском сообществе. Так, в своем выступлении на Первой Всемирной ассамблее преподавателей персидского языка в Тегеране 5 января 1996 года он отметил,

что распространение ислама в Средней Азии и на Индостанском полуострове осуществлялось благодаря персидскому языку и посредством персоязычных народов. Дополнительные аргументы привел бывший президент Ирана Мохаммад Хатами. Выступая в 2003 году на Первом национальном иранистическом конгрессе в Тегеране, он заявил, что ПЯ с самых первых веков ислама предстает как язык для осмысления Божественного откровения, приобретя статус священного языка, с помощью которого мусульмане и немусульмане заявляли о своих духовных достижениях. В подобном ключе высказываются и зарубежные иранисты, особенно в тех странах, где иранская культура имеет прочные корни и давние традиции. На состоявшихся в мае 2006 г. шестых Всеиндийских курсах переподготовки преподавателей ПЯ в Лакхнау (Индия), профессор-иранист Асафа Замани назвал ПЯ одним из национальных языков Индии, подчеркнув при этом: « Фарси не является для нас иностранным языком, он для нас имеет несомненное историческое значение». Ректор университета Лакхнау д-р А.Б. Сингх особо подчеркнул лексическую близость ПЯ с урду – одним из самых важных по количеству носителей языков Индостанского полуострова. Резко возросли масштабы изучения ПЯ и в другой стране Индостанского полуострова – Бангладеш. Атташе по культурным вопросам Посольства ИРИ в этой стране Мохаммад-Реза Хашеми привел такие цифры: в одном только столичном университете Дакки ПЯ и персидскую литературу изучают около 120 студентов и докторантов. Всего за послереволюционный период количество изучающих ПЯ в Бангладеш увеличилось втрое. Все крупнейшие университеты этой страны имеют договоры о сотрудничестве с самыми авторитетными центрами высшего образования Ирана. Ежегодно выделяются стипендии десяткам студентов из Бангладеш, специализирующихся в иранских университетах в изучении ПЯ. Преподаватели ПЯ из этой страны приглашаются на курсы усовершенствования языка, проводимые под эгидой Организации исламских связей⁵.

С середины 1990 гг. в Иране пропагандируется идея ПЯ как инструмента исламской культуры, второго языка ислама. Эта идея была неоднократно поддержана и религиозным лидером страны аятоллой Али Хаменеи. Иранское руководство последовательно озвучивало идею превращения фарси в один из официальных языков международных исламских организа-

ций. Эту мысль, например, высказывали в декабре 2001 г. в Тегеране на саммите стран-членов Организации Исламской Конференции тогдашний президент Ирана Мохаммад Хатами и религиозный лидер страны Али Хаменеи, однако тогда идея не была реализована. В июне 2006 г. ПЯ наряду с русским, китайским и английским был объявлен одним из официальных языков Шанхайской Организации сотрудничества (ШОС) – формирующейся мощной международной структуры военно-политического направления, объединяющей Китай, Россию, Казахстан, Киргизию, Таджикистан и Узбекистан в качестве полноправных членов и Иран, Индию, Монголию и Пакистан как наблюдателей. Таким образом, ПЯ будет функционировать в престижном статусе официального языка организации, объединяющей половину населения земного шара. В таком же контексте расширения функционирования ПЯ как одного из важных региональных языков следует рассматривать и постепенно реализуемую в Иране идею создания международной сети исламского телевидения, большая часть программ которого будет готовиться на ПЯ.

Иранское руководство уделяет большое внимание задаче пропаганды ПЯ в зарубежных странах. Ее реализация возложена на специальную правительственную структуру – Организацию исламской культуры и связей (*САЗМАНЭ ФАРХАНГ ВА ЭРТЭБАТАТЭ ЭСЛАМИ*) – ОИКС. В ее составе имеется Центр по распространению фарси за рубежом. Сотрудники Центра работают в различных зарубежных странах в составе культурных представительств Ирана. Особенно динамичную деятельность они проводят в государствах бывшего СССР, в первую очередь – Центральной Азии и Южного Кавказа. На одной из последних встреч представителей этой организации, работающих за рубежом, отмечалось, что продвижение ПЯ за рубежи Ирана является одним из главных направлений культурной деятельности исламского режима в международном аспекте. Под эгидой ОИКС открыты центры изучения ПЯ в 22 зарубежных странах, куда Министерством науки ИРИ ныне командированы для работы 18 высококвалифицированных иранских преподавателей.

В прошлом 1385 году по иранскому солнечному календарю (21 марта 2006 – 20 марта 2007 г.) ОИКС организовал внутри Ирана и за его рубежами 14 курсов повышения квалификации преподавателей ПЯ и персидской литературы, аспирантов и

студентов, провел юбилеи и памятные заседания в честь видных деятелей современной иранистики. По данным директора Центра по распространению фарси за рубежом ОИКС Али-Аскара Мохаммада Хани⁶, иранских преподавателей фарси предполагалось командировать для проведения различных курсов в 10 зарубежных стран. По словам А-А. М. Хани, значительные средства, как и прежде, ассигнуются для оснащения по линии ОИКС учебных центров иранистики за рубежом. Цель их деятельности была разъяснена в одном из выступлений духовного лидера Ирана аятоллы Хаменеи, где отмечалось, что распространение ПЯ за рубежом связано с необходимостью пропаганды идей исламской революции: «Фарси имеет для нас приоритетное значение в плане пропаганды идей революции и революционного исламского мышления». Таким образом, в Иране ПЯ все больше связывается с религией и исламской культурой, именно поэтому все еще остающаяся релевантной идея экспорта исламской революции в немалой степени опирается на религиозно-культурное влияние, что в значительной мере подразумевает активное продвижение ПЯ в соседние страны.

Важное значение иранское руководство уделяет отношениям со странами фарсиязычного ареала – Таджикистаном и Афганистаном. В последние годы Иран стал инициатором тесного сотрудничества фарсиязычных народов в развитии ПЯ. В резолюции второго съезда Общества по распространению персидского языка и литературы, состоявшегося в конце августа 2007 г. в Мешхедском университете имени Абулькасема Фердоуси, подчеркивалась роль ПЯ как общего культурного наследия фарсиязычных народов, способного служить эффективным консолидирующим фактором⁷. В этом плане планируется наладить взаимодействие с соответствующими научными и учебными заведениями Таджикистана и Афганистана. Тем самым станет возможным использовать лексические возможности таджикского языка и языка дари для пополнения специальной терминологии ПЯ. В то же время это поможет реализации процесса интенсивного сближения трех близкородственных языков. В этом направлении уже сделаны первые шаги. В частности, по инициативе Тегерана создана Организация фарсиязычных народов, которая провела уже несколько Конгрессов, обсуждавших в практической плоскости вопросы культурного сотрудничества Ирана, Афганистана и Таджикистана.

В ходе официального визита президента ИРИ Махмуда Ахмадинежада в Таджикистан 25–27 июля 2006 года этот аспект сотрудничества был определен одним из приоритетов взаимодействия двух стран. В его рамках будут реализованы проекты в сфере ПЯ, в частности – расширение подготовки таджикских иранистов-филологов в иранских вузах, помощь в оснащении кафедр ПЯ в таджикских вузах новейшим компьютерным оборудованием, создание совместных учебников, сотрудничество лексикологов и лексикографов двух стран и др. Практическая работа уже началась. Так, в руководящий Совет Академии персидского языка и литературы в Тегеране уже введены крупнейшие ученые-иранисты из Душанбе. В сентябре 2007 г. Министерство образования Таджикистана сообщило о поступлении в его распоряжение 140 тысяч экземпляров учебника арабской графики. Этот учебник создан для таджикских школ в рамках сотрудничества министерств народного образования двух стран. Планируется издание и других учебников для школ Таджикистана⁸.

Широкая пропаганда ПЯ развернута в странах, имеющих с Ираном налаженные экономические и политические связи. Так, в Национальном Исламском университете Иордании он стал с 1994 года обязательным предметом для студентов как один из важнейших языков исламского сообщества. Кафедры ПЯ открыты в 152 из 160 индийских университетов. Для более успешного продвижения ПЯ в зарубежные страны в Иране налажено издание учебников для иностранных студентов и специалистов, желающих усовершенствовать свой уровень владения ПЯ. По сообщению иранского информационного агентства ИСНА от 29 апреля 2006, в Тегеране четвертым изданием за последние годы тиражом в 3 тысячи экземпляров выпущен учебник АЗФА (*АМУЗЭШЕ ЗАБАНЭ ФАРСИ*) «Изучение персидского языка», составленный профессором Тегеранского университета Ядулло Самарэ. Этот англоязычный учебник в пяти томах общим объемом 1260 страниц пользуется большим спросом в зарубежных странах. Кроме того, в последние годы в Иране проводится большая работа по подготовке и изданию компьютерных компакт-дисков и аудио- и видеоматериалов для изучения и совершенствования ПЯ, рассчитанная на распространение за рубежом. Растет и количество иностранных студентов, изучающих в Иране ПЯ. Заместитель министра науки Ирана по международному сотрудниче-

ству Арслан Корбани в интервью прессе 22 мая 2006 года сообщил, что только на отделениях аспирантуры по иранской филологии иранских университетов обучаются 100 иностранных студентов.

Культурные представительства Ирана за рубежом устраивают в последние годы Международные студенческие Олимпиады на знание ПЯ и персидской литературы. На уровне России такие олимпиады проводятся на базе Института стран Азии и Африки Московского университета, собирая несколько десятков участников из многих университетов России, причем как традиционных центров иранистики, так и новых, открытых не так давно в вузах Астрахани, Новосибирска, Екатеринбурга, Казани, Уфы, Махачкалы.

Расширение изучения ПЯ за рубежами Ирана, а следовательно – рост знаний об этой стране и ее сегодняшних реалиях, по мысли иранского руководства, поможет в значительной мере снизить критический потенциал зарубежных фарсиязычных радио и телестанций, «... функционирующих отнюдь не на пользу Ирану»⁹. Сюда отнесены такие радиостанции, как круглосуточная «Фарда» и «Голос Америки» с 4 часами ежедневного вещания (США), BBC (Великобритания) с ежедневным 6-часовым вещанием, «Немецкая волна» (ФРГ) с ежедневным 2-часовым вещанием, «Голос Израиля» с ежедневным полуторачасовым вещанием, Французское международное радио с таким же объемом вещания, радио «Голос России» с ежедневным двухчасовым вещанием. В Иране расценивают деятельность этих радиостанций как направленную «... на ослабление строя Исламской Республики Иран и конфронтацию с ним»¹⁰.

Таким образом, языковая политика в Иране характеризуется как активной регулирующей деятельностью государственных структур, так и попытками использовать государственный язык в качестве инструмента экспорта идеологических концепций исламской революции, его динамичным продвижением в зарубежные страны, в первую очередь в регионы традиционного и потенциального распространения исламской культуры.

¹ ИСНА, 31 августа 2007 г., код новости 973780.

² <http://www.isna.ir>, 30 августа 2007 г., код 987962.

³ Хорасан, 26.08.2007.

⁴ Фарс, 03.09.2007.

⁵ Фарс, 20.08.2007.

⁶ Фарс, 12.04.2006.

⁷ ИСНА, 31 августа 2007 г., код новости 973780.

⁸ <http://www.ferghana.ru/news.php?id=7085&mode=snews>

⁹ Фарс, 17.04.2006.

¹⁰ <http://www.farsnews.com/printable.php?nn=8501260305>

ИММИГРАЦИЯ ИЗ МАГРИБА ВО ФРАНЦИЮ. ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

В последние годы манифестации, волнения и беспорядки в ряде стран Западной Европы, непосредственными участниками которых стали выходцы из стран Северной Африки, вызвали повышенное внимание к проблемам миграции и адаптации иммигрантов в новых для них социально-политических и цивилизационно-культурных условиях. Центром событий стала Франция, где последовательно разворачивались кризисные ситуации сначала в связи с законом, запрещающим ношение мусульманской одежды в образовательных учреждениях. Осенью 2005 г. Были отмечены вспышки насилия в пригородах Парижа и других городах при активном участии, по выражению официальных источников, «этнически однородного населения», другими словами, африканцев и арабов. В июне 2006 г. Сенатом был одобрен законопроект, ужесточающий требования к трудовой иммиграции в пользу «избирательной» иммиграции и наметивший меры по борьбе с нелегальным пребыванием иностранцев на территории Франции.

Неизбежно возникает вопрос, почему именно Франция оказалась «на передовой» острых проблем, связанных с арабской и африканской иммиграцией, и что стоит за событиями, стремительно разворачивающимися в последнее время как во Франции, так и по всей Европе?

Для более полного представления о состоянии сложных взаимоотношений между центральными странами Магриба и Францией, следует вспомнить, что начало французского колониального владения в Северной Африке ведет отсчет с 1830 г., когда французская армия высадилась в порту Сиди Фредж, в нескольких километрах от столицы Алжира. Вплоть до 1962 г. Алжир был не просто заморской колонией, но входил в состав территории Франции, в отличие от Туниса и Марокко, которые находились под французским протекторатом соответственно с 1881 г. и 1912 г. и до 1956 г. – момента получения независимости.

Колонизация Алжира сопровождалась привнесением новых форм социально-экономических отношений, не свойственных ранее этой территории. Доколониальное развитие Алжира было основано на ведении традиционного некапиталистического хозяйства. Новая структура социальных взаимоотношений, связанных с началом развития капитализма в Магрибе, нарушила веками сложившееся течение жизни. Это привело к возникновению «лишних» людей в деревне, которые пополняли ряды незанятого населения и становились первыми в очереди в поисках работы сначала за пределами мест традиционного проживания, а впоследствии и за границами своей страны.

Политика Франции была нацелена на то, чтобы закрепиться на новой территории. Начиная со второй трети XIX в., французское правительство старается заселить алжирские земли европейцами, обещая им большие наделы земли, льготы для тех, кто захочет вести свое хозяйство на заморской территории. Заселение проходило медленно и с большими трудностями: его тормозили непривычный климат, эпидемии болезней, враждебное отношение местного населения, пытающегося вернуть захваченные земли и т.п.

Иммиграция европейцев в Алжир продолжалась до середины XX в. К моменту завоевания Алжиром независимости в 1962 г. их численность доходила до 1 млн. человек, причем более 70% их родились на его территории¹. «Алжирскими французами» вместе с испанцами, итальянцами, мальтийцами называли всех европейцев, проживавших в Алжире.

В Тунисе и Марокко европейское присутствие было менее значительным, однако политические и экономические меры метрополии привели к тем же последствиям, что и в Алжире. Плодородные земли были захвачены, французский капитал стал контролировать основные средства производства, а безземельные крестьяне оказались выключенными из современного производства. Поэтому важной особенностью североафриканской иммиграции является то, что этот процесс не был следствием внутренней динамики магрибинского общества, а был результатом исторического развития при решающем влиянии внешних сил.

С чего все началось?

В Магрибе начало развития феномена миграции относится к первой трети прошлого века. Жители горных районов Атласа и Рифа нанимались сезонными рабочими для жатвы зерновых

в равнинных районах Марокко, кабилы* преуспели в мелкой торговле, многие крестьяне шли в армию. С развитием сельскохозяйственного рынка требовались руки для уборки урожая фруктов, оливок, бобовых. Целые регионы специализировались на отправке сезонных работников для сельскохозяйственных нужд в районы, где ощущалась нехватка рабочей силы. До начала 30-х годов сезонные миграционные потоки носили «закрытый» характер в рамках одного или нескольких регионов и не представляли в общем угрозу «разрыва» с жизнью и обычаями места постоянного проживания, со своей общиной. Мужчины возвращались в свои деревни, где продолжалась привычная жизнь согласно традиционному укладу.

Исход из деревни в города в 30-е годы XX в. связан был, во-первых, с негативным эффектом колонизации, когда земли были поделены между крупными собственниками, а свободные территории кочевников обрели своих хозяев. Во-вторых, с усиленной индустриализацией, центры которой были в городах, где и формировался основной спрос на рабочую силу. Однако массовый характер этот феномен приобрел после Второй мировой войны, когда демографическое давление на деревню возросло в несколько раз. Миграционный поток направлялся в крупные промышленные центры: в Алжире – в расположенные на побережье города Алжир, Оран и Аннабу; в Марокко – в Касабланку, Рабат и Кенитру; северо-запад Туниса и его прибрежные районы стали центрами притяжения мигрантов. В социальном плане мигранты представляли собой безземельных и безденежных крестьян, мелких собственников без образования и квалификации. Они стали новым лицом североафриканских городов, вокруг которых начали быстро появляться стийные застройки «новых» горожан.

Параллельно с развитием миграции внутри Магриба еще в конце XIX в. возникает феномен иммиграции рабочей силы из Северной Африки во Францию. Тогда же появляются первые иммигранты-алжирцы. Сначала это были преимущественно алжирцы-кабилы, занимавшиеся мелкой торговлей. В начале прошлого века выходцы из регионов Кабилии и Тлемсена устраиваются на работу в промышленности. Что касается ма-

* Кабилы – один из берберских народов Северной Африки с собственным языком и культурными традициями.

рокканцев, то они приезжают во Францию в качестве иммигрантов после 1912 г., времени начала французского протектората; количество тунисцев на французской территории в конце XIX – начале XX вв. остается весьма незначительным. По приблизительным оценкам, в 1912 г. во Франции насчитывалось около 5 тыс. алжирцев и около 1 тыс. марокканцев².

Большинство магрибинцев было занято в крупной промышленности, центры которой располагались в районе Марселя, в строительстве вокруг Парижа, а также на шахтах на севере страны и в Па-дэ-Кале. Иммигранты были исключительно мужчинами, выехавшими на заработки и отправлявшими часть доходов на родину в качестве помощи оставшимся в Магрибе многочисленным родственникам. Накануне Первой мировой войны количество магрибинских рабочих-иммигрантов существенно возросло, и их численность достигла почти 30 тыс. человек, что было связано с началом исхода «лишнего» деревенского населения из Северной Африки. Во время Первой мировой войны на французских промышленных предприятиях работали 132 тыс. магрибинцев.

В середине 20-х годов правительство начало задумываться о снижении наплыва иностранных рабочих, из которых около 100 тыс. были алжирцами, 10 тыс. марокканцами и около 1 тыс. тунисцами³. Тем не менее, после войны Франция нуждалась в рабочей силе для восстановления пострадавшей экономики.

После Второй мировой войны, в период, вновь связанный с восстановлением экономики, магрибинская иммиграция оказалась более чем к стати. С принятием в 1947 г. закона об уравнении в правах всего алжирского населения, в том числе и мусульман, которым было предоставлено французское гражданство⁴, иммиграция алжирцев во Францию набирает обороты. Если в конце 40-х годов алжирцев на территории Франции насчитывалось чуть более 20 тыс., то к 1962 г. их вместе с членами семей стало свыше 350 тыс. человек⁵. После заключения в 1962 г. Эвианских соглашений, по которым Алжир получил независимость, порядок свободного перемещения товаров и трудовых ресурсов остались в силе. Благоприятная экономическая конъюнктура способствовала тому, что за три последующих года количество алжирских рабочих выросло еще на 150 тыс. человек⁶.

Марокканская и тунисская иммиграция во Францию началась позднее и в количественном отношении существенно

уступала алжирской. Период до и после Второй мировой войны можно считать началом массовой иммиграции, причиной которой была нехватка трудовых ресурсов для экономического развития Франции и безработица в Марокко и Тунисе.

Иммиграция: от простого к сложному

Можно выделить три типа магрибинской иммиграции во Францию, развитие которой шло от простого к более сложному. В период между двумя мировыми войнами первые миграционные потоки представляли собой тип индивидуальной мужской иммиграции, в основном из деревень. Отсутствие занятости в традиционном аграрном секторе своей страны толкало на поиск временной работы за ее пределами. Индивидуальной миграции была свойственна ротация, по типу «отъезд-приезд», при которой закрепления мигранта на новой территории не происходило.

В дальнейшем сформировался следующий тип иммиграции – структурная. Это было связано уже с развитием французской экономики, которая предлагала рабочие места в определенных секторах: добыча руды, машиностроение и т.д. Социальная структура иммигрантов постепенно меняется, люди приезжают из североафриканских городов, являясь наемными рабочими, для которых стабильная зарплата в промышленности является стимулом для закрепления во Франции. Вплоть до кризиса 1973 г. масштабы возвращения иммигрантов на родину становятся все менее значимыми. Магрибинцы постепенно стали существенной составляющей в структуре наемных рабочих французской промышленности.

Следующим, третьим, этапом в начале 60-х годов стала семейная иммиграция, а также распространение смешанных браков, что сделало практически невозможным окончательный отъезд на родину. Как показала история, снова вернуться на родину оказалось гораздо труднее, чем это представлялось вначале.

* Причиной мирового экономического кризиса 1973 г. стало решение ОАПЕК наложить нефтяное эмбарго на поставку нефти странам, поддерживающим Израиль, в частности, в арабо-израильской войне 1973 г. В дальнейшем арабские производители нефти пошли на сокращение добычи, что привело к увеличению стоимости барреля нефти к декабрю 1973 г. почти в 4 раза (с 3 долл. до 11,65 долл.).

Привлекая иностранную рабочую силу с 40-х до начала 70-х годов, французское правительство преследовало в основном следующие цели. Во-первых, сдержать рост оплаты труда французских рабочих для минимизации издержек экономического роста; во-вторых, увеличить мобильность и конкурентоспособность трудовых ресурсов; в-третьих, найти людей, которые бы работали в непрестижных и вредных отраслях (химическая и добывающая промышленность, строительство и т.д.).

Под давлением промышленных профсоюзов правительство заключает с Марокко и Тунисом в 1963 г. соглашение о трудовой иммиграции из этих стран. С Алжиром французское правительство последовательно заключило три соглашения в 1964, 1968 и 1971 гг. Приток иностранных рабочих требовал еще и проведения особой социальной политики. Несмотря на то, что ее первые шаги (жилье, медицинская страховка) и были предприняты, тем не менее, вокруг крупных французских городов быстро начинают формироваться бидонвили.

К 1970 г. алжирцы составляли самую большую группу среди иммигрантов – около 1 млн. чел. Ситуация начинала становиться менее управляемой в связи с тем, что иммиграция стала семейной, количество магрибинцев возрастало стремительно, и только часть из них имела стабильную работу и заработок. Недовольство французов становилось все более ощутимым, что привело к нападениям на рабочих-магрибинцев в 1972–1973 гг. Это подтолкнуло правительство АНДР к запрету иммиграции из Алжира во Францию.

В условиях кризиса середины 70-х годов Франция пыталась стабилизировать рынок труда и сократить растущую безработицу. С этой целью следовало отказаться там, где это было возможно, от иностранной рабочей силы. Общий экономический спад в Европе в середине 70-х годов привел к тому, что аналогичные меры были осуществлены также в Бельгии. ФРГ и Швейцария приняли драконовские меры, направленные на резкое сокращение сроков пребывания на своей территории, урезали продолжительность трудовых контрактов, оставив лишь возможность кратковременных сезонных заработков.

В 1974 г. Франция принимает решительные меры по упорядочению и сокращению количества иностранной рабочей силы и законодательно приостанавливает новый найм. Иммигрантам выплачивалось выходное пособие, предоставлялась помощь в организации предприятия у себя на родине, расходы

на дорогу также ложились на французский бюджет. Несмотря на все эти меры, процент возвращений иммигрантов на родину был ниже запланированного. К началу 80-х годов лишь 8% тунисцев, 6,1% марокканцев и 3,7% алжирцев, проживавших и работавших во Франции, воспользовались предложением вернуться⁷. Эта статистика свидетельствует о том, что в 60–70-х годах произошло уже достаточно прочное закрепление работающих иммигрантов, а также членов их семей во Франции.

Левое правительство Миттерана в 1981 г. приняло новую миграционную политику, направленную на социальную и экономическую интеграцию иностранных сообществ, проживающих на территории Франции. К тому же оно легализовало 130 тыс. иностранцев, работавших незаконно, среди которых было около 15 тыс. алжирцев⁸. Однако новая политика на практике не разрешила многих противоречий и лишь усугубила внутривнутриполитическую ситуацию в стране. В 1984 г. левые были вынуждены обратиться к практике возврата иммигрантов, что происходило на фоне неконтролируемого роста нелегальной иммиграции, а вместе с ней расцвета ксенофобии и расизма во французском обществе.

Миграционная политика стран Магриба

Политика центральных стран Магриба относительно иммиграции базировалась на двух принципах. Использование ее положительных сторон (уменьшение безработицы, использование в национальной экономике денежных трансфертов иммигрантов, получение ими дополнительной квалификации) и установление тесных связей с уехавшими соотечественниками с целью, если это понадобится, гарантировать их права за границей, и, что особенно важно, сохранение их национальной идентичности в отличном от прежнего культурном контексте.

Марокко проводит наиболее последовательную политику в течение уже почти 40 лет. В пятилетнем экономическом плане развития королевства на 1968–1972 гг. ставилась задача стимулировать эмиграцию, чтобы облегчить давление на национальный рынок труда. Даже после 1974 г., когда экономический кризис в странах Запада заставил европейские правительства пойти на резкие шаги по сокращению иммиграции, Хасан II поддерживал политику интеграции марокканцев за границей, но не признавал двойного гражданства своих подданных. Марокканская политика стимулирования и поддержки

иммиграции привела к тому, что на сегодня королевство имеет обширную диаспору за границей, трансферты которой на родину постоянно растут и составляют до 10% ВВП. По данным официальной статистики, за последние пять лет они выросли на 22%⁹. Иммигранты ежегодно переводят в Марокко от 30 до 40 млрд. дирхамов (приблизительно 4 млрд. евро¹⁰).

В отличие от Марокко, Тунис и Алжир после 1974 г. заняли другую позицию и проводили политику возврата иммигрантов на родину. К этому времени более 70% тунисских иммигрантов находилось во Франции, вторая по численности диаспора проживала в ФРГ¹¹.

Заметим, что французское правительство выплачивало определенную компенсацию магрибинцам, соглашавшимся вернуться в свои страны, однако среди иммигрантов она воспринималась как насмешка, поскольку ее величина в 10 тыс. франков была, по свидетельствам иммигрантов¹², явно недостаточной, чтобы снова обосноваться на родине. В Тунисе количество выезжающих на работу за границу существенно сократилось с 16 тыс. в 1974 г. до 2 тыс. уже в 1976 г.¹³

В 1971 г. в Алжире произошла национализация энергоресурсов, с этим были связаны ожидания бурного экономического роста, для чего требовалось большое количество рабочей силы. Следуя логике предполагаемого развития, с 1973 г. в стране была приостановлена эмиграция трудовых ресурсов во Францию, что удачно вписалось в русло французской политики по замораживанию иммиграции. К тому же официальная позиция Алжира по поводу эмиграции была негативной, она рассматривалась как новая форма зависимости от бывшей метрополии. Однако массового возвращения алжирцев, работавших во Франции, не произошло. Алжирское правительство в период 1976–1979 гг. гарантировало 20 тыс. рабочих мест для тех, кто захочет вернуться, лишь 10% из этих мест заняли вернувшиеся иммигранты¹⁴. Начиная с 80-х годов, алжирское правительство больше не рассчитывает на массовое возвращение рабочей силы, и планы по инвестированию в экономику строятся, исходя из реального количества трудовых ресурсов.

Несмотря на разницу в подходах к политике иммиграции, все страны Магриба пытались поддерживать тесные контакты с диаспорой, проживающей в Европе, в первую очередь во Франции. После обретения независимости и до середины 70-х годов связующим звеном между экспатриантами и родиной

были «Общества дружбы», которые занимались проблемами занятости и социальных гарантий для иммигрантов из Северной Африки. Когда форма магрибинской иммиграции изменилась с индивидуальной на семейную, возник феномен второго, а позднее и третьего поколения иммигрантов. Под ним подразумеваются дети, которые были рождены во Франции родителями-иммигрантами и получили французское гражданство.

Постепенная интеграция, особенно через детей, которые начинают ходить во французские школы и гораздо шире, чем родители, используют французский язык, делает связь с родиной все более слабой. Перед центральными странами Магриба встал вопрос, каким образом государствам преодолеть культурный и географический барьер со своими гражданами и какую форму отношений применять в отношении диаспоры, чтобы связь с Родиной не была прервана? Акцент был сделан на подрастающее поколение, поэтому в Тунисе и Марокко организуется отдых во время школьных каникул для детей-иммигрантов, создаются курсы арабского языка в странах их проживания. Главная цель мероприятий – сохранение национальной идентичности людей, покинувших родину.

Важность отношений с диаспорой подчеркивается созданием в 1990 г. министерства по делам марокканцев, проживающих за границей, в 1997 г. оно вошло в состав МИДа Марокко. Фонд Хасана II с 1990 г. занимается социальными, религиозными и культурными вопросами марокканцев, оставивших свою страну.

В Тунисе в 1988 г. было учреждено Бюро тунисцев, находящихся за границей, и в 1990 г. – Верховный совет по их делам. Оба органа занимаются укреплением связей со своими земляками и управляют средствами, которые диаспора вкладывает в экономическое развитие Туниса.

Современное состояние

При рассмотрении современных проблем, связанных с иммиграцией, возникает закономерный вопрос, о каких конкретных цифрах идет речь? По некоторым данным, в начале 60-х годов выходцев из Африки среди всех иностранцев, находившихся на территории Франции, было не более 1% населения страны, в конце десятилетия этот показатель возрос до 25%, а еще через 15 лет составлял уже 43%¹⁵. По данным Международной организации по миграции (МОМ), во Франции

официально проживает самое большое количество (около 1 млн.) выходцев из Северной Африки, превышая почти в пять раз численность иммигрантов из Италии и Испании, которые в начале нынешнего века насчитывали 240 тыс. и 218 тыс. чел. соответственно¹⁶.

Во Франции отличительной особенностью этой группы населения является маленький процент возвращающихся на родину, несмотря на сложности там с трудоустройством и проблемы социальной интеграции. К тому же разрешение на въезд для членов семей иммигрантов способствовало закреплению на французской почве значительного числа североафриканцев. В настоящее время во Франции проживает уже третье поколение иммигрантов при постоянном притоке (легальном и нелегальном) магрибинцев и африканцев. С этим не в последнюю очередь связаны особые сложности, с которыми сталкивается французское правительство при выработке адекватной миграционной политики. Помимо чисто экономических аспектов, Франция вынуждена считаться с социальным и гуманитарным измерением проблемы иммиграции.

По последним данным, опубликованным в 2006 г. Национальным институтом статистики и экономических исследований (INSEE), во Франции в 2004 г. насчитывалось около 5 млн. иммигрантов, или чуть более 8% населения¹⁷. Из них приблизительно 40% имеют французское гражданство, полученное путем натурализации или заключения брака¹⁸. За последние 15 лет общее количество иммигрантов увеличилось на 20%, алжирцы и марокканцы остаются самой большой иностранной диаспорой во Франции¹⁹. Причем если во Франции магрибинцы в основном представлены почти в равной степени алжирцами и марокканцами, то в Испании, Италии и даже Португалии это преимущественно марокканцы.

Сложности учета общего количества иммигрантов состоят в том, что иностранец, получивший французское гражданство, становится только французом, и нигде не будет зафиксировано, какие у него корни – африканские, магрибинские или китайские. Это связано с тем, что Франция исповедует принцип «государства-нации», в соответствии с которым гражданином является индивид, разделяющий республиканские принципы, а каковы его национальная или конфессиональная принадлежность не имеет значения или оставалось без внимания до недавнего времени.

На настоящий момент количество алжирцев, проживающих за границей, составляет около 1,5 млн. чел., более половины которых (около 800 тыс.) находится во Франции. Далее следует Бельгия, Тунис, страны Залива и, с некоторых пор, Канада. Интересно, что Канада является основным направлением легальной иммиграции из Алжира (около 300 тыс. чел.), носящей характер «утечки умов» – 80% магрибинцев, проживающих в Канаде, имеют дипломы о высшем образовании.

Тунисцев за пределами своей страны около 350 тыс. человек, 80% которых живут во Франции, оставшихся делят между собой Ливия, Бельгия, Марокко, Нидерланды и Канада.

Из трех стран Магриба у Марокко больше всего граждан, проживающих за пределами королевства. По приблизительным оценкам, это 2 млн. человек, треть (772 тыс.) во Франции, далее следует Голландия (около 300 тыс.), Бельгия (200 тыс.), ФРГ и Ливия (около 100 тыс.)²⁰.

Что же вынуждает или побуждает человека уехать в другую страну, каковы факторы выталкивания и притяжения, что в конечном итоге играет решающую роль, чтобы пересечь Средиземное море с юга на север? В основном отъезд связан с экономическими мотивами, слабым развитием региона, безработицей и отсутствием профессиональных перспектив в собственной стране. Поэтому, даже имея образование, молодое население вынуждено искать лучшую долю за границей. В Марокко безработица составляет 12,1%, в Тунисе – 13,8%, в Алжире – 25,4% экономически активного населения²¹, а среди молодежи этот показатель гораздо выше. Доходы на душу населения по обе стороны Средиземноморья имеют в среднем четырехкратный разрыв. Если в Тунисе доход на душу составляет – 7100 долл., в Алжире – 6600 долл., в Марокко – 4200 долл.²², то в таких странах, как Франция, Испания, Италия, Португалия и Мальта в среднем около 22300 долл.²³

Демографическая ситуация как на севере, так и на юге Средиземноморья является одной из главных побудительных причин иммиграции. Европейское население становится все старше, а в странах Магриба количество людей трудоспособного возраста значительно больше, чем количество рабочих мест в национальных экономиках. По прогнозам Всемирного Банка, с 2003 по 2015 гг. показатель ежегодного роста населения во Франции составит около 0,3%, а в странах Магриба за аналогичный период в среднем около 1,4%²⁴.

Схематически задачи, которые призвана решить иммиграция, следующие: излишек трудовых ресурсов, которым обладают страны Северной Африки, направляется в страны ЕС. В Европе, работая легально, иммигрант способствует решению проблем экономического развития нанимающей стороны, а также получает дополнительный опыт и знания, которые в дальнейшем он сможет использовать, вернувшись на родину. В процессе работы, магрибинец, посылая домой часть заработанных денег, поддерживает своих родственников, которые тратят «европейские» деньги у себя в стране. Таким образом, происходит дополнительное инвестирование в национальную экономику. Однако схема слишком далека от действительности, а проблемы, которые непосредственно связаны с иммиграцией, вполне реальны и непросты. Это и утечка мозгов, и нелегальная иммиграция, и проблемы адаптации как социально-политического, так и культурно-психологического характера.

Эти сложности характерны не только для Франции (страны традиционной иммиграции) и Магриба. Они свойственны всему Средиземноморью, которое стало водоразделом между богатым Севером и бедным Югом.

Помимо экономических аспектов магрибинской иммиграции во Франции, растущую обеспокоенность вызывают социальные и культурные стороны жизни. По мере увеличения неевропейских иммигрантов в обществе отмечается рост ксенофобии. Игнорировать присутствие людей с отличным культурным кодом было допустимым еще совсем недавно, но стало невозможно и просто недальновидно в настоящий момент. Так называемые и часто упоминаемые положительные примеры интеграции, представленные в лице министров нефранцузского происхождения, известных деятелей культуры, футболистов и т.д., оказываются частными случаями, которые не меняют общей картины маргинализации арабского и африканского населения.

Французскую интеграционную политику обвиняют в провале или, по меньшей мере, в неадекватности. Однако встает вопрос, а возможен ли успех в такой политике вообще? Реальна ли приверженность общим республиканским ценностям в обществе с мозаичным составом, каковым становится Франция? Несмотря на универсализм провозглашаемых идеалов, таких как бесценность человеческой жизни, уважение прав человека, свобода совести и слова, их понимание в разных культурах разное, обу-

словленное особенностями исторического развития и, не в последнюю очередь, религией и традициями. Сохранение базовой культуры и ее кодов на примере третьего поколения магрибинских иммигрантов говорит о том, что полноценной культурной (ценностной) интеграции североафриканцев не происходит. Второе и третье поколения иммигрантов, хотим мы этого или нет, являются неотъемлемой частью французской общественной структуры.

Поэтому в ближайшем будущем французам, видимо, предстоит выработать новые механизмы существования в поликультурном контексте, у истоков формирования которого стояли они сами.

¹ Benjamin Stora, Akram Ellyas. Les 100 portes du Maghreb. L'Algérie, le Maroc, la Tunisie, trois voies singulières pour allier islam et modernité. Ed. L'Atelier, Paris; Ed. Dahlab, Alger, 1999, с. 257.

² Ibidem, с. 153.

³ Ibid.

⁴ Закон от 26 июня 1889 г. предоставлял право иметь французское гражданство любому человеку, родившемуся на территории Алжира, однако это право не распространялось на мусульман.

⁵ Said Si Ammour. L'emigration maghrebine en Europe. Dans: Panorama des economies maghrebines contemporaines. CE.N.E.A.P., Alger, 1991, с. 97.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid., с. 102.

⁸ Ibid., с. 98.

⁹ Royaume du Maroc, Office des changes. – <http://www.oc.gov.ma/IMEE%20janv06.pdf>

1 долл. США = 9,1 дирхамов (официальный курс на 30.03.2006 г.).

¹⁰ Bilan du Monde, édition 2005, Paris.

¹¹ Said Si Ammour. Op. cit., с. 99.

¹² Yamina Benguigui. Mémoires d'immigrés. L'héritage maghrébin. Ed. Canal+, Paris, 1997.

¹³ N. Sraieb. Chronique sociale et culturelle. Tunisie. Annuaire de l'Afrique du Nord, Paris, CNRS, 1976, с. 558.

¹⁴ Said Si Ammour. Op. cit., с. 104.

¹⁵ L'Etat du Maghreb. Sous la direction de Camille et Yves Lacoste. Ed. La Découverte, Paris, 1991, с. 95.

¹⁶ Данные по Франции на 15 марта 1999 г., по Испании на 1 января 2001 г., по Италии на 1 января 2000 г. Более поздние дан-

ные в официальной статистике пока отсутствуют. Сводную таблицу по распределению иммигрантов в странах севера Средиземноморья см.: www.iom.int – Fargues, Philippe. Les politiques migratoires en Méditerranée Occidentale: contexte, contenu, perspectives. Rapport préparé pour l'Organisation Internationale pour les Migrations, 2002.

¹⁷ Catherine Borrel. Près de cinq millions d'immigrés à la mi-2004. Insee première n° 1098, août 2006. Цит. по: Le Monde, 25.08.06.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid. Самые большие иностранные диаспоры во Франции формируют португальцы, алжирцы и марокканцы.

²⁰ Все вышеуказанные цифры взяты из: Benjamin Stora, Akram Ellyas. Op. cit., с. 153–155. В некоторых более поздних источниках число марокканских иммигрантов указывается 3 млн. человек. См.: Bilan du Monde, édition 2005, Paris.

²¹ Статистика Всемирного Банка, World Factbook, 2005.

²² Ibid.

²³ Fargues, Philippe. Les politiques migratoires...

²⁴ World Development Indicators 2005 – http://devdata.worldbank.org/wdi/pdfs/table2_1.pdf

Прогнозы европейской статистики несколько отличаются от данных ВБ, однако подтверждают отмеченную тенденцию. См.: <http://europa.eu.int/comm/eurostat>

ИСЛАМ В ИСПАНИИ

Испания среди государств Западной Европы является страной, где присутствие мусульман было самым многолетним. После восьми веков кровопролитной войны исламское государство Аль-Андалус (711–1492) было повержено крестоносцами из Испании и других стран. Но оно успело пустить глубокие корни в культуре южной Андалузии и всей страны. Из всех европейских языков испанский подвергся наибольшему влиянию со стороны арабского (ок. 6 тысяч слов имеют арабские корни).

Успешно проходила арабизация в VIII в. на иберийском полуострове, в стране Аль-Андалус (названной так от слова «вандалус», ибо в Магрибе арабы знали, что туда с полуострова приходили вандалы). Здесь в 756 г. власть захватил Абд ар-Рахман ад-Дахиль, один из немногих Омейядов, уцелевший после резни 750 г. и бежавший в Магриб, в племя своей матери берберки. Магриб к тому времени уже фактически отделился от халифата и не был подвластен Багдаду. Абд ар-Рахман сумел перебраться на полуостров и, свергнув местного эмира, примирить враждовавшие здесь между собой группы арабов. Новый эмир положил начало особой ветви Омейядов, правивших в Кордове 275 лет до 1031 г.¹ Абд ар-Рахман III был страстно увлечен как религиозными, так и мирскими науками. Он был полон решимости доказать, что его двор в Кордове не уступает по своему величию двору Багдадских халифов. Не жалея ни времени, ни денег, он активно призывал к себе на службу ученых и приобретал в Багдаде книги. В итоге очень скоро ученые, поэты, философы, историки и музыканты начали переселяться в Аль-Андалус. Сеть библиотек, исламских исследовательских институтов и центров начала расти, положив тем самым начало новым интеллектуальным традициям, в т.ч. в образовательной системе, что позволило Испании достигнуть выдающегося положения, которое она занимала на протяжении последующих четырех столетий.

Абд ар-Рахман III нанял множество переводчиков и переписчиков книг (главным образом иудеев и христиан), превратил Кордову в университетский центр. Именно через мусульманскую Испанию христианский Запад получил древнегреческую литературу и науку. Расцвет схоластики в XIII в. был вызван знакомством с богатым наследием античной и арабоязычной мысли. В Толедо на протяжении XII в. существовал центр, созданный по инициативе архиепископа Кастилии дона Раймундо, где переводили на латинский язык наиболее значительные арабские труды по астрономии, медицине, физике и философии. Благодаря прежде всего толедским переводчикам в образовательные университетские круги науки Европы проникли труды Аристотеля, Гиппократов с комментариями таких известных мыслителей, как Авиценна и Аверроэс.

Одним из приехавших светил был Аббас ибн Фирнас. Он сконструировал аппарат на деревянном каркасе с двумя крыльями и перьями и предпринял первую известную миру попытку полететь, предвосхитив таким образом Леонардо да Винчи приблизительно на шесть столетий. Выжив после эксперимента, в котором сам испытатель получил травму спины, он сконструировал ставший знакомым нам планетарий – модель Солнечной системы. Эта конструкция была не только механизирована – планеты вращались, – она также воспроизводила такие небесные явления, как гром и молния. В X веке математики Кордовы впервые сделали собственный серьезный вклад в астрономию. Первым самобытным математиком и астрономом Аль-Андалус был Маслама аль-Маджрити, умерший в 1008 г. Он написал ряд книг по астрономии и математике, много работал над изучением и арабским переводом “Альмагеста” Птолемея, дополнил и исправил астрономические таблицы знаменитого ученого Аль-Ховаразми. Он также составил переводные таблицы, в которых даты персидского календаря были соотнесены с датами Хиджры таким образом, что события прошлого Персии теперь впервые могли быть точно датированы².

В 1085 г. под напором с севера противомусульманских правителей пал Толедо. Начавшиеся вскоре репрессии закончили с прежней веротерпимостью в Аль-Андалус, вызвав массовое бегство на север и арабов, и евреев. Отныне они стали оказывать содействие реконкисте, поставив на службу католическим королям Кастилии и Арагона свои знания и опыт ученых и врачей, свои деньги, свое умение ремесленников, наконец,

свою молодежь, пополнявшую войска королей³. Гранада – последняя столица мусульманского государства – явилась важнейшим центром возрождения ислама в Испании.

С 711 по 756 гг. Аль-Андалус была одной из провинций халифата со столицей в Севилье. Эмиров назначал халиф, но они обладали определенной самостоятельностью.

С 756 г. началось правление Абд ар-Рахмана ад-Дахилия.

Абд ар-Рахман III – восьмой из Омейядов Кордовы – в 929 г. провозгласил себя халифом. Он захватил Северо-запад Магриба у Фатимидов и области басков в Пиренеях. Его называли «Ан-Насир» (Победитель).

С 1009 г. в кордовском халифате началась «фитна» (смута). Перевероты следовали один за другим: в течение 22 лет власть в Кордове менялась 14 раз, причем все халифы (и последние Омейяды, и оспаривавшие у них трон берберы Хаммудиды) были игрушкой в руках различных группировок придворной знати, столичной черни и наемников берберов, ставших тогда основой армии.

В 1031 г. халифат окончательно распался и начался период «мулюк ат-таваиф» («удельных королей»), когда в Аль-Андалусе соперничали 23 (иногда – до 29) независимых эмиратов, которыми правили и арабы (Аббаиды в Севилье, Худиды в Сарагосе), и берберы (Афтасиды в Бадахосе, Зун-Нудиды в Толедо, Хаммудиды в Малаге), и «сакалиба» (Дения, Тортоса). В политическом плане это было время междоусобиц, интриг, сведения счетов.

Магрибинский основатель династии Альморавидов Юсуф ибн Ташфин высадился со своей армией на побережье Испании и с 1089 по 1091 гг. один за другим завоевал все эмираты Аль-Андалуса (кроме Валенсии и Сарагосы), присоединив их к своему государству. Так был положен конец периоду «мулюк ат-таваиф».

С 1130 по 1156 гг. Аль-Андалус был завоеван Абд аль-Мумином Альмохадами (община сторонников единобожия «аль-муваххидун», которых европейцы называли альмохадами; общину возглавлял Ибн Тумарт, их взгляды отличались еще большей строгостью, чем те, которые проповедовали первые Альморавиды).

После 1212 г. Альмохады стремительно деградировали. Они не могли дать отпор ни королям Испании, ни племенам Магриба, среди которых стало выделяться особенно воин-

ственное бану мерин, вожди которого (Мериниды) с 1216 г. постепенно стали подчинять себе другие племена и целые области. Жизнь Аль-Андалуса в XIII-XV вв. в основном была примечательна постоянной борьбой Хафсидов, владевших Тунисом и востоком Алжира, с Зайянидами, а также Меринидами.

Гранадский эмират в XIII-XV вв. был наиболее богатым государством Иберийского полуострова. Вместе с тем правившие Гранадой эмиры Насриды (1232-1492), сталкиваясь между собой Кастилию, Арагон и Меринидов, не смогли преодолеть ссоры и интриги внутри семейства, чем во многом облегчили задачу «католических королей» по захвату Гранады. В 1492 г. Боабдиль сдал им Гранадку.

К 1200 г. она была одним из крупнейших городов Испании, который населяли арабы, берберы-мусульмане, христиане, иудеи, и оставалась в руках мусульман до 1492 г.⁴ Гранадка была известна своими учеными: Аль-Мазини аль-Андалуси аль-Гарнати – известный мусульманский географ родился здесь в 1080-1081 гг., Ибн Туфайль – мусульманский ученый-физик. Многие мусульманские ученые по пути в Северную Африку посещали Гранадку: Ибн Халдун, Абу Хайан, Ибн Батута⁵. Текст паспорта, выданного Ибн Халдуну правителем Гранады Мухаммадом V, был зарифмован⁶.

Во времена инквизиции последователи исламской религии подвергались репрессиям.

В XVI в. мусульманам под страхом смерти запрещалось без специального разрешения приезжать в Валенцию, Барселону и ряд других городов. Не разрешалось занимать общественные посты⁷. На головные уборы мусульманам предписывалось прикреплять отличительный знак – голубые кресты «размером с апельсин»⁸. Закон 25 мая 1566 г. обязывал мавров отказаться от использования арабского языка, изменить обычаи, по пятницам и мусульманским праздникам оставлять двери и окна жилищ открытыми, чтобы можно было видеть, молятся они или нет⁹.

По сравнению с рядом других стран Западной Европы признание ислама государством произошло в Испании в 1992 г. после подписания соглашения о сотрудничестве с Исламской комиссией Испании (ИКИ). В тот период проблема интеграции мусульман не стояла в Испании остро, к тому же не было статистических данных о численности мусульманского населения. Договор с ИКИ явился следствием демократических процессов,

происходивших в стране. С подписанием соглашений, касающихся религиозных меньшинств: иудеев, евангелистов, мусульман, правительство, по мнению исследователей ислама в Испании, «переписало наследие национальной идентичности и исторических процессов, инициатором которых являлось государство, начиная с XIX века, которые складывались под влиянием католической церкви». В результате национальная идентичность стала прочно связанной с религиозной. Вопрос о роли католической церкви оставался спорным и в конституции Испании 1978 г. В ней говорилось, что «ни одна из религий не может быть государственной». Властям, согласно конституции, следовало принимать в расчет религиозные убеждения испанского общества и строить взаимоотношения на основе соглашений о сотрудничестве с католической церковью и другими конфессиями. Таким образом, обеспечивалась свобода различным религиозным течениям в стране. При этом католицизм становился не определяющей, а одной из составных частей национальной идентичности. Это соглашение явилось историческим для Испании. Парламент утвердил его в качестве закона. Соглашение признавало определенные права за людьми и общинами не католической веры – права, которыми до того момента обладали лишь католики, например, возможность преподавания в государственных школах, работа в тюрьмах, казармах и больницах с последующим предоставлением религиозной поддержки. Но несмотря на статус закона, он не был приведен в действие испанскими властями, поэтому католическая церковь сохраняет за собой множество привилегий. Государство выделяет деньги из бюджета только для католической церкви, хотя по Конституции Испания не является страной одной конфессии. Поэтому мусульмане в Испании должны еще пройти долгий путь, чтобы получить права, принадлежащие им как испанским гражданам.

Соглашение 1992 г. стало, по сути, завершением процесса признания религиозных свобод, начавшегося в конце 60-х годов. Закон о религиозных свободах 1967 г. открыл возможности для создания исламских ассоциаций. Так были созданы первые мусульманские организации в двух испанских городах на севере Африки. В 1968 г. была учреждена Ассоциация мусульман Мелильи, а в 1971 г. в Сеуте. В Мадриде первая мусульманская организация возникла в 1971 г. – это была Ассоциация мусульман Испании, учрежденная сирийскими студен-

тами, президентом которой избрали Р.Татари Баكري. Р.Баكري прибыл в Испанию в 1967 г. и учился на медицинском факультете. Он стал видным деятелем, принявшим участие в процессе так называемой институционализации ислама в последующие 20 лет в качестве президента уже Союза Исламских общин Испании (СИОИ). СИОИ основал отделения в разных городах Испании.

В это время исламские общины начали появляться на территории Андалузии, южного региона, в котором ислам удерживался дольше всего и где сохранились многочисленные памятники мусульманской эпохи, такие как мечеть в Кордове, дворец Альгамбра в Гранаде и башня Джиральда в Севилье. Часть этих общин была основана жителями Андалузии, которые стали изучать свое прошлое – и в результате пришли к исламу. Гранада, красивый город и последняя столица мусульманского государства, явилась важнейшим центром возрождения ислама в Испании. В 70-х годах было учреждено несколько ассоциаций, инициаторами которых явились испанцы, принявшие эту религию. Их привлекло суфийское направление и в особенности движение мурабитун.

Другую группу составляли студенты с Ближнего Востока, в особенности из Сирии и Палестины, которые начали приезжать в Испанию в 70-е годы. Сирийские студенты старались сохранить свою арабо-мусульманскую идентичность в рамках испанского общества. Следует отметить, что многие студенты были последователями организации сирийских «братьев-мусульман». Однако в интервью нынешний представитель сирийских «братьев-мусульман» в Лондоне Али Садр ад-Дин Баянуни заявил, что в настоящее время очень сложно подсчитать точную численность последователей этой организации в Испании, т.к. сирийские беженцы должны подтвердить, что они преследуются у себя на родине, и ради этого часто выдают себя членами организации «Братья-мусульмане», но на самом деле ими не являются. Однако многие руководители мусульманских ассоциаций в Испании заявляют, что стараются следовать идеологии организации «братьев-мусульман». Например, это проявляется даже в том, что они отвергают суфийские ритуалы, считая их противоречащими сунне. Вместе с тем следует заметить, что первая мусульманская ассоциация в Кордове, возникшая в 1976 г. Исламская община Испании следовала суфийскому тарикату кадирийя. Исследователь ислама в Европе

Г. Диец пишет, что суфийские общины были больше интегрированы в международные структуры и были больше идеологически связаны с крупными суфийскими организациями за рубежом, чем с общинами иммигрантов-мусульман. Члены Исламской общины Испании заявляли, что являются одновременно носителями уникальной европейской идентичности и универсальных исламских ценностей, хранителями мусульманского наследия Аль-Андалуса¹⁰. Активное участие в развитии исламской инфраструктуры страны приняла Саудовская Аравия. Бывший лидер «Братьев-мусульман» в Испании заявлял: «Моя идея – сделать мусульман не общиной, а меньшинством в рамках испанского государства, т.к. слово община предполагает связь с определенной страной прежнего проживания. Я же предпочитаю, чтобы мусульмане оставались меньшинством в государстве. Я стремлюсь сделать так, чтобы они стали частью общества, имеющими права и несущими ответственность»¹¹.

Саудовская Аравия открыла важные центры ислама, такие как мечеть в Марбелье в курортном городе на побережье Средиземного моря, для мусульман из стран Персидского залива, приезжающих в Испанию по делам или в отпуск. После Гранады ислам распространился и на Мадрид, Барселону и другие города. Помимо интереса к истории Испании, популярности ислама способствовало увеличение числа поездок в мусульманские страны, особенно в Марокко и Турцию, а также распространение мусульманских книг, включая те, которые были написаны в андалузскую эпоху. Начиная с 70-х годов около 20 тысяч испанцев обратились в ислам, причем половина из них женщины.

Процесс институционализации исламской религии начался в конце 80-х годов и до подписания соглашения 1992 г. происходил без учета новых социально-демографических тенденций развития мусульманской общины. На начальном периоде контакты с государством осуществлялись через зарегистрированные Министерством юстиции ассоциации и лидеров исламских организаций. По сравнению с еврейской и евангелической общинами, которые успешно вели переговоры с правительством Испании, между мусульманскими организациями шла борьба за то, кто будет представлять интересы мусульманской общины.

В 1989 г. Ассоциация мусульман Испании потребовала официального признания исламской религии в стране как необходимого условия для переговоров и подписания соглаше-

ния о сотрудничестве, что оговорено в конституции Испании 1978 г. Подписание такого соглашения обещало стать важным шагом для мусульманской общины Испании, т.к. это регулировало бы статус мусульманских религиозных лидеров, охрану мечетей и мусульманских кладбищ, финансирование исламских ассоциаций, предоставление рабочим-мусульманам выходных дней во время проведения религиозных праздников, введение исламских предметов в школьное расписание. Для подписания соглашения, различным исламским организациям необходимо было объединить усилия и сформировать единый представительный орган, с которым правительству можно было вести диалог¹².

В 1989 г. Департамент по религиозным вопросам при Министерстве юстиции Испании отметил, что исламская религия представлена в стране с VIII в. и число ее последователей особенно в средние века было значительным. Позже количество приверженцев то возрастало, то уменьшалось в зависимости от исторических событий и обстоятельств. Исламские общины есть почти по всей Испании. Больше всего их на Иберийском полуострове и на испанской территории в Северной Африке. Однако равно как и в других странах Западной Европы, задача создания единого представительного органа всех мусульман страны для переговоров с правительством оказалась очень сложной.

В 1989 г. была учреждена первая так называемая «организация-зонтик» – Федерация Испании по исламским религиозным вопросам (ФИИРВ). В 1991 г. Ассоциация мусульман Испании отделилась от ФИИРВ, и на ее основе был создан Союз исламских общин Испании (СИОИ). Между Союзом исламских общин Испании и Федерацией Испании по исламским религиозным вопросам развернулась борьба за лидерство в мусульманской среде Испании. СИОИ стал регистрировать все свои отделения как независимые ассоциации. В результате возникла вторая крупная «организация – зонтик». Как следствие, процесс начала диалога с правительством затягивался. Правительство же, в свою очередь, исходя из тезиса, что «исламское наследие является одной из духовных основ, формирующих испанскую национальную идентичность», в апреле 1992 г. приняло решение о создании Исламской Комиссии Испании. А через несколько дней ею было подписано соглашение о сотрудничестве с властями страны.

Федерация и Союз вошли в единую Исламскую комиссию Испании. Соглашение сторон включало широкий круг вопросов: структура Исламской комиссии, порядок управления местами для отправления культа и персоналом мечетей, исламское религиозное образование в испанских школах, защита мечетей и мусульманских кладбищ, исламские религиозные праздники. Однако в соглашении не затрагивались проблемы финансирования мусульманских ассоциаций, что, безусловно, обусловило трудности для создания исламской инфраструктуры в стране. Правительство Испании не оказывает финансовой помощи религиозным учреждениям, за исключением тех, которые связаны с католической церковью. Имеющиеся противоречия между двумя организациями, входящими в Комиссию, препятствуют успешному проведению политики интеграции мусульман в испанское общество. Как упоминалось выше, соглашение регулирует вопросы, касающиеся образования. Например, пункт 10 этого документа предполагает введение в школьные расписания исламских предметов, а также регламентирует уровень квалификации преподавателей, их зарплату, их связь с различными образовательными центрами. В январе 1996 г. Исламская комиссия Испании опубликовала программу преподавания ислама в управляемых государством образовательных центрах. В марте того же года министерство образования и науки и представители Исламской комиссии по исламу подписали документ, регулирующий вопросы преподавания исламской религии в начальной и средней школах¹³. Однако между Федерацией Испании по исламским религиозным вопросам и Союзом Исламских общин Испании выявились разногласия по содержанию образовательных программ. В частности, Федерация предложила программу, привлекательную не только для мусульман, но и представителей других религий: она не ограничивалась изучением лишь основных принципов ислама, но и включала в себя проблемы истории и философии. Союз же выступал только за преподавание основных постулатов исламской религии. В конечном итоге была одобрена программа, предложенная Федерацией. В марте 1996 г. было достигнуто соглашение, по которому преподавательский состав должен назначаться Исламской комиссией Испании, государство же в свою очередь должно финансировать преподавателей в школах, если количество учеников-мусульман в ней составляет не менее 10 человек. В соглашении также оговаривались требо-

вания, предъявляемые к преподавателям – они должны быть мусульманами, владеть испанским и арабским языками.

В начале 80-х годов мусульманская инфраструктура Испании находилась на начальной стадии своего развития. В это же время начался процесс массовой миграции мусульман, преимущественно из Марокко. Это явилось следствием экономического роста. Закон об иммиграции 1985 г. открыл возможности для объединения семей мигрантов. После подписания соглашения между испанским правительством и Исламской комиссией Испании в 1992 г. социально-демографический профиль мусульманского населения страны изменился. В 2005 г. мусульманская община Испании, по официальным данным, достигла 800 тыс. чел. (однако реальное число на порядок выше) и стала принимать активное участие в общественно-политической жизни Испании. В 80-е годы в Испании наблюдался уверенный рост марокканских иммигрантов. Сейчас 90% мусульман в Испании – это марокканцы или испанцы марокканского происхождения. Также действуют общины мусульман из Алжира и Сенегала.

«Исламская комиссия Испании – организация, выполняющая функции представительного органа мусульманского сообщества страны, – нуждается в срочном реформировании», – заявил Мухаммад аш-Шайиб, депутат парламента Каталонии, выходец из Марокко, выразив мнение многих испанских последователей ислама, сообщает IslamOnline. Исламская комиссия была сформирована в 1992 г., когда мусульмане составляли незначительную часть населения Испании. Однако с ростом их числа изменились и потребности, а вместе с ними – и задачи, стоящие перед органом, призванным защищать интересы адептов ислама. Кроме того, настаивает аш-Шайиб, в демократической стране членов такого органа, как Исламская комиссия, обязаны избирать, а не назначать правительством, как это происходит в настоящее время. Помимо этого, в нее должны входить представители более широкого спектра мусульманских организаций Испании.

Довольно значительная часть мусульман-мигрантов Испании не имеет гражданства, что делает невозможным их участие в политической жизни страны. Некоторые группы, состоящие из новообращенных мусульман, появились в Испании. Например, Исламская община Андалусии, Исламская община Севильи, Ассоциация мусульман Кордовы. Все эти организа-

ции политической направленности. Их основная цель – объединить быстрорастущую мусульманскую общину Испании для улучшения условий их проживания в стране, а также использовать их голоса для давления на власти. Следует заметить, что наибольшую политическую активность мусульмане проявляют в испанских анклавах в Северной Африке Мелилье и Сеуте, они стремятся создать свои независимые религиозные и политические организации. Некоторые политические партии Испании даже оказывали содействие мусульманским общинам в формировании ими мусульманских политических блоков для того, чтобы получить их голоса на выборах. Например, в 1987 г. Социалистическая партия Испании поддержала создание Независимой испано-берберской партии (хотя партия не принимала участия в выборах). В Мелилье в ходе подготовки к региональным муниципальным выборам в 1995 г. также были предприняты попытки создания «осевых партий», призванных увеличить шансы на успех крупных политических блоков страны. Местными бизнесменами было профинансировано создание политического блока «Партии Мелильи». За голоса мусульман активно вели борьбу Социалистическая и Народная партии Испании, которые поддерживали создание мусульманских партий, чтобы обеспечить себе успех на выборах. В период с 1995 г. по 1999 г. местные власти, связанные с Народной партией, помогли объединить Коалицию Партии Мелильи, которая ориентировалась на социальную интеграцию, проблемы занятости, вопросы образования среди мусульманских общин. За 4 года этой политической партии удалось укрепить свои позиции среди мусульманского населения региона¹⁴.

Теракты в Мадриде 11 марта 2004 г. положили новый этап во взаимоотношениях мусульманской общины и правительства Испании. Министерство Внутренних дел ужесточило контроль над религиозными общинами с целью предотвращения экстремистской деятельности. И хотя глава МВД не акцентировал внимание на мусульманских организациях, тем не менее некоторые исламские ассоциации выступили с протестом на действия властей. Но в целом ужесточение контроля было воспринято положительно. Например, лидер Союза исламских общин Испании согласился, что необходимо вести борьбу со «всеми радикалами, независимо от религии и политической идеологии». Ассоциация марокканских рабочих также поддержала правительство и предложила правительству сформиро-

вать демократически избранный Исламский Совет по французской модели, чтобы предотвратить распространение радикальных исламистских идей в стране. Лидеры Ассоциации заявили, что укрепление саудовского влияния на мусульманскую общину Испании не только опасно, но и не отражает мнения большинства марокканских мусульман, следующих маликитскому мазхабу ислама.

Весной 2004 г. правительство Испании усилило сотрудничество с Марокко в борьбе против экстремизма. Министр юстиции в ходе официального визита в Марокко встретился с министром по религиозным связям Марокко, где обсуждались вопросы сотрудничества двух стран в борьбе с терроризмом. Марокко, в свою очередь, также проявило интерес к новой стратегии институционализации ислама в Испании. И в апреле 2004 г. трое представителей Федерации Испании по исламским религиозным вопросам были приглашены в Марокко для встречи с министром по религиозным связям. Это вызвало настороженность среди мусульманских ассоциаций Испании, т.к. усиление «марокканского ислама» может вызвать упрочение позиций маликитского мазхаба, доминирующего в Марокко. Эти опасения небезосновательны, т.к. марокканские исламские организации, апеллируя к историческому исламскому прошлому Испании, настаивают именно на том, чтобы ислам в Испании был маликитского толка. В конце 2004 г. социалистическое правительство Испании выступило инициатором новой фазы переговоров с Исламской комиссией Испании, в результате чего в январе 2005 г. был сформирован «Фонд Плюрализма и Свободы религии», чтобы представить новые религиозные мусульманские организации, возникшие в 90-х годах, финансировать мусульманские ассоциации в подготовке ими имамов¹⁵. Дело в том, что новые волны мигрантов в Испанию были представлены главным образом марокканцами, также в стране возникли общины выходцев из Сенегала и Пакистана. Таким образом, нынешняя ситуация несколько иная, чем была в 1992 г., когда с правительством было подписано Соглашение. Автор книги «Марокканцы в Испании» Мартин Муньос пишет, что появляются новые марокканские религиозные лидеры, которые успешны в бизнесе, многие получили образование в Испании и «они лучше приспособлены к преодолению тех трудностей, с которыми сталкиваются мигранты-мусульмане в повседневной жизни». «В начале их лидерство было неформальным, однако

затем приобрело законный статус путем создания ассоциаций. Поэтому марокканские мусульманские общины часто возглавляются людьми, далекими от религии, они действуют независимо и децентрализованно»¹⁶.

Исламскую комиссию Испании, образованную двумя основными организациями мусульман страны раздирают прежде всего внутренние противоречия. Мансур Эскудеро действовал в интересах Федерации Испании по исламским религиозным вопросам, а Рия Татари отстаивал позиции Союза Исламских общин Испании. Имам мечети в Гранаде негативно отзываясь о деятельности Исламской комиссии Испании. Он заявляет, что мусульмане в ней очень слабо слышны, а руководители комиссии не защищают интересы мусульман, а «представляют структуру, которую они создали..., все, что они сделали – это использовали демократическую систему, чтобы представить себя». Критика в адрес Исламской комиссии Испании в основном касается слабой связи с мусульманами на местных уровнях, отсутствия марокканцев в руководстве Комиссии. Однако несмотря на это, 75% мусульманских организаций страны относятся либо к Союзу, либо к Федерации. Позиции Союза исламских общин Испании наиболее сильны в северных и центральных районах страны, а Федерации Испании по исламским религиозным вопросам – в Андалусии и Мадриде¹⁷.

В 2003 г. известный идеолог радикального исламизма Юсуф аль-Аири написал книгу «Ирак аль-Джихад: Аамаль ва Ахтар» («Джихад в Ираке: надежды и угрозы»). В ней автор анализирует политическую ситуацию в некоторых европейских странах, вероятность изменения политического климата Великобритании, Испании, Польши в связи с событиями в Ираке.

Автор книги детально рассматривает политическую ситуацию в Испании. Он отмечает, что мусульмане Испании, которых там более полумиллиона, играют значительную роль в стране. Ю. Аири напоминает, что перед началом войны в Ираке улицы крупных городов Испании напоминали «интифаду» в Палестине, более миллиона человек устроили демонстрации протеста в Мадриде. Юсуф аль-Аири анализирует также политическую расстановку сил в стране. Например, полагает, что социалистам и объединенным правым, выступающим против войны, иракский кризис дает возможность привлечь голоса избирателей. Однако он напоминает: несмотря на то, что демократии в Испании уже около 400 лет, она тем не менее еще не

достигла того уровня, какой существует в Великобритании. В отличие от Великобритании, где Тони Блэру фактически пришлось оправдываться за ту ложь, которая прозвучала из его уст накануне ввода войск в Ирак, в Испании этого не произошло. События в Ираке никак не отражаются на политической жизни страны. В отношении Испании Юсуф аль-Аири говорит, что самый эффективный способ заставить власть вывести войска из Ирака – нанести удары, которые своей разрушительной силой потрясут общественное мнение Испании. При этом необходимо обеспечить этим акциям информационную поддержку, которая даст наглядную картину происходящих событий в Ираке. Все это необходимо было сделать до всеобщих выборов в Испании. Так оно и произошло. Испании, несмотря на ее относительную экономическую слабость, автор придает важное значение, так как у этой страны самый низкий уровень заинтересованности в войне, а значит, с нее следует начать вывод войск, а затем, глядя на нее, остальные европейские страны последуют ее примеру¹⁸.

Автор считает, что «новый мировой порядок подобен паутине, в которой пересекаются экономические, политические интересы различных стран, и часто достаточно легкого ветерка, чтобы разрушить эти взаимосвязи». Исходя из этого, и строится стратегическая линия современного движения джихада. В формулу глобальной борьбы с Западом современные исламисты вводят различные переменные. Главный акцент в настоящее время они делают на общественное мнение, увеличение военных расходов стран, участвующих в оккупации мусульманских государств, рост мировых цен на нефть.

Власти Испании бьют тревогу в связи с быстрым распространением исламизма в тюрьмах страны.

Известный испанский судья Бальтасар Гарсон говорит, что испанские тюрьмы, равно как и тюрьмы других государств, стали питательной средой для радикальных исламистских групп¹⁹. Директор Института проблем национальной безопасности Испании Хуан Авилес отмечает, что «в тюрьмах находятся люди, которые молоды, отчуждены, у них жажда приключений и рискованных дел, они чувствуют, что их жизнь проходит впустую, – это сырье для превращения их в террористов». Сейчас каждый десятый заключенный в Испании – мусульманин, причем их число увеличивается. Если в 2000 г. в тюрьмах содержалось 45 тысяч мусульман, то теперь их уже 60 тысяч. Власти прини-

мают меры для того, чтобы лиц, обвиняемых в участии в радикальных исламистских группировках, отделить от остальных заключенных. Серьезность проблемы подчеркивает генеральный секретарь Исламской комиссии Испании Мансур Эскудеро. В частности, он говорит, что заключенные-мусульмане являются самой влиятельной группой во всех тюрьмах страны. Среди них много тех, кто участвовал в деятельности исламистских группировок, и именно они могут ускорить процесс радикализации остальных, осужденных за мелкие преступления²⁰.

Изготовитель взрывного устройства для теракта в Мадриде в марте 2004 г. Жозе Эмилио Суарес был заключен в тюрьму за сбыт наркотиков в 2001 году. В ту же тюрьму был помещен Джамал Ахмидан, марокканец, проживающий в Испании, который был членом марокканской радикальной исламистской организации «Такфир ва-ль-Хиджра»²¹. Оказавшись в тюрьме, Ахмидан вовлек в свою деятельность Жозе Эмилио Суареса. После освобождения оба стали активно участвовать в различных операциях, проводимых «Такфир ва-ль-Хиджра». Главным образом они занимались сбором финансов, в основном за счет сбыта наркотиков. Здесь и пригодились знакомства с наркодилерами и знание каналов транспортировки, которыми обладал Жозе Эмилио Суарес. Позже Ахмидан руководил ячейкой, которая организовала теракт в Мадриде, а Суарес изготавливал бомбы.

Другой участник теракта в Мадриде, Имад ад-Дин Баракат Яркас, – руководитель ячейки «Аль-Каиды» в Испании. Известно, что он находился в тюрьме с 2001 г. по подозрению в причастности к теракту в США 11 сентября. Следствием установлено, что в июне 2003 г. Яркаса посещал в тюрьме член радикальной исламистской группировки Валид аль-Масри, в квартире которого недалеко от испанской столицы проходила сборка взрывных устройств для терактов в Мадриде. Следствию удалось выяснить, что в тюрьме намечалось устроить теракты около Национального верховного суда Испании. Чтобы уничтожить террористическую сеть, спецслужбы страны провели рейды в восьми тюрьмах, в которых были арестованы 10 заключенных. Через десять дней были арестованы еще пятеро заключенных²².

Проблема в том, что исламисты-радикалы есть в каждой тюрьме страны. Радикальные исламистские группы готовят своих членов таким образом, чтобы они продолжали борьбу и

в местах заключения. Например, в одной из тюрем Испании было изъято обращение, в котором говорится: «Братья в горах сражаются пулями и бомбами, а те, кто в тюрьмах, ведут джихад против неверных, проповедуя ислам сердцем, языком и ручкой»²³.

«Салафитская группа проповеди и джихада» (СГПД) активно действует в Испании. Ряд контртеррористических операций, проведенных спецслужбами Испании, показали наличие в стране радикальных исламистских группировок. Особую настороженность властей вызывает деятельность радикальных исламистов в Мелилье и Сеуте – городах в Марокко, которые вместе с прилегающими территориями образуют полуанклавы, находящиеся под управлением Испании. После терактов в Мадриде в 2004 г. испанские власти провели аресты нескольких десятков исламистов в Мелилье, Сеуте и Андалусии. В начале 2007 г. марокканские власти ликвидировали ячейку, состоящую из 62 человек. Согласно обнародованным данным, ячейка была связана с международными исламистскими террористическими структурами: «Аль-Каидой», «Салафитской группой проповеди и джихада», а также получала от них финансовую помощь. В результате слияний группировок в Испании и странах Магриба угроза региону резко возрастает. Отмечается также, что группировки активно участвуют в переправке своих боевиков в Ирак, которые по возвращении будут представлять дополнительную угрозу для внутренней стабильности в Испании и странах Магриба. С огромным числом мигрантов из стран Магриба в Испанию проникает все больше радикалов-исламистов, которые прочно обосновались на юге страны²⁴.

Радикализации мусульман Испании способствует и большое количество радикальных исламистских центров и мечетей. Недавно был подготовлен отчет, в котором говорится, что в стране около 600 мечетей и исламских религиозных центров, из них приблизительно 10% проповедуют радикальный ислам²⁵.

Таким образом, непосредственная близость Магриба к Испании, наличие таких анклавов, как Сеута и Мелилья, могут представлять серьезную угрозу для страны. В декабре 2006 г. испанской прессой были обнародованы детали доклада, подготовленного спецслужбами нескольких стран Евросоюза: Испанией, Францией, Германией и Великобританией. В нем говорится о приблизительно двух сотнях человек, постоянно проживающих в странах Европы, которые прошли подготовку в ла-

герях СГПД и в Ираке, большинство из них является выходцами из стран Северной Африки. Министр внутренних дел Испании Антонио Алонсо заявил, что сеть «Аль-Каиды» в южных регионах страны разделена на три группы: ячейки планирования операций, ячейки тех, кто занимается вербовкой боевиков для участия в войне в Ираке и Афганистане, и ячейки, которые изготавливают фальшивые документы. Алонсо также заявил, что они тесно сотрудничают с «Аль-Каидой» в Ираке. Спецслужбы Испании считают, что свой след оставил на юге Испании известный идеолог радикального исламизма Абу Мусаб ас-Сури, который в 90-х годах жил несколько лет в г. Гранаде. В этот период Ас-Сури вывел на ряд активистов и курьеров «Аль-Каиды» несколько местных радикальных группировок. Власти также выявили ряд ячеек, в обязанности которых входило снабжение радикальных исламистских групп. Эти ячейки также активно функционировали в Сеуте, Мелилье и городах юга Испании. Также удалось подтвердить прочную связь между некоторыми террористами, причастными к теракту в Касабланке в мае 2003 г., и имамами некоторых мечетей юга Испании.

В Андалусии приблизительно 100 мечетей, здесь проживает около 250 тыс. мусульман. Однако из-за наплыва мигрантов растет количество незарегистрированных молельных комнат. Основной причиной радикализации мигрантов-мусульман юга Испании является то, что радикальные исламистские группы, а также отдельные активисты-радикалы используют нелегальные каналы транспортировки людей, чтобы переправиться в Европу. Это своего рода перевалочный пункт для них. Скрываясь от преследований властей на родине, они ведут здесь проповедническую и вербовочную работу.

Аресты, проведенные по всей стране испанскими спецслужбами, показали, что радикальные группы в Испании постоянно эволюционируют. Во-первых, специалисты отмечают, что в последнее время группировки стали многонациональными с преобладанием выходцев из стран Магриба – марокканцев и алжирцев. Когда в 90-е годы впервые была отмечена активность «Вооруженной Исламской группы», «Салафитской группы проповеди и джихада», отмечалось, что по национальному составу они были гомогенны и состояли из алжирцев. Алжирцы считали марокканцев слабыми, трусливыми и ненадежными. Марокканцы же рассматривали алжирцев слишком воинственными. Основные причины того, что группировки ста-

новятся многонациональными, – глобализация джихада и уже-сточение контртеррористических мероприятий со стороны властей. Глобализация джихада приводит к расширению фронта и масштаба проводимых акций, которые отодвигают на второй план прежние форматы борьбы в рамках национальных границ Марокко, Алжира. Теперь их цели стали более масштабными. С другой стороны, «Аль-Каида» использует военный и кадровый потенциал группировок из Северной Африки.

В 70-е годы, после более чем 500 лет затишья и после свержения диктатуры Франко, ислам начал свое медленное возвращение на испанскую землю. Конституция 1978 г. положила конец монополии католичества, длившейся пять столетий. Следует отметить, что до терактов 2004 г. мусульманская община, несмотря на некоторые трудности, динамично развивалась. Даже сейчас 80% мусульман Испании, согласно опросам, проведенным исламскими изданиями, чувствуют себя «принятыми испанским обществом»²⁶. По данным профессора одного из ведущих университетов Мадрида Луиса Фернандо Вильшеца, интеграция мусульман хотя и проходит с некоторыми трудностями, тем не менее только каждый десятый мусульманин страны считает себя маргиналом. После терактов в Мадриде, безусловно, отношение коренных испанцев к последователям исламской религии заметно ухудшилось. Так, например, если в 2005 г. 46% жителей Испании положительно относились к исламу, то в настоящее время их численность составляет 29%²⁷. С общими экономическими трудностями сталкиваются не только мусульмане, т.к. Испания является одной из стран ЕС с наибольшим уровнем безработицы – это общая тенденция. Испания окончательно превращается в страну, где иммигрантам отведена роль чернорабочих. Любая более-менее «чистая» работа зарезервирована за испанцами²⁸. Для «отсечения» иностранных кандидатов на подобные рабочие места им предъявляются требования наличия гражданства, хорошего владения языком, профессионального опыта (при этом учитывается лишь тот, который получен в Испании). Присутствие мусульман в Испании – уже свершившийся факт. Многие исследователи говорят о «возвращении ислама» в страну. Решается вопрос сообщества испанских мусульман о преобразовании статуса мечети в Кордове (которая была превращена в католический собор после захвата города христианскими королями в 13 веке и недавно объявлена ЮНЕСКО ми-

ровым культурным наследием) – в здание, предназначенное для сугубо религиозных целей, где католики и мусульмане смогли бы проводить свои поклонения. Как было показано выше, само географическое положение Испании способствует проникновению сюда радикальных исламистов, которые не только занимаются здесь вербовкой молодых людей в ряды экстремистских группировок и сбором средств на войну в Ираке, Афганистане, но и проводят теракты, что, безусловно, даже с оглядкой на богатое исламское прошлое не способствует скорейшей интеграции мусульман в стране.

¹ Ланда Р.Г. История арабских стран. М.: Восточный университет, 2005, с. 49.

² Д.Чанц. Науки Аль-Андалус.

<http://www.islamua.net/gazeta/1203/andaluz.shtml>

³ Ланда Р.Г. История арабских стран. М.: Восточный университет, 2005, с. 52.

⁴ Lane – Poole S. The Moors in Spain. Fisher Unwin.London, 1888.

⁵ Hillenbrand R. Granada, dictionary of the Middle Ages. N.Y., 1980, с. 651–653.

⁶ Scott S. history of The Moorish Empire. Philadelphia, 1904, Vol. III, с. 446.

⁷ Kamen H.: Spain: 1469–1714; Longman; London; 1983, с. 176.

⁸ Scott S.P.: History of the Moorish Empire; The Lippincot Company, Philadelphia, 1904, vol. III, с. 225.

⁹ Irving T.B.: Dates, Names and Places: The end of Islamic Spain; in Revue d'Histoire Maghrebine; № 61–62; 1991; с. 77–93.

¹⁰ Dietz G. Frontier hybridization or culture clash? Transnational migrant communities and sub-national identity politics, in Andalusia, Spain. Journal of Ethnic and Migrations Studies, 30,6, 2004, с. 1087–1112.

¹¹ Arigita E. Representing Islam in Spain: Muslim Identities and The Contestation of Leadership. The Muslim World. 2006, № 4, с. 569.

¹² Shireen T. Hunter. Islam, Europe's Second Religion. The New Social, Cultural, and Political Landscape. London, 2002, с. 167–168.

¹³ Shireen T. Hunter. Islam, Europe's Second Religion. The New Social, Cultural, and Political Landscape. London, 2002, с. 169.

¹⁴ Shireen T. Hunter. Islam, Europe's Second Religion. The New Social, Cultural, and Political Landscape. London, 2002, с. 171.

¹⁵ Arigita E. Representing Islam in Spain: Muslim Identities and The Contestation of Leadership. The Muslim World. 2006, № 4, с. 576.

¹⁶ Gema Martin Munoz. Moroccans in Spain. Madrid. 2003, с. 113–116.

¹⁷ Arigita E. Representing Islam in Spain: Muslim Identities and The Contestation of Leadership. // The Muslim World. 2006, № 4, с. 570.

¹⁸ Юсуф аль-Аири. Ирак аль-Джихад: Аамаль ва Ахтар, 2003, б.м.

¹⁹ Renwick McLean. Spanish Prisons Provide Pool of Recruits for Radical Islam // The New York Times, USA 31.10.2004.

²⁰ Там же.

²¹ Ian M. Cuthbertson. Prisons and the Education of Terrorists // World Policy Journal Article: Volume XXI, № 3, Fall 2004.

²² Craig S. Smith Islam in Jail: Europe's Neglect Breeds Angry Radicals.

http://www.iris.org.il/blog/exit.php?url_id=34897&entry_id=1021

²³ Zohar Neumann. Islamists and Incarceration Prisons Prove to be Prime Recruiting Grounds by December 8, 2004.

²⁴ Javier Jordan & Humberto Trujillo, Favourable situations for the jihadist recruitment: The neighbourhood of Principe Alfonso (Ceuta, Spain), Jihad Monitor Occasional Paper, № 3, 27.11.2006.

²⁵ Haahr-Escolano K. Algerian salafists and the new face of terrorism in Spain. 2006, с. 17.

²⁶ 80% of Spanish Muslims Feel Accepted. EFE – October 20, 2006 <http://www.euro-islam.info/pages/islameuro.html>

²⁷ New Opinion Poll About Spanish Muslims Yabiladi. 26.06.2006, <http://www.euro-islam.info/pages/islameuro.html>

²⁸ Жингель А. Иммигранты – могильщики испанцев. 28.01.2007 <http://www.russianspain.com/news/show.php>

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АМБИЦИИ НОВОЙ ИРАНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

Отношения между Ираном и арабскими государствами Персидского залива имеют глубокую историю. Несмотря на короткий период разрядки, в них сохраняется напряженность и недоверие. Главным образом это касается границ и безопасности в Заливе, ситуации вокруг иранской ядерной программы, положения в Ираке и усиления там иранского влияния. Все это происходит на фоне имеющихся разногласий в выработке нефтяной политики и спорного вопроса о названии Залива.

В Иране возобладало мнение о том, что с учетом численности населения и ресурсов страна по праву может претендовать на роль главенствующей региональной силы. Здесь они также полагают, что любые мероприятия по выработке системы безопасности без участия Ирана как основного актора станут источником дестабилизации в Заливе.

Еще иранский шах поставил во главу угла своей внешней политики задачу обеспечения стратегического господства страны в регионе Персидского залива и за его пределами. Благодаря экономическим и человеческим ресурсам, а также военным возможностям Ирану удалось стать опорой региональной безопасности. Интерес Ирана заключался в том, чтобы не допустить доминирования в регионе какой-либо группировки стран или иного государства, иначе это грозило ослаблением роли самого Ирана как стратегического центра.

Отношение к американскому военному присутствию, выросшему после освобождения Кувейта в 1991 г., было неоднозначным как в самих странах Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), так и в Иране и Ираке. Арабские государства рассматривали американский контингент как гарантию своей безопасности и элемент сдерживания экстремистских действий со стороны Ирана и Ирака, что особенно утвердило их в такой оценке после оккупации

Ираком соседнего Кувейта. В свою очередь в Багдаде во времена Саддама Хусейна, а также в Тегеране продолжали рассматривать американское присутствие как прямую угрозу своему суверенитету и территориальной целостности. Здесь обвиняли США в том, что «те препятствуют сближению Ирака и Ирана с другими «заливными» странами и возводят разделительные линии на пути политического сближения по таким приоритетным вопросам, как общие угрозы и вызовы и создание единой экономической платформы»¹. По их мнению, американское присутствие усилило противоречия между этими странами и стало причиной региональной гонки вооружений.

Серьезным поводом для беспокойства в арабских странах Персидского залива стало падение шахского режима и провозглашение новым революционным руководством Ирана исламской формы правления как альтернативы традиционному для «шестерки» стран престолонаследию, а также осуждение Тегераном монархий Залива за связи с Западом, в первую очередь с американцами, и опору на них в плане безопасности. Особую тревогу вызывали намерения иранцев ускорить экспорт исламской революции в регионе.

Все это делало отношения между Ираном и странами Залива натянутыми. Несмотря на позитивные подвижки в политике во времена Рафсанджани и Хатами (обмены визитами, подписанные соглашения в сфере безопасности, налаживание экономических связей, прорыв в ирано-саудовских отношениях), нет оснований считать, что в ней не осталось места для разногласий.

В настоящее время на отношения между Ираном и арабскими государствами Персидского залива влияет новый комплекс краткосрочных и долгосрочных факторов и проблем.

Среди этих факторов – приход в 2005 г. к власти в Иране неоконсерваторов, а также усиление его роли в Ираке. Наличие шиитских общин в Ираке и некоторых государствах ССАГПЗ, а также попытки Ирана побудить их к действиям в своих интересах совершенно не способствуют укреплению доверия и стабильности в регионе, обостряя в то же время подозрения относительно мотивов Тегерана и его стратегических целей.

Следующая проблема – территориальный спор между Ираном и Объединенными Арабскими Эмиратами относительно принадлежности трех островов в Персидском заливе

(Большой и Малый Томб и Абу Муса), оккупированных Ираном. До сих пор Иран продолжает отвергать попытки разрешить данный конфликт как путем двусторонних переговоров, так и через международный суд.

Препятствием для улучшения отношений между Ираном и государствами Совета сотрудничества является разница в подходах к арабо-израильскому конфликту и процессу его мирного урегулирования. Заявления иранского президента выглядят свидетельством его стремления взять на себя лидерство в лагере противников мирного процесса.

Одним из основных противоречий, которое способно привести к эскалации напряженности между Ираном и странами ССАГПЗ, особенно в условиях непрекращающегося роста мирового спроса на нефть, является расхождение в нефтяной политике. «В своей нефтяной политике Иран продолжает исходить из идеи противостояния, что означает недопроизводство нефти и поддержание высоких цен для удовлетворения своих финансовых нужд, тогда как Саудовская Аравия и другие страны Совета сотрудничества согласны поддерживать разумные цены на нефть, которые учитывают интересы как производителей, так и потребителей, обеспечивая тем самым стабильность мирового рынка нефти»². Иран открыто осудил нефтяную политику стран ССАГПЗ как наносящую ущерб своим национальным интересам и служащую интересам Запада.

Арабские страны Залива крайне озабочены проблемой «ядерного досье» Ирана как с точки зрения собственной безопасности, так и в ракурсе мировой политики и глобальной экологии, хотя и не оспаривают права Ирана на использование ядерных технологий в мирных целях. «Это законное беспокойство, связанное с неопределенностью обязательств Ирана не разрабатывать ядерное оружие, угрожающее безопасности и стабильности во всем регионе, и втягивающее его в гонку вооружений»³. Одновременно не оставляет тревога в связи с вероятностью прямого столкновения Ирана с США или Израилем. При таком развитии событий страны ССАГПЗ окажутся в центре этого противостояния и его последствий. Их города и инфраструктура могут подвергнуться нападениям, особенно если учесть заявления Ирана о нанесении удара по американским войскам в Персидском заливе, где бы они ни находились, возможном уничтожении нефтяных баз и закрытии Ормузского пролива. Независимо от того, кто первым нанесет упреждаю-

щий удар, совершенно ясно, что страны ССАГПЗ окажутся на линии фронта, хотя бы они этого или нет.

Широкая дискуссия развернулась в иранских общественных кругах по поводу фразы, оброненной шейхом Катара на совместной пресс-конференции в Тегеране, назвавшего Персидский залив «Персидско-Арабским». Вопрос этот является достаточно острым и болезненным для иранской стороны и имеет особую предысторию. Еще в 2005 г. по инициативе США была запущена кампания по пересмотру географического названия «Персидский залив» и замене его на «Арабский залив». Эта идея была встречена в Тегеране «в штыки», в стране началась массовая кампания против «коварных планов» США. Учитывая высокий накал страстей, развернувшихся в 2005 г. по поводу переименования залива, заявление главы Катара было, скорее всего, неслучайным.

В качестве основного инструмента достижения регионального превосходства Иран использует свою новую дипломатию, отличающуюся одновременно и жесткостью и гибкостью, а также изощренностью и прагматизмом.

За сравнительно недолгий период, прошедший с момента вступления в должность президента Ахмадинежада, выдвинуто два новых предложения, касающихся региональной безопасности.

Суть первого, озвученного заместителем министра иностранных дел Ирана, – принять региональную систему безопасности, но с обязательным «включением в проект системы безопасности плана вывода иностранного военного контингента из региона, так как нарастающее присутствие иностранных войск в Персидском заливе привело к анархии, беспорядкам, усилило экстремизм и терроризм, затормозив развитие региона»⁴. Естественно, эти условия не могли быть одобрены странами ССАГПЗ, большинство из которых в настоящее время связаны с Вашингтоном соглашениями по безопасности и которые смотрят на присутствие американских и западных войск как гарантию обеспечения собственной безопасности.

Вместе с тем Иран предложил предпринять несколько интересных мер по безопасности, в числе которых призвал «начать государственную и негосударственную войну против терроризма, принять программу по очистке региона от оружия массового уничтожения и отвергнуть теорию регионального баланса»⁵. Эти направления могут стать основой для укрепления доверия.

Второе предложение по безопасности выдвинул лично президент Ахмадинежад, предложив в ходе встреч «на полях» саммита Организации Исламская конференция (ОИК) в Мекке в декабре 2005 г. идею создания «исламского соглашения по обороне и безопасности».

Несмотря на то, что реакция членов ОИК на данное предложение до сих пор не ясна, обращает на себя внимание тот факт, что новое руководство Ирана все более нацелено на необходимость улучшения отношений с исламским миром. С этих позиций можно рассматривать предложение Ахмадинежада относительно готовности Ирана предоставить свои ядерные технологии для обеспечения научного прогресса в исламском мире. «Предложенное им соглашение в сфере безопасности может стать самым охватывающим в Заливе. Его можно использовать в контексте создания климата доверия, поскольку региональная безопасность в панисламском ключе может стать полезной с точки зрения снижения роли западных держав в обеспечении региональной безопасности»⁶.

Очевидно, что региональная политика Тегерана претерпевает в последнее время заметную трансформацию, что подтверждают новые амбициозные заявления, в которых можно четко проследить лидерские запросы иранского руководства. Наиболее шумную огласку в мире получило заявление Ахмадинежада о том, что Иран сможет вскоре претендовать на статус «сверхдержавы». Как и следовало ожидать, оно было воспринято международными экспертами с изрядной долей скептицизма. Между тем число таких заявлений из уст иранских официальных представителей неизменно растет, что свидетельствует о серьезности намерений Тегерана реализовать свои лидерские амбиции в регионе. Так, «по словам бывшего кандидата в президенты и члена команды стоящих у власти неоконсерваторов Резаи, в ближайшие годы Иран сможет пользоваться значительным влиянием в Ираке, Афганистане, Ливане и Палестине, что приведет в итоге к образованию некоей «исламской империи» (шиитский подтекст читается вполне очевидно)... Один из виднейших представителей иранского правящего духовенства – великий аятолла Ланкарани призвал своих сторонников «внимательно отслеживать, не ущемляют ли в мире ислам» и в случае обнаружения такого факта «немедленно возвещать об этом»⁷.

Руководство Ирана выступает за «многополярное мироустройство под эгидой ООН, в котором Иран и другие исламские страны будут формировать один из полюсов силы»⁸.

Заслуживает внимания выступление Ахмадинежада на пресс-конференции в кулуарах третьего чрезвычайного заседания стран-членов ОИК 8 декабря 2005 г. в Мекке: «Главным из факторов для постижения истинной сущности ислама президент Ирана назвал «единство», подчеркнув, что исламские страны и народы нуждаются в единстве, которое способствует укреплению мира и безопасности всех исламских стран, росту могущества этих стран и установлению нового порядка среди народов всего мира». При этом выше «единства» он поставил бога, заявив: «У нас один бог, один пророк и одна Кааба. Мы должны сообща двигаться по пути реализации исламских идеалов. Это историческая миссия, и если мы ее не выполним, то в будущем нам придется очень трудно»⁹.

Таким образом, складывается мнение, что новое политическое руководство в Тегеране намерено последовательно проводить в жизнь в наступательном ключе не только региональную политику для укрепления своего влияния и получения статуса, по крайней мере, региональной державы, имеющей подконтрольные территории, но и политику «истинного защитника мусульман во всем мире».

Обретению Ираном такого статуса объективно могут способствовать три главных фактора – ядерный, шиитский и нефтегазовый. Эти факторы призваны также обезопасить Иран от возможной военной агрессии со стороны США и их союзников.

Повышенная активность иранской дипломатии в регионе Ближнего Востока и Персидского залива не может не беспокоить соседние государства, особенно те из них, чьи интересы напрямую завязаны на «ближневосточном векторе» американской политики. Тревожные сигналы отчетливо прозвучали на состоявшемся в начале 2006 г. заседании ССАГПЗ по Ирану. Арабские лидеры отчетливо осознают, что новый региональный статус Тегерана может нарушить сложившийся в исламском мире баланс в пользу шиитской ветви, подорвать сложившуюся в Персидском заливе структуру безопасности.

Интересны выводы ведущего американского исследователя современного Ирана Рея Такея, который считает, что за время, прошедшее после Исламской революции, режим Ирана не только выстоял под напором США, но и сумел укрепить свое влияние в регионе. При этом его мощь неуклонно растет благодаря ядерной программе, которая активно развивается, не-

смотря на регулярные протесты мирового сообщества. «Исламская Республика обосновалась на Ближнем Востоке надолго, и рост ее регионального влияния не остановить»¹⁰. По мнению эксперта, Иран «распространяет свое влияние с помощью опосредованных методов, поддерживая терроризм, финансируя своих сателлитов и сотрудничая с зарубежными шиитскими партиями»¹¹.

В настоящее время Тегеран не отказался от схоластической риторики, однако его внешняя политика стала вполне прагматичной. «Иран уже давно не является ревизионистским государством и превратился в средних размеров державу, стремящуюся к региональному превосходству»¹². Он также уже и не является революционным государством в той степени, как это было в 80-е годы, когда был одержим идеей насильственного распространения своей модели управления. Сохраняя верность консервативным взглядам, новое руководство ставит иранский национализм выше исламского самосознания, а прагматизм – выше идеологии, хотя внешние атрибуты революционной идеологии Хомейни еще очень часто находят свое применение.

В то же время сами арабские государства сегодня стремятся избегать открыто выступать против Тегерана. «Многолетняя традиция платить Британии, а затем Америке за собственную безопасность исторически обеспечивала арабским эмиратам Персидского залива некоторую степень независимости от своего могущественного иранского соседа»¹³. Но непоследовательное поведение Вашингтона и его неспособность установить мир в Ираке подорвали веру в возможности Соединенных Штатов. Многие страны Персидского залива постепенно начинают все больше доверять иранским мотивировкам, чем дестабилизирующим планам Вашингтона. И чем сильнее становится Иран, тем настойчивей местные правители будут стремиться завоевать его расположение, а не враждебное отношение.

В отличие от своих предшественников периода 80-х годов новые лидеры, включая даже и президента Ахмадинежада с его вызывающим поведением, не критикуют ни прозападные режимы Египта и Иордании, ни монархии Персидского залива, а также не разрабатывают планов свержения их правителей. Новых лидеров больше интересуют международные связи этих государств, нежели их внутреннее устройство. Главная тема сегодняшних дебатов в Тегеране – каким образом усилить

сферу влияния Ирана и наиболее эффективно использовать свой статус восходящего регионального гегемона.

Несмотря на личные глубокие религиозные убеждения, Ахмадинежад не претендует на роль мессии, стремящегося построить новый мировой порядок. «Это умелый манипулятор, пытающийся поднять волну негодования в охваченных хаосом странах-соседях. Он понимает, что кровопролитие в Ираке, остановка мирного процесса между Израилем и Палестиной и бессилие арабских правителей перед лицом Вашингтона вызвали к жизни мощные антиамериканские настроения на всем Ближнем Востоке и растущую потребность населения в лидере, готовом противостоять Израилю и США. И он очень хочет стать таким лидером»¹⁴. С этой целью Ахмадинежад произносит подстрекательские речи о Холокосте и Израиле, поддерживает «Хезболлу» и призывает мусульман к солидарности и преодолению межконфессиональных разногласий. Тем самым он стремится превратить шиитское персидское государство в предмет восхищения даже для арабов-суннитов.

В 90-х годах, когда реформаторы возглавили многие важные государственные институты, часть будущих неоконсерваторов ушла в исследовательские центры, в частности в Университет имама Хусейна, чтобы пересмотреть внешнюю политику Ирана. Судя по статьям и публичным выступлениям, они пришли к выводу, что окончание холодной войны в сочетании с уникальным географическим положением Ирана естественным образом превратило его в региональную державу, а дальнейшему прогрессу помешали избыток идеологии и чрезмерная враждебность во взаимоотношениях с Западом. Отстранение от власти Саддама Хусейна и афганских талибов, а также трудности, с которыми США столкнулись в Ираке, привели молодых реакционеров к мысли, что их стране предоставляется уникальный шанс возвыситься. В настоящее время Иран считает себя ключевым государством Ближнего Востока.

По их мнению, единственный для Ирана способ реализовать иранский потенциал – действовать более рассудительно, то есть ограничить некоторые проявления своего влияния, придерживаться определенных международных норм и вести переговоры по взаимоприемлемым соглашениям с противниками.

Таким образом, с середины 2005 г. налицо тенденция существенной активизации и изменения концепции регионального лидерства Ирана в сторону прагматизма. Очевидно, что в

«ближайшие годы весь политический, экономический, культурный и, возможно, военный потенциал Тегерана будет направлен на закрепление за этой страной статуса региональной державы, авторитетного лидера исламского сообщества»¹⁵.

¹ *Абдель Азизи бен Осман бен Сакр*. Ирано-заливные отношения: реальность и стремления. Лекции в Бахрейнском центре исследований. 10 апреля 2006 г.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ *Розов А.А.* Имперские амбиции Тегерана и реакция регионалов // Сайт Института Ближнего Востока, iimes.ru, 05.05.2006.

⁸ *Сергеев М.М.* Внешнеэкономические связи Ирана со странами Запада // Сайт Института Ближнего Востока, iimes.ru, 11.10.2006.

⁹ Выдержки из заявления президента ИРИ М.Ахмадинежада на пресс-конференции в Мекке (8 декабря 2005 г.).

¹⁰ *Такей Р.* Время для разрядки в отношениях с Ираном // Россия в глобальной политике. – 2007. – № 2, март – апрель.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Розов А.А.* Трансформация концепции регионального лидерства Исламской Республики Иран // Сайт Института Ближнего Востока, iimes.ru, 17.03.2006.

ВЫНУЖДЕННАЯ МИГРАЦИЯ
НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ
И ЕЕ КОНФЛИКТОГЕННОСТЬ.
ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

В последнее время здесь отмечается рост миграции, вызванной различного рода конфликтами и бедствиями. Проблема вынужденных мигрантов – одна из наиболее важных демографических проблем не только на Ближнем и Среднем Востоке, но и во всем мире. Присутствие значительного числа вынужденных переселенцев может стать источником дестабилизации обстановки в любой стране, что ставит под угрозу жизнь ее населения и граждан других стран. Примером служит последний конфликт в Ливане, в ходе которого лагеря палестинских беженцев (Нахр аль-Барид, Айн аль-Хильва)¹ стали убежищем для боевиков экстремистских организаций. Насколько конфликтоопасным является наплыв большого числа беженцев и перемещенных лиц? Анализ современных тенденций вынужденной миграции на Ближнем и Среднем Востоке и основных очагов вооруженных столкновений позволяет найти ответ на этот вопрос.

Большинство специалистов определяют вынужденную миграцию как перемещения людей, покинувших место жительства вследствие совершенного в отношении них или членов их семей насилия или преследования, либо вследствие реальной возможности подвергнуться насилию или преследованию, а также вследствие чрезвычайных обстоятельств экономического, природного, техногенного характера². К вынужденным мигрантам относят также «внутриперемещенных лиц», то есть лиц, вынужденно покинувших места постоянного проживания вследствие вооруженных конфликтов, систематических нарушений прав человека, природных или техногенных катастроф, но не пересекших при этом международно-признанных границ государств. Во многих странах существуют свои критерии

определения тех или иных категорий вынужденной миграции (беженцев, ищущих убежище, «высланных» и др.)³.

Документальный учет масштабов и тенденций миграции по-прежнему является весьма сложной задачей. Во многих странах региона отсутствует строгая процедура регистрации вынужденных переселенцев и систематический статистический учет не ведется. Данные не только государственных органов, но и международных организаций иногда носят лишь оценочный характер и могут быть не вполне достоверными. Несмотря на это, даже с их помощью можно проанализировать основные тенденции в регионе.

В связи с политической обстановкой в мире важное место в международной повестке дня занимает проблема беженцев. Их численность на Ближнем Востоке, по данным Комитета США по беженцам и иммигрантам (USCRI)⁴ на конец 2005 г., составила около 4,9 млн. чел., в Северной Африке⁵ – более 580 тыс. (не включая палестинских беженцев, попадающих под отдельный мандат Ближневосточного Агентства ООН для помощи и трудоустройства беженцев – UNRWA⁶). В статистике этой организации отражены как численность беженцев, так и лиц, ищущих убежища, еще не получивших официального статуса беженцев. Необходимо учитывать, что значительная часть вынужденных переселенцев проживает вне лагерей Управления Верховного комиссара по беженцам (УВКБ) ООН⁷ и других организаций. Специалисты часто фиксируют данные только по клиентуре международных гуманитарных агентств, однако многие вынужденные мигранты не обращаются в пункты приема беженцев или не подают заявления на убежище и в результате оказываются незарегистрированными. Таким образом официальные цифры нередко являются заниженными. При отсутствии точных данных в статье приводятся общие сведения об основных тенденциях вынужденной миграции в рассматриваемой стране или в регионе.

На конец 2005 г. больше всего официально зарегистрированных беженцев проживало в Пакистане (в лагерях УВКБ ООН – около 1,1 млн. чел.), за которым следовал Иран (около 1 млн. чел., по данным USCRI). На эти страны сегодня приходится около 1/5 мирового массива беженцев⁸.

С начала 90-х годов одним из основных источников легальной и нелегальной миграции беженцев является Афганистан. Однако в настоящее время численность афганских бе-

женцев за пределами страны снижается вследствие масштабной репатриации в Афганистан (в 2002–2006 гг., по данным УВКБ ООН, 4,7 млн. граждан страны вернулись на родину), а также в результате изменений в законодательстве европейских стран. Так, в Германии⁹ в начале этого столетия Федеральный суд постановил, что лица, бежавшие из Афганистана, не имеют права на статус беженца, поскольку лидеры движения «Талибан» не представляют признанного правительства¹⁰, после чего миграция афганских граждан в эту страну сократилась. В 2006 г., по данным ООН, до 3,5 млн. вынужденных мигрантов из Афганистана проживали за пределами страны. Из них официально зарегистрированы были 2,1 млн. чел. Основные страны убежища – это Иран и Пакистан: более 920 тыс. афганских беженцев получают помощь от УВКБ ООН в Иране и около 1,1 млн. – в Пакистане. По данным правительства Пакистана, еще 1,3 млн. афганцев, многие из которых могут быть беженцами, живут на территории страны вне лагерей УВКБ ООН. Благодаря непрекращающейся репатриации их численность продолжает сокращаться¹¹.

Отдельного внимания, с точки зрения вынужденной миграции, заслуживает Ирак, который всего за несколько лет превратился в одного из основных «доноров» беженцев и в регионе, и в мире, наряду с Суданом, Сомали и др. В результате конфликта 2003 г. страну покинули 1,6–2 млн. чел. (почти 7% населения страны)¹². Большинство бежало в Иорданию и Сирию¹³. Хотя после войны многие эмигранты из Ирака вернулись на родину, к 2006 г. этот процесс практически остановился. Если в 2005 г. репатриировалось около 55 тыс. чел., то в 2006 г. – всего 400 чел. В результате непрекращающихся боев на территории Ирака численность беженцев за пределами страны сегодня составляет более 2 млн. чел.¹⁴ По разным данным, до 1,6 млн. иракцев проживают в тяжелых условиях в Сирии, Иордании, Египте и Ливане¹⁵. Многие получили убежище в странах Европы: Германии, Нидерландах, Великобритании и др.¹⁶

Присутствие такого числа беженцев в регионе объясняется, в первую очередь, наличием политических и этнических противоречий, приводящих к вооруженным столкновениям. Новой тенденцией на Ближнем и Среднем Востоке стало увеличение роли внутренних конфликтов как основных факторов, влияющих на перемещения вынужденных мигрантов. Многие из этих конфликтов носят затяжной характер и в значительной

степени затрагивают соседние страны, принимающие беженцев на своей территории. В регионе это, прежде всего, гражданская война в Судане, а также борьба между войсками переходного правительства Сомали и исламистами, которых поддерживают отряды местных кланов.

Причины новых вооруженных столкновений в Судане коренятся в этнических и религиозно-культурных различиях населения. В ходе последнего крупного межэтнического конфликта в западном регионе Судана – Дарфуре, вспыхнувшего в 2003 г., были убиты от 30 тыс. до 50 тыс. чел., 1,5 млн. суданцев покинули свои дома. Многие бежали из страны. В мире, по данным ООН, проживает более 680 тыс. беженцев из Судана. Основными странами убежища являются Чад, Уганда, Кения, Эфиопия, ЦАР¹⁷.

В конце 2006 г. столица Сомали и почти весь юг страны находились под контролем радикальных группировок. В начале 2007 г. правительственным войскам при поддержке эфиопских подразделений удалось вытеснить боевиков из всех крупных городов. Тем не менее, исламисты продолжают вести партизанскую войну¹⁸. По данным ООН, в результате конфликта десятки тысяч человек покинули свои дома. 32 тыс. граждан Сомали получили убежище на северо-востоке Кении в поселении Дадааб.

За пределами страны УВКБ ООН зарегистрировано на 2006 г. более 460 тыс. сомалийских беженцев. Основными странами убежища являются Кения, Йемен, Великобритания, США, Эфиопия¹⁹. Многие сомалийцы получили убежище в таких европейских странах, как Нидерланды, Норвегия, Дания.

По-прежнему на Ближнем Востоке остро стоит проблема палестинских беженцев. Сегодня они населяют в основном регионы, входящие в сферу компетенции UNRWA. По данным Агентства, в 2005 г. их численность составила 4 349 946 чел. – 18% общей численности беженцев в мире. В Ливане проживали 404,2 тыс. чел., в Сирии – 432 тыс., в Иордании – 1 827,9 тыс., на Западном берегу р. Иордан – 699,8 тыс. и в Секторе Газа – 986 тыс. Лишь около 1/3 зарегистрированных Агентством беженцев проживают в 58 официальных лагерях. Многие палестинцы получили убежище в Египте, Саудовской Аравии, Ираке²⁰.

Существует проблема курдских беженцев. После войны в Персидском заливе 1991 г. Ирак покинули около 1 млн. курдов²¹. Они получили убежище в соседних странах, в некоторых развитых странах Европы и Америки. Беспокорство междуна-

родных организаций вызывает положение сирийских курдов. По данным USCRI, в Сирии до 300 тыс. курдов живут в статусе «иностранцев» или «незарегистрированных» без элементарных прав. Правительство страны выделяет их в отдельную группу «беженцев без государства». По мнению специалистов, социальная и экономическая маргинализация такой значительной по численности группы населения ставит под угрозу стабильность в стране и в регионе²². Курдские беженцы живут в Ираке: в основном это беженцы из Турции (более 13 тыс. чел.), проживающие преимущественно в городах и лагерях на севере страны, а также беженцы из Ирана, покинувшие страну из-за ирано-иракской войны 1980–88 гг. (около 12 тыс. чел.)²³. Курды также ищут убежище в Иране (в основном беженцы из Ирака – более 7 500), Ливане (большинство в статусе «лиц без гражданства»), странах СНГ и др. Война 2003 г. стала причиной миграции многих курдов из Ирака в Европу (Италию, Кипр, Грецию и др.).

Новые потоки вынужденной миграции в регионе БСВ были вызваны войной между Эритреей и Эфиопией 1998–2000 гг. (с обеих сторон около 1 млн. беженцев и перемещенных лиц покинули свои дома²⁴), ливано-израильским конфликтом 2006 г. (по данным правительства Ливана, приблизительно 25% населения страны – более 915 тыс. чел. – были вынуждены искать убежище; в Израиле численность перемещенных лиц в результате конфликта составила около 500 тыс. чел.²⁵).

Поскольку большинство конфликтов происходит на собственных территориях, не менее важна, чем проблема беженцев, забота о судьбе внутриперемещенных лиц. Сегодня их численность на территории Судана, по данным USCRI, достигает 5 млн. чел. – больше, чем в любой другой стране мира. Данные УВКБ ООН также свидетельствуют о значительном числе перемещенных лиц на территории Судана, однако, по мнению председателя комитета по международным делам Совета Федерации российского парламента М. Маргелова численность жертв и беженцев завышается, поскольку в настоящее время «полномасштабная война не идет»²⁶. М. Маргелов предполагает, что ООН и африканским государствам это выгодно: «ООН нужна какая-то история успеха», а руководители разных стран в регионе «зарабатывают деньги на гуманитарной катастрофе», выдавая миграцию племен из одной страны в другую за потоки беженцев. Таким образом, следует со внима-

нием относиться к международной статистике по численности беженцев и перемещенных лиц в Судане.

К 2005 г. более 80% официально зарегистрированных перемещенных лиц находились в лагерях беженцев на юге Судана. Значительная часть населения бежала в столицу Хартум, городская инфраструктура которой перестала справляться с возросшим населением.

В Турции проживают от 380 тыс. до 1 млн. курдов в статусе перемещенных лиц, которые покинули свои дома в результате конфликта между курдскими повстанцами и турецкой армией. Правительство Турции утверждает, что в 1994–99 гг. деревни на юго-востоке покинули около 378 тыс. чел., в то время как некоторые местные неправительственные организации (например, the Turkish Human Rights Association (IHD)) называют цифры, значительно превышающие официальные (до 3 млн. чел.).

Наблюдается рост численности перемещенных лиц на территории Ирака (более 1,7 млн. чел.), что вызвано постоянными боями и нестабильностью в стране²⁷.

Среди причин, способствующих сохранению высокой численности беженцев и перемещенных лиц, необходимо выделить причины, обусловленные ухудшением окружающей среды, экологическим кризисом, увеличением стихийных бедствий и природных катастроф. В результате сильнейшей за последние 30 лет засухи в Афганистане в начале нынешнего столетия, по данным ООН, по меньшей мере 700 тыс. чел. были вынуждены искать убежище в лагерях на территории страны, а также в соседних Иране и Пакистане. Из-за засухи в эти годы 340 тыс. граждан Эритреи покинули свои дома в районах, затронутых бедствием. В Иране новые внутренние миграционные потоки были вызваны землетрясением 2003 г., в результате которого более 50 тыс. иранцам пришлось искать убежище. Из-за землетрясения 2005 г. в Пакистане до 3 млн. человек лишились своих домов. Засухи на юге Сомали и наводнения в районе столицы Могадишо заставили тысячи людей искать убежище (в основном на территории собственной страны).

Вынужденные перемещения населения в регионе вызваны также урбанизацией и состоянием инфраструктуры. Подобные процессы особенно характерны для Турции, где наблюдается значительный рост городского населения, во многом благодаря переселению из деревень на юго-востоке в города центральной и западной части страны (в последние годы до 400 тыс. чел. покинули свои дома)²⁸.

Вынужденная миграция в регионе имеет свою специфику. Во-первых, это комплексное явление, последствия которого приходится учитывать и соседним странам, и тем, кто не имеет общих границ с государством-источником потока беженцев. В странах-членах Союза Арабского Магриба (Алжир, Ливия, Мавритания, Марокко, Тунис) отмечается рост численности ищущих убежище и экономических мигрантов из стран Африки южнее Сахары, пытающихся проникнуть в Европу. Не прекращаются потоки мигрантов и ищущих убежище из стран Африканского Рога в Йемен. Подобные процессы оказывают влияние на политическую и социально-экономическую ситуацию в этих странах (напряжение на рынках труда и жилья, рост уровня преступности в местах притока мигрантов и т.д.). Правительству приходится учитывать возможные негативные последствия морального, экономического, политического характера.

Во-вторых, многие страны региона сочетают в себе одновременно роли страны-«донора» беженцев и страны, принимающей вынужденных мигрантов. Судан, несмотря на внутриполитическую ситуацию, предоставляет убежище на своей территории многочисленным беженцам из Эритреи (в 2005 г., в стране проживали до 111 тыс. граждан этой страны), Эфиопии (около 15 тыс. чел.), Уганды (8 тыс. чел.)²⁹.

Изменения в миграционном законодательстве, которые происходят в настоящее время в странах Европы, свидетельствуют, что проблема приема мигрантов, в том числе вынужденных, еще не получила окончательного решения. Конвенция о статусе беженцев 1951 г. требует от принимающих государств обеспечивать уважение основных прав и свобод человека в отношении находящихся у них беженцев. Тем не менее, страны Европы обеспокоены не только финансовыми затратами на обустройство беженцев, но и угрозой безопасности страны. Несмотря на существование института права убежища, ввиду значительной легальной и нелегальной миграции из стран Африки южнее Сахары, Северной Африки и др. регионов, многие европейские государства идут на ужесточение миграционной политики и разрабатывают новые критерии, определяющие статус беженца. В действительности, оценить конфликтогенность миграции достаточно сложно. Известно, что в таких странах, как Турция, Иран, Ирак, нередко возникали конфликты между местным населением и курдами. Европейские страны в этом отношении не исключение. В апреле 2007 г.

в Брюсселе произошли столкновения между этническими турками и представителями курдского меньшинства, а годом ранее по инициативе последних в центре города прошла антитурецкая манифестация³⁰. Подобные столкновения, парижские беспорядки 2005 г., в которых участвовали преимущественно иммигранты, выходцы из арабских стран Северной Африки, – подтверждают тот факт, что иммиграция (даже в развитые страны Европы) не избавляет переселенцев от межэтнических конфликтов и противоречий. У многих мигрантов их стремление к консолидации и отрицательные установки в отношении интеграции препятствуют ассимиляции и, как правило, ставят иностранных граждан в оппозицию к принимающему их населению. Сегодня страны Европы сталкиваются с трудностями интеграции в свое общество выходцев из исламских государств. Попытки наладить диалог, в целом, неэффективны (события во Франции), т.к. мусульманские общины этнически- и культурно-идеологически разнородны и практически не имеют единой структуры. Как правило, редко находятся организации, способные говорить от имени всего иммигрантского анклава той или иной страны³¹. Децентрализация иностранных общин препятствует принятию решений в кризисных ситуациях.

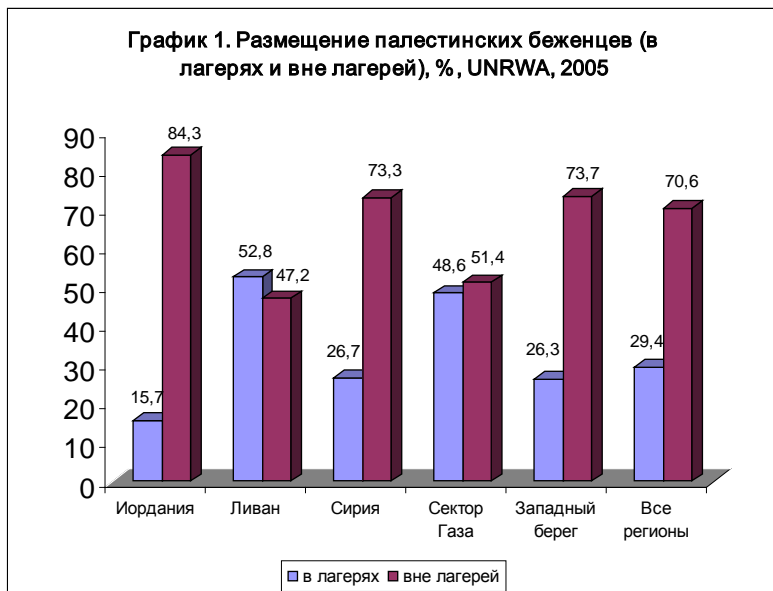
Есть основания утверждать, что этно-конфессиональное отчуждение иммигрантов, вместе с социальными и экономическими проблемами, оказывает серьезное влияние на успех интеграции вынужденных переселенцев в окружающее их общество и способствует возникновению конфликтных ситуаций.

Насколько страна способна решить проблемы, связанные с обустройством и проживанием беженцев и ищущих убежище, их интеграцией в общество, какие меры необходимо для этого предпринять? От ответов на эти вопросы, степени согласованности действий социальных институтов, способности государства гарантировать исполнение законов и обеспечивать безопасность и своих, и иностранных граждан, зависит, возникнут ли условия, которые могут дестабилизировать обстановку в стране. Многие специалисты видят решение проблемы вынужденных переселенцев в их обустройстве в лагерях с возможностью последующего переселения в третьи страны или репатриации на родину. Однако это не всегда оказывается эффективно. График 1 показывает, какая часть палестинских беженцев живет в лагерях, какая рассеяна по странам, подпадающим под мандат UNRWA. Ливан и Сектор Газа – территории, на которых

процент палестинцев, проживающих в лагерях, наиболее высок. Есть основание считать, что невозможность натурализоваться, интегрироваться в окружающее общество, его экономическую жизнь является фактором, приводящим к возникновению конфликтов. Во многих странах экстерриториальность лагерей часто увеличивает риск их превращения в опорные пункты для экстремистских и террористических сил. Это подтверждают события в лагерях палестинских беженцев в Ливане, Газе. Турция неоднократно требовала от ООН закрыть лагерь курдских беженцев Махмур в Ираке, утверждая, что там скрываются члены Курдской рабочей партии. Необходимо отметить, что часто сами условия содержания в лагерях способствуют росту негативных настроений среди вынужденных переселенцев, вовлечению молодежи в различные повстанческие движения, переходу на сторону боевиков. На беженцев нередко налагаются запреты, не позволяющие заниматься квалифицированным трудом, обладать недвижимостью и т. п. Им приходится испытывать трудности в получении медицинской помощи, образования, социальных услуг и др. В Турции многие курды, перемещенные внутри страны, живут вместе со всеми родственниками (иногда более тридцати человек) в жилищах, рассчитанных на одну семью. Некоторым приходится ютиться в палатках, жить на улицах. Только небольшая часть перемещенных курдов обеспечивается жильем в соответствии с государственными программами³².

В лагерях в Тиндуфе на юго-западе Алжира многие западно-сахарские беженцы (сахрави) живут уже более 25 лет в ужасных условиях, усугубляемых пустынным климатом. Люди страдают от нехватки еды и воды, большинство до сих пор живет в палатках. Их численность, по данным USCRI, составляет около 165 тыс. чел. Референдум ООН, который должен был определить статус Западной Сахары, неоднократно откладывался. Миссии ООН по референдуму в Западной Сахаре (МИНУРСО) до сих пор не удается завершить регистрацию участников из-за споров между властями Марокко и ПОЛИСАРИО по поводу того, кто имеет право принимать участие в голосовании. В результате, репатриация беженцев из соседних стран задерживается. В последние годы в лагерях царят отрицательные настроения³³. Учитывая, что на юго-западе страны в районе Тиндуфа продолжают размещаться административные органы САДР, руководство Фронта ПОЛИСАРИО,

базы подготовки партизан, конфликтогенность ситуации растет³⁴.



Натурализация или содержание в специальных лагерях, расширение прав беженцев или разработка новых критериев предоставления убежища – решение этих и других вопросов требует комплексного подхода, который обязательно учитывал бы отношение принимающего общества к вынужденным переселенцам, поскольку это влияет на обстановку в стране. Многие иностранные граждане используют обращение с просьбой об убежище как средство, позволяющее въехать на территорию страны. Наплыв иммигрантов заставляет государства ограничивать каналы законного въезда на свою территорию для иностранцев. В результате растет спрос на услуги контрабандистов, фальшивые документы и т.п., что, в свою очередь, провоцирует усиление в обществе скептицизма относительно истинных мотивов лиц, ищущих убежище. Настороженность по отношению к вынужденным мигрантам в совокупности с беспокойством за ситуацию на рынке труда и безопасность в стране приводят к возникновению конфликтов между гражданами страны и беженцами.

На создание благоприятных отношений и нормальной атмосферы оказывают влияние многие факторы. В Ираке враждебное отношение к палестинцам обусловлено конфессиональным фактором, а также существованием прочной связи между палестинскими беженцами и режимом С. Хусейна, при котором они пользовались некоторыми привилегиями. В 2006 г. в Ираке во многих сообщениях СМИ палестинские беженцы обвинялись во взрыве мечети в Самаре. В результате, неизвестные убили 12 палестинцев, 12 человек были похищены. Преследования в Ираке вынудили многих палестинских беженцев эмигрировать в Сирию и Иорданию³⁵.

Очевидно, что еще один аспект проблемы вынужденных мигрантов заключен в отношении к ним местного населения. В процессе адаптации переселенцев из других стран часто возникают конфликты, укрепляются опасения и предубеждения граждан страны, принимающей мигрантов, что порождает социальную напряженность³⁶.

Ввиду достаточно высокой конфликтогенности миграции, необходим новый стратегический подход к решению проблемы вынужденных переселенцев. Следует признать, что на данном этапе у проблемы нет быстрого и радикального решения. В эпоху глобализации и вооруженных столкновений закрытие границ и корректировка политики в области предоставления убежища и иммиграции не могут кардинально изменить сложившуюся миграционную ситуацию, о чем свидетельствуют масштабы нелегального перемещения населения. Требуется кооперация между организациями, как международными, так и региональными, межправительственными, такими как ЛАГ, а также учет опыта стран, где идет успешная интеграция иммигрантов в окружающее общество (таких как Израиль, Саудовская Аравия, Иордания). Положение вынужденных иммигрантов в странах проживания зависит от целого ряда факторов внешней и внутренней политической конъюнктуры (возможность нарушения этно-конфессионального баланса, экономические и социально-политические проблемы страны и т.д.), которые тоже необходимо взвешивать при решении различных проблем, в том числе вопросов натурализации и репатриации беженцев. Важно уметь оценить перспективы местной интеграции беженцев в той или иной стране; установить, какой метод будет наиболее эффективным решением и где. В эпоху глобальной террористической угрозы необходимо препятствовать использованию ситуации с беженцами как военное

и политическое оружие. Сегодня это проблема десятков государств, их инфраструктур, это проблема безопасности и работы миллионов людей, будущих поколений.

¹ Российская газета.

² www.demoscope.ru

³ Большинство специалистов в области международной миграции считают неверным включать в число вынужденных мигрантов так называемых экономических беженцев, поэтому в данной статье эта категория не рассматривается («Вынужденная миграция» Ионцев В.А., д.э.н., Московский Государственный Университет; Лахарева Н.В., к.и.н., Государственный Университет управления Международная конференция под эгидой ЮНЕСКО «Миграция, социальные и межкультурные аспекты устойчивого развития».)
www.unesco.ru/files/docs/shs/ioncev.pdf.)

⁴ U.S. Committee for refugees and immigrants (World Refugee Survey (WRS)).

⁵ Алжир, Джибути, Западная Сахара, Ливия, Мавритания, Марокко, Сомали, Судан, Эритрея, Эфиопия.

⁶ United Nations Relief and Works Agency for Palestine Refugees in the Near East.

⁷ Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по беженцам.

⁸ УВКБ ООН.

⁹ Следует отметить, что Германия, по данным ООН, стоит на третьем месте по численности беженцев и ищущих убежище на территории (после Пакистана и Афганистана, более 700 тыс. чел.). Из стран региона это, в основном граждане Афганистана, Турции, Ирака и Ирана.

¹⁰ Международная миграция населения: Россия и современный мир, Москва, МАКС-Пресс, 2001.

¹¹ УВКБ ООН, The Global Appeal 2007.

¹² УВКБ ООН.

¹³ К декабрю 2006 г. эмиграция беженцев из Ирака в эти страны составляла в среднем 3 тыс. чел. в день.

¹⁴ ВВС.

¹⁵ В Сирии 500–700 тыс. чел., примерно столько же в Иордании, 20–40 тыс. чел. в Ливане, 20–80 тыс. чел. в Египте (УВКБ ООН, Refugee International).

¹⁶ В 2006 г. 52 922 иракских беженца зарегистрировано УВКБ ООН в Германии, 28 618 – в Нидерландах, 22 363 – в Великобритании.

¹⁷ В 2006 г. около 229 тыс. суданцев было зарегистрировано УВКБ ООН в Чаде, 213 тыс. – в Уганде, около 77 тыс. – в Кении, 74 тыс. – в Эфиопии и 20 тыс. – в ЦАР.

¹⁸ Российская газета.

¹⁹ В 2006 г. УВКБ ООН было зарегистрировано более 150 тыс. чел. в Кении, до 79 тыс. – в Йемене, более 36,3 тыс. – в Великобритании, 34 тыс. – в США, около 16 тыс. – в Эфиопии.

²⁰ УВКБ ООН в 2006 г. было зарегистрировано 240 тыс. палестинцев в Саудовской Аравии, 15 тыс. – в Ираке, почти 70,2 тыс. – в Египте.

²¹ USCRI.

²² Buried Alive: Stateless kurds in Syria. 2006.

(www.refugeesinternational.org)

²³ USCRI.

²⁴ BBC.

²⁵ Human Rights Watch.

²⁶ Интервью М. Маргелова программе «Утро на BBC» (22/10/2006).

²⁷ ООН и неправительственные организации.

²⁸ USCRI.

²⁹ УВКБ ООН, 2005 г.

³⁰ Российская газета.

³¹ «Вторая религия» Франции, А. В. Кудрявцев Независимая газета, 18.09.2002.

³² USCRI.

³³ BBC «Sahara refugees' long wait».

³⁴ Представитель ПОЛИСАРИО заявил, что палаточный лагерь сохраняется для того, чтобы люди не переставляли созавать временность своего пребывания в Тиндуфе.

³⁵ USCRI.

³⁶ Миграция и безопасность в России. Под ред. Г. Витковской и С. Панарина; Моск. Центр Карнеги. – М.: Интердиалект+, октябрь 2 тыс. – 341 с.

**РЕФОРМА ТУРЕЦКОГО ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО
СЕКТОРА: БАЗОВЫЕ ПРИНЦИПЫ
И ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ***

Турецкий энергетический рынок – один из наиболее динамично развивающихся в мире. Так, в период с 1995 по 2006 год ежегодный рост потребления электроэнергии в Турции в среднем составлял 6,6%. В соответствии с последними оценками, на период 2007–2015 гг. увеличение спроса прогнозируется в диапазоне от 6,3% до 8,4% в год. Развитие ситуации по «максимальному» сценарию (8,4%) означает, что потребление электроэнергии, составившее 176 млрд. кВтч в 2006 году, к 2015 г. достигнет 354 млрд. кВтч; при этом установленная мощность турецких электростанций должна быть увеличена с 40,5 ГВт до 71,0 ГВт.

Стремительное развитие спроса происходит на фоне коренной перестройки энергетического сектора Турции, начатой в 2001 г. с принятием Закона № 4628 «О рынке электроэнергетики». Принимая во внимание усилия, затрачиваемые руководством страны для создания либеральной структуры энергетического рынка и привлечения частных компаний-инвесторов (как местных, так и зарубежных), уместно остановиться на предыстории, целях и задачах реформы, а также подвести первые, пока промежуточные, итоги и попытаться оценить ее будущие перспективы. Возможно, подобное иссле-

* Автор выражает благодарность Совету по регулированию энергетического рынка Турции и, в частности, руководителю Департамента электроэнергетики г-ну Ахмету Оджаку за согласие на передачу необходимой информации и статистических данных, а также эксперту Совета г-ну Мустафе Гёзену за неоценимый вклад в статью – от предоставления материалов до активного участия в написании и редактировании.

дование будет небезынтересным для читателей в России, где аналогичная реформа начата и продолжается.

Первые попытки привлечения частного сектора в энергетику начали предприниматься правительством Турции в восьмидесятых годах двадцатого века. Турецкий электроэнергетический сектор, как и во многих других странах до последнего времени, управлялся государственной вертикально интегрированной компанией Türkiye Elektrik Kurumu (ТЕК).

В 1993 г. турецкое правительство, следуя стратегическому курсу на либерализацию сектора и приватизацию, разделило ТЕК на две независимые компании: Türkiye Elektrik Üretim-İletim A.Ş. (TEAŞ), ответственную за генерацию, передачу и оптовую торговлю электроэнергией, и Türkiye Elektrik Dağıtım A.Ş. (TEDAŞ), ответственную за ее распределение и розничную продажу потребителям.

Однако вместо дальнейшего проведения реформ правительством были выбраны обходные пути. Для повышения привлекательности схемы BOT («Build-Operate-Transfer»*) в дополнение к Закону № 3096 (относительно реализации BOT – проектов) в 1994 г. были приняты Закон № 3996 и Декрет № 5907. В частности, упомянутые законодательные акты предусматривают выдачу инвесторам гарантий Казначейства. Кроме того, в 1997 г. был принят дополнительный Закон № 4283 о схеме BO («Build-Operate»). Он также оговаривает выдачу гарантий Казначейства для обеспечения участия частного сектора в сооружении и последующей эксплуатации новых электростанций**.

Типичное соглашение по схемам BO, BOT или TOR, подписанное между частным инвестором и TEAŞ (или TEDAŞ), включает обязательство (т.н. «take or pay») покупки электроэнергии, гарантируемое Казначейством, в фиксированном количестве

* Пояснения к схемам реализации проектов частным сектором: BO – сооружение и эксплуатация инвестором объекта, BOT – то же с последующей передачей объекта государству, TOR – передача прав на эксплуатацию объекта инвестору на фиксированный период времени.

** Ниже используются следующие сокращения: ГЭС – гидроэлектростанция, ТЭС – тепловая электростанция, АЭС – атомная электростанция, ВЭС – электростанция на возобновляемых энергетических источниках (в частности, ветроэнергетические установки).

по установленной цене (или по цене, определенной по специальной формуле) в течение срока от 15 до 30 лет.

Очевидно, что такой подход обеспечивает только косвенную конкуренцию и только в том случае, если контракты заключены на основе тендерного процесса, в ходе которого предпочтение отдано более привлекательным, с технической и финансовой точек зрения, предложениям.

К концу 90-х годов стало ясно, что квазиприватизация с гарантиями Казначейства не подходит Турции в связи с бюджетными проблемами государства. Было широко признано, что заключенные долгосрочные соглашения на условиях ВО, ВОТ и ТОР не служат развитию конкурентной среды на рынке электроэнергетики, кроме того, в ряде случаев предусматривают продажу электроэнергии по довольно высоким ценам. При этом природа соглашений с фиксированными ценами подразумевает, что выигрыш в случае повышения финансовой эффективности проекта оказывается на генерирующей стороне.

В целом в качестве одной из ключевых причин проведения реформ электроэнергетического сектора в Турции можно отметить быстрый рост потребности в электроэнергии в сочетании с неспособностью правительства обеспечить необходимые инвестиции из бюджета или через частный сектор (в рамках схем ВО, ВОТ и ТОР с соответствующими гарантиями Казначейства). В 1999 г. дополнение к Конституции Турции открыло путь к приватизации, а в январе 2001 года был разработан Закон № 4628 «О рынке электроэнергетики»* (далее «Закон»), который определяет структуру создаваемого рынка и базовые принципы его функционирования. Закон был принят на 3-й сессии Парламента 20 февраля и вступил в силу после его публикации в Официальной газете 3 марта 2001 года. Последняя дата может рассматриваться в качестве исходной точки реформы электроэнергетического сектора Турции.

Цель Закона формулируется следующим образом: «...Развитие финансово сильного и прозрачного рынка элек-

* Поскольку не представляется возможным в рамках одной статьи осуществить даже краткий анализ наиболее важных законодательных актов, ниже рассматриваются только два ключевых документа: Закон «О рынке электроэнергетики» и «Стратегия реформы электроэнергетики и приватизации».

троэнергии, функционирующего в конкурентной среде в соответствии с требованиями Гражданского Кодекса, поставка в необходимом количестве качественной, дешевой и чистой электроэнергии потребителям и обеспечение в автономном режиме регулирования и надзора за рынком...».

Структура либерального рынка, которая должна быть достигнута в Турции, основана на двусторонних соглашениях между поставщиками и потребителями, дополненных механизмом балансирования и финансового регулирования (т.н. «balancing and settlement mechanism»). Подробнее структура, предусмотренная Законом, рассматривается ниже.

Закон затрагивает «... генерацию, передачу, распределение, оптовую и розничную продажу, импорт и экспорт электроэнергии; права и обязанности всех физических и юридических лиц, непосредственно вовлеченных в указанные виды деятельности; вопросы организации Совета по регулированию рынка электроэнергии (далее «Совет») и принципы работы этого учреждения; а также методы, которые будут применяться при приватизации генерирующих и распределительных активов...».

Закон состоит из двух разделов.

Раздел 1 «Общие положения» определяет цели и задачи Закона, его терминологическую основу, виды деятельности на рынке (генерация, передача, распределение, оптовая и розничная торговля, импорт и экспорт э/э), компании государственного сектора и категории юридических лиц, вовлеченных в каждую из них, разновидности и условия получения соответствующих лицензий.

Раздел 2 «Совет по регулированию рынка электроэнергии, Правление Совета и прочие положения» подробно определяет обязанности и права Совета, имеющего статус госучреждения с административной автономией, источники его финансирования (подразумевается самокупаемость), принципы назначения членов Правления, квалификационные и прочие требования, предъявляемые к работникам Совета, санкции, которые могут применяться Советом по отношению к участникам рынка, разновидности оплачиваемых тарифов (за подключение и использование системы, за предоставление услуг по передаче и распределению, розничные тарифы потребителям со свободным статусом* и

* Свободный статус означает возможность для потребителя самостоятельного выбора поставщика электроэнергии.

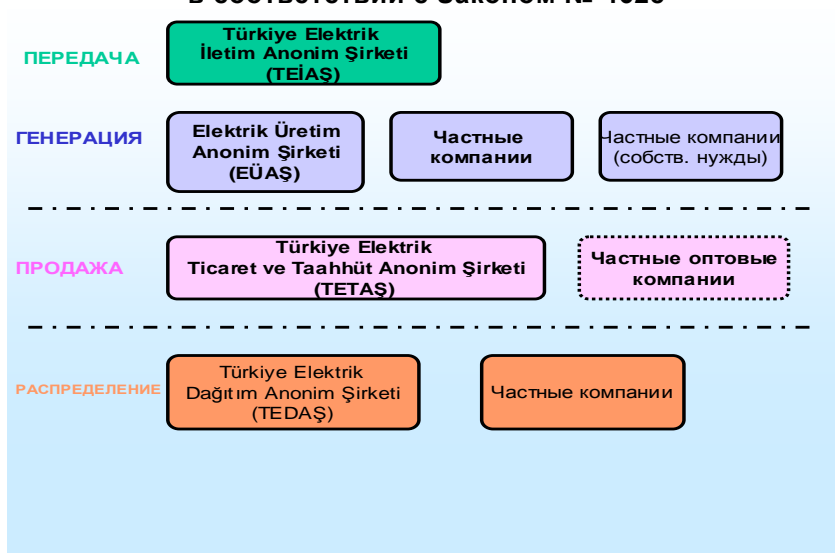
оптовые тарифы TETAŞ), а также оговаривает возможность предоставления прямой финансовой поддержки потребителям без корректировки тарифной схемы, утвержденной Советом. Часть 2 также включает положения, касающиеся приватизации государственных активов, и прочие (временные) статьи.

Для ознакомления с содержанием Закона, помимо первоисточника, уместно обратиться к соответствующим специальным исследованиям, например к (3), где авторами, в частности, наглядно проиллюстрирована корреляция между Законом № 4628 и требованиями европейских директив в отношении рынка электроэнергетики.

В настоящей статье хотелось бы отметить некоторые принципиальные моменты, касающиеся Закона.

Рисунок 1

**Структура государственных компаний
электроэнергетического сектора электроэнергетики
в соответствии с Законом № 4628**



Закон № 4628 направлен на реструктуризацию государственных компаний и, в частности, предусматривает дальнейшее разделение TEAŞ на три независимые компании: Elektrik Üretim A.Ş. (EÜAŞ, компания ответственна за генерацию), Tü-

kiye Elektrik Ticaret ve Taahhüt A.Ş. (TETAŞ, оптовая продажа) и Türkiye Elektrik İletim A.Ş. (TEİAŞ, передача).

– TEİAŞ – монополист в области передачи электроэнергии. TEİAŞ принадлежат все государственные активы, связанные с передачей э/э. TEİAŞ разрабатывает инвестиционные планы для передающего сектора, определяет, пересматривает и передает тарифы (передача, подключение, использование системы) в Совет на утверждение, готовит прогнозы развития рынка электроэнергетики в целом (подлежат утверждению Советом). Компания ответственна за поддержание баланса между спросом и предложением на рынке. На основании Статьи 15b Закона в структуре TEİAŞ создаются Государственный центр балансирования рынка и Центр финансового регулирования. Таким образом, в дополнение к обязанностям системного оператора TEİAŞ действует как администратор рынка.

– EÜAŞ переданы в собственность и управление государственные ТЭС и ГЭС. Компания уполномочена сооружать, сдавать в аренду и эксплуатировать новые генерирующие мощности, в случае необходимости с точки зрения энергетической безопасности, в соответствии с прогнозами развития рынка, разрабатываемыми TEİAŞ, и принимая во внимание инвестицию частного сектора в генерацию.

– Компания TETAŞ создана для оптовых операций на рынке и для передачи ей существующих соглашений на покупку и продажу электроэнергии от TEAŞ и TEDAŞ. Компания вправе на условиях, определенных в Законе, заключать новые соглашения, исполнять и расторгать подписанные и переданные ей соглашения. Более того, т.н. «вынужденные» издержки* должны покрываться через оптовые тарифы TETAŞ. Решение должно быть достигнуто комбинированием «дорогих» источников (т.е. станций, эксплуатируемых на условиях BO, BOT и TOR) с «дешевыми», к примеру с ГЭС, принадлежащими EÜAŞ.

* Расходы возникающие из заключенных ранее контрактов на условиях BO, BOT и TOR, которые, с одной стороны, не могут быть по каким-либо причинам расторгнуты, а с другой, – предусматривают приобретение электроэнергии по ценам, превышающим среднерыночный уровень (в настоящее время 9,13 кр./кВтч, что составляет около 5 евро центов/кВтч).

– Согласно Статье 2с Закона, «... распределительная деятельность осуществляется распределительными компаниями в регионах, указанных в соответствующих лицензиях...». Далее по тексту Статьи указано, что «... собственность на инвестиции, осуществленные после приватизации ... с целью улучшения и расширения распределительных объектов, принадлежит государству». Временная Статья 5а1 уточняет роль TEDAŞ следующим образом: «...TEDAŞ продолжает свою деятельность по распределению и оптовой торговле в распределительных районах, права на управление которыми не были переданы частному сектору или которые не были приватизированы...». Кроме того, TEDAŞ контролирует реализацию инвестиционных планов и программ частных компаний, управляющих активами TEDAŞ.

Как следует из рис. 1 и пояснений выше, за исключением передачи электроэнергии, где государство сохраняет свою монополию, действуя через TEİAŞ, частному сектору предоставлен полный спектр возможностей работы на рынке через систему лицензирования. Закон определяет 6 категорий лицензий и перечисляет условия их получения: на генерацию, передачу (выдается TEİAŞ), распределение, оптовую торговлю, розничную торговлю, производство э/э для собственных нужд.

Также в соответствии с положениями Закона (дополнены в 2006 г.) и последующего законодательства организованные промышленные зоны (ОПЗ) могут осуществлять свою деятельность без образования единого юридического лица, на основании лицензии, выданной Советом. В своих утвержденных границах ОПЗ могут сооружать и эксплуатировать распределительные сети. ОПЗ могут также вырабатывать и / или приобретать электроэнергию, но не могут ее продавать за своими пределами.

Существенная часть Закона (Раздел 2) посвящена созданию Совета по регулированию рынка электроэнергии, с основными функциями, перечисленными ниже:

– надзор за рынком, обеспечение его соответствия требованиям Закона;

– выпуск лицензий;

– подготовка проектов, изменений, ратификация и контроль исполнения дополнительного законодательства, включая стандарты качества;

– установление принципов расчета тарифов, перечисленных в Законе;

– определение формул корректировки тарифов вследствие инфляции и контроль за их применением;

– в отношении ранее заключенных (т.е. до принятия Закона) контрактов внесение предложений по их корректировке, направленных на переход в конкурентную среду и посредническая деятельность по улаживанию разногласий (касательно указанных контрактов) до возбуждения формальных судебных процессов.

Совет образован и приступил к работе 19 ноября 2001 г.

Первоначально Совет создавался с наименованием «Elektrik Piyasası Düzenleme Kurumu», т.е. Совет по регулированию рынка электроэнергии, и именно этой составляющей турецкого энергетического рынка и была ограничена его компетенция.

Однако в дальнейшем Закон № 4628 неоднократно дополнялся, в частности Законами № 4646 «О рынке природного газа» от 02.05.01, № 5015 «О рынке нефтепродуктов» от 20.12.03 и № 5307 «О рынке сжиженного нефтяного газа» от 13.03.05, основанными на тех же принципах, что и Закон № 4628, включая устранение государственной монополии (за исключением рынков нефтепродуктов и сжиженного нефтяного газа, где фактически не было государственной монополии на момент принятия соответствующих дополнений), создание рыночной структуры, допуск частных компаний на рынок через систему лицензирования. Таким образом, функции Совета были значительно расширены, а его нынешнее наименование звучит как «Enerji Piyasası Düzenleme Kurumu», т.е. Совет по регулированию энергетического рынка.

В заключение рассмотрим аспекты, касающиеся временной Статьи № 8, которая звучит следующим образом: «... Гарантии Казначейства в рамках Закона № 3996 могут быть предоставлены по проектам, реализация которых начата до вступления в силу настоящего Закона, в том случае, если такие проекты будут завершены до конца 2002 г. Все гарантии Казначейства, предоставленные для проектов, будут аннулированы и отозваны, если проекты не завершены к концу 2002 г. Гарантии Казначейства в рамках Закона № 3996 от 03.06.94 и Закона № 4283 от 16.07.97 не предоставляются, за исключением вышеупомянутых проектов...».

По замыслу турецкого руководства Ст. № 8 должна в значительной степени разгрузить государственный бюджет, в

первую очередь путем исключения обязательства государства покупать через TETAŞ фиксированный объем электроэнергии (даже если этот объем превышает фактический спрос) по ценам, в ряде случаев признанным экспертами завышенными. Кроме того, само по себе такое обязательство не вписывается во внедряемые рыночные условия.

Позиция государства по отношению к схемам ВО, ВОТ и ТОР, нашедшая отражение в Ст. № 8 Закона № 4628 и последующих действиях, была достаточно болезненно воспринята частными подрядчиками и банками, обеспечивающими финансирование. Некоторые из них (в особенности держатели контрактов ВОТ, к генерации по которым невозможно было приступить до конца 2002 г., и ТОР) подали иски в международный арбитраж.

Необходимо отметить, что установленная мощность электростанций Турции в 2001 г. составляла 28,33 ГВт. Реализация же в полном объеме ранее запланированных проектов ВО и ВОТ должна была в перспективе обеспечить увеличение указанной величины на 5,6 ГВт и 3,5 ГВт соответственно, т.е. более чем на тридцать процентов. Кроме того, общая мощность проектов, которые планировалось передать в эксплуатацию частному сектору, – приблизительно 5 ГВт.

Таким образом, проекты ВО, ВОТ и ТОР, имеющие большое значение для энергетической безопасности, оказались выпавшими в своей изначальной конфигурации из проводимой Турцией реформы энергетического сектора. С момента принятия Закона № 4628 и вплоть до настоящего времени продолжается работа по «либерализации» контрактов и по снижению цен по ним, с одной стороны, и по внесению необходимых корректив в действующее законодательство, с другой.

В 2006 г. объем произведенной в Турции электроэнергии составил приблизительно 176 млрд. кВтч, из которых 61,5 млрд. кВтч или около 35% произведено в рамках контрактов ВО, ВОТ и ТОР. Эта цифра в свою очередь включает, по сведениям Совета: по проектам ВО – 42,7 млрд. кВтч; ВОТ – 14,8 млрд. кВтч и ТОР – 4 млрд. кВтч.

Закон «О рынке электроэнергетики» закладывает фундамент для реформы с дальнейшим развитием детализирующего законодательства, интенсивная разработка которого была начата Советом сразу после своего образования.

В 2002 г. принято 6 подзаконов и 7 коммюнике, среди которых следует отметить Закон «О лицензировании на рынке электроэнергетики» и Закон «О тарифах на рынке электроэнергетики». Перечень основных законодательных актов, принятых за годы реформы, приведен в Приложении 1. Этим был завершён подготовительный этап, и 3 сентября 2002 г. Совет начал принимать первые заявки на лицензии.

Значительное количество обращений за получением лицензий, начавших поступать с конца 2002 года, несмотря на незавершенное на тот момент регламентирующее законодательство, – существенный индикатор доверия частного сектора к реформе.

Так, в период с 3 сентября 2002 г. до конца 31 декабря 2003 г., было получено 546 заявок*, касающихся производства электроэнергии, генерации для собственных нужд, а также оптовой и розничной торговли. Из них 17 связано с продажей электроэнергии, 285 подразумевают сооружение дополнительной мощности 9,4 ГВт и 244 лицензии охватывают существующие электростанции общей мощностью 15,6 ГВт**. Кроме того, EÜAŞ и дочерние компании, а также TEİAŞ и TETAŞ обратились за соответствующими лицензиями, как предусмотрено Законом (5).

В результате рассмотрения за указанный период времени Совет выдал следующие лицензии частному сектору на деятельность по генерации, производству энергии для собственных нужд (включая группы производителей): на новые проекты – 51 лицензия суммарной мощностью 1,58 ГВт, на существующие проекты – 194 лицензии мощностью 5,58 ГВт, а также 123 лицензии на 23,5 ГВт – EÜAŞ и дочерним компаниям. Более того, частные фирмы получили 5 лицензий на оптовую продажу электроэнергии, TEDAŞ –

* Для расчета количества и суммарной «мощности» обращений (для ГЭС и ВЭС) был использован т.н. «накопительный» метод. Практически это означает, что если было сделано несколько обращений на сооружение электростанции в одном и том же районе, они все суммируются в статистических данных.

** Эта величина, 15,6 ГВт, включает электростанции, находящиеся в эксплуатации, а также существующие, генерация по которым еще не начата.

8 лицензий на распределение и 8 на розничную торговлю, TEİAŞ – 1 лицензию на передачу э/э и TETAŞ – 1 лицензию на оптовую продажу (5).

В последующие годы в деятельности Совета, связанной с лицензированием, имели место случаи отзыва некоторых лицензий по основаниям, предусмотренным законодательством. Последние статистические данные по лицензированию на апрель 2007 г. приведены в таблицах №№ 1–3, которые могут быть кратко резюмированы следующим образом: 614 лицензий на генерацию (включая производителей для собственных нужд и электростанции, принадлежащие государству), 1 лицензия на передачу э/э (TEİAŞ), 24 лицензии на оптовую продажу (включая 1 для TETAŞ) и 20 «распределительных» лицензий (все в настоящее время принадлежат компании TEDAŞ, которая также располагает лицензиями на розничную продажу) были выданы Советом для работы на рынке электроэнергетики с сентября 2002 года.

Таблица 1

**Лицензии на производство электроэнергии,
выданные частному сектору**

Год выдачи лицензии	ГЭС		ТЭС		ВЭС		Всего	
	Кол-во	Мощность (МВт)	Кол-во	Мощность (МВт)	Кол-во	Мощность (МВт)	Кол-во	Мощность (МВт)
2003	11	281,5	10	871,2	10	349,0	31	1 501,6
2004	18	425,0	16	1 752,8	20	702,0	54	2 879,8
2005	38	1 057,8	27	1 780,0	2	52,0	67	2 889,7
2006	86	2 745,4	8	1 575,8	9	145,1	103	4 466,3
2007	31	555,7			2	36,5	33	592,2
Всего	184	5 065,4	61	5 979,8	43	1 284,5	288	12 329,6

Таблица 2

**Лицензии на производство электроэнергии,
выданные EÜAŞ**

Год выдачи лицензии	ГЭС		ТЭС		ВЭС		Всего	
	Кол-во	Мощность (МВт)	Кол-во	Мощность (МВт)	Кол-во	Мощность (МВт)	Кол-во	Мощность (МВт)
2003	90	9 559,6	1	15,0	17	8 992,4	108	18 567,0
2004	15	1 420,5					15	1 420,5

...окончание таблицы 2

Год выдачи лицензии	ГЭС		ТЭС		ВЭС		Всего	
	Кол-во	Мощность (МВт)	Кол-во	Мощность (МВт)	Кол-во	Мощность (МВт)	Кол-во	Мощность (МВт)
2005	1	115,0					1	115,0
2006	1	51,0					1	51,0
2007	1	300,0					1	300,0
Всего	108	11 446,1	1	15,0	17	8 992,4	126	20 453,5

Примечание: В дополнение к данным в таблице, 5 дочерних компаний ЕÜАŞ располагают 5 лицензиями на генерацию общей мощностью 3.834 ГВт.

Таблица 3

**Лицензии производителям и группам
производителей для собственных нужд**

Год выдачи лицензии	ГЭС		ТЭС		ВЭС		Всего	
	Кол-во	Мощность (МВт)	Кол-во	Мощность (МВт)	Кол-во	Мощность (МВт)	Кол-во	Мощность (МВт)
2003	2	544,6	133	2 743,3	3	8,4	138	3 296,3
2004	1	0,3	15	75,9	1	0,9	17	77,2
2005	1	3,3	17	114,9	1	0,3	19	118,5
2006			25	172,0			25	172,1
2007			1	1,2			1	1,2
Всего	4	548,2	191	3 107,3	5	9,6	200	3 665,3

В 2003 г. работа Совета над детализирующим законодательством была продолжена. Было разработано и ратифицировано около 50 подзаконных актов и более 20 коммюнике, некоторые из которых упомянуты в Приложении 1. С другой стороны, с целью информационного обеспечения реформы при поддержке Мирового Банка в 2002 и 2003 году были опубликованы т.н. "Electricity Market Implementation Manual" на турецком и английском языках.

Остановимся на структуре рынка электроэнергии, которая отлаживается в Турции.

Напомним, что Закон предусматривает структуру рынка, основанную на двусторонних контрактах и контролируемую TEİAŞ через Государственный центр балансирования рынка и Центр финансового регулирования.

Поставщики на рынке представлены ВО, ВОТ и TOR – контракторами, импортерами электроэнергии, EÜAŞ и дочерними компаниями, портфельными компаниями EÜAŞ (подлежат созданию), производителями э/э для собственных нужд и частными генерирующими компаниями, TETAŞ, TEDAŞ и частными оптовыми продавцами. Образование под патронажем EÜAŞ шести портфельных компаний, объединяющих ряд государственных ГЭС и ТЭС с общей мощностью генерации 34,4 млрд. кВтч, и их дальнейшая приватизация – часть общей программы приватизации генерирующих активов Турции и важный компонент реформы.

Для достижения целей реформы либерализация должна быть проведена не только среди производителей, но также и на рынке потребителей э/э. В этой связи если годовой уровень потребления составляет свыше 3 млн. кВтч (действительно для 2007 года)* или в случае прямого подключения к передающей сети, потребители получают свободный статус, дающий им право на самостоятельный выбор своих поставщиков и заключение с ними двусторонних соглашений. Продавцы без свободного статуса покупают электроэнергию по регулируемым тарифам у одной из 21 распределительных компаний – держателей лицензий на розничную торговлю**.

Двусторонние контракты, будучи одним из главных компонентов рыночной модели, представляют собой соглашения, условия и продолжительность которых свободно определены сторонами с учетом требований Гражданского кодекса. Цель двусторонних контрактов – обеспечение потребителей электроэнергией с учетом профиля их нагрузки.

Вне зависимости от того, насколько точно сделана оценка вначале, баланс между спросом и предложением по двухстороннему контракту может быть нарушен из-за изменяющихся

* «Порог» свободного статуса постепенно снижается. В 2003 г. он составлял 9 млн. кВтч, в 2004 – 7,8, в 2005 – 7,7, в 2006 – 6 млн. кВтч.

** 20 из них – дочерние компании TEDAŞ, которые созданы в 2005 г. путем ее реструктуризации. В настоящее время они находятся в государственной собственности, однако в будущем подлежат приватизации. Одна распределительная компания принадлежит частному сектору.

условий и непредвиденных ситуаций с каждой стороны. В этом случае системный оператор (Государственный центр балансирования рынка) является ответственным за обеспечение окончательного «физического» баланса, будучи уполномоченным давать указания производителям об увеличении и уменьшении выдаваемой в сеть мощности. Параллельно Центр финансового регулирования рынка предъявляет участникам рынка расходы, вызванные уточнением баланса.

В 2004 г. уточнение и дополнение законодательства было практически закончено принятием двух актов: Закона «О надежности и качестве системы линий электропередачи» и Закона «О балансировании и финансовом регулировании на рынке электроэнергетики»*. 17 марта 2004 года Высший совет по планированию решением № 2004/3 ратифицировал Стратегию реформы электроэнергетики и приватизации**.

Часть 1 Стратегии в очередной раз возвращается к цели реформы***, более того, она подчеркивает задачу следовать требованиям ЕЭС, определяет приватизацию в распределительном и генерирующем секторах в качестве одного из императивных элементов реформы и перечисляет основные преимущества, ожидаемые от реформы и приватизации:

1) снижение издержек путем эффективного управления генерирующими и распределительными активами;

2) повышение качества и обеспечение безопасности поставок в электроэнергетическом секторе;

3) уменьшение технических потерь в распределительном секторе до уровня стран Организации экономического сотрудничества и развития и предотвращение незаконных отборов (нетехнических потерь);

* Закон «О балансировании и финансовом регулировании на рынке электроэнергетики» оговаривает принципы и процедуры, которые должны применяться для регулирования рынка электроэнергии в режиме реального времени и таким образом занимает одно из центральных мест в реформе.

** Ниже именуется как «Стратегия».

*** «Основная задача – обеспечение поставок качественной электроэнергии, которая играет существенную роль в нашей экономической и социальной жизни, всем потребителям в необходимом количестве, на непрерывной основе и по низким ценам» (6).

4) привлечение инвестиций частного сектора, требуемых для развития, без создания дополнительных обязательств для государственных структур;

5) обеспечение преимуществ для потребителей, посредством конкуренции в генерации, продаже электроэнергии и через контроль качества услуг.

Как указано выше, Министерство энергетики и природных ресурсов Турции назначено стороной, ответственной за координацию хода реформы. Среди других государственных учреждений, вовлеченных в реализацию Стратегии и упомянутых в документе: Совет министров, Агентство по приватизации, Казначейство, Государственный совет по планированию, TEİAŞ, TEDAŞ (и вновь образованные распределительные компании), EÜAŞ (включая портфельные генерирующие компании), TETAŞ и Совет – в качестве независимого регулятора рынка.

Перечисленные в Стратегии компоненты реформы могут быть разделены на четыре группы. **Приватизация** превалирует в Стратегии и рассматривается в Статьях I–V. Три другие группы названы: **Внедрение рыночной структуры** (Статья VI), **Практика переходного периода** (Статья VII) и **Прогноз спроса и безопасность поставок** (Статья VIII).

Краткое описание Стратегии, шаги, которые должны быть предприняты в рамках каждого компонента реформы так же, как и ключевые даты, приведены в Приложении № 2. Поскольку Стратегия – «дорожная карта реформы», в подготовке которой участвовали все соответствующие государственные организации, уместно рассматривать дальнейший ход реформ и основные достижения уже в контексте этого документа.

Приватизация

Как определено в Стратегии, приватизация турецкой электроэнергетики должна быть начата с распределительного сектора и только по достижении значительного прогресса будет продолжена для генерирующих активов. Такая последовательность выбрана не случайно: в прошлом для обеспечения растущего спроса приоритетным было наращивание генерирующих мощностей. Это приводило к притоку инвестиций в генерирующий сектор, зачастую в ущерб распределительным сетям, и в итоге – к высокому уровню потерь как технического, так и нетехнического характера (несанкционированные отборы э/э).

2 апреля 2004 г. Агентство по приватизации приняло решение № 2004/22 в качестве первого шага к приватизации TEDAŞ (которая, согласно Стратегии, должна быть завершена к концу 2006 г.). В соответствии с указанным решением в перечень компаний, подлежащих приватизации, включили TEDAŞ, и была поставлена задача выбора модели приватизации.

Одновременно распределительная сеть Турции, с учетом ряда обстоятельств, включающих географический фактор, структуру управления, потребность того или иного региона в э/э и проч., была разделена на 21 регион. После включения TEDAŞ в программу приватизации в каждом регионе Агентством по приватизации были созданы отдельные распределительные компании. Единственным регионом, остающимся с 1990 г. в управлении частной компании, KСЕТАŞ, является Кайсери (см. № 18 на карте Турции, рис. 2 [7]).

Рисунок 2

Распределительные регионы Турции

Практически подготовка к приватизации заняла более продолжительное время, нежели определено в Стратегии.

В частности, модель приватизации – передача прав на эксплуатацию – была озвучена лишь в январе 2006 г. Необходимо отметить, что в указанной модели предусмотрен ряд особенностей. В частности, инвестор будет владельцем доли в распределительной компании, при этом не имея права соб-

ственности на распределительные активы (т.е. на оборудование), но управляя ими в соответствии с соглашением о передаче эксплуатационных прав, подписанным с TEDAŞ. В рамках создаваемой рыночной структуры, распределительные компании будут действовать как региональные монополии с лицензиями, выданными Советом.

В течение 2006 г. были предприняты необходимые подготовительные шаги, предусмотренные Статьей IV Стратегии, включая подготовку законодательной базы, заключение контрактов переходного периода, определение тарифов, выдача вновь образованным в регионах компаниям лицензий на распределительную деятельность и розничную торговлю э/э. Результатом стало объявление в середине 2006 г. торгов по приватизации следующих компаний:

1. Регион № 9: Başkent Elektrik Dağıtım A.Ş. (“BAŞKENT”);
2. Регион № 14: Istanbul Anadolu Yakası Elektrik Dağıtım A.Ş. (“AYEDAŞ”);
3. Регион № 15: Sakarya Elektrik Dağıtım A.Ş. (“SEDAŞ”).

Параллельно в рамках программы приватизации генерирующих активов осуществлялась передача гидроэлектростанций от DSİ* к EÜAŞ. Был определен состав шести портфельных генерирующих компаний, которые объединят ряд крупных гидро- и теплоэлектростанций, принадлежащих EÜAŞ, с суммарной годовой генерацией, оцениваемой в объеме 34,4 млрд. кВтч.

Тендер на приватизацию распределительных активов вызвал существенный интерес среди иностранных и местных инвесторов, включая широко известные корпорации, однако был перенесен на неопределенный срок решением Высшего совета по приватизации, принятым 8 января 2007 г. Можно отметить, что, вероятно, дальнейший прогресс в приватизации энергетического сектора может ожидать после президентских и парламентских выборов в Турции.

Внедрение рыночной структуры

Поскольку либеральная структура рынка сама по себе представляет результат реформы, обеспечивая ее основную цель и ряд преимуществ, существование Статьи VI “Внедрение

* DSİ (Devlet Su İşleri Genel Müdürlüğü) – Генеральный директорат государственных водных работ.

рыночной структуры” как компонента Стратегии может выглядеть в значительной степени условным.

Однако в Статье VI упоминается механизм балансирования и финансового регулирования. Хотя дальнейшие пояснения (к примеру, касательно принципов его функционирования), вероятно, недостаточны, одна из центральных ролей Системы регулирования рынка в реформе – вне всяких сомнений. Внедрение Системы было инициировано 3-го ноября 2004 г. принятием Закона «О балансировании и финансовом регулировании на рынке электроэнергетики», цель которого определена следующим образом: «... Сформулировать принципы и процедуры касательно деятельности по балансированию и финансовому регулированию между спросом и предложением электроэнергии в режиме реального времени ...». Под системой балансирования и финансового регулирования понимается «деятельность, направленная на поддержание баланса между спросом и предложением в режиме реального времени через акцепт предложений, организацию платежей, которые должны быть оплачены и получены, с учетом электроэнергии, поставленной или отобранной из системы сторонами, вовлеченными в указанную деятельность и отношения между ними».

Стратегия предусматривает переход к системе, работающей в режиме реального времени, через промежуточный этап, в течение которого расценки за набор / сброс мощности сторонами – участниками системы балансирования фиксируются для каждого из трех отрезков времени, на которые разбиты сутки (дневной, пиковый и ночной периоды).

Практическое внедрение транзитной системы балансирования и финансового регулирования было осуществлено 1-го августа 2006 г., т.е. более чем с полуторалетней задержкой. Реализация же полноценной Системы управления рынком, как определено в Стратегии, связана со значительным прогрессом в приватизации распределительного и генерирующего секторов, который, вероятно, не может быть достигнут до конца 2008 года.

Практика переходного периода

Стратегия для обеспечения постепенного перехода к либеральной рыночной структуре предусматривает ряд мероприятий, включая:

1) Внедрение переходного механизма балансирования и финансового регулирования с целью достижения впоследствии полноценного действия Системы управления рынком с почасовыми расценками.

Начиная с декабря 2003 г. для поддержания баланса турецкой энергосистемы использовался энергетический потенциал ТЕТАŞ с тарифами, утверждаемыми Советом на ежемесячной основе. Такой подход был заменен внедрением реальной системы балансирования и финансового регулирования 1-го августа 2006 г., когда частные компании начали выступать в качестве участников процесса. Впервые в истории Турции цены на электроэнергию начали формироваться с помощью рыночных механизмов.

2) С целью обеспечения равных условий для вновь образованных распределительных компаний и для установления единых национальных тарифов для потребителей без свободного статуса должна быть реализована специальная система выравнивания тарифов.

Начиная с декабря 2006 и вплоть до конца 2010 г. распределительные компании должны осуществлять между собой взаимное субсидирование с учетом требований законодательства, включающего Коммюнике «О необходимом регулируемом уровне доходов 20 распределительных компаний в первый переходный период» и «О механизме выравнивания цен, применяемом между электрораспределительными регионами».

3) Переходные контракты:

С целью создания первоначальных связей поставщиков и потребителей до приватизации в распределении и генерации были заключены т.н. переходные контракты между ТЕТАŞ и ГЭС, принадлежащими ЕÜАŞ, ТЕТАŞ и распределительными компаниями, а также между ними и частными производителями э/э.

Прогноз спроса и безопасность поставок

С момента принятия Закона «О рынке электроэнергетики» на основании информации, предоставляемой Министерством Энергетики, Казначейством, Государственным советом по планированию и т.д., ТЕİАŞ готовит, а Совет утверждает Проекты наращивания генерирующих мощностей. До настоящего времени опубликовано несколько редакций указанного Проекта, последний вариант обнародован в июне 2006 года.

В основе Проекта рассматриваются два сценария развития спроса: максимальный предусматривает годовое увеличение потребления электроэнергии в размере 8,4%, согласно умеренному сценарию, темпы роста составят 6,3%.

Как показано в Проекте, гарантированная мощность генерации* турецких электростанций, находящихся в эксплуатации, способна удовлетворить растущий спрос по первому сценарию только до конца текущего года. Таким образом, начиная с 2008 г., теоретически возможна нехватка электроэнергии. В то же время установленная мощность турецких электростанций будет способна выдержать прогнозируемые пиковые нагрузки вплоть до 2010 г. Разумеется, принимая во внимание проектную генерирующую мощность турецких электростанций, а также станции, находящиеся в стадии сооружения, и те, которые пустит частный сектор, нехватку электроэнергии с 2008 г. можно признать пессимистичным прогнозом и маловероятным случаем.

С другой стороны в рамках наиболее благоприятного для энергетической системы варианта, подразумевающего своевременный пуск запланированных объектов и умеренные темпы развития спроса (6,3%), потребность в электроэнергии может быть удовлетворена проектной генерирующей мощностью до конца 2012 г., а пиковые нагрузки – установленной мощностью до конца 2014 г.

Два вышеупомянутых случая в известной степени очерчивают рамки возможных сценариев. Дать же более точный прогноз представляется затруднительным ввиду целого ряда неопределенностей, включающих реальный спрос на э/э, реализацию проектов, начатых государственным сектором, деятельность частных компаний – лицензоров и, конечно, развитие реформы в целом. Среди них задержки ввода в эксплуатацию электростанций по сравнению со сроками, предусмотренными существующими договорами и выданными лицензиями, имеющие место на практике, могут рассматриваться как главный

* В соответствии с терминологией Проекта наращивания генерирующих мощностей, максимальная мощность ТЭС и номинальная ГЭС подразумеваются под проектной генерирующей мощностью, минимальная мощность и для ТЭС и для ГЭС – под гарантированной мощностью генерации.

фактор риска, способный привести к нехватке электроэнергии уже в среднесрочной перспективе.

Несмотря на то, что реальная ситуация, наиболее вероятно, будет развиваться по одному из умеренных сценариев, обеспокоенность турецкого правительства возможной нехваткой электроэнергии вполне объяснима.

Ввиду того, что в последние годы приблизительно 40% турецкой электроэнергии производится с использованием природного газа (в т.ч. российского), цены на который в ряду прочих энергоносителей стремительно растут, Стратегией предусмотрена диверсификация источников с поддержкой инвестиций для использования местных ресурсов (в первую очередь гидроресурсы и месторождения лигнитов), реализуемой в рамках Закона и соответствующего регламентирования через следующие механизмы:

- оплата только одного процента от общей стоимости лицензии;
- восьмилетний мораторий на годовые выплаты по лицензиям, начиная с даты пуска станции в эксплуатацию;
- приоритет при подключении к системе;
- приоритет при продаже розничным продавцам (в том случае, если предлагаемая цена равна или ниже аналогичной у TETAŞ);
- возможность освобождения от обязательства быть участником механизма балансирования и т.д.

8 мая 2007 г. Парламентом принят и направлен президенту на утверждение Закон № 5654 «О сооружении и эксплуатации атомных электростанций и продаже электроэнергии», предусматривающий возможность строительства в Турции АЭС с использованием одной из моделей совместной работы государственного сектора и частных инвесторов. После неоднократных попыток развития атомной энергетики в Турции, предпринятых в предыдущие годы, время, выбранное для принятия этого закона, не случайно и должно пониматься в контексте Проекта по наращиванию генерирующих мощностей и обеспечению долгосрочной энергетической безопасности Турции*.

Прочие мероприятия, направленные на безопасность поставок электроэнергии и реализуемые соответствующими ту-

* Согласно последней информации, Закон № 5654 возвращен президентом в Парламент на доработку.

рецкими ведомствами, могут быть условно разделены на следующие категории: 1) инвестиции в генерирующий сектор для ускорения процесса приватизации, 2) инвестиции в модернизацию передающей системы, 3) заблаговременное планирование и диверсификация источников поставки, приоритет реализации крупных ГЭС, 4) выполнение мероприятий для соответствия Союза координации передачи электроэнергии UCTE стандартам для обеспечения торговли электроэнергией с соседними странами, 5) регулярное информирование Советом Министерства энергетики относительно реализации инвестиций частным сектором.

Заключение

С учетом вышеизложенного, промежуточные результаты турецкой реформы электроэнергетики могут быть кратко резюмированы следующим образом:

1. В соответствии с Законом «О рынке электроэнергетики» государственная компания TEAŞ реструктурирована, созданы компании – правопреемники в генерации (EÜAŞ), передаче (TEİAŞ) и в распределительном секторе (TEDAŞ).

2. Разработка регламентирующего законодательства, связанного с реформой и подкрепляющего Закон, практически завершена.

3. Государство все еще доминирует в цепочке генерация – передача – распределение. Так, 20,454.00 МВт, составляющие приблизительно 50% турецкой установленной мощности, принадлежат EÜAŞ. Двадцать из двадцати одного распределительного региона управляются TEDAŞ. TEİAŞ действует как монополист в передающем секторе.

4. Приватизация в распределении и генерации как ключевой элемент либерализации, несмотря на проведенные подготовительные мероприятия, перенесена на неопределенный период времени. Частный сектор демонстрирует живой интерес к приватизационным планам государства.

5. Частные компании начали вводить в эксплуатацию первые электростанции в рамках лицензий, выданных Советом (см. табл. 4).

6. Транзитный механизм балансирования и финансового регулирования приступил к работе с 1-го августа 2006 г. Реализован ряд мероприятий переходного периода.

7. Уровень потребления для получения свободного статуса уменьшен до 3 млн. кВтч в год. Потенциальная доля потреби-

телей со свободным статусом*, по данным 2006 г., составляет около 40%. Указанная величина может рассматриваться как показатель (степень) открытости рынка.

Реформа сама по себе развивается с определенными задержками по сравнению со сроками, предусмотренными в Стратегии. Груз нерешенных проблем остается значительным, включая проволочки в выполнении работ государственным сектором из-за нехватки бюджетных ассигнований, проблему достижения соглашений ВО и ВОТ, довольно высокий уровень потерь в турецкой энергосистеме, потребность в срочных инвестициях для обеспечения безопасности поставок и т.д.

Таблица 4

Рост установленной мощности Турции в 2001–2006 гг.

Год	Установленная мощность (МВт)	Прирост к предыдущему году		Ранее начатые государственные проекты (МВт)	ВО / ВОТ / TOR / мобильные ЭС (МВт)	Проекты в рамках лицензий Совета (МВт)
		МВт	%			
1	2	3 = (5 + 6 + 7)	4	5	6	7
2001	28 332,40					
2002	31 845,80	3 513,40	12,4	-29,20	3 542,60	
2003	35 587,00	3 741,20	11,7	743,20	2 998,00	
2004	36 821,70	1 234,70	3,4	-19,00	798,00	455,70
2005	38 819,90	1 998,20	5,4	764,50	100,00	1 133,70
2006	40 538,80	1 718,90	4,4	1 106,60	-	612,30

Можно констатировать, что несмотря на наблюдаемые трудности, до настоящего времени турецкому правительству удается осуществлять постепенный переход к либеральному рынку и достигать уже некоторых промежуточных результатов без перебоев в поставке электроэнергии и без роста цен для потребителей**, при этом минимизируя нагрузку на государственный бюджет. Удастся ли в дальнейшем поддерживать запланированный рост энергетической мощности Турции, удо-

* Не все потребители используют свое право независимого выбора поставщика.

** При этом необходимо отметить, что средняя оптовая цена на электроэнергию в Турции, составляющая в настоящее время 9,13 кр. / кВтч, что равняется около 5 евро центов / кВтч, одна из самых высоких в мире.

влетворяя растущий спрос в стране и извлекая из проводимой реформы ожидаемые выгоды? Ответ на этот вопрос послужит индикатором успеха реформы и в то же время ответом на критические оценки, достаточно часто встречающиеся в средствах массовой информации.

Список литературы

1. Erdogdu E. Regulatory Reform in Turkish Energy Industry: An Analysis. Energy Policy, 2007. Volume: 35, pages 984÷993.

2. Electricity Market Law. Law No.4628. Ratification Date: 20.02.01. Enactment Date: 03.03.01. English Version.

3. Turkey: Economic Reform and Accession to the European Union. Competition and Regulatory Reform in Turkey's Electricity Industry. İzak Atiyas and Mark Dutz. The International Bank for Reconstruction and Development / World Bank, 2005.

4. TEBA news. Progress report on major projects and tenders // Turkish Economic Press Agency, 2002.

5. T.C. Enerji Piyasası Düzenleme Kurumu. 2003 yılı Faaliyet Raporu.

6. Electricity Sector Reform and Privatization Strategy Document. Approved by High Planning Council. Decision No.2004/3. Enactment Date: 17/03/04. English Version.

7. T.C. Başbakanlık Özelleştirme İdaresi Başkanlığı. TEDAŞ özelleştirmesi. Osman Demirci. Presentation for Steam Conference in Istanbul, April 2006.

8. Privatization of Turkey's Electricity Distribution Industry. Teaser. Lazard. Reached from http://www.oib.gov.tr/tedas/teaser_english.pdf

9. Electricity Market Balancing and Settlement Regulation. By-Law No.25632. Enactment date: 03/11/04. English version.

Приложение 1

Основные законодательные акты, связанные с турецкой реформой электроэнергетики и принятые в 2002–2007 гг.

Год	Наименование Законодательного акта	Номер Закона или Официальной газеты	Дата вступления в силу
2001	Закон «О рынке электроэнергетики»	4628	03/03/01
2002	Закон «О лицензировании на рынке электроэнергетики»	24836	04/08/02
2002	Закон «О тарифах на рынке электроэнергетики»	24843	11/08/02
2002	Закон «О потребителях со свободным статусом на рынке электроэнергетики»	24866	04/09/02
2002	Закон «Об импорте и экспорте на рынке электроэнергетики»	24866	04/09/02
2002	Закон «О потребительских услугах на рынке электроэнергетики»	24887	25/09/02
2003	Закон «Об энергетической системе на рынке электроэнергетики»	25001	22/01/03
2003	Закон «Касательно принципов и процедур, применимых для аудита, исследования и предварительной проверки на рынке электроэнергетики»	25007	28/01/03
2003	Закон «О распределительной системе на рынке электроэнергетики»	25025	19/02/03
2003	Закон «Касательно измерительной техники, подлежащей использованию на рынке электроэнергетики»	25056	22/03/03
2003	Коммюнике «О ведении бухгалтерского учета при финансовом регулировании»	25333	31/12/03
2004	Закон «О балансировании и финансовом регулировании на рынке электроэнергетики»	25632	03/11/04
2004	Закон «О надежности и качестве системы линий электропередачи»	25639	10/11/04
2006	Закон «О прогнозах развития спроса на электроэнергию»	26129	04/04/06
2006	Закон «О непрерывности поставок, техническом и коммерческом качестве электроэнергии, поставляемой в распределительную систему рынка»	26287	12/09/06
2006	Коммюнике «О механизме выравнивания цен, применяемом между электрораспределительными регионами»	26383	21/12/06
2006	Коммюнике «О необходимом регулируемом уровне доходов 20 распределительных компаний в первый транзитный период»	26383	21/12/06
2006	Закон «О деятельности организованных промышленных зон на рынке электроэнергетики»	26391	29/12/06
2007	Закон «О надзоре за инвестициями в распределительные сети и контроле за реализацией инвестиционных планов на рынке электроэнергетики»	26396	07/01/07

Примечание: после принятия законодательных актов впоследствии они неоднократно корректируются с учетом развития ситуации на рынке. Например, Закон «О лицензировании на рынке электроэнергетики» к февралю 2007 года претерпел 22 изменения, оформленных отдельными постановлениями Совета.

Краткий обзор Стратегии реформы электроэнергетики и приватизации

№	Компонент реформы	Краткое описание	Ключевые даты
	ПРИВАТИЗАЦИЯ		
I	Цели и принципы	Обеспечение финансовых и технических преимуществ, перечисленных выше по тексту статьи	
II	Базовые принципы приватизации	<ul style="list-style-type: none"> ✓ Приватизация будет осуществляться Агентством по приватизации; ✓ Приватизация начнется в распределительном секторе, генерирующие активы будут группироваться перед приватизацией; ✓ Подход не будет направлен лишь на максимизацию выручки от приватизации; ✓ Подход будет учитывать текущие государственные обязательства, однако, не будет приводить к дополнительным гарантиями государства; ✓ Возможный рост цен на электроэнергию после приватизации должен быть предотвращен; ✓ Участие серьезных инвесторов будет поощряться. 	
III	Приватизация – подготовка рабочей программы	<p>A. До приватизации распределительных активов:</p> <p>1) Тарифы на розничную продажу и управление сетью для распределительных компаний будут определены путем заключения транзитных контрактов между: распределительными и генерирующими компаниями, распределительными компаниями и TETAŞ так же, как между EÜAŞ и TETAŞ.</p> <p>2) Транзитный механизм балансирования и финансового регулирования для оптового рынка электроэнергии должен функционировать.</p> <p>B. До приватизации генериру-</p>	Середина 2006 – готовность к приватизации генерирующих активов.

№	Компонент реформы	Краткое описание	Ключевые даты
		<p>ющих активов: Система управления рынком должна функционировать, приватизация в распределительном секторе должна быть в значительной степени завершена.</p>	
IV	Приватизация распределительных регионов	<p>✓ Количество распределительных регионов не будет превышать 21; ✓ Период, на который будут выдаваться лицензии, составит до 49 лет и будет разделен на несколько транзитных периодов, длительность первого из них составит 5 лет;</p>	<p><u>2004 год:</u> 1 апреля – включение дочерних компаний TEDAŞ в приватизационный перечень 30 апреля – разделение Турции на распределительные регионы ... <u>2005 год:</u> 31 марта – начало приватизации <u>2006 год:</u> 31 декабря – завершение приватизации</p>
V	Реструктуризация и приватизация генерирующих активов через группировку	<p>✓ ГЭС, сооруженные DSI, подлежат передаче EÜAŞ; ✓ Генерирующие мощности, подлежащие приватизации, должны быть определены и сгруппированы.</p>	<p><u>2004 год:</u> 30 апреля – передача ГЭС в EÜAŞ 30 сентября – определение портфельных генерирующих компаний ... <u>2005 год</u> 30 сентября – включение портфельных генерирующих компаний в приватизационный перечень <u>2006 год:</u> 1 июля – начало приватизации</p>
VI	ВНЕДРЕНИЕ РЫНОЧНОЙ СТРУКТУРЫ	<p>✓ Внедряемая рыночная структура будет основана на двусторонних контрактах между поставщиками и потребителями, дополненных механизмом балансирования и финансового регулирования. ✓ С целью исполнения TEİAŞ своих обязательств, предусмотренных Законом и вторич-</p>	

№	Компонент реформы	Краткое описание	Ключевые даты
		<p>ным законодательством, и роли Системного оператора и Администратора рынка, будут укрепляться кадровые ресурсы и техническая инфраструктура TEİAŞ через выделение необходимых бюджетных ассигнований.</p>	
VII	ПРАКТИКА ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА	<ul style="list-style-type: none"> ✓ Для выравнивания тарифов между регионами будет внедрен соответствующий механизм. ✓ Будут подписаны переходные контракты, как упомянуто выше в п. IIIA1. ✓ Законодательная деятельность будет продолжена и завершена к концу 2004 года. 	<p>С января 2005 – Переходный механизм балансирования и финансового регулирования (основанный на 3 тарифных периодах) должен быть внедрен</p> <p>С июля 2006 – Полноценная система управления рынком должна быть работоспособна</p>
VIII	ПРОГНОЗ СПРОСА И БЕЗОПАСНОСТЬ ПОСТАВОК	<ul style="list-style-type: none"> ✓ Бюджет 2005 года будет включать необходимые ассигнования для ускорения приватизации. ✓ Турецкая энергетическая система должна быть приведена в соответствие с требованиями УСТЕ. ✓ TEİAŞ определит объем необходимых инвестиций в передающий сектор. ✓ Будет преследоваться цель диверсификации источников и поставщиков энергетических ресурсов, предпочтение будет отдаваться местным ресурсам. ✓ На основе постоянного мониторинга Совет будет информировать Министерство энергетики о статусе инвестиций в генерирующий сектор. 	<p>2004 год:</p> <p>Специальная комиссия государственных структур подготовит прогноз развития спроса как основу для подготовки Проекта наращивания генерирующих мощностей</p>

Владимир (Зеэв) Ханин

**ПАРТИЙНО-КЛАНОВЫЕ СТРУКТУРЫ ВЛАСТИ
СОВРЕМЕННОГО ИЗРАИЛЯ: ОПЫТ ТИПОЛОГИИ**

Введение

Партийно-политическая система государства Израиль – единственной полноценной либеральной демократии на Ближнем Востоке – в очередной раз переживает существенную трансформацию. Попытка прежнего премьер-министра страны Ариэля Шарона восстановить после тридцатилетнего перерыва доминантный центр власти в лице правящей «центристской» партии Кадима и связанных с ней групп политических и экономических интересов оказалась явно неудачной. На выборах 2006 г. Кадима набрала лишь 29 мандатов – менее четверти 120-местного израильского Кнессета (парламента), что неизбежно делало ее меньшинством в любой коалиции. Будущее этой партии еще более туманно: судя по опросам общественного мнения, если бы выборы состоялись сегодня, то Кадима набрала бы не более 9–12 мандатов.

Судя по всему, израильская политическая система возвращается к двухпартийной (а точнее, «двублоковой») модели, когда в политическом спектре страны доминировали левоцентристская партия Труда (Авода) и правоцентристское движение Ликуд. Что же касается Кадимы, то она в лучшем случае будет в стоянии продолжить свою политическую карьеру в качестве стандартной «партии центра», втиснутой в узкое пространство между Аводой и Ликудом. Однако не исключен и более пессимистический вариант, при котором Кадима перед следующими выборами развалится на куски, каждый из которых будет искать путь присоединения к какому-либо более перспективному списку, так как их шанс в одиночку преодолеть электоральный барьер будет невелик.

Подобная перспектива не слишком радует ту часть элит «Первого Израиля» (причастные к власти, в массе своей лево-настроенные группы ашкеназского среднего класса из благо-

получных городских кварталов и поселков центра страны), которые в свое время инициировали создание Кадимы как своего рода «реинкарнацию» почти безраздельно правящей до 1977 г. правосоциалистической МАПАЙ. И потому эти элиты и группы интересов уже сегодня вынуждены срочно озаботиться поиском нового политического проекта. Как можно предположить, одним из путей решения этой проблемы является возрождение идеи Эхуда Барака образца 1999–2000 г. – объединение партии Труда и некоторых других левоцентристских и секторально-общинных списков под «зонтиком» широкого блока «Единый Израиль». Если этот проект состоится, то не исключено, что сам Барак сосредоточится не столько на укреплении «формальных» институтов Аводы, сколько своего персонального политического лагеря.

Ничего принципиально нового в этом нет. Неформальные внутривнутрипартийные группировки, поддерживающие тех или иных политических лидеров (и восходящие, по видимому, к популярному до сих пор в Израиле институту т.н. «домашних кружков») – это неотъемлемый атрибут израильских «исторических» партий едва ли не с момента их зарождения в рамках сионистского движения начала прошлого века. Речь идет о достаточно аморфных, но сравнительно стабильных группах партийных политиков, связанных отношениями взаимной лояльности и обмена услугами. Кроме того, члены таких неформальных группировок (известных в литературе как «клики» или «политические кланы»)¹ обычно замыкали на себя контакты с функционерами и активистами исторически связанных с партиями деловых, производственных, образовательных, информационных, культурологических и т.д. институтов, а также женских, молодежных, секторально-этнических и поселенческих (коллективные поселки внутри и за «зеленой чертой») движений.

Вместе с тем и эти неформальные политические институты претерпели существенную трансформацию в последние два-три десятилетия в связи с превращением ведущих израильских партий из массовых движений в преимущественно парламентские организации. В свое время это стало ответом на глубокие изменения, произошедшие в Израиле в последние десятилетия – и в первую очередь, на превращение общества из «унитарного» в плюралистское, легитимацию идеи мультикультурализма и возрастание политического веса новых элит и различных социальных, культурных и общинных групп². С се-

редины 70-х и до конца 90-х гг. XX в. партии постепенно переносили центр тяжести с работы с собственными членами на работу по мобилизации электоральной поддержки широких масс населения³. В силу этого в партиях постоянно снижалась роль формальных бюрократических институтов, и соответственно шло снижение роли партийной бюрократии и возрастание значения политтехнологов, аналитиков и структур по формированию общественного мнения, а также внепартийных, в том числе неформальных, механизмов политической мобилизации и внешних источников финансирования.

Соответственно, и неформальные группировки партийных политиков все дальше выходили за рамки «материнских партий» и связанных с ними организаций и движений, и становились ядром более широких сетей взаимоотношений с деловыми, управленческими, академическими, военными, информационными и прочими кругами, элитами и группами интересов. Очевидно, что Эхуд Барак, победив в 1999 г. на прямых выборах премьер-министра, объявив себя "Премьер-министром всех-всех-всех", последовательно укреплял клановые, по сути, структуры своей личной власти в рамках аморфного избирательного блока "Единый Израиль" за счет формальных структур партии Труда, действовал вполне в духе этой тенденции.

Близкие тенденции имели место и в другой ведущей партии – Ликуд, которая на рубеже XX–XXI веков все больше превращалась в организационно рыхлую группировку, своего рода "политический супермаркет", под крышей которого в сложном симбиозе конкурентного сотрудничества функционировали исторически связанные с движением разнородные группы идеологических, политических, социально-экономических и общинных интересов. Закономерно, что в рамках движения постепенно сформировалась сложная комбинация формальных и неформальных структур власти. Ее ядром на определенном этапе стал "ближний круг" тогдашнего лидера партии премьер-министра Ариэля Шарона, известный как "Форум Шикмим" (по имени фермы в Негеве, принадлежащей семье Шаронов). Эта структура, судя по всему, возникла как группа поддержки А. Шарона в борьбе за его лидерство в Ликуде после выборов 1999 г. В состав группы, координаторами которой, по имеющимся данным, были личный советник Шарона адвокат Дов Вайсглас и сын А. Шарона Омри, помимо политтехнологов Эяля Арада, Реувена Адлера, Лиора Хорева и Кальмана Гаера,

вошли тщательно отобранные влиятельные (или, вследствие принадлежности, ставшие влиятельными) представители политической, военной, профессиональной, административной, СМИ и деловой элиты страны, связанные с лидером многоплановыми персонально-деловыми взаимоотношениями.

«Большие партии»: взаимодействие формальных и неформальных структур власти

Группировки типа «Форума Шикмим» Ариэля Шарона и «ближнего круга», который начал, но, вероятно, все еще не завершил формировать Эхуд Барак, существенно отличались от «номенклатурных партюкратических кланов» в МАПАЙ, семейно-родовых группировок в арабских партиях или структур типа «Советов мудрецов Торы» в партиях ультраортодоксов. Они представляли собой властные структуры нового типа, вплетенные в более сложную систему взаимоотношений с традиционными персональными лагерями, идеологическими фракциями и группами интересов в партиях, квази-государственных органах (Гистадруте, Сохнуте, Земельном Фонде и т.д.) и институтах исполнительной власти, что, понятно, было ответом на нынешние политические реалии. Тем не менее и для «новых кланов» инфраструктура партий и прежде всего их «центры» (постоянные члены периодически созываемых партийных конференций, нечто вроде расширенного состава ЦК) остаются главной политической "площадкой", где только и возможна реализация максимальных властных амбиций.

Так, победа тогдашнего председателя Гистадрута Амира Переца в борьбе за пост лидера партии Труда в 2005 г. была обеспечена весьма пестрой коалицией. В нее входили группировка бывших активистов "профсоюзной" партии Ам Эхад (в массе своей – членов рабочих комитетов государственных и профсоюзных компаний); части «старых аводинских кланов» (Ш. Симхона, Б. Бен-Элизера и др.), «третьего поколения» номенклатуры МАПАЙ и идеологической группы "новых левых", в свое время инициировавших принятие партией «концепции Осло». Иная комбинация этих же сил в 2006 г. способствовала замене А. Переца И. Бараком⁴.

Не менее ярким примером этого явления был Ликуд в период лидерства Ариэля Шарона. Встав во главе этой партии и подняв ее "из руин" после поражения на выборах 1999, приведя ее к победе в 2003 г., А. Шарон попробовал превратить Ли-

куд в инструмент реализации главного политического проекта своей второй каденции – программы "одностороннего отделения" от палестинских арабов. Эта задача потребовала выстраивания отношений с различными компонентами инфраструктуры движения, которых Шарону следовало, согласно его политической логике, превратить в элементы становления режима своей личной власти.

В первую очередь это касается статуса **идеологических фракций**, которые прежде естественным образом играли роль важного элемента ликудовского симбиоза. Занимая, по крайней мере официально, одну из верхних позиций в иерархии формальных и неформальных партийных структур, эти фракции, как правило, действующие в виде "кружков" (*хугим*) или "форумов" (таких, как "Форум за сохранение идеологических ценностей Ликуда", блок "Еврейское руководство" и др.), очевидно влияли на расстановку политических сил и процесс принятия политических решений.

Однако в условиях превращения партии в один из столпов "режима размежевания", **бюрократические институты Ликуда** и связанные с ними формальные и неформальные структуры неизбежно приобрели "второе дыхание", резко усилившись за счет идеологических групп. Не случайно, что до завершения этого процесса Шарону оказалось недостаточно статуса "харизматического лидера" партии, чтобы выиграть внутрипартийный референдум по вопросу об "одностороннем отделении" и ряд голосований по связанным с ним темам в ЦК и на съездах Ликуда. Лишь поставив своих людей во главе Секретариата Ликуда (партаппарат), Исполкома ЦК (органа политического руководства) и Политбюро, ответственного за выработку официальной идеологической линии движения, и усилив значение двух последних, А. Шарон сумел восстановить контроль над собственной партией.

Одним из таких ресурсов являются Уже через год после выборов 2003 г., вернувших Ликуду статус крупнейшей фракции Кнессета, "обновленный" партаппарат и связанные с ним группы интересов стали главным инструментом по расколу и изоляции внутрипартийной оппозиции Шарону и его программе "одностороннего отделения" – т.н. "повстанцев", получивших почти однозначную поддержку идеологических фракций партии. Ариэль Шарон, эффективно манипулируя своими политическими ресурсами и превратив большую часть влиятельных ликудовских "кланов" в младших партнеров своего лагеря, фактически не оставил своим

идеологически мощным, но организационно слабым противникам почти никакого шанса. В результате, выиграв внутрипартийный референдум и большинство голосований в ЦК, идеологическая оппозиция, практически отчужденная от контролируемого партаппаратом механизма распределения ресурсов и принятия стратегических решений, так и не сумела перевести эти успехи в практические шаги.

контакты и поддержка третьей группы внутрипартийных структур, также оказывающих немалое влияние на расстановку политических сил в движении и связанных с ним структур и организаций. Речь идет о разного рода "лобби" (*шдулот*), "направлениях" (*хативот*) и других **группах оформленных секторальных интересов**: социальных, этнокультурных, профессиональных, региональных и т.д. Часть из этих, как правило, признанных уставом партии категорий – молодежь, репатрианты, женщины, интеллигенция, этнические меньшинства, "религиозные", жители сельскохозяйственных поселений, городов развития и т.п. – имеют не только некоторые формальные организационные рамки, но и "бронированные" за представителями этих групп места в избирательных списках.

Наконец, четвертую – и, пожалуй, наиболее влиятельную группу партийных институтов составляют **персональные политические лагеря** (*маханот*). Роль последних в структуре Ликуда (как и других израильских партий) особенно велика. Верхушку этих достаточно аморфных неформальных объединений (являющихся израильским вариантом группировок кланового типа) образует сравнительно узкая группа представителей политической и административной элиты национального и регионального уровня, связанных отношениями личной лояльности и взаимным обменом услугами. По имеющимся данным, список такого рода структур в Ликуде до его раскола в октябре 2005 г, включал персональные лагеря премьер-министра А. Шарона (куда входила и группа тогдашнего министра обороны Ш. Мофаза), а также бывших министров Б. Нетанияху, с. Шалома, Ц. Ханегби, И. Каца и Л. Ливнат. Считается, что свой лагерь в партии, формально в ней не состоя, имеет и бывший Гендиректор Ликуда и Министерства главы правительства, глава "русской" партии "Наш дом – Израиль" А. Либерман.

Более периферийное положение занимали некогда влиятельный лагерь Д. Леви, выдвинувшийся еще в 70-е гг. как представитель "социального лобби", а также лагеря министров

Э. Ольмерта и М. Шитрита. Очевидные попытки по сколачиванию собственных политических лагерей на основе близости идеологических взглядов также предпринимают бывший неформальный глава «повстанцев» (противников плана Шарона в Ликуде) У. Ландау и глава правой внутривнутрипартийной организации "Еврейское руководство" М. Фейглин.

Среднее звено клановых структур Ликуда образовывали сравнительно стабильные "неформальные политические группы", в большинстве состоящие из членов пленума ЦК, как правило, функционирующих на базе крупных отделений партии, муниципальных блоков и административно-хозяйственных структур. Из наиболее известных группировок такого рода упомянем "иерусалимские группы" Ицхака Койфмана, Игаля Амеда и Рафи Бар Хена; группу "профсоюзных бойцов" Хаима Каца (перешедших в Ликуд вслед за своим патроном из гистадрутовской партии "Ам Эхад" после ее присоединения к Аводе); "северные группы" братьев Леви, Гастона Малка и Ицхака Регева и т.д. Именно в руках этих групп фактически находилось формирование основного состава Центра партии и функционирование его основных секторально-лоббистских институтов. Эту ситуацию проиллюстрировал председатель молодежного движения Херута (исторического ядра Ликуда) Йоэль Хасон: "Меня избрали в отделении Ришон ле-Циона. Сначала я заручился поддержкой 100 членов движения. Перед самими выборами я присоединился к одной из групп в поисках более широкой поддержки и, на свое счастье, выиграл"⁵.

Большая часть лидеров этих неформальных групп находится в отношениях взаимного обмена услугами с лидерами ведущих лагерей. Эти связи, однако, могут быть весьма подвижными. Например, в ноябре 2005 г. глава влиятельной "йеменитской муниципальной группы" активистов и членов ЦК Ликуда, зам. мэра Раананы Узи Козн покинул лагерь сторонников Биньямина Нетаниягу и открыто перешел на сторону Сильвана Шалом. "После смены власти в Аводе, – пояснил он, – появилось несколько вакантных мандатов, которые будут разыграны по исключительно этническим соображениям. Поэтому лучше, если во главе Ликуда встанет Шалом... У ашкеназа Биби (Нетанияху) нет шансов победить сефарда Переца".

Аналогичную позицию занял председатель горкома Ликуда в Кфар-Сабе Шломо Мадмон: "Я очень ценю и уважаю Биби, но сейчас мы должны кое-что противопоставить (лидеру партии

Труда "сефарду") Амиру Перецу"⁶. Депутат Хаим Кац, который возглавлял группу из около 90 членов Центра, в массе своей членов рабочих советов авиационной промышленности, вполне откровенно сказал о том, какой приказ он даст "своим верным солдатам". "Узи Ландау – что в нем хорошего? Дани Наве, Моше Кахалон, Исраэль Кац, Гидеон Саар, Лимор Ливнат, Лея Нес – что в них хорошего? Я поддерживаю только тех, кто должен быть в следующем Кнессете!"⁷.

Наконец, нижнее звено ликудовских "кланов" образуют члены ЦК, известные как "электоральные посредники" (*кабланей колот*) – представители контролируемых Ликудом муниципальных органов и общественных организаций, политические назначенцы в министерствах и госкомпаниях, а в арабоязычном секторе – вожди бедуинских племен и старейшины друзских деревень и т.д. К числу *кабланей колот*, сумируя мнения экспертов, следует отнести любого активиста партии, способного тем или иным способом ввести в ее ЦК 10–15 своих сторонников и эффективно обменять их голоса и другие услуги на поддержку групповых "патронов" и лидеров политических лагерей. Фактически к этой категории политиков, как вполне откровенно заметил тот же Йоэль Хасон, может быть отнесен "любой активист, который, будучи избранным в ЦК, становится местным боссом и делает карьеру"⁸.

Патроны и клиенты

В итоге как в Ликуде, так и во многих других израильских партиях и вокруг них образуются широкие "патронажно-клиентельные сети", которые превращают политические кланы в развернутые структуры и придают им значительную стабильность. Именно они контролируют как реальный механизм функционирования "партийных машин" (включая формирование избирательного списка и назначения в партаппарате) так и разветвленную систему связей с представителями различных общественных элит (бюрократической, силовой, хозяйственной, информационной, религиозной, академической, предпринимательской и т.д.). И именно поэтому они стоят, в конечном итоге, за успехами или неудачами тех или иных идеологических фракций и секторальных лобби.

В этом смысле персональные политические лагеря в Израиле типологически сближаются с неформальными структурами власти в странах "второго" и "третьего" миров (попытка иссле-

дования этих структур была нами предпринята на примере сравнительного анализа партийно-клановых и этнорегиональных группировок в постколониальных и постсоветских странах)⁹.

Подобно отмеченным структурам, партийно-политические кланы в Израиле являются институционализированной формой отношений политического клиентелизма. Их участники, как правило, тесно сплочены системой непосредственно-личностных (дружеских, родственных, этнических, земляческих) или превращенно-личностных (деловых, профессиональных, имущественных, административных и т.д.) взаимоотношений. Отношения членов политического клана с его лидером (как правило, политиком или бюрократом высокого ранга) строятся на принципах персональной лояльности последнему и взаимном обмене услугами. Лидер вправе рассчитывать на максимальное задействование его клиентами имеющихся у них связей и возможностей для укрепления положения патрона во властных структурах.

Патрон, в свою очередь, обеспечивает своим сторонникам возможности карьерного продвижения (политические, административные и профессиональные назначения, например, в муниципалитетах, советах директоров госкомпаний, профсоюзных комитетах, судах по трудовым искам, религиозных советах и пр). Его обязанность – также обеспечить доступ к источникам материальных и социальных привилегий – от минимальных (типа анекдотических просьб членов Центра к министру обороны сократить сыну срок резервистской службы, министру здравоохранения – обеспечить дипломированную медсестру в помощь недавно родившей дочери, а министру транспорта – помочь получить лицензию на такси) до вполне внушительных благ. Среди последних обычно доминируют деньги, официальные поездки за рубеж, гарантированные кредиты, лицензии, государственные контракты, участие в приватизации прибыльных госпредприятий и т.п., равно как и гарантии личной (юридической и политической) безопасности.

Главным аспектом этой деятельности была и остается раздача политических назначений. Так, по данным журналистских расследований, самую разветвленную систему политических назначений создали в свое время премьер-министр Ариэль Шарон и его сын Омри.

Как пишет «The Marker», если парламентская активность Омри Шарона приближалась к нулю, то "в СМИ, государственных компаниях, просто в тель-авивских кафе имя Омри Шарона

обладало немалым весом. Оно обозначало политические комбинации, теплые места, назначения на высокие должности. Омри заключал подковверные сделки, он звонил куда нужно, одного продвигал, другого задвигал, и каждый понимал, что если не ублажить царевича Омри, то синекура отойдет к другому. У власти Омри был один-единственный источник – его отец, премьер-министр Израиля. Все его влияние заключалось в том, что в нужный момент Шарон-младший мог встретиться с Шароном-старшим и внушить нужные идеи"¹⁰.

Согласно журналистскому расследованию 10 канала израильского телевидения, большая часть этих назначений преследовала цель обеспечить поддержку отцу на ключевых голосованиях в ЦК Ликуда и в Кнессете. Например, когда в августе 2004 г. должно было состояться голосование в ЦК с целью утвердить согласие Ликуда на присоединение лейбористов к правящей коалиции, Омри Шарон организовал поддержку ряда членов Центра, соответствующим образом "вознаградив" их за услуги. Так, согласно упомянутой передаче, влиятельный "электоральный посредник" Шломо Бен-Амра был назначен директором госкомпании, глава отделения Ликуда в Кфар-Сабе Рахамим Эден – членом совета директоров крупного правительственного агентства, а другой активист Ликуда, Овед Йехизкель, получил должность регионального директора службы индустриального развития в министерстве Эхуда Ольмерта"¹¹. По данным прессы, "перед судьбоносным голосованием в Центре Омри Шарон усиливал давление на членов Центра. Сотни активистов ловили момент и обращались к нему с бесчисленными просьбами. Перед проведением последней конференции «Ликуда» с участием Ариэля Шарона (голосование о проведении досрочных праймериз) верные помощники переговорили почти со всеми 3000 членов Центра и всем им обещали помощь"¹².

Массовые политические назначения активистов Центра Ликуда Омри организовал и через Министерство промышленности, торговли и труда, которое тогда возглавлял первый заместитель премьер-министра и "официальный наследник" А.Шарона, ныне премьер-министр и глава партии "Кадима" Эхуд Ольмерт, который управлял тогда целой империей влиятельных организаций. Эхуд Ольмерт, который стремился тогда укрепить свои позиции в партии, использовал Центр инвестиций, Управление малых бизнесов, Службу по трудоустройству, Отдел по выдаче разрешений на найм иностранных рабочих,

Управление теле- и радиовещания, телефонную компанию "Безек" и другие подведомственные ему организации для продвижения интересов членов Центра партии¹³.

По данным «Едиот Ахронот», другим каналом этой деятельности стало перешедшее в министерство главы правительства управление религиозными учебными заведениями, религиозные услуги населению и деятельность религиозных советов. В силу этого министерство получило возможность бесконтрольно заниматься перераспределением средств и назначать угодных членов Центра «Ликуда» в религиозные советы. Например, "поставщика голосов для Нетаниягу, Ицика Койфмана, Омри Шарон переманил к себе, дав ему сытый и благополучный религиозный совет". Член Центра «Ликуда» из Бней-Брака Амрам Бенизри стал исполняющим обязанности председателя религиозного совета в Кирьят-Ате с "соответствующей его статусу зарплатой и оплатой расходов на содержание автомобиля". Шломо Йехезкель, отец Ави Йехезкеля, помощника премьер-министра по делам поселений, получил синекуру в виде должности исполняющего обязанности председателя религиозного совета в Лахише. 5 членов Центра «Ликуда» были введены в беэр-шевский религиозный совет, а еще 2 члена Центра «Ликуда» получили религиозный совет в Акко. Как отметил член Центра «Ликуда», знакомый с этим явлением, «Шарону нужны люди на местах, а религиозные советы дают прекрасную возможность контроля над ситуацией»¹⁴.

Чувствовал ли Омри Шарон, спрашивает политика корреспондент "Едиот Ахронот", что не к лицу человеку в его положении заниматься такими делами? «Это немного неуместный вопрос, потому что, оглядываясь назад, это выглядит некрасиво. Но так было принято, и мы так и делали. Спросите меня сегодня, я отвечу вам очень четко: «Это возмутительно, это недопустимо, это коррупция, и все такое». Но чем он отличается от Лимор Ливнат, Дани Бенлулу или Моше Кахалона? Все они поступали точно так же. Каждый из них старался подружиться с наибольшим числом чиновников, чтобы заручиться поддержкой еще пары членов Центра. Все эти члены Центра сновали между канцеляриями министров и депутатов и передавали свои просьбы. Помните, как они роились в Кнессете? Ну, так что, что им что-то делали? Тот, кто пытается выставить себя здесь незапятнанным, просто лицемер»¹⁵.

И действительно, Глава Секретариата Ликуда Цахи Ханеги в бытность министром экологии стал объектом судебного разбирательства за массовую раздачу синекур своим приближенным из Центра партии. В отчете государственного контролера за 2005 г. утверждалось, что министр сельского хозяйства Исраэль Кац также превратил министерство в место массового трудоустройства для своих союзников из членов Центра партии "Ликуд" и их родственников. По версии полиции, советник Каца отвечал за прием на работу в министерство нескольких десятков человек, связанных с министром и с партией. В отчете сообщалось, что многие временные работники службы надзора сельского хозяйства также являлись политическими назначениями, связанными с министром Кацем и "Ликудом"¹⁶. В июне 2006 г. внимание общественности привлек отчет Госконтролера Мики Лингенштрауса, в котором он подверг жесткой критике политические назначения в МИДе¹⁷.

Комментируя эти данные, депутат Кнессета Моше Гафнии заметил: "Человек, получающий чисто политическое назначение, обязательно присоединится к лагерю своего патрона"¹⁸. Упомянутый лидер Хайфской группы Ицхак Регев также считает, что, "если на бар-мицву сына или на свадьбу дочери приходит министр финансов или министр иностранных дел, это повышает твой статус в обществе, в глазах семьи, друзей и сослуживцев. Но это не единственная причина. Каждому хочется быть избранным в кнессет, стать мэром или депутатом местного совета, возглавить какую-нибудь государственную компанию". Возглавляющий близкую по структуре территориальную группу в Раанане, зам. мэра города Узи Козн, на протяжении тридцати лет заседающий в Центре, также не сомневается, что "желание партийных активистов на местах войти в ЦК проистекает прежде всего из надежды получить влияние на принятие решений в государственно-социальной сфере"¹⁹.

Заключение

В итоге возникает ситуация, которую весьма нелицеприятно охарактеризовал тогдашний спикер парламента Реувен Ривлин. По его мнению, "если раньше [в Кнессет] приходили служить народу, то теперь лишь ублажают собственные амбиции ..., в Кнессете, увы, больше нет таких ярких личностей, как Давид Либаи и Амнон Рубинштейн. Они ушли, потому что

не готовы были к обязательным походам на свадьбы и бармицвы детей членов ЦК (иначе – не поддержат на праймериз!)²⁰.

Вместе с тем данная картина, по-видимому, все-таки является не столько основой, сколько издержками израильской модели либеральной демократии, и указанный механизм, элементы которого присутствуют во всех западных режимах, ни в коей мере не покрывает большей части израильского политического поля. Усиление партийно-клановых структур в Израиле в первые годы наступившего века обусловлено скорее ситуативными обстоятельствами. Оно произошло в обстановке глубокого общественного раскола, вызванного реализацией "плана размежевания", в силу чего в стране, пожалуй, впервые за всю ее историю сложилась весьма непривычная ситуация. В каком-то смысле можно говорить о том, что единая политическая система Израиля в какой-то момент начала распадаться на две взаимодействующие, но не совпадающие подсистемы – одна в рамках правящего слоя, другая – на базе отчужденных от власти общественных слоев, групп и их элит. Промежуток между этими подсистемами стал активно заполняться, с одной стороны, внепартийными политическими движениями, организациями и инициативами, а с другой – неформальными структурами власти разного веса и влияния.

Вместе с тем даже наиболее влиятельным неформальным политическим группировкам, таким как группа А. Шарона "Форум Шикмим" в Ликуде или политический лагерь Ш. Переса в Аводе, так и не удалось полностью интегрировать в свою структуру соответствующие политические движения и превратить формальные политические институты в простое продолжение контролируемых кланами патронажно-клиентельных сетей. Это, в конечном итоге, и вынудило Шарона и Переса оставить соответственно Ликуд и Партию труда и основать новое движение Кадима, тем самым превратив границу между "партией власти" и оппозицией из неформальной в официальную. Вслед за ними в Кадиму перешло и немало клановых лидеров. Судьба их группировок, при этом была различной, однако в большинстве случаев, по имеющимся данным, они просто разделились, образовав в новой партии свои «филиалы».

Что же касается «Форума Шикмим», то после ухода с политической сцены Шарона и фактического провала Кадимы (которая формально все же стала правящей партией) на выборах 2006 г., он был распущен, а наследник Шарона Ольмерт приступил к формированию собственного политического двора.

Бывшие "шаронисты" получили "синекуры" в государственном и коммерческом секторе (например, Дов Вайсглас стал Гендиректором "Безека", Ури Шани – Гендиректором крупнейшего строительного концерна "Шикун у-бинуй", входящего в группу, владельцем которой является ведущий израильский "олигарх" Шери Арисон, и т.д.). Вскоре, однако, начался процесс политической эрозии Кадимы, благодаря которому Ольмерт так и не сумел завершить свой проект.

Очевидно, что отмеченное возвращение политической системы страны к модели соперничества двух ведущих партий вновь приведет к «перемешиванию» политической мозаики и на уровне неформальных структур власти. Понятно также, что «лидерский вакуум» в правоцентристской части политического спектра не может существовать долго, и формирование там нового «технократического клана» обусловлено всей логикой нынешнего этапа израильской политики. В настоящий момент, насколько можно судить, этим активно занят нынешний лидер Ликуда и лидер оппозиции Биньямин Нетанияху, который, судя по опросам, пока имеет неплохие шансы стать главой правительства после очередных выборов. Проведенная им реформа структур Ликуда, в частности, переход к формированию избирательного списка в Кнессет голосованием всех членов партии, как раз и имела явной целью переподчинить лидеру или, как минимум, ослабить ведущие неформальные группировки. Успех этой деятельности пока ограничен: по ряду свидетельств, «прорваться» к рядовым активистам через плотные ряды местных и региональных «манипуляторов» крайне не просто.

Однако намного важнее то, что сложившиеся в ведущих израильских партиях институционализированные типы патронажно-клиентельных отношений как механизм доступа к распределению общественных ресурсов воспринимаются подавляющим большинством израильтян как нелегитимные. Так, опрос, проведенный в конце октября 2006 г. показал, что израильтяне весьма обеспокоены уровнем коррупции властных структур в стране (73% назвали этот уровень "высоким" или "очень высоким"). Наиболее тяжким нарушением граждане считали использование государственных средств в личных целях (83%); получение денег и услуг в обмен на продвижение интересов и назначение приближенных, не соответствующих должности, на различные посты (81%); nepotизм (80%), использование общественных денег для поддержки определенных групп

(79%), обман граждан (76%) и сокрытие правды от общественности (72%). Причем 58% опрошенных относят всю эту ситуацию преимущественно на счет политических партий²¹.

Не случайно и нарастание общественной критики и активизация деятельности соответствующих институтов гражданского общества, которые правящие круги страны, особенно в свете восприятия в Израиле итогов Второй ливанской войны, уже никак не могут игнорировать.

Таким образом, между неформальными партийно-политическими группировками (лагерями) Израиля, с одной стороны, и политическими кланами постсоветского и постколониального мира, с другой, при всей внешней схожести существуют и принципиальные различия.

1. Несмотря на "тесноту связей" и многочисленные остатки традиционных отношений, доминируют "превращенно-личностные", а не непосредственно-личностные связи (верность должности, а не человеку).

2. В отличие от развернутых общинно-трайбалистских структур стран "третьего мира", израильские политические лагеря не охватывают, за исключением находящихся на периферии политической системы партий евреев-ультраортодоксов и израильских арабов, целые социальные сегменты (т.е. ведущие израильские партии – не есть "расширение" соответствующих политических кланов).

3. Израильские "кланы" образуют важный, но не единственный и не центральный элемент реальной политической системы страны.

¹ Детальный анализ теории партийно-клановых группировок такого рода содержится в нашем исследовании: Vladimir (Ze'ev) Khanin, "Non-Formal Structures of Power (Clans) and Administration Models in the Post-Soviet and Post-Colonial World", in Gammer, M. (ed.) *Community, Identity and State: Comparing Africa, Eurasia, Latin America and the Middle East* (London: Routledge, 2004), с. 42–68.

² См.: *Новые элиты Израиля.* / Под ред. Э. Бен-Рафаэля, Б. Нойбергера и др. – Иерусалим: Дом Бялика, 2007 (на иврите).

³ См. Гиора Гольдберг. *Партии в Израиле: от массовых – к электоральным.* – Тель-Авив: Рамот, 1992 (на иврите).

⁴ Подробнее см: Владимир (Зеэв) Ханин. Идеология и политическое лидерство в Израиле в свете борьбы за власть в партии Труда. – М.: *Институт Ближнего Востока*, 30 января 2007.

⁵ Цит по: Cursorinfo.co.il, 11.10.2005.

⁶ Цит по: Нехемия Штрасслер. Конец эпохи ашкеназов // *Ха-арец*, 25.11.2005 (на иврите).

⁷ Цит по: Йоси Вертер. Ольмерт вместо Шарона – смешно или грустно? // *Ха-арец*, 09.01.2006 (на иврите).

⁸ Цит. по: Гидон Алон. Центр Ликуда – сообщество непотопляемых и бессмертных // *Ха-арец*, 10.10.2005 (на иврите).

⁹ См.: Владимир Ханин. Неформальные структуры власти: институт политических партий в африканских условиях // *Современная Африка: итоги и перспективы развития*. – М.: Наука, 1990, с. 60–73; Vladimir (Ze'ev) Khanin. Political Clans and Political Conflicts in Contemporary Kyrgyzstan, in Ro'i, Y. (Ed.) // *Democracy and Pluralism in the Muslim Eurasia* (London: Frank Cass, 2003), с. 215–232. См также: Klarita Gërghani and Arthur Schram. Albanian Political-Economics". LIKOS Discussion Paper 9200 (Amsterdam: Centre for Transition Economics, 2003); and Kathleen A. Collins. The Political Role of Clans and Conflict in Central Asia // *Comparative Politics* (January 2003).

¹⁰ Гай Рольник. Сын отечества отправляется на нары // *The Marker*, 17.02.2006 (на иврите), перевод cursorinfo.co.il.

¹¹ Израильское ТВ – 10 канал, 5 марта 2006 г. См. также: Mazal Mualem. Omri Sharon cronysim expose shocks Kadima officials // *Haaretz*, 6.03.2006.

¹² *Седьмой канал*, 6 марта 2006 г.

(<http://sedmoykanal.org/news.php3?id=100271>)

¹³ "דוכיל יליעפל ועייס וישנאו טרמלווא", NRG-Ma'ariv, 1/03/2007 (на иврите).

¹⁴ *Едиот Ахронот* (приложение «7 дней», 23 ноября 2005 (на иврите)).

¹⁵ Цит. по *Едиот Ахронот-ynet*, 6 марта 2006 (на иврите).

¹⁶ Цит по: Едиот Ахронот, 12.12.2005.

¹⁷ Цит по: Aluf Benn. Comptroller: Old boys' network rules foreign service // *Ha'aretz* (English edition), 27 June 2006.

¹⁸ Цит. по: "7 канал",

<http://www.sedmoykanal.org/news.php3?id=94817>.

¹⁹ Цит. по: *Ха-арец*, 10.10.2005 (на иврите).

²⁰ Гидон Алон. Куда исчезают ветераны Кнессета? // *Ха-арец*, 23.10.2005 (на иврите).

²¹ *Едиот Ахронот*, 7.11.2006 (на иврите).

ИНФОРМАЦИОННЫЕ И ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ТУНИССКОЕ ОБЩЕСТВО

Отличительной чертой современной эпохи является стремительное развитие информационных и телекоммуникационных технологий (ИТТ). Роль этих технологий все более возрастает в жизни общества. Информационные технологии – широкий класс дисциплин и областей деятельности, имеющих отношение к управлению и обработке данных вычислительной техникой. Обычно, когда речь идет об информационных технологиях, подразумеваются компьютерные технологии. К отраслям информационных технологий относятся информатика, программирование, Всемирная паутина*, управление данными, хранение данных, информационная безопасность, криптография, системная интеграция, искусственный интеллект**. Итиэль да Сола Пуль, американский политолог, был одним из первых, кто обратил внимание на первостепенное значение информационных технологий. Он определил «пять аспектов электронной коммуникации, способных изменить общество в такой же мере, в какой это сделало книгопечатание». Этими аспектами являются – устранение фактора расстояния как препятствия связи; слияния речи, текста и изображений в общий цифровой поток»; совмещение компьютерной техники и коммуникации; включение работы и досуга в деятельность в области телекоммуникации; коренной поворот в области СМИ¹.

* Всемирная паутина – «глобальное информационное пространство, основанное на физической инфраструктуре Интернета и протоколе данных http.Всемирная паутина вызвала настоящую революцию в информационных технологиях и бум в развитии Интернета.

** Чаше в публикациях под Интернетом имеется в виду также Всемирная паутина. Так Интернет интерпретируется и в данной статье (без упоминания Всемирной паутины).

К телекоммуникационным технологиям относятся стационарная телефонная связь, мобильная связь, компьютерные системы оперативной связи (компьютерная телефония, Интернет-телефония, компьютерная видеосвязь), системы передачи документированной информации (телеграфная и факсимильная связи). В данной статье рассматриваются Интернет и мобильная телефонная связь.

Интернет

В 1991 г. Тунис стал первой арабской и африканской страной, подключившейся к Интернету. В 1993 г. была создана Национальная исследовательская и технологическая сеть для обеспечения доступа научных центров тунисских университетов к Интернету. В марте 1996 г. правительство учредило государственное Тунисское агентство Интернет (ТАИ), подчиненное министерству телекоммуникационных технологий, которое должно было, как официально подчеркивалось, расширить аудиторию Интернета и применение его технологий. Однако, как выяснилось позже, другой задачей ТАИ стала фильтрация контента и блокирование сайтов и посланий электронной почты, чтобы помешать использованию Интернета оппозицией, диссидентами и правозащитниками*. Две газеты начали выпускать электронные версии своих номеров. 30 декабря 1996 г. тунисское радио, одно из немногих в мире, начало вещание в Интернете. В конце 90-х годов то же сделало государственное телевидение. Во второй половине 90-х годов Тунис, наряду с рядом других государств, активизировал усилия в области развития электронной коммерции. 2 ноября 2006 г. была создана Национальная федерация информационных и коммуникационных технологий, состоящая из семи профессиональных структур.

* ТАИ фактически контролирует деятельность остальных шести государственных провайдеров и еще пяти частных. Впервые две частные провайдерские компании (Planet Tunisie и Globalnet) получили лицензии в 1999 г., их возглавили лица, близкие к президенту. В последующие годы получили лицензии еще три частные провайдерские компании: Hexa-Byte, Topnet и TUNET. В апреле 2005 г., несмотря на протесты групп, отстаивающих свободу слова в Тунисе, французская компания Wanadoo объявила о заключении договора о партнерстве с Planet Tunisie, принадлежавшей Сириу Мабрук, дочери президента Бен Али.

Хотя Тунис был пионером в развитии Интернета в арабском мире и в Африке, он в группе стран с относительно сходным уровнем развития (Алжир, Египет, Иордания, Ливан, Марокко, Тунис, Турция) отстает от некоторых из них, что видно из следующих данных.

Таблица 1

Доля пользователей Интернетом в населении страны, %

	1995 г.	2000 г.	2005 г.
Алжир	0,30	0,5	5,8
Египет	-	0,7	6,8
Иордания	0,80	2,5	11,2
Ливан	1,25	9,1	19,6
Марокко	0,17	0,7	14,6
Тунис	0,67	2,7	9,5
Турция	1,25	2,9	13,7

Источники: Все страны в 1995 г.: Human development report. 1998.N.Y., Oxford (с. 166–167; 193); World Development Indicators. Washington, World Bank (с. 12–14) // www.lib.umich.edu/area/NearEast/MELANotes6970/ahouis.html; Турция (2000 г.): Turkey Official Statistics Page // www.internetworldstats.com/me/tr.htm; Турция (2005 г.): Internet Users-Top 20 countries-Internet Usage // www.readwriterweb.com/archives/world_internet_penetration_sept06.php; Алжир: ITU 2006 // www.alertnet.org/db/cp/algeria.htm?v=facts; Египет: ITU 2006 // www.alertnet.org/db/cp/egypt.htm?v=facts; Иордания: ITU 2006 // www.alertnet.org/db/cp/jordan.htm?v=facts; Ливан: ITU 2006 // www.alertnet.org/db/cp/lebanon.htm?v=facts; Марокко: ITU 2006 // www.alertnet.org/db/cp/morocco.htm?v=facts; Тунис: ITU 2006 // www.alertnet.org/db/cp/tunisia.htm?v=facts

В 1995, 2000 и 2005 гг. Тунис по уровню проникновения Интернета отставал от Иордании, Ливана и Турции (а в 2005 г. также от Марокко). Относительное отставание было вызвано несколькими причинами. Государство вначале не разрешало создавать частные провайдерские компании, тем самым препятствуя конкуренции и снижению цен за подключение, использование и на подписку. В 90-х годах государство намеренно тормозило рост численности пользователей, хотя официально утверждало, что для использования Интернета достаточно простого обращения к провайдеру с просьбой предоста-

вить допуск к Интернету. Об этом, в частности, сказали в 1998 г. несколько проинтервьюированных тунисцев представителю международной правозащитной организации «Хьюмен райтс уотч». Они добавили, что счета у некоторых пользователей неожиданно закрывались. По их мнению, правящий режим опасался, что Интернет может быть использован для критики в адрес властей и укрепления оппозиционного, диссидентского и правозащитного движений. Однако представители правозащитников, побывав в Тунисе в сентябре 2005 г., констатировали улучшение ситуации – отсутствие каких-либо проблем при подписке на Интернет².

Таблица 2
Количество компьютеров в ряде стран в 2004 г.
(на 1000 человек)

	Место в мировой классификации	Число компьютеров
Ливан	72	45,7397
Турция	82	35,8882
Иордания	91	26,0417
Тунис	96	21,7469
Марокко	115	10,6949
Египет	116	10,3218
Алжир	128	6,14779

Источник: ITU // www.nationmaster.com/graph/med_per_com_percap-media-personal-computers-per-capita

Примечание: год непосредственно в источнике, откуда взят фрагмент таблицы, не указывался, он был уточнен по количеству компьютеров на 1000 человек в Тунисе в другом источнике. Цифры в обоих источниках оказались абсолютно идентичными.

Для сравнения с этой группой стран: Сан-Марино (1 место, 708,102 комп. на 1 тыс. чел.), США (2 место, 544,408 комп.), Швеция (3 место, 499,889 комп.), Эстония (33 место, 165 комп.), Латвия (37 место, 148 комп.), Россия (75 место, 43,92 комп.).

Еще одной причиной является то, что некоторых потенциальных абонентов отпугивали жесткий контроль властей над Интернетом и наказания, которым подвергались пользователи за просмотр запрещенных сайтов или тех, которые власти через некоторое время могли назвать запрещенными. В своем интервью генеральный директор ТАИ в 2002 г., отвечая на во-

прос, почему в стране так медленно развивается Интернет, в частности электронная коммерция, содержание сайтов и предоставление через Интернет различных услуг, ответила уклончиво: «Мое объяснение простое: дело заключается в подходе. Некоторые тунисцы просто еще не отошли от восхищения и удивления. Для других Интернет и информатика по-прежнему остаются сложными»³. Интересно, что отставание Туниса в освоении Интернета не согласуется с более высоким объемом ВВП на душу населения в 2005 г. (7,6 тыс. долл.) по сравнению с Марокко (4,3 тыс. долл.), Иорданией (4,8 тыс. долл.) и Ливаном (5,3 тыс. долл.)⁴.

Возможно, одной из причин отставания Туниса по численности пользователей Интернета от Иордании, Турции и Ливана является более слабое распространение персональных компьютеров (см. таблицу 2), а от Марокко – меньшее число в Тунисе Интернет-кафе и более высокая плата (почти в три раза) за пользование в них компьютером (см. ниже раздел *Интернет-кафе*).

В речи на открытии Всемирного саммита по информационному обществу в Женеве в декабре 2003 г. президент Туниса подчеркнул значение технологических преобразований в развитии информационного общества. Он, установивший жесткий контроль над Интернетом, заявил, что среди множества последствий этих преобразований будет создание всеобъемлющей и комплексной концепции прав человека, которая поможет обеспечить свободу слова и право народа на самоопределение⁵. 31 октября 2003 г. этот «один из врагов Интернета»⁶, как именуют Бен Али его критики и противники, наградил Винтона Грея Серфа, которого часто называют «отцом» Интернета, вручив ему знаки отличия Великого командора Национального ордена в знак признания его выдающейся роли в создании Интернета. В.Г.Серф не мог не знать положения в области прав человека и о «киберрепрессиях»^{*} в Тунисе. Знаменательно, что руководителем организационного комитета второго этапа Всемирного саммита по информационному обществу в Тунисе был назначен генерал Хабиб Аммар, который с 1988 г. в тече-

* Кибер (информатика) – созданный, изображенный или осуществленный посредством компьютера или компьютерной сети, имеющий отношение к ним. Синоним – виртуальный.

ние многих лет возглавлял МВД Туниса. Он создал Национальный директорат спецслужб, где по отношению к арестованным применялись пытки. Во время пребывания Х.Аммара в Швейцарии в сентябре 2003 г. две правозащитные организации, ссылаясь на Международную конвенцию ООН против пыток и на присоединение Швейцарии к этой конвенции, потребовали наказания Х.Аммара. Однако тот не был арестован, так как обладал иммунитетом неприкосновенности в соответствии с соглашением между Швейцарией и Международным телекоммуникационным союзом. Тунисские правозащитники подвергали критике ООН за выбор Туниса местом проведения второго этапа Всемирного саммита, состоявшегося 16–18 ноября 2005 г. Генеральный секретарь ООН К.Аннан, однако, полагал, что выбор Туниса привлечет внимание к этой стране и его правительство будет вынуждено отказаться от политики нарушения прав человека. Однако и до саммита, и после него репрессии в Тунисе продолжались, а некоторым иностранным журналистам было отказано во въезде, в частности, представителю организации «Репортеры без границ» Р.Менару. Лишь накануне саммита некоторые из запрещенных сайтов были разблокированы, но затем вновь заблокированы.

Один из примеров «киберрепрессий» – дело Зухейра Яхьяуи, создавшего в 2001 г. сайт TuneZine. Он писал статьи под псевдонимом «Ат-Тунси» («Тунисец») и распространял информацию о борьбе за демократию и свободы в Тунисе. Он также публиковал документы оппозиции, написал много хроник и памфлетов и первым распространил письмо президенту страны, в котором судья Мухтар Яхьяуи, его дядя, осудил несправедливую судебную систему страны. С самого начала сайт подвергался цензуре и блокированию, но его читатели каждую неделю получали списки прокси-серверов*, с помощью которых они преодолевали блокирование сайта. 4 июня 2002 г. З.Яхьяуи был арестован в столице в Интернет-кафе. 10 июля 2002 г. его приговорили к году тюремного заключения за распространение «лживых сообщений» и к году и 4 месяцам «за хищение путем мошеннического использования средств теле-

* Прокси-серверы – это серверы-посредники, которые, в частности, позволяют пользователям Интернета получать доступ к запрещенным сайтам, обходя систему блокады.

коммуникации», то есть за использование Интернета за счет управляющего Интернет-кафе, служащим которого являлся З.Яхьяуи. 19 июня 2003 г. он получил первую Премию киберсвободы от организации «Репортеры без границ». 18 ноября, незадолго до первого этапа Всемирного саммита по информационному обществу (декабрь 2003 г.), он был условно освобожден⁷.

Тунисские правозащитники и международные правозащитные организации отмечали, что жесткий контроль над Интернетом несовместим с международными признанными принципами развития Интернета. Три международные правозащитные организации – Международная федерация лиг прав человека, Международная организация за борьбу против пыток и Евросредиземноморская сеть прав человека в послании от 27 января 2005 г. представителям ЕС по случаю заседания Совета ассоциации ЕС-Тунис 31 января 2005 г. обратили внимание на цензуру ИТТ и подавление свободы слова. 6 июля 2006 г. Европарламент осудил компании и предприятия, которые способствуют осуществлению цензуры в некоторых государствах (в частности, были упомянуты Ливия, Саудовская Аравия, Сирия, Тунис, Белоруссия, Китай) и «могут рассматриваться как противники свободы слова». Евродепутаты отметили, что некоторые компании и организации, такие как «Yahoo!», «Google» и «Майкрософт», не выступают против цензуры их услуг и что некоторые предприятия, например, «Secure Computing» и «Fortinet», поставляют Бирме и Тунису средства, с помощью которых в этих странах осуществляется киберцензура⁸.

Поскольку с 2002 г. контроль над Интернетом усилился, и была создана подлинная «полиция киберпространства», в послании подчеркивалось, что правящий режим преследует «подрывные сайты», блокирует их, перехватывает запросы в некоторые запрещенные сайты или послания политического и критического характера, разыскивает адреса прокси-серверов. Национальные и международные правозащитные организации утверждают, что власти регулярно атакуют электронную почту некоторых правозащитных организаций. Согласно сообщению в 2005 г. на одном правозащитном сайте, МВД использует 500 «Интернет-полицейских» для просмотра электронной почты⁹. 10 декабря 2003 г. был принят закон о борьбе с терроризмом. Официально этот закон направлен против «подстрекательства к ненависти или расовому или религиозному фанатизму, какие бы средства ни использовались подстрекателями». Интернет

также является одним из этих средств. Власти используют закон о борьбе с терроризмом против своих политических противников и правозащитников.

Подъем Интернета в Тунисе отмечается с 1998 г. Расширение доступа объяснялось как потребностями образования, здравоохранения, экономики, научных исследований, так и стремлением сократить отставание Туниса от других стран в использовании Интернета. Согласно ВОЗ, 49% сферы здравоохранения зависит от обмена информацией¹⁰. В мае 1998 г. цена подписки на Интернет была сокращена более, чем на 50%, в мае 1999 г. – еще на 30%¹¹. С 2001 г. начала осуществляться программа «семейный компьютер», которая предусматривала субсидирование цен на компьютеры. Однако цены все же оставались довольно высокими даже для семей со средним уровнем доходов.

Интернет все шире используется в различных сферах тунисского общества. С 2002 г. действует Тунисский виртуальный университет, один из 13 университетов в стране. Этот университет должен обеспечить равные возможности для получения высшего образования, непрерывность и совершенствование качества подготовки, содействовать распространению дистанционного образования и развитию сотрудничества с зарубежными вузами. Было принято решение о создании виртуальной начальной и средней школы. Согласно официальным данным, в 2003 г. 100% высших учебных заведений и средних школ были подключены к Интернету. Однако организация «Репортеры без границ» критически относится к этому утверждению. Она подчеркивает, что на факультете права Тунисского университета в 2003 г. имелись всего 15 компьютеров¹². Существуют Национальная университетская сеть, сеть ЭДУНЕТ, соединяющая колледжи и лицеи, Национальная сеть исследований и технологии, Национальная сеть сельского хозяйства, включающая образовательные и исследовательские учреждения, Национальная сеть здравоохранения, охватывающая различные медицинские учреждения, региональные и сельские больницы, местные администрации здравоохранения. Осуществляются совместные тунисско-французские проекты в области телемедицины, сочетающей Интернет и телевидение. Согласно Давосскому докладу об информационных технологиях, опубликованному в Женеве 26 марта 2007 г., Тунису отводится 35 место в мире и первое место в Африке в использовании этих технологий (в классификации «The Networked Readiness Index»).

ness Index 2006–2007» (NRI), которая оценивает влияние ИТТ на развитие и конкурентоспособность) – перед Катаром (36 место), Таиландом – (37 место), Италией (38 место). Из 122 стран в списке Дания, Швеция и Сингапур занимают соответственно 1, 2 и 3 места. Среди остальных стран США, например, занимают 7 место (раньше они занимали 1 место), ОАЭ (единственная арабская страна, опережающая Тунис) – 29 место, Индия – 44 место, Турция – 52 место¹³.

Тем не менее, как показал опрос студентов, проведенный в 2003 г., они по-прежнему сталкиваются с некоторыми трудностями в использовании Интернета. Первый ограничительный фактор – это финансовый. 40% опрошенных полагают, что все еще довольно высокая стоимость оборудования является основным препятствием для приобретения и использования компьютера. Программа «семейный компьютер» оказалась недостаточно эффективной. «Семейный компьютер» по цене 1 тыс. динаров остается предметом роскоши. Цены для студентов-абонентов Интернета и на компьютеры для их семей остаются все еще малодоступными. 33% студентов констатируют, что у них нет времени для работы на компьютере. Это является следствием того, что в своей «частной» жизни, в которой они располагают свободным временем, они не имеют в своем распоряжении компьютер. Второй фактор имеет прикладной, практический характер. Треть опрошенных испытывают определенные проблемы с доступом к Интернету. Например, Школа экономики и коммерции в столице насчитывает более 4 тыс. студентов и 150 преподавателей. У нее в наличии 60 компьютеров, расположенных в трех залах, и лишь 5 компьютеров, подключенных к Интернету, которыми имеют право пользоваться только преподаватели и студенты третьего курса. Более 20% студентов жалуются на низкую пропускную способность Интернета в Тунисе, что мешает в работе и не стимулирует подписку. Третий фактор – недостаточная подготовленность студентов к работе в Интернете. Четверть студентов сетует на свое плохое знание английского языка, а 20% – на сложность Интернет-технологий¹⁴.

Интернет-кафе

В октябре 1998 г. государство начало осуществлять «проект Интернет-кафе», который преследует две цели: сделать Интернет доступным на всей территории страны и создать рабочие места для молодых университетских выпускников. Реа-

лизуя этот проект, власти последовали примеру Египта, Иордании, Марокко и некоторых других арабских стран, где уже давно существуют подобные заведения. В конце года в Тунисе появились первые Интернет-кафе, чаще называемые «Publienet». Молодым предпринимателям, открывавшим такие публичные Интернет-центры, предоставлялись гранты, покрывавшие 50% стоимости оборудования, остальные 50% расходов должны были покрываться за счет банковских кредитов под низкий процент. В марте 2000 г. шестьдесят Интернет-кафе воспользовались этим¹⁵. Согласно тунисскому статистическому отчету, опубликованному в ноябре 2003 г., в Тунисе насчитывалось 300 Интернет-кафе¹⁶. В Марокко, для сравнения, в 2004 г. действовали 1500 таких заведений¹⁷ (население в Марокко в три раза больше, чем в Тунисе). По количеству Интернет-кафе в 2001 г. на 1 тыс. жителей Тунис (0,03) значительно уступал двум соседним странам – Алжиру (0,08) и Марокко (0,07). Час использования Сети в Интернет-кафе стоил в 2001 г. в Марокко 0,6 долл., в Тунисе 1,5 долл., в Алжире 1,6 долл.¹⁸ При этом по ВВП на душу населения в 1999 г. Тунис (2 144 долл.) заметно превосходил Алжир (1 442 долл.) и Марокко (1218 долл.)¹⁹.

Интернет-кафе имеют в Тунисе свои особенности. В каждом из них можно увидеть портрет президента Бен Али, а под ним надписи: «Открывать дисковые накопители строго запрещено. Не трогайте параметры конфигураций. Доступ к запрещенным сайтам невозможен». Мониторы в залах расположены так, что их экраны находятся в поле зрения администратора. Это должно препятствовать доступу пользователей к запрещенным сайтам. В одних Интернет-кафе у клиентов требуют предъявить удостоверение личности, а в других – сообщать свои имена и адреса. Владельцы заведений обязаны ежемесячно предоставлять властям списки своих клиентов. Полицейские в гражданской одежде регулярно заходят в Интернет-кафе и знакомятся с журналами посещений, позволяющими проследить маршруты пользователей в сети Интернета. Компьютеры снабжены регистрационными устройствами, обеспечивающими связь Интернет-кафе с ТАИ, откуда служащие ТАИ могут наблюдать, какие сайты посещают пользователи Интернета.

Интернет-кафе, как следует из «Исследования о влиянии опыта Интернет-кафе в Тунисе», подготовленном в рамках Программы развития Организации Объединенных наций (ПРООН) и

опубликованном в декабре 2002 г., расположены на территории Туниса неравномерно, что позволяет говорить о географическом разрыве. Заведения, по данным на июль 2002 г., размещались в крупных городах и главных городах вилайетов, или губернаторств. Они почти отсутствовали в небольших городах и сельской местности. Интернет-кафе располагались больше в прибрежных, чем во внутренних районах. В прибрежных районах сосредоточено 70% населения страны и 90% Интернет-кафе. В регионе Большого Туниса (вилайеты Тунис, Ариана и Бен Арус) проживает 25% населения страны, но находились более 55% Интернет-кафе²⁰.

В упомянутом исследовании пользователи Интернет-кафе составляют следующие возрастные группы: 20–24 года (32% всех пользователей Интернет-кафе), 16–19 лет (27%), 25–35 лет (16%) моложе 15 лет (10%). По роду деятельности пользователей Интернет-кафе авторы исследования группируют их так: студенты (34% всех пользователей Интернет-кафе), лицеисты (28%), работающие по найму (20%), ученики колледжей (11%). По уровню доходов, выделяются следующие три группы: служащие и преподаватели средней школы (47%), рабочие и пенсионеры (31%), свободные профессии и руководители (22%)²¹. Сравнительно небольшой удельный вес групп в возрасте 25–35 лет (16%), работающих по найму (20%) и свободных профессий и руководителей (22%) объясняется тем, что эти группы имеют возможности подключиться к Интернету через компьютеры дома или на работе. Женщины составляют 40% клиентов Интернет-кафе. Это не означает их дискриминации, если учесть стимулирование правящим светским режимом активности женщин в общественно-политической жизни общества. Характерно, что в утренние часы женщины составляли 47% посетителей Интернет-кафе, а вечером, то есть в часы пик, всего 25%²², что, возможно, объясняется загруженностью по дому и т.п.

О качестве работы Интернет-кафе и ограничениях в них можно судить по рассказу посетителя из небольшой группы русских туристов, побывавших в Тунисе осенью 2005 г. В отеле, где они остановились, было Интернет-кафе, но цены оказались довольно высокими: 6 динаров за первые 20 минут и 10 динаров за час в целом. К сожалению, подключиться к Интернету можно было лишь через местный компьютер, но не через ноутбук, который был у туристов и подключение через который администрация запретила. Туристы нашли рядом другое

Интернет-кафе. Кстати, таблички «Publinet», как правило, невыразительные, видно, чтобы найти было труднее. Цена – 3 динара за час. Им разрешили использовать ноутбук, но связь неоднократно прерывалась. Когда русские расплачивались, то цена оказалась в два раза выше: 3 динара они заплатили, если бы работали на местном компьютере. На другой день они отправились в Сус в поисках Интернет-кафе, взяв с собой ноутбук. Им с трудом удалось найти по цене 2 динара за час. Через 5 минут освобожденный компьютер, но по техническим причинам так и не удалось поработать. В другом заведении подключиться через ноутбук также не удалось. В конечном счете, туристы отказались от попыток использовать ноутбук²³. По всей видимости, администрация была заинтересована в том, чтобы туристы не смогли использовать ноутбук; иначе она лишалась возможности контролировать действия клиентов.

Проект Интернет-кафе, несмотря на его недостатки и ограниченность, значительно расширил доступ населения к Сети. Эти заведения пользуются большой популярностью среди молодежи. В часы пик молодым людям приходится ждать в очереди порой по три часа, причем у монитора находятся два-три человека, которые таким образом экономят денежные средства²⁴.

Электронная коммерция

Во второй половине 90-х годов усилилась активность в области электронной, или онлайн-коммерции (ЭК). Как отмечается на одном из русских сайтов, «вслед за крупными компаниями, производящими компьютерное оборудование в Сеть стали выходить торговцы традиционными товарами... Электронная коммерция – это ускорение большинства бизнес-процессов за счет проведения их электронным способом. В этом случае информация передается напрямую к получателю, минуя стадию создания бумажной копии на каждом этапе. Термин ЭК объединяет в себе множество различных технологий, в числе которых электронный обмен данными, электронная почта, Интернет, интранет (обмен информацией внутри компании), экстранет (обмен информацией с внешним миром)»²⁵.

В середине 90-х годов государство обратило особое внимание на ЭК. Она рассматривается им как одно из важных средств экономического роста. В ноябре 1997 г. была учреждена комиссия для изучения проблемы ЭК. Комиссия представила доклады со своими рекомендациями в ноябре 1998 г. и

в марте 1999 г. В мае 1999 г. были начаты шесть пилотных проектов в области ЭК. В середине мая 1999 г. власти приняли решение по стимулированию ЭК. В декабре того же года парламенту был представлен проект закона об ЭК. Палата депутатов приняла его в июле 2000 г.

Все больше тунисских фирм оказывают услуги в области ЭК, охватывающей широкий спектр тунисских товаров, включая сельскохозяйственные продукты, текстильные изделия и услуг туризма. В 2000 г. около 30% тунисского экспорта попадало под категорию товаров средней и высокой технологичности²⁶. Для стимулирования нового способа торговли было введено особое средство платежа – электронный динар. Число сайтов с электронными платежами и для электронных сделок неуклонно возрастает: в частности, с 32 в 2001 г. до 42 в 2002 г., а электронных сделок соответственно с 3 592 до 19 141. Объем электронного товарооборота составил в 2002 г. 692 тыс. динаров, из них 627 тыс. электронных динаров, а платежи в размере 65 тыс. динаров были осуществлены карточками. Однако размах ЭК в Тунисе все еще незначителен, как и в других развивающихся странах (в 2003 г. на страны Африки и Ближнего Востока приходилось менее 1% мировой ЭК). Впрочем, во всем мире в 2003 г. ЭК составляла 5% всей торговли²⁷. В конце 90-х годов объем продаж в США через Интернет составил лишь 2% от общего показателя²⁸. В первом квартале 2003 г. объем электронных продаж составил 1,5% всех продаж в этой стране²⁹.

Тунисское законодательство об Интернете

Основным законодательным актом, регулирующим Интернет в Тунисе, является декрет, от 22 марта 1997 г.³⁰ Он последовал после декрета более общего характера о телекоммуникационных услугах от 14 марта 1997 г. Декрет состоит из следующих положений:

Каждый провайдер должен назначить администратора, который берет на себя ответственность за содержание веб-страниц и сайтов, размещаемых на его серверах (ст. 9, § 3). Пользователи Интернета и те, кто имеет сайты и серверы, также несут ответственность за нарушение закона (ст. 9, § 4);

Каждый провайдер обязан ежемесячно представлять список подписчиков Интернета государственному оператору (ТАИ) (ст. 8, § 5); если провайдер закрывает свое предприятие или

прекращает оказание услуг, он должен незамедлительно передать государственному оператору полный комплект своих архивов, так же как средства их чтения (ст. 9, § 7);

Администратор должен осуществлять постоянный надзор за контентом на серверах провайдера, чтобы не допустить сохранения в системе информации, противоречащей общественному порядку и нравственности – те же самые выражения содержатся в ст. 62 Кодекса о прессе;

Запрещается шифрование без предварительного согласия властей;

Контракты, которые абоненты заключают, получая услуги ТАИ, еще более ужесточают правительственный контроль. Пользователи должны подписаться под положением о том, что они будут использовать Интернет только для решения научных, технологических или коммерческих задач, которые непосредственно связаны с деятельностью клиента в строгом соответствии с действующими правилами.

В договоры включены также следующие обязательства клиентов:

Показывать ТАИ все счета, которые были открыты для пользователей, и указывать тех лиц, которые имели к ним доступ;

Препятствовать доступу к сети ТАИ внешних пользователей, у которых нет разрешения ТАИ;

Сообщать ТАИ о любых изменениях относительно адреса, обслуживания и пользователя.

ТАИ сохраняет за собой право приостанавливать свои услуги без предупреждения, если использование абонентом Интернета противоречит условиям договора.

Как видно, власти получают возможность подвергать строгой цензуре содержание страниц и сайтов, ограничивают возможности подписчиков в использовании Интернета. Среди арабских стран, как указывают критики правящего режима Бен Али, в Тунисе наиболее жестко и подробно регламентировано использование Интернета.

Телекоммуникационные технологии: мобильная телефония

Тунис достиг заметного прогресса в развитии мобильной телефонии к 2005 г. по сравнению с 2000 г. Если в приведенной ниже группе стран в 2000 г. он занимал шестое место, то в 2005 г. уже второе, что следует из данных, приведенных ниже.

Таблица 3

**Динамика распространения мобильных телефонов
в ряде стран в соотношении с численностью населения (%)**

	2000 г.	2005 г.
Алжир	0,3	41,5
Египет	2,1	18,4
Иордания	7,7	28,9
Ливан	22,6	27,7
Марокко	8,2	39,4
Тунис	1,3	56,3
Турция	23,6	59,6

Источник: International Telecommunication Union 2006 (ITU) // www.alertnet.org/db/cp/algeria.htm?v=facts; ITU 2006 // www.alertnet.org/db/cp/egypt.htm?v=facts; ITU 2006 // www.alertnet.org/db/cp/jordan.htm?v=facts; ITU 2006 // www.alertnet.org/db/cp/lebanon.htm?v=facts; ITU 2006 // www.alertnet.org/db/cp/morocco.htm?v=facts; ITU 2006 // www.alertnet.org/db/cp/tunisia.htm?v=facts; ITU 2006 // www.alertnet.org/db/cp/turkey.htm?v=facts ITU 2006 //

Распространение мобильной телефонии отчасти связано с допуском частных операторов в этот сегмент ИТТ в 2002 г. Весной 2006 г. началась приватизация государственной компании «Тунизи Телеком». 27 апреля был подписан контракт о продаже 35% этой компании консорциуму из Дубая³¹.

Развитие мобильной телефонии способствует созданию новых рабочих мест, росту ВВП. Мобильный телефон стал неотъемлемой частью жизни тунисцев. Он является важным средством развития бизнеса. Согласно некоторым опросам, использование мобильного телефона увеличило прибыли респондентов на четверть. 62% респондентов полагают, что такая связь помогла сократить расходы на транспорт, сделав ненужными некоторые поездки³². Как показали многочисленные исследования в телекоммуникационном секторе в ряде стран в 90-х годах, существует бесспорная взаимозависимость между прогрессом в этой области и экономическим развитием вообще. В частности, исследование в Тунисе показало, что инвестирование в телекоммуникационный сектор приносило в среднем 18% дохода от вложенного капитала (average financial rates of returns) и экономическую прибыльность (эффективность) (economic returns) в пределах 20–50%³³.

«Разрывы» в области ИТТ

В области ИТТ существует определенная неравномерность использования и распространения. ИТТ больше охватывают крупные города, чем остальную территорию страны. Это касается как старых ИТТ (стационарная телефония, факс), так и новых (Интернет, мобильная телефония). Квалификационный разрыв выражается в несоответствии между возросшей сложностью ИТТ и подготовкой их пользователей, это касается даже студентов вузов. Возрастной разрыв выражается в том, что старшему поколению труднее овладеть современными ИТТ. Молодежь, по сравнению с ним, испытывает гораздо меньше затруднений при использовании мобильных телефонов и Интернета. Неравенство в доходах приводит к социальному расслоению. Требуется значительные финансовые средства для достижения высокого уровня подготовки, технической оснащенности (компьютер, принтер, сканер). Наконец, и в области ИТТ дает себя знать неравенство между мужчинами и женщинами. Согласно докладу МОТ о занятости в 2001 г., лишь в скандинавских странах и США преодолен этот разрыв. В то же время женщины составляли 38% пользователей Интернета в Латинской Америке, 25% в ЕС, 19% в России, 18% в Японии и всего 4% на Ближнем Востоке и в Северной Африке³⁴. Даже в некоторых развитых странах существует значительный перепад. В 2004 г. относительное число пользователей Интернета среди мужчин и женщин составляло в Италии соответственно 41,7% и 21,5%, Испании 46,4% и 27,2%³⁵. В докладе МОТ отмечается, что существует неравенство в оплате труда между теми, кто имеет подготовку в области ИТТ, и теми, кто ее не имеет. Это неравенство отмечается также в сфере самих ИТТ, например, по гендерному признаку³⁶. Тунис выгодно выделяется на этом фоне: гендерный разрыв в нем меньше, чем в других арабских (и не только) странах. В Тунисе женщины составляют 40% пользователей Интернета (и 30% обладателей мобильных телефонов). 10-й план социально-экономического развития Туниса (2002–2006 гг.) предусматривал создание условий для перехода к информационному обществу, обучение новым профессиям, связанным с ИТТ, усиление роли женщин в развитии науки и техники. Все больше девушек получают подготовку в циклах ИТТ: 28% в 2000 г., 36% в 2001 г., 37,2% в 2002 г., 39,3% в 2003 г., 49% в 2004–2005 учебном году. Однако в 2003 г. среди учащихся вузов, специализирующихся в ИТТ,

женщин насчитывалось лишь 25,5%. Так же обстоит дело в области технических наук и некоторых дисциплин в точных науках (математика, информатика и другие), после изучения которых выпускники вузов могут работать в сфере ИТТ. В 2004–2005 учебном году студентки составляли 33% учащихся, специализировавшихся по техническому профилю³⁷.

* * *

Внедрение в Тунисе новых ИТТ, в первую очередь Интернета и мобильных телефонов, способствовало развитию как экономики (повышение эффективности, ускорение деловых операций, увеличение прибыли), так и социальной сферы (позитивное влияние на развитие здравоохранения, образования, на научные исследования, отношения между людьми). Как показал Давосский доклад в марте 2007 г., Тунису отводилось почетное для него 35 место по степени влияния информационных технологий на развитие и конкурентоспособность. Тунис успешно экспортирует программное обеспечение. Он достиг заметного прогресса в увеличении нормы распространения мобильной телефонии.

Однако по проникновению Интернета Тунис отстает от некоторых стран Северной Африки и Ближнего Востока, в частности соседнего Марокко. Правящий режим был заинтересован в использовании Интернета ради прогресса в социально-экономической сфере и не проявлял особого интереса к росту численности пользователей. Ситуация как будто изменилась к середине первого десятилетия XXI в. Представители «Хьюмен райтс уотч», посетив Тунис в 2005 г., констатировали, что больше не чинится препятствий при подключении к Интернету. Однако сохраняются социальный и географический разрывы, препятствующие расширению аудитории Интернета.

Интернет сам по себе является чисто техническим средством в руках правящих кругов и организаций гражданского общества. Однако некоторые полагают, что Интернет служит мощным рычагом укрепления демократии. Себастьян Канве (видный специалист по праву в области Интернета, профессор Университета Пуатье и Парижа-Икс-Нантерра) заявил в одном интервью, что Интернет способен произвести коренной переворот в том, что касается демократии. По его мнению, «впервые в истории человечества изолированный индивидум с жал-

ким портативным компьютером и телефонной линией может соперничать по степени влияния с многонациональной корпорацией или даже с государством!»³⁸ Думается, он явно переоценивает возможности Интернета. Валентин Лакамбр (Франция, член группы «Во папье», разместивший в Интернете бесплатный сайт <altern.org>), по существу солидаризировался с С.Канве и тоже гиперболизировал возможности Интернета: «Посмотрите на то, что происходит в Марокко: пятьдесят лет тому назад все телефонные линии прослушивались. На прессу был надет намордник. Но «веб» все перевернул вверх дном, предоставляя возможность открыто высказаться»³⁹. На самом деле, все объясняется более мягкой формой авторитаризма в Марокко, тем, что и пресса здесь более свободна по сравнению с Тунисом, и, как отмечали марокканские пользователи, власти не ограничивают доступ к Интернету и не подвергают цензуре контент⁴⁰. Кроме того, Интернет может использоваться не только демократическими силами, но и правящим авторитарным режимом и радикальными организациями гражданского общества, в частности, экстремистскими исламистскими организациями*. Мишель Эрве (Франция, мэр г. Парфёнэ) по существу выразил несогласие с предыдущими высказываниями С.Канве и В.Лакамбра: «Интернет—это лишь коммуникационная технология: сам по себе он не является демократическим»⁴¹.

Авторитарные режимы имеют несколько путей установления контроля над сегментами Интернета в своих странах. Первый – ограничение продажи компьютеров. Второй – ограничение доступа к Интернету. Третий – цензура. Власти могут осуществлять цензуру еще до появления сообщения или статьи

* Существует множество определений понятия «гражданское общество». Автор разделяет мнение некоторых политологов о том, что сразу можно отказаться от тех, в которых ставится знак равенства между гражданским обществом, с одной стороны, и демократией. Во-первых, гражданское общество – это социальное явление, а демократия – политическое. Во-вторых, если априори гражданское общество отождествляется с демократическим обществом, то термин гражданское общество становится избыточным. Гражданское общество – это объективная реальность, оно существует и при авторитарном режиме, и в определенной степени (в подавленном, деформированном состоянии) даже при тоталитаризме.

в Интернете – в том месте, где предположительно могут подготавливаться материалы, в которых содержится критика в адрес режима. В Сети власти осуществляют фильтрацию контента, блокирование сайтов, отслеживают маршрут пользователя в Интернете, пытаются определить источник статьи или сообщения. Постоянно ведется поиск прокси-серверов, к помощи которых прибегают пользователи, чтобы избежать блокирования сайтов или своей идентификации. Власти, в свою очередь, создают сайты, публикации или сообщения, где дискредитируют своих оппонентов, создают ложные оппозиционные или правозащитные сайты, вводящие аудиторию Интернета в заблуждение.

И все же с течением времени и по мере роста численности пользователей Интернета правящему режиму Туниса все труднее реализовывать тотальный контроль над ним. Приходится в определенной мере считаться с мнением международных и региональных правозащитных организаций, арабской и европейской общественности, некоторых структур ЕС, критикующих внутреннюю политику Туниса. Тот факт, что в соседних странах – Алжире и Марокко, – как утверждают арабские источники, практически не существует цензуры в Интернете, также ставит тунисские власти в трудное положение.

Несмотря на запреты, цензуру и репрессии в области Интернета, он расширяет инструментарий организаций гражданского общества в их усилиях по политической либерализации и демократизации, хотя не следует преувеличивать его возможности. Пользователи имеют средства преодоления блокирования сайтов и анонимной передачи сообщений по электронной почте. Некоторые тунисские правозащитники признаются, что они используют Интернет, не опасаясь репрессий. По их мнению, власти знают об их существовании и позиции и могут арестовать их, вне зависимости от того, используют ли они Интернет или нет. Интернет позволяет оппозиционным деятелям, диссидентам и правозащитникам контактировать друг с другом, мобилизовывать международную поддержку, координировать свои усилия и не чувствовать себя изолированными и одинокими.

В целом, Интернет достаточно уверенно прокладывает путь к тому, чтобы превратиться в универсальное средство общения в Тунисе и создать крупные предпосылки для его превращения в открытое общество.

¹ Ithiel da Sola Pool. Technologies without Boundaries. – Cambridge, MA, 1990, с. 8.

² www.wedopedia.com/TERM/configuration.html

³ Exclusif. La nouvelle politique Internet de la Tunisie. Par Ferial Béji, DG de l'ATI // www.tunisieinfo.com/realites/856/spexclusif.html

⁴ Middle East Economy // www.mideastweb.org/economy.htm

⁵ The Arabic Network for Human Rights Information. The Internet In the Arab World: A new Space of Repression. Tunisia: The First, the Worst // www.hrinfo.net/en/reports/net2004/tunis.shtml

⁶ www.kitab.nl/2006/01/23/de-la-censure/

⁷ www.rsf.org/article.php3?id_article=10676

⁸ Les eurodéputés dénoncent la censure sur l'internet. Jeudi 6 juillet 2006. Source: Fr.news.yahoo.com //

www.pdpinfo.org/article.php?id_article=3582

⁹ www.kalimatunisie.com/html/num1/Internet.htm

¹⁰ Oum Kalthoum Ben Yassine, professeur à la Faculté des Sciences de Tunis et Présidente de l'association "Femme et Sciences". Les technologies de l'information et de la communication (TIC) et les femmes tunisiennes: enjeux et actions //

www.afkaronline.org/francais/archives/oct-nov2005/benhassine.html

¹¹ Promotion d'Internet et surveillance policière. ATI. Jeudi 5 septembre 2002, par Tunisie, reveille-toi! //

www.reveiltunisien.org/article.php3id_article=88

¹² Reporters sans frontières. Internet sur surveillance // www.rsf.org/article.php3?id_article=10676

¹³ Davos Report on Information Technologies Published in Geneva on March 26, 2007. The Networked Readiness Index 2006–2007 Rankings // www.weforum.org/pdf/gitr/rankings2007.pdf

¹⁴ www.tn.undp.org/Les%20Nouvelles%20Technologies%20de%201%27Information%20et%20de%201a%20Communication%20en%20Tunisie.pdf

¹⁵ The Publinet Project // www.tunisiaonline.com/internet/publinet.html

¹⁶ www.hrinfo.net/en/reports/net2004/tunis.shtml

¹⁷ Cyber cafés bring true information to Moroccan people. Commentary by Mohammed Ibrahim. September 26, 2005 // www.vaosoft.com/forum/index.php?showtopic=96

¹⁸ Etude sur l'Impact de l'Expérience PUBLINET en Tunisie. Décembre 2002. UNDP, с. 30–31 //

www.tn.undp.org/LesPublinetsenTunisie.pdf

¹⁹ Information and Communication Technologies (ICT) in Africa – A Status Report. UN ICT Task Force "Bridging the Digital Divide in the

21st Century. Presented to the Third Task Force Meeting. United Nations Headquarters 30 September – 1 Oct. 2002. Prepared by Mike Jensen // www.unicttaskforce.org/thirdmeeting/documents/jensen%20v6.htm

²⁰ Etude sur l'Impact de l'Experience PUBLINET en Tunisie. Decembre 2002. UNDP, с. 15–16 // www.tn.undp.org/LesPublinetsenTunisie.pdf

²¹ Etude sur l'Impact de l'Experience PUBLINET en Tunisie. Decembre 2002. UNDP, с. 18–20 // www.tn.undp.org/LesPublinetsenTunisie.pdf

²² Etude sur l'Impact de l'Experience PUBLINET en Tunisie. Decembre 2002. UNDP, с. 20–21 // www.tn.undp.org/LesPublinetsenTunisie.pdf

²³ Это сохраненная в кэше Google копия страницы <http://helpix.ru/articles/tunis/internet.html>, записанная 4 фев. 2007.

²⁴ Etude sur l'Impact de l'Experience PUBLINET en Tunisie. Decembre 2002. UNDP, с. 13 // www.tn.undp.org/LesPublinetsenTunisie.pdf

²⁵ www.netlavka.ru

²⁶ ALLAGUI Anis, MANSOUR Nizar, TOUZANI Mourad. Moving toward a knowledge and information society: The Tunisian experience // www.potsdam.edu/content.php?contentID=C362EDA28385251E21DEEE9F7C5BA602

²⁷ Programme des Nations Unies pour le Developpement. Bureau de Tunis. Diffusion des technologies de l'information et de la communication et fractures numeriques en Tunisie:constats preliminaires. Rapport rédigé par Adel BEN YOUSSEF, Raouchen METHAMEM, Hatem M'HENNI. Mai-2004 // www.tn.undp.org/Les%20Nouvelles%20Technologies%20de%20I%27Information%20et%20de%20Ia%20Communication%20en%20Tunisie.pdf

²⁸ Родионов А.А. Социальность виртуальности. Социальное содержание современных Интернет-технологий и перспективы управления общественным развитием. М., 2001, с. 152.

²⁹ <http://usa.usembassy.de/economy-ecommerce.htm>

³⁰ The Internet in the Mideast and North Africa: Free Expression and Censorship // www.hrw.org/advocacy/internet/mena/tunisia.htm

³¹ www.internetworldstats.com/af/tn.htm

³² www.tunisiaonlines.com

³³ Dawn, the Internet edition. <http://DAWN.com>. October 17, 2005. Ramzan 12, 1426. Teledensity and economic growth. By Muhammad Arif Sargana // www.dawn.com/2005/10/17/ebr13.htm

³⁴ Organisation internationale du travail. Communication. Communiqués de press. Rapport sur l'emploi dans le monde 2001: La situation de l'emploi s'améliore, mais la fracture numérique semble ineluctable. 24 janvier 2001. (BIT/01/03) //

www.ilo.org/public/french/bureau/inf/pr/2001/03.htm

³⁵ <http://newsroom.ucla.edu/page.asp?ReINum=4849>

³⁶ Organisation internationale du travail. Communication. Communiqués de press. Rapport sur l'emploi dans le monde 2001: La situation de l'emploi s'améliore, mais la fracture numérique semble ineluctable. 24 janvier 2001. (BIT/01/03) //

www.ilo.org/public/french/bureau/inf/pr/2001/03.htm

³⁷ Oum Kalthoum Ben Yassine, professeur à la Faculté des Sciences de Tunis et Présidente de l'association "Femme et Sciences". Les technologies de l'information et de la communication (TIC) et les femmes tunisiennes: enjeux et actions //

www.afkaronline.org/francais/archives/oct-nov2005/benhassine.html

³⁸ L'internet renforce-t-il la démocratie? Par Jean-François Paillard, Newbiz. Le 30/10/2000 //

www.perspectivestunisiennes.net/pol/01net.htm

³⁹ L'internet renforce-t-il la démocratie? Par Jean-François Paillard, Newbiz. Le 30/10/2000 www.perspectivestunisiennes.net/pol/01net.htm

⁴⁰ The Internet in the Mideast and North Africa: Free Expression and Censorship. Morocco //

www.hrw.org/advocacy/internet/mena/morocco.htm

⁴¹ L'internet renforce-t-il la démocratie? Par Jean-François Paillard, Newbiz. Le 30/10/2000 //

www.perspectivestunisiennes.net/pol/01net.htm

ГИДРОПРОЕКТЫ НА ТЕРРИТОРИИ ИРАНСКОГО КУРДИСТАНА

С 90-х годов иранские власти проводят амбициозную программу осуществления многочисленных гидрохозяйственных проектов. За это время сооружено или сооружается более сотни водохранилищ общей вместимостью десятки кубических километров, десятки проектов находятся в стадии подготовки. При этом реализация значительного количества проектов предусмотрена в рамках Четвертого плана социально-экономического развития Ирана (2005–2010 гг.).

В настоящее время иранские власти весьма активно эксплуатируют водные ресурсы Иранского Курдистана. Гидроресурсы на территории Ирана, как известно, распределены крайне неравномерно. Основная их часть сосредоточена на западе страны, главным образом на территории этногеографического Курдистана¹. Остальная часть страны (например, Центральный Иран) испытывает ощутимый дефицит гидроресурсов. В связи с этим планируется осуществить их переброску из Курдистана в другие, в основном центральные, районы страны.

В конце апреля 2002 г. губернатор провинции (остана) Курдистан объявил, что на территории провинции ведутся интенсивные исследования, предваряющие строительство трех больших плотин для переброски «излишков воды из западных частей провинции Курдистан в соседние провинции». По словам губернатора, эти работы были начаты в 1993 г. Государство выделяет на осуществление этого проекта кредит в 10 млрд. риалов. После строительства плотин около 2,6 млрд. куб. м из водных ресурсов провинции будут направляться в соседние провинции через 120-километровые тоннели и 400-километровые каналы².

Планируется также переброска вод реки Карун и притоков реки Дез с территории курдских районов провинции Хузистан в

провинции Керман (Карун) и Кум (Дез). В июле 2004 г. в г. Рафсанджан провинции Керман было начато строительство завода по производству стеклопластиковых труб. Строительство этого завода, осуществляемое за счет инвестиций иранских и саудовских фирм, является составной частью проекта переброски вод притоков реки Карун в пустынные районы уезда Рафсанджан провинции Керман. Проектная мощность завода составляет 45 тыс. т стеклопластиковых труб диаметром 2000 мм. Ввод завода, на котором будут заняты 250 человек, в строй планируется в 2007 г., стоимость проекта составляет 325 млрд. риалов (около 38 млн. долл.). В рамках проекта будут построены специальные туннели общей длиной 56 км, основной трубопровод длиной 384 км и вспомогательные оросительные водоводы и каналы длиной 400 км. Сооружение туннелей обойдется в 7 трлн. риалов (около 0,8 млрд. долл.). Этот проект – крупнейший в иранской государственной программе переброски вод из зон с избыточными запасами воды в засушливые районы страны.

В октябре 2004 г. губернатор провинции Кум заявил, что готовность гидротехнических сооружений проекта переброски притоков реки Дез в шесть городов центральных районов страны составляет более 20%. За три года объем инвестиций в этот проект достиг 542 млрд. риалов (около 60 млн. долл.), в 2004 г. на эти цели было выделено еще 300 млрд. риалов (34 млн. долл.). В рамках этого проекта будут построены горный туннель длиной 50 м, 170 км водоводов до города Кум и водохранилище Куче – Али емкостью 205 млн. куб. м.

8 декабря 2005 г. в г. Шахре-Корде заместитель министра энергетики Ирана по вопросам водных ресурсов заявил, что провинция Чахармахаль и Бахтиария имеет огромные запасы воды. Это позволяет ей не только обеспечивать внутренние потребности, но и снабжать пресной водой провинцию Хузестан и районы Центральной пустыни. Министерство энергетики Ирана одной из важнейших задач считает «рациональное использование» и переброску части воды из одних районов в другие.

Иран планирует также экспортировать «излишки» водных ресурсов Иранского Курдистана, в частности, в страны Персидского залива (в Кувейт). Как заявлял в декабре 2003 г. министр энергетики Ирана, страна может экспортировать ежегодно около 1 млрд. куб. м воды.

Иранские власти придают большое значение строительству на территории Курдистана водосборных сооружений. Во время своего визита в остан Курдистан в августе 2000 г. президент Ирана М.Хатами подчеркнул важность строительства плотины Бане (завершено в 2003 г.) и резко критиковал местных чиновников за неспособность предотвратить лишнюю трату водных ресурсов³. Строительство плотины Бане было начато в 1999 г., проектируемый объем воды – 9,54 млн. куб. м, а стоимость строительства в 2000 г. оценивалась в 110 млрд. риалов. Как заявлял управляющий директор западного отделения Национальной водной организации, строительство плотины Бане имеет целью удовлетворение средне- и долгосрочных потребностей региона⁴.

На встрече с депутатами иранского меджлиса, представляющими «западные провинции» (курдские провинции Курдистан, Керманшах, Илам и Луристан, а также некурдский Хамадан), в конце сентября 2003 г. президент ИРИ подтвердил, что приоритетом властей в этих провинциях является использование водных ресурсов и предотвращение их нерационального расходования⁵.

Как сообщал в начале марта 2003 г. первый вице-президент Ирана, в провинции Курдистан ведется строительство шести плотин, объем водных накоплений которых составит 1,2 млрд. куб. м. Кроме того, проводятся исследования в связи со строительством еще 8 плотин.

1 июня 2006 г. в уезде Биджар остана Курдистан была введена в эксплуатацию плотина Талвар. Примечательно, что, выступая на церемонии ввода в эксплуатацию этой плотины, заместитель министра энергетики ИРИ отметил, что водохранилище Талвар является важным национальным проектом, так как обеспечивает орошение сельскохозяйственных угодий. При этом «проект имеет особое значение для провинции Курдистан, которая **испытывает нехватку источников пресной воды** (курсив мой – Н.М.)». Губернатор провинции Курдистан также отметил дефицит воды в Курдистане, в частности, «**острую нехватку качественной питьевой воды** (курсив мой – Н.М.)» в уездах Биджар и Корве⁶.

Таким образом, иранские власти совершенно откровенно признают, что провинция Курдистан, являясь одним из богатейших водными ресурсами регионов Ирана, на территории которой осуществляются многочисленные проекты, направ-

ленные на переброску воды за пределы провинции, испытывают острую нехватку воды.

Примечательно, что из плотины Талвар по специальному водоводу основная часть воды будет направляться в Хамадан (т.е. за пределы Курдистана). В связи с острой нехваткой воды в уездах Биджар (где, собственно, и сооружена плотина) и Корве «администрация провинции предлагает увеличить квоту провинции Курдистан в общем объеме воды, которая будет направляться по специальному водоводу из водохранилища Тальвар в Хамадан»⁷. Таким образом, почти вся вода из курдистанского (биджарского) водохранилища должна поступать в Хамадан, а Курдистан (в частности, Биджар) должен пытаться получить квоту на воду из водовода, «выводящего» воду из Курдистана.

Это свидетельствует о том, что фактически все гидрохозяйственные проекты иранских властей на территории этногеографического Восточного (Иранского) Курдистана направлены в первую очередь на эксплуатацию природных ресурсов Курдистана, использование этих природных ресурсов для улучшения социально-экономического положения не местного (курдского) населения, а жителей других (некурдских) провинций. Подобный подход подтверждает, что иранские власти относятся к Курдистану не как к обычной части страны, а как к традиционной «внутренней колонии».

Анализируя иранские гидрохозяйственные проекты в Курдистане, можно констатировать почти полное их сходство с турецкими. При концентрации основных водных ресурсов Турции на территории Северного Курдистана и осуществлении на его территории многочисленных гидрохозяйственных проектов Турецкий Курдистан испытывает дефицит воды и электроэнергии, которые направляются в некурдские (центральные и западные) районы Турции.

Особое значение иранские власти придают развитию гидроэлектроэнергетики, осуществляя амбициозную программу увеличения электроэнергетических мощностей. По состоянию на 2004 г., совокупные мощности всех электростанций Ирана составляли почти 40 тыс. МВт, при этом ежегодное увеличение мощностей равняется 3–4 тыс. МВт. Между тем, лишь гидроэнергетический потенциал составляет около 25 тыс. МВт, или 60 млрд. кВт·ч в год. Предполагается, что к 2020 г. мощность всех иранских ГЭС составит как раз 25 тыс. МВт, что эквива-

лентно 25% совокупной мощности всех иранских электростанций. Большая часть гидроэлектроэнергетического потенциала приходится на юг Иранского Курдистана, в частности, на р. Карун и ее притоки – около 20 тыс. МВт. Карун берет начало на севере провинции Фарс, в курдском уезде Мамасани, чуть южнее административного центра провинции Кухгулуйе и Бойерахмад – города Ясудж, далее течет на северо-запад по восточной части провинции Кухгулуйе и Бойерахмад, юго-западу провинции Чахармахаль и Бахтиария, курдским уездам провинции Хузестан, поворачивая далее на юг к Ахвазу и затем к Персидскому заливу.

В 2004 г. на иранские ГЭС приходилось лишь около 2 тыс. МВт, или 7% совокупных электроэнергетических мощностей страны.

Наиболее масштабные иранские гидропроекты осуществляются на реках Карун, Дез и Кархе на юге Иранского Курдистана, особенно в курдских районах провинции Хузистан.

Карун является крупнейшей рекой страны (более 900 км), пересекает значительную часть южной части Иранского Курдистана и давно уже рассматривается иранскими властями в качестве источника электроэнергии. Изучение энергетического потенциала реки было начато в шахском Иране в 1969–1971 гг. американской компанией *Harza* в сотрудничестве с иранской фирмой *Farmanfarmaeian*. В результате этих исследований в 55 км от г. Месджеде-Солейман (и в 270 км от центра провинции Хузистан – г. Ахваз) было начато строительство ГЭС Шахид Аббаспур, приостановленное в 1976 г. После этого была начата проработка проектов Карун-II, Карун-III и Карун-IV.

В 1995–2000 гг. было завершено строительство одной из крупнейших в стране ГЭС – Шахид Аббаспур (другие названия – Месджеде-Солейманская ГЭС, Карун-I) мощностью 1000 МВт (4 турбины по 250 МВт). Стоимость проекта составила почти полмиллиарда долларов. Ежегодное производство электроэнергии этой ГЭС может достигать почти 4 млрд. кВт-ч. Площадь водохранилища – 55 кв. км, а объем его водных ресурсов – 3,1 куб. км. Плотина Шахид Аббаспур, высотой 170 м, кроме производства электроэнергии, позволяет орошать 40 тыс. га сельскохозяйственных земель, а также обеспечивает контроль над стоком р. Карун. На ГЭС в Месджеде Солейман установлена крупнейшая в Иране турбина весом 536 т. Ежегодно этот проект приносит Ирану доход в 150 млн. долл.

Почти завершено строительство плотины и ГЭС Карун-III, расположенной в 28 км севернее административного центра уезда Изе (провинция Хузистан), в 120 км от плотины Карун-I вверх по течению реки. В конце 2004 г. началось заполнение водохранилища, а с начала 2005 г. – поэтапный ввод в строй восьми энергоблоков мощностью 250 МВт каждый. Первые два блока электростанции, строительство которой осуществлялось силами иранских специалистов, были введены в эксплуатацию в начале марта 2005 г. Ввод в строй всех энергоблоков этой ГЭС состоялся в 2006 г. Ирану строительство этого объекта обошлось в 1,5 млрд. долл. При заполнении водохранилища, объем водных накоплений которого составляет 2,75 куб. км, будет затоплен участок дороги Изе – Шахре-Корд, в связи с чем будет построена объездная дорога и ведется строительство двух высотных (250 м) мостов над рекой Карун. Кроме того, уйдут под воду археологические достопримечательности и памятники культуры. Плотина Карун-III является самой высокой бетонной плотинной в Иране. Плотина и сооруженная на ней электростанция будут обеспечивать водой сельскохозяйственный сектор, а также производить ежегодно более 4,1 млрд. кВт-ч электроэнергии (ее стоимость будет равна 200 млн. долл.).

На реке Карун осуществляется также строительство плотины и ГЭС Карун-IV (провинция Чахармахаль и Бахтиария, уезд Лордеган, в 180 км к юго-западу от г. Шахре-Корд, в 55 км от Карун-III по верхнему течению реки) проектной мощностью 1000 МВт (4 блока по 250 МВт). Электростанция будет производить ежегодно почти 2,2 млрд. кВт-ч. По состоянию на февраль 2006 г. объем выполненных работ составлял более 40%. Высота плотины – 230 м, объем водохранилища плотины – 3,75 млрд. куб. м. Предполагается, что это водохранилище длиной 40 км, кроме орошения значительной части земель провинций Чахармахаль и Бахтиария и Хузестан, создаст также благоприятные условия для развития туризма и туристической инфраструктуры, а проект в целом обеспечит рабочими местами около 6 тыс. человек. Планируется, что этот проект, предварительная стоимость которого составляет чуть меньше 1 млрд. долл., будет реализован в 2010 г.

Кроме того, строятся также плотина и ГЭС Карун-II, между Карун-I и Карун-III в 53 км ниже по течению реки. Мощность ГЭС составит 1800 МВт.

Еще один крупный проект на территории Иранского Курдистана осуществлен на реке Кархе (длина этой реки – 755 км), в 20 км к северо-западу от городка Андимешк и в 25 км от города Дезфуль (провинция Хузестан), где построена крупнейшая и самая длинная плотина Ирана (6-я в мире) – плотина и ГЭС Дез. Эта плотина стала первой, сооруженной Ираном собственными силами. Исследования по этому проекту были начаты еще в 1956 г., а в 1986 г. *Mahab Qods Consulting and Engineering Co* начало строительство. Наполнение плотины началось в феврале 2000 г., а первый из трех блоков мощностью 133,3 МВт стал вырабатывать электроэнергию в августе 2002 г. Длина плотины – 3030 м, высота – 127 м. Площадь этого крупнейшего искусственного озера в Иране – 56 кв. км, а объем воды – 7,3 млрд. куб. м, которые используются как для производства электроэнергии, так и ирригации сельскохозяйственных земель. ГЭС может производить 934 млн. кВт-ч электроэнергии, а водохранилище орошает 370 тыс. га в провинциях Хузестан и Илам. Стоимость строительства достигла 1,025 трлн. риалов, а плотины – 2,545 трлн. риалов. Следует отметить, что строительство еще одной электростанции на р. Дез к северу от Дезфуля планирует Россия.

В 2001 г. производство электроэнергии на ГЭС Шахид Аббаспур составило 2792 млн. кВт-ч (рост по отношению к 2000 г. на 23%), на ГЭС Дез – 1883 млн. кВт-ч (рост по отношению к 2000 г. на 41%). Всего в 2001 г. в провинции Хузестан было произведено почти 18 млрд. кВт-ч. При этом потребление электроэнергии здесь составляет менее 0,8 млрд. кВт-ч.

Крупнейшие гидропроекты осуществляются также на притоке Каруна – реке Херсан (в провинции Чахармахаль и Бахтиярия, в уезде Лордеган, недалеко от ГЭС Карун-IV). Осуществляется строительство каскада из трех электростанций (Херсан-1, Херсан-2, Херсан-3) совокупной мощностью 3,5 тыс. МВт. В настоящее время начато сооружение ГЭС Херсан-3. Проект предусматривает строительство плотины высотой 180 м, водохранилища 0,8 млрд. куб. м и электростанции мощностью 1000 МВт. Предварительная стоимость проекта Херсан-3 превышает 0,5 млрд. долларов.

2 октября 2004 г. министр энергетики Ирана ввел на р. Марун в 19 км к северо-западу от г. Бехбехан (Хузистан) в строй первый из двух энергоблоков ГЭС и плотины Марун мощностью 75 МВт. Совокупная мощность ГЭС составит 150 МВт

(площадь водохранилища 25 кв. км, а объем воды – 1,2 куб. км). Водами этой плотины орошается 55 тыс. гектаров. Тогда же в Бехбехане в 4,5 км от основного водохранилища и ГЭС Марун было начато строительство вспомогательной деривационной ГЭС мощностью 10 МВт (2 энергоблока по 5 МВт каждый). Эта ГЭС, бетонная плотина которой будет иметь высоту 46,5 м и ширину 250 м, станет использовать излишки воды, сбрасываемые основной ГЭС Марун. Максимальный дебит воды может достичь 250 м³/с. Длина деривационного канала – 230 м, а емкость водохранилища – 5,19 млн. куб. м. Предварительная стоимость этого проекта, который предполагается завершить в 2007 г., оценивается 155 млрд. риалов (около 17,7 млн. долл.).

На территории к югу от Шуштера, который этногеографически является частью Иранского Курдистана, до востока Ахваза осуществляется Большой Карунский ирригационный проект, который предусматривает орошение 86 тыс. га и включает 4 проекта ирригации: равнины Шуштер – Мианаб, северо-востока Ахваза, равнины Шуштер Шойейби и Гаргара.

Аллахский и Марунский ирригационный проект на реках Марун и Аллах (приток р. Джарахи) орошает 81 тыс. га этногеографического Иранского Курдистана и включает 5 проектов: ирригацию равнин Бехбехан, Джаезан, Рамхормоз, Рамшир и Шадеган.

В феврале 2004 г. во время поездки в Гечсаран (провинция Кухгулуйе и Бойерахмад) президент Ирана Мохаммад Хатами открыл водохранилище плотины Коусар (район Хейрабад провинции Кухгулуйе и Бойерахмад, высота плотины – 144 м). Как сообщил министр энергетики Ирана, стоимость проекта, реализуемого с 1995 г., составила около 600 млн. долл. Объем водных ресурсов водохранилища, главная цель создания которого – удовлетворение потребностей в воде южной части Гечсарана, а также ирригация 2 тыс. га сельскохозяйственных земель, может достичь 480 млн. куб. м⁸. Пресная вода горного водохранилища из этого водохранилища подается также в Бехбехан (провинция Хузестан), а также в города Генаве, Дейлем и Риг (курдская северная часть провинции Бушир). Примечательно, что в настоящее время Генаве получает воду из курдского уезда провинции Фарс – Казеруна. Водоснабжение городов на юге страны в районе Персидского залива имеет большое значение для этих территорий и, по мнению властей, должно способствовать развитию уже существующих городов, а также возникновению новых населенных пунктов.

Во время поездки в Луристан президента Ирана в мае 2004 г. здесь было начато строительство трех водосборных плотин в Ившане, Камандане и Хоузиане. Плотина в Ившане позволит накапливать 520 млн. куб. м воды в год и орошать 54 тыс. га обрабатываемых земель. Плотина Хоузиан (уезд Алигударз) рассчитана на накопление более 31 млн. куб. м воды и орошение более 2 тыс. га. Плотина Камандан (уезд Азна) даст возможность сбора 28 млн. куб. м воды, обеспечивать водоснабжение в уезде Алигударз и орошать более 5 тыс. га сельскохозяйственных угодий в каманданской степи.

В сентябре 2004 г. в Салмасе (остан Западный Азербайджан) было начато строительство плотины «Дарик» (емкостью 21 млн. куб. м воды), стоимость которой – 240 млрд. риалов (28 млн. долл.). Плотина будет орошать 6 тыс. га посевных площадей.

13 февраля 2005 г. президент ИРИ при посещении провинции Курдистан открыл ГЭС Кавшан в провинции Курдистан (уезд Камиаран) проектной мощностью 11 МВт. В рамках этого проекта будет построено водохранилище объемом 550 млн. куб. м, плотина, водоводы систем орошения сельскохозяйственных земель (орошение более 33 тыс. га уезда Камиаран), сеть водоснабжения уезда Камиаран (10 млн. куб. м) и города Керманшах (более 60 млн. куб. м пресной воды в год). Стоимость этого проекта – 1 трлн. риалов (около 113 млн. долл.).

В феврале 2005 г. в районе города Чельгерд (в 86 км к западу от г. Шахре-Корд, провинция Чахармахаль и Бахтиария) была введена в строй ГЭС Кухранг мощностью 35 МВт. ГЭС Кухранг – самая высокогорная ГЭС в Иране (на высоте 2,3 тыс. м над уровнем моря) и единственная ГЭС в провинции Чахармахаль и Бахтиария, она будет вырабатывать ежегодно почти 130 млн. кВт·ч. Стоимость этого проекта – 350 млрд. риалов (почти 40 млн. долл.).

Сравнительно крупные водохранилища имеются и в провинции Западный Азербайджан: Барун, Букан, Мехабад и Хасанлу.

Из уже сооруженных средних и малых плотин и водохранилищ на территории этногеографического Иранского Курдистана можно отметить также следующие.

1. Водохранилище Барун на одноименной реке в уезде Маку (провинция Зап. Азербайджан). Плотина высотой 78 м и объемом 150 млн. куб. м построена в 1995 г.

2. Водоохранилище Хасанлу на р. Годар в уезде Нехеде (провинция Зап. Азербайджан). Высота плотины – 13 м, объем – 96 млн. куб. м. Плотина сооружена в 2000 г.

3. Мехабадская плотина на р. Мехабад (в Мехабате). Высота плотины – 47 м, объем – 330 млн. куб. м. Из водоохранилища осуществляется ирригация почти 20 тыс. га сельскохозяйственных земель, обеспечение питьевой водой г. Мехабата. С Мехабадской ГЭС электроэнергия поставляется в Мехабат, Салмас и Урмию (по ЛЭП напряжением 20 кВ).

Река Мехабат имеет два источника, формирующихся в Пираншаре и Сардаште. Впадает в оз. Урмия. Кроме Мехабадской плотины на р. Мехабат построена небольшая плотина в 8 км от Миандоба в местечке Юсоф-Канды (для ирригации).

4. Водоохранилище Шахид Каземи (Букан) на р. Заринэ в уезде Букан в 60 км от Саккыза (провинция Зап. Азербайджан). Высота плотины – 52 м, объем воды – 625 млн. куб. м. Плотина построена в 1971 г., обеспечивает питьевой водой Тавриз (155 млн. куб. м) и Саккыз (20 млн. куб. м), а также орошает сельскохозяйственные земли.

5. Плотина Вахдат (Гешлак) на р. Гешлак в 10 км от Сенендеджа. Высота плотины, построенной в 1983 г., составляет 83 м, объем – 224 млн. куб. м. Длина водоохранилища – 11 км, площадь – почти 1 тыс. га. Водоохранилище является одним из основных источников воды в провинции Курдистан, орошает 3 тыс. га сельскохозяйственных земель. Установленная мощность ГЭС Вахдат – 3 МВт.

6. Водоохранилище Заривар на р. Аб Заривар в уезде Мариван (провинция Курдистан) в 2 км от г. Мариван. Высота плотины – 11 м, объем – 97 млн. куб. м. Построена в 1995 г. Длина водоохранилища составляет 4,5 км, ширина – 2 км, средняя глубина – 3 м.

7. Плотина Чокахор на р. Чокахор (приток Каруна) в Буруджен (провинция Чахармахаль и Бахтиария). Высота плотины (построена в 1992 г.) – 13 м, объем – 45 млн. куб. м.

8. Плотина Нагхан на р. Алибад в уезде Ардал (провинция Чахармахаль и Бахтиария). Высота плотины – 13 м, объем 6 млн. куб. м. Построена в 1988 г.

9. Шах-Касем на р. Парикдун в Ясудже (провинция Чахармахаль и Бахтиария). Высота плотины – 42 м, объем водоохранилища – 9 млн. куб. м. Построена в 1996 г.

10. Плотина Илам (др. название Чам Гердалан) на р. Бар-Афлаб в городе Илам. Объем воды в водохранилище – 71 млн. куб. м.

11. Водоохранилище Ганджир (др. название Танге-Шамиран) (на р. Ганджир) в уезде Иван провинции Илам. Объем водохранилища – 18 млн. куб. м.

12. Водоохранилище Косар (др. название Тангедук) (на р. Хейрабад) в уезде Бехбахан (Хузестан). Объем воды в водохранилище – 580 млн. куб. м.

13. Водоохранилище Рамхормоз (Джаре) на р. Руде-Зард в уезде Рамхормоз (Хузестан), объем 180 млн. куб. м.

14. Водоохранилище Голбаладж в 15 км от Биджара на р. Озон. Объем водохранилища – 8 млн. куб. м.

15. Водоохранилище Сяхзах на месте слияния рек Сих и Каджоли в 4 км к юго-западу от Дивандарре. Объем водохранилища, орошающего 17 тыс. га, составляет 200 млн. куб. м.

16. Водоохранилище Гаран на р. Гаран в 10 км к юго-востоку от Маривана. Объем водохранилища, орошающего 10 тыс. га, составляет 92 млн. куб. м.

17. Водоохранилище Сангесях в Корве, в 35 км юго-восточнее Сенендеджа (объем воды 32 млн. куб. м). Орошает 3,6 тыс. га.

18. Плотина Ширак (провинция Курдистан), объем водохранилища – 74 млн. куб. м.

19. Небольшие плотины Баларуд (в Дезфуле) на реке Дезфуль (приток р. Дез), Бордже-Аяр (Шуштер) на р. Гергер (другое название плотины Саби-Кеш), плотина Халил-Хан (Месджеде-Солейман), Хода-Афарин (Шуштер) на р. Гергер (другое название плотины Махи-Базан), Мизан (Валериан) плотина в Шуштере на р. Карун.

20. На р. Ясудж построены две плотины – Ясудж-7 и Поле-Колу-1.

21. Деривационная плотина Талвар (на р. Талвар) в уезде Биджар провинции Курдистан, объем водохранилища – 500 млн. куб. м. Эта плотина введена в эксплуатацию 1 июня 2006 года.

Кроме того, в настоящее время на территории этногеографического Иранского Курдистана строятся следующие плотины:

– в провинции Западный Азербайджан – Ак-Чай (р. Ак-Чай) в Хое (предполагаемый объем водохранилища 180 млн. куб. м), окончание проекта намечено на 2007 г.; Шрачай (р. Шарчай) в Урмии;

– Сеймаре (др. название Хинимини) (на р. Сеймаре) в городе Илам, объем водохранилища – более 3,2 млрд. куб. м; Сазбон (на р. Сеймаре) в городе Илам с объемом воды в водохранилища 1,6 млрд. куб. м; Дойрадж (на р. Дойрадж, в районе Мусиан), объем водохранилища – 175 млн. куб. м, окончание проекта намечено на 2007 г.;

– в провинции Керманшах – Гилане-Гарб (на р. Гилане-гарб) в уезде Гиланегарб, объем – 28 млн. куб. м;

– в уезде Шуштер (Хузестан) плотина Шуштер (др. название Готванде Оля) на р. Карун, объем водохранилища – 4,5 млрд. куб. м;

– в Рамхормозе (провинция Хузестан) на реке Аллах с 2003 г. строится крупная деривационная ГЭС. Завершение сооружения объекта, стоимость которого составит 120 млрд. риалов (более 13 млн. долл.), планировалось в 2007 г. В результате завершения строительства и ввода в эксплуатацию плотины (высота 6 м, ширина – 216 м) будет обеспечено орошение более 22 тыс. га сельскохозяйственных угодий в долине р. Аллах;

– на р. Ясудж строятся четыре ГЭС – Поле-Колу-2, Кухдан, Карик-2 и Карик-3, проектная мощность которых составляет 10 МВт. Эти ГЭС вместе с двумя уже построенными ГЭС на р. Ясудж (Ясудж-7, Поле-Колу-1) образуют каскад ГЭС на этой реке. Водоохранилища будут использоваться также для орошения полей и разведения рыбы.

Кроме того, лишь в провинции Курдистан в настоящее время планируется строительство еще нескольких плотин (плотина Сонатэ на р. Хорхоре, плотина Суал на р. Газгазаре, плотина Амирабад на р. Амирабад, плотина Камиаран на р. Шахин, плотина Саккыз на р. Мархаз, плотина Але Дарре на р. Газель-зон).

В провинциях Луристан и Кухгулуйе и Бойерахмад, где имеются многочисленные горные реки, иранские власти планируют строительство множества малых ГЭС.

¹ К этногеографическому Восточному (Иранскому) Курдистану относятся следующие провинции Ирана: Западный Азербайджан, Курдистан, Керманшах, Илам, Чахармахаль и Бахтиария, Луристан, Кухгулуйе и Бойерахмад, а также семь уездов провинции Хузестан (Дизфуль, Бехбехан, Изе, Рамхормоз, Шуштер, Андимешк, Месджеде-Солейман), два уезда провинции Фарс (Казерун и Мамасани) и 2 уезда провинции Бушер (Генаве и Дейлем).

Следует отметить, что, за исключением первых четырех провинций, отнесение к этногеографическому Курдистану других перечисленных районов, в которых проживают луры и бахтиары, весьма спорно. Однако курдская историография считает луров в качестве субэтноса курдов. Численность луров, включая около 1 млн. бахтиар, составляет около 5 млн. чел. Основные районы расселения луров – провинции Луристан, Илам, Бахтиария, Кухгулуйе и Бойерахмад, север Хузистана и районы Мамасани и Курдшули провинции Фарс (племена мамасани). Племена мамасани проживают в основном в провинции Кухгулуйе и Бойерахмад, в т.ч. в столице провинции г. Ясудже. Важнейшими политическими и экономическими центрами лурского региона являются Хорремабад и Боруджерд. Некоторая часть луров до сих пор ведет кочевой образ жизни. Луры в большинстве своем шииты. Они занимают значительную часть Загросского региона. Восточная часть лурского региона населена преимущественно бахтиарами (Лур-е Бозорг), которые находятся в промежуточном положении между курдами и персами, однако с существенным персидским влиянием, а западная часть – собственно лурами, которые более близки к курдам. Примечательно, что луры и бахтиары имеют значительно большее сходство с курдами, нежели с персами в бытовом и хозяйственном отношении, образе жизни кочевых племен, а также относительно более свободном положении женщины.

² *Feasibility Studies Underway for Construction of 3 Major Dams.* // *Tehran Times*, April 30, 2002.

³ *Bill Samii.* Khatami in Kurdistan. // *Iran Report*, 21 August 2000, Volume 3, Number 32.

⁴ *President: All Must Enjoy Privileges of Life Under Islamic System.* // *Tehran Times*, August 07, 2000.

⁵ *Gov't reserves special status for western provinces.* // *IranMania.com*, September 30, 2003.

⁶ См. по: *Министерство энергетики ИРИ вынуждено обеспечивать импорт цемента для строительства плотин.* // www.iran.ru, 02.06.2006.

⁷ Там же.

⁸ См. по: *Iran's Petrochemical Revenues to Reach \$6b: Khatami.* // *Tehran Times*, February 25, 2004.